

Грета Раш

Демон в полдень

Грета Раш

Демон в полдень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57880618

SelfPub; 2020

Аннотация

Ресторан, кинотеатр, метро. В городе один за другим происходят взрывы, в результате которых гибнет большое количество людей. На первый взгляд, все взрывы – лишь несчастное стечение обстоятельств, но на поверку не все так просто. С просьбой о помощи на пороге главной героини появляется бывший напарник, с которым они не виделись больше года. И Серафима включается в игру. Саркастичная, озлобленная и уставшая девушка пытается разобраться в происходящем. Чутье суккуба подсказывает ей, что происходит что-то неладное. Государственный переворот? Гражданская война? Или нечто страшное и потустороннее готовится очнуться ото сна? Слишком много информации, слишком много ниточек торчит из клубка. Как из всего обилия подсказок вычленишь верные и не попасться на лживые уловки врагов, каждый из которых играет в свою собственную игру? Читайте в книге "Демон в полдень". Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	57
Глава 7	63
Глава 8	78
Глава 9	87
Глава 10	92
Глава 11	100
Глава 12	111
Глава 13	127
Глава 14	137
Глава 15	147
Глава 16	170
Глава 17	185
Глава 18	200
Глава 19	215
Глава 20	226
Глава 21	236
Глава 22	253
Глава 23	278

Глава 24	288
Глава 25	301
Глава 26	311
Глава 27	321
Глава 28	346
Глава 29	359
Глава 30	372
Глава 31	382
Глава 32	405
Глава 33	427
Глава 34	445
Глава 35	453
Глава 36	475
Глава 37	491
Глава 38	501
Глава 40	526
Глава 41	545
Глава 42	562
Глава 43	578
Глава 44	598
Глава 45	613
Глава 46	628
Глава 47	637
Глава 48	649
Глава 49	670
Глава 50	685

Глава 51

700

Глава 52

724

Она пахнет рок-концертом и пьет много кофе. Громко поет матерные песенки в душе и цитирует Святое Писание. Боится липких рук и бабочек. Она отдаст все за человека, которого сможет назвать другом. Но друзей у неё нет. Она уже давно потеряла веру. В себя, в людей, в мир вокруг. Она просто слишком много видела для девчонки своих лет. Сложись её судьба по-другому, не пойдя она дорогой боли и разрушений, все было бы иначе. И она была бы другой. Но вот полюбил бы я её, такую другую? Или она нужна мне только будучи самой собой, такой, какая есть здесь и сейчас: надломленная, озлобленная, не знающая меры ни в чем – ни в любви, ни в ненависти.

Да, я люблю её. И полюбил с того самого момента, как заглянул в эти зеленые глаза и увидел там отражение самого себя, своей души. Моя маленькая славная копия с ямочками на щеках. Их не видно, когда она сурово смотрит исподлобья, но, когда широкая улыбка наконец озаряет ее лицо, они проступают, словно солнце из-за туч.

Мы были знакомы большую часть её жизни. И вот сейчас она стояла передо мной, широко расставив ноги и демонстративно держа оружие в вытянутой руке. Сильная, яростная, бесстрашная. Современная амазонка, готовая к бою. С вызовом она смотрела на меня, всем своим видом давая понять, кто здесь главный, кто сейчас диктует правила игры. Я знаю, она шла к этому много лет. И вот сейчас, её планы

были близки к тому, чтобы осуществиться.

– Расскажи мне свою самую страшную тайну, – попросила она. И приставила к моему лбу пистолет.

Глава 1

Меня зовут Серафима, но все мои дальние и близкие знакомые зовут меня Фимой. Я – специалист по решению нестандартных проблем. Таких проблем, которые неминуемо влекут за собой чью-нибудь смерть. Бывают дни, когда я кого-то спасаю. Бывают дни, когда приходится кого-нибудь убивать. А бывают дни, такие как сегодня – когда я просто пью.

Я сидела в этом паршивом баре уже несколько часов, попивая коньяк и тупя пялясь в стенку напротив. Там не было ничего интересного, но смотреть на людей вокруг хотелось еще меньше, чем жить. Поэтому мой взгляд то и дело замирал на одной точке, а я чувствовала себя такой же мертвой внутри, как и тот таракан, которого я утром прихлопнула в своем номере в забытом Богом мотеле на окраине города. Количество людей в баре с каждым часом увеличивалось, к барной стойке, за которой я с таким комфортом устроилась, постоянно подходили все новые и новые клиенты. Одни пьяные компании сменялись другими, уровень шума рос посекундно. Бармен за последние полчаса уже трижды увеличивал звук музыки, и сейчас, находясь в непосредственной близости к её источнику, я уже не слышала даже собственных мыслей. С одной стороны, это было хорошо – в моих мозгах лучше не копать, особенно мне. А с другой – виски уже

начало ломить от боли. Я, конечно, склонна к саморазрушению, но голова – мое слабое место, даже я это признаю. А долгожданное опьянение так и не наступило, несмотря на то, что я самостоятельно успела уговорить литр "Jack Daniel's" под мануфактуру. То есть, выпила и рукавом занюхала. Не то, что бы у меня не было денег на закуску. Они есть. Сказать по правде, я даже точно не знаю, какая сумма восхитительно шуршащих бумажек числится на моем счету. Но нулей в этой цифре не меньше шести. Мои услуги, знаете ли, стоят очень дорого. Меньше, чем за двести тысяч я даже с кресла не встану. Но всегда находятся те, кто готов расстаться с приличной суммой. С тех пор, как изобрели деньги, жить в этом мире стало гораздо проще. А я всегда открыта для сотрудничества. Но не сегодня. Допив остатки обжигающего язык напитка со дна стакана, я громко стукнула им о стойку. Бармен, до сих пор сосредоточенно протиравший пивные бокалы, с недоумением взглянул на меня.

– Еще? – мне показалось или в вопросе явственно слышался подтекст: "Откуда же ты взялась на мою голову?". Милый мальчик, я бы тоже хотела знать ответ на этот вопрос.

– Нет, – я покачала головой, давая расслышать искреннее сожаление в голосе. Мне не хотелось уходить, не хотелось оставаться одной. Потому что, только находясь среди людей мне удастся сохранить те остатки адекватности, что еще есть. Главная трагедия моей жизни – то, что я ненавижу больше всего помогает мне выживать.

Я уже собралась встать и покинуть злачное местечко, как возле меня материализовалось нечто. Бородатое, взъерошенное, отекающее и, судя по запаху, неделю не мытое. Это существо, принадлежащее к мужскому полу, раздвинуло губы в подобии улыбки, блеснув тремя золотыми зубами и поразив отсутствием еще стольких же, и неопределенно хрюкнуло. Наверное, пыталось выглядеть соблазнительно. О его намерениях также явственно свидетельствовали маленькие мутные глазки, косящиеся куда-то в область выреза моей футболки.

Лениво развалившись на барной стойке, пришелец продемонстрировал мне мохнатую, как у гориллы, грудь, а заодно еще и четыре разных пятна на рубашке. Хлопнув рукой по моему плечу, из-за чего мне сразу захотелось переломать все кости в его вонючем рыхлом теле, он как-то судорожно подмигнул одним глазом и с неожиданным достоинством проронил:

– Скучаешь?

Меня замутило. Дернув плечом, чтобы сбросить с себя его лапу, я ответила:

– Не настолько.

Мутные глазки сошлись у переносицы, демонстрируя усиленную работу ума. Бедные его извилины, они никогда так усиленно не обрабатывали информацию.

– Чё? – через минуту рыкнул он, расправляя плечи.

– Чё слышал, – в той же манере ответила я. Я могла бы

много еще чего добавить, только смысла нет, эта обезьяна все равно не сможет оценить по достоинству.

– Эй, – приблизился к нам бармен. – Девушка не желает общаться. Возвращайся к друзьям.

Обезьяна окинула парня злобным взглядом, оценила высокий рост и крепкую статью противника, а также нож для резки фруктов в руках и сплюнув, удалилась.

– Не стоило, – повернулась я к парню. – Я могу за себя постоять.

– Говорит та, что вырядилась как шлюха, заявила в спорт-бар в пятницу и выхлестала почти литр вискаря.

– Во-первых, ты что, полиция моды? Во-вторых, не литр, а намного меньше. И в-третьих, сегодня пятница?

– Ты что, с неба упала?

Я пожала плечами.

– Можно и так сказать, – и в ответ меня одарили красноречивым взглядом, мол, только сумасшедших мне тут и не хватало. – Просто я в отпуске и слегка потерялась во времени.

– И не только во времени.

Я изобразила на лице немой вопрос.

– У тебя выражение лица такое, как будто ты ошиблась планетой, и теперь не знаешь, что делать дальше.

Я засмеялась и постаралась, что смех не звучал слишком наигранно.

– Просто день паршивый.

Тут наш разговор прервали. Одному клиенту захотелось пива, две нетвердо стоящие на ногах дамочки затребовали текилы, а еще одна стала приставать к парню с вопросами о составах коктейлей. Я не спешила уходить, вновь взяла пустой бокал и стала крутить в руках. Неизвестно, когда мне еще удастся поговорить с кем-то вменяемым, способным на что-то большее, чем невразумительное "э-э-э".

Наконец, бармен удовлетворил алкогольную жажду всех болезных и вновь подошел ко мне.

Я отдала ему стакан и попросила минералки.

– Чего так?

– На сегодня хватит, – поморщилась я. – Все равно не берет.

– Так, что у тебя случилось? – ненавязчиво поинтересовался он, доставая бутылку.

– Ничего, – вяло ответила я. – В том-то и дело, что ничего не случилось. Вообще.

– Ты странная, – заметил парень и улыбнулся. Улыбка у него была приятная, открытая. Наверное, именно так, дружелюбно (для мужчин) и мило (для женщин), надо выглядеть, чтобы работать в баре, куда люди приходят после тяжелого рабочего дня. Именно такому хочется раскрыть всю душу, выговориться, посмеяться и поплакать, в процессе заливая проблемы алкоголем и заполняя кассу на радость хозяину. Ведь за душевным разговором особо не следишь сколько, чего и из какой бутылки тебе налили, и где обманули. Владе-

лец этого места определенно не дурак, умеет подбирать персонал.

Не веди я кочевный образ жизни, словно бедуин в пустыне, то заглядывала бы сюда каждый вечер. Ну, или пару раз в неделю стабильно.

– А ты милый, – произнесла я и тоже улыбнулась. С мисс Вселенная мне не тягаться, но быть очаровательной, когда есть желание, я умею.

– Денис, – представился парень и протянул мне руку.

– Алиса, – назвала я первое пришедшее на ум имя.

– Ты местная? Я никогда тебя раньше здесь не видел, – он потянулся за полотенцем и начал протирать пивные кружки.

Сказать правду я не могла, а хамить не хотелось, ведь парень мне понравился, поэтому просто попыталась элегантно уйти от ответа.

– Недавно приехала. Дела по работе, – элегантно или нет, но уж как получилось.

– Командировка? – проявил парень чудеса сообразительности.

– Угадал, – усмехнулась я и сделала пару больших глотков минералки. – Работу сделала раньше срока и теперь у меня образовалось много свободного времени на ближайшие пару дней.

Я красноречиво посмотрела на парня. Он ответил мне не менее красноречивым долгим и неотрывным взглядом.

– Есть ручка и бумажка? – невинно взмахнула я ресница-

ми.

Денис кивнул и положил передо мной карандаш с блокнотом.

Я быстро черкнула свой телефон и адрес мотеля, в котором остановилась.

– Будет скучно – звони и заходи в гости, я умею радикально развеивать скуку.

– Не сомневаюсь, – он облизнул нижнюю губу, вырвал лист из блокнота и сунул в карман.

Я отсалютовала ему стаканом, допила воду и поднявшись, направилась к выходу, спиной ощущая взгляд моего нового знакомого.

Уже возле дверей я обернулась. Денис что-то объяснял низкорослому посетителю с объемным пивным пузом, нависающим над потертым ремнем.

Я глубоко выдохнула, прикрыла глаза и отключилась от окружающего мира, словно электроприбор, который выдернули из розетки, лишив питания. Через секунду пришло оно – знакомое с детства ощущение горячей волны, прокатившейся от макушки до пят. Медленно открыв глаза, я вновь взглянула на мир. Но уже другим, ментальным или, как его еще называют, внутренним взглядом. Бар тут же наполнился яркими красками и их оттенками, словно до этого я находилась внутри черно-белого фильма, который вдруг стал цветным и контрастным. Воздух как будто застыл, превратившись в некий физически осязаемый объект, чтобы ка-

кой-то безумный художник разукрасил его, брызнув акварелью. То, чем я в тот момент любовалась, являлось человеческой аурой. У каждого человека она своя, уникальная, как отпечатки пальцев – неповторимый набор цветов и соотношение оттенков. В зависимости от душевного и телесного состояния цвета могут быть ярче и глубже, когда человек испытывает положительные эмоции – чувство радости или удовлетворения. Или же становятся тусклыми и приглушенными, когда ему плохо, больно или грустно. Меня не интересовали остальные посетители, хотя весь бар плавал в алой и серо-голубоватой дымке, я смотрела исключительно на Дениса. Его аура переливалась бирюзовыми оттенками с влечением золотистых нитей. Редкий экземпляр, не зря ему так легко удается располагать к себе. Хороший мальчик, динамичный и уравновешенный, полный веры, чистоты и жизни. Жаль, но сегодня ему не повезло. Он встретил меня.

Глава 2

Я поймала такси и поехала в свой дешевый отель. Приняла душ, выпила двойной эспрессо из кофейного автомата. Совершенно гадкий, как на вкус, так и на запах. Но при отсутствии альтернативы выбирать не приходится. Лежа в постели, я долго листала музейный справочник, не пойми каким образом, оказавшийся в моих вещах. В начале второго ночи, понимая, что уже не усну, я накинула поверх длинной спальной футболки куртку и направилась покурить. Так как отдельные балконы в номерах предусмотреть забыли, а прокуривать комнату мне не хотелось, пришлось спускаться на первый этаж к запасному входу. Я уже чиркнула зажигалкой, устроившись под стеночкой в коридоре, когда в кармане завибрировал телефон. Взглянув на экран, я увидела незнакомый номер и засомневалась стоит ли отвечать. Но любопытство победило осторожность, и я приняла звонок.

– Да, – произнесла я недовольно.

– Алиса? – спросил приятный мужской голос. – Это Денис.

– Привет, – мурлыкнула я, тут же сменив гнев на милость. И низ живота тут же свело от предвкушения. Я уже знала, зачем он набрал мой номер. – Ты где?

– Я пришел по адресу, который ты мне оставила. Не знал, что это отель.

Я хрипло рассмеялась.

– А чего ты ожидал? Замок с башнями и дракона на привязи во дворе?

– Это вряд ли. Ты не похожа на принцессу, – хмыкнул парень. – Ты скорее злая ведьма из сказки про Русалочку.

– Я хуже, чем злая ведьма, – со всей уверенностью заявила я, затягиваясь дымом.

– Пытаешься меня запугать?

– Пытаюсь тебя заманить, – таинственно понизила я голос. – У меня получается?

– У тебя получилось еще там, в баре, – он помолчал, а потом спросил: – Я могу к тебе зайти?

– Да, если ты стоишь перед главным входом, то обойди здание справа и увидишь железную дверь. Буду ждать тебя там.

И отключилась, нащупав в кармане ключ от этой самой двери. Я позаимствовала его еще неделю назад, в первый день как заселилась. Никогда не знаешь, что может пригодиться. Старая привычка.

Я вставила ключ в скважину, дважды провернула и потянула на себя, чтобы тут же нос к носу столкнуться с моим ночным гостем. Его руки обхватили меня за талию и притянули к себе. Теплые мягкие губы нашли мои и взяли инициативу на себя. Искра между нами вспыхнула быстрее, чем разжигается костер. Золото в его ауре засветилось так ярко, словно я держала в руках само солнце. Мне даже не нужно

было перенастраиваться на другую волну, чтобы это увидеть.

С каждой секундой, с каждым прикосновением желание между нами разгоралось все сильнее и сильнее, мы уже почти перешли к той стадии, когда пора освобождаться от элементов гардероба. Но я призвала всю свою силу воли на помощь, чтобы остановиться. В список мест, где я хотела бы заняться сексом, не входил грязный порог третьесортной гостиницы с видом на заправку.

– Пойдем в номер, – прошептала я, взяла парня за руку и повела за собой.

Угомонились мы где-то под утро, романтично встретив рассвет и уничтожив к этому времени весь мой недельный запас алкоголя. Я уютненько устроилась на полу возле окна, практически закатившись под подоконник. Укуталась в одеяло и подоткнула под голову вместо подушки плюшевого монстра, которого выиграла в тире в первый день своего пребывания в этом городе. Монстр был чем-то средним между гориллой и медведем жуткого кислотно-салатового цвета. Мне бы никогда не пришло в голову подарить такое ребенку, но спать на Жутике, как я его обозвала, было очень удобно.

Я только-только начала засыпать, медленно погружаясь в сладкую алкогольную дрему, безмолвную и бессмысленную, как дверь в номер распахнулась, громко ударившись о стену. Судя по звуку, который словно кувалдой ударил по моему еще не проспавшемуся организму, кто-то выбил дверь, от души пнув её ногой. Я встрепенулась и попыталась выпутать-

ся из одеяла, в которое завернулась с головой словно в кокон. И борясь с постельными принадлежностями судорожно, сквозь туман в голове, пыталась вспомнить, куда запихнула пистолет и каковы мои шансы воспользоваться клинком, что лежал в пристегнутых в левой ноге ножнах.

Послышались уверенные и твердые шаги, определенно принадлежащие крупному мужчине в тяжелых ботинках. Чьи-то ладони вцепились в мои плечи с такой силой, что отчетливо захрустели суставы. Меня, вместе с одеялом и зеленым монстром приподняли, встряхнули, словно банку с огурцами, и поставили на ноги. После чего одеяло полетело в сторону, а я осталась стоять, прижимая к себе игрушку, пошатываясь и глупо шурясь.

Усиленно моргая, я надеялась, что пока буду приходить в себя меня не прикончат как котенка. И пьяным, плохо соображающим мозгом, лихорадочно просчитывала все возможные исходы стремительно развивающейся ситуации, решив, что пока не стоит особо резко не дергаться.

Когда предметы вокруг перестали двоиться и расплываться, а молчаливая фигура, стоящая передо мной, обрела очертания, я обреченно вздохнула, собрала глаза в кучку и посмотрела в лицо незваному гостю.

– Саша?! – удивленно икнула я и пошатнулась. Хотя, возможно у моей неустойчивости была другая причина – нельзя запивать коньяк шампанским.

– Привет, – мрачно ответил мой давний друг, засовывая

руки в карманы брюк.

– Что ты здесь делаешь? – глупо поинтересовалась я, начав с остервенением тереть глаза, надеясь, что стоящий передо мной мужчина всего лишь призрак из прошлого, явившийся ко мне из-за неумеренного и длительного пьянства.

– Спасая тебя от самой себя, – Саша с вызовом глянул в мою сторону и насмешливо искривил губы. Движение настолько привычное, знакомое и родное, что всякие сомнения в реальности происходящего просто испарились. Вот если бы так же легко испарился туман из моей головы. Она просто раскалывалась от боли, а перспектива общения со старым другом радовала так же, как и встреча с крокодилом на болоте. И отделаться от него будет гораздо труднее, чем от симптомов белой горячки. Лучше бы меня и в самом деле, пушной зверь посетил.

Я досадливо поморщилась, отбросила в сторону свой плюшевый трофей и решительно уперла руки в боки.

– Прозвучало как-то слишком пафосно.

– Пафосность – мой конек, детка, – еще шире усмехнулся Сашка и опустил глаза ниже. Тут я вспомнила, что стою в одном нижнем белье, да еще и в таком, которое создано не скрывать, а подчеркивать. Я могла бы покраснеть, смутиться и тут же прикрыться чем-нибудь. Да хоть тем же одеялом, которое комом валялось у моих ног. Но это ведь Санька. Мы с ним столько пережили. Было время, когда, являясь злейшими врагами, мы едва не поубивали друг друга. Он

даже подстрелил меня. А потом сам же залечивал мои раны. Совместно пережитые неприятности примирили нас, а некоторое время спустя мы стали напарниками. Ненависть друг к другу ушла, а её место заняли привязанность и доверие. Сложно не доверять человеку, который прикрывал твою спину от удара. Это то, что связывает один раз и навсегда. Это больше, чем любовь. Больше, чем дружба. Больше, чем семейные узы.

– Ты никогда не появляешься просто так, – простонала я, пытаюсь стоять как можно ровнее.

– Ты права, – кивнул Саша. – Для тебя есть работа.

– Я больше не работаю на Хасана, – меня аж передернуло от этого имени, ведь еще год назад я клялась, что более никогда не помяну этого дьявола всуе. – Я ушла в отставку и теперь сама по себе.

– Такие, как мы, в отставку не уходят. Мы живы до тех пор, пока остаемся в деле.

Я насторожилась.

– Он меня отпустил. У нас договор. Он отпускает меня, а я не трогаю его.

– Действие договора придется приостановить, – Алекс почесал бровь и как-то странно поморщился. – Это в твоих же интересах.

– Нет, – я помотала головой. – Я больше не хочу иметь с этим ничего общего. Я теперь простой гражданин этой страны, такая же, как все.

Саша снисходительно склонил голову.

– Ты пьешь. Беспробудно. Слоняешься из города в город.

Спишь с кем попало.

– С каких это пор тебя волнует мой моральный облик, а? – скривилась я.

Сашка брезгливо скривился и указал рукой в сторону кровати.

– Зачем тебе этот щеночек?

Я присмотрелась и увидела в ворохе простыней голую пятку сорок пятого размера.

– А, это..., – я замолчала, пытаюсь припомнить имя своего вчерашнего знакомого.

– Это пацан, которого ты сняла вчера в каком-то баре.

– Ты что, следил за мной? – задохнулся я от гнева такой силы, что даже чуть протрезвела.

– Нет, я просто знаю тебя.

Я закатила глаза.

– Ага. Слушай, знающий ты мой, шел бы ты отсюда. У меня, видишь, гости.

– Что, еще не всю текилу выхлестали? – он угрожающе сложил руки на груди и как-то разом стал занимать больше места.

– Я тебя умоляю, хорошей текилы в этом селе не найти, а пить тот стеклоочиститель, который они выдают за мексиканский напиток как-то не охота. У меня одна печень, и она отлично сочетается с другими моими органами.

Я подхватила со стула свои джинсы и футболку, и с деловым видом направилась в ванную комнату.

– А сейчас, извини, мне необходимо освежиться, – бросила я, перед тем, как закрыть за собой дверь.

– Не забудь волосы помыть, – в том же тоне ответил мне мой друг, – у тебя там что-то засохло.

Я со злостью захлопнула дверь. Потом обернулась и посмотрела на себя в зеркало. В нем отразилась мятая бледная недовольная морда с заплывшими маленькими глазками.

– Красавица, – оценила я свой внешний вид. И полезла в душ, искренне надеясь, что Алекс покинет меня не прощаясь. И мы больше никогда не встретимся вновь. Не то, что бы я не хотела с ним видеться. Но год назад наши дороги разошлись. Я ушла, он – остался. Мы оказались не просто по разные стороны баррикад, а по разные стороны миров. В его по-прежнему остались погони, перестрелки, охота, а также кровь, страх, боль и приказы вышестоящих, которым нельзя перечить. Моя же превратилась в один сплошной алкогольный марафон по околицам нашей безграничной Родины в надежде спать, наконец, по ночам спокойно. А не просыпаться каждый раз от собственных криков... Пока получается плохо. Но я работаю над собой.

Глава 3

Вернувшись в спальню, на ходу вытирая мокрые волосы полотенцем, я удостоилось чести лицезреть дорогого друга развалившимся в кресле и неотрывно глазающим на мирно спящего в моей кровати молодого человека. Блин, как же его зовут-то?

– Странно, что он жив, – нахмурился Сашка.

– А ты уже собрался помогать мне закапывать труп? – невинно поинтересовалась я, для достоверности хлопнув пару раз ресницами. Алекс, конечно же, не повелся, да и мне особо хлопать нечем.

– Я не против, если это будет стоимостью твоего возвращения.

– Во-первых, нет, я не вернусь. Во-вторых... – я замялась, не зная, как сформулировать фразу, – у нас не было... в общем, того, что ты подумал.

– Да я уж догадался, раз парнишка дышит. Но мог бы быть еще один вариант.

– Какой? – обернулась я к своему другу, зашвырнув полотенце в угол.

– Ты получила то, к чему так неистово стремилась, – в упор посмотрел на меня Саня и у меня возникло чувство как будто оказалась на пути у мчащегося поезда. Нехорошее такое чувство, холодной змеей шевелящееся в груди.

– Так ты пришел за этим? Проверить, что меня все еще можно использовать в своих целях?

Саша поднялся. Застегнул пиджак, поправил часы.

– Я рад, что ты не убила этого несчастного и он не стал твоим завтраком. Но также я вижу, что ты запустила себя. Я вижу, что ты голодна. И рано или поздно, но тебе придется острыми когтями в чью-нибудь невинную душу.

– Невинные в раю, – перебила я друга. – А мы давно уже варимся в адском котле. Здесь нет невинных.

– В любом случае, – не отреагировал на мои слова Сашка, – не сделав этого, ты умрешь, что будет весьма прискорбно, так как у меня имеются большие планы на тебя.

И мой бывший напарник двинулся к выходу.

– У тебя или у Хасана? – крикнула я ему вдогонку.

Сашка медленно повернул голову и произнес через плечо:

– Хасана больше нет. Теперь вместо него я.

– Как? – только и удалось произнести мне.

– Возвращайся домой. Пообщаемся и решим, что нам дальше делать.

Уже взявшись за ручку двери, которая после его вторжения покосилась и теперь болталась на одной петле, Саша вновь заговорил:

– Я прошу тебя вернуться только на одно дело. Потом ты вновь сможешь устроить из своей жизни балаган с бесконечными попойками. Но присоединиться к нам сейчас в твоих же интересах.

– Рассказывай, – сухо бросила я.

– Нет, – твердо отказался он. – Вернешься домой, тогда и поговорим.

– Я не вернусь, – упрямо заявила я, устраиваясь в кресле и закидывая ногу на ногу. – Но могу тебе помочь. Проконсультировать, так сказать.

– Мне твоя консультация нужна, как рыбке зонтик, – с неожиданной злостью заявил мой друг и, с силой ударив кулаков по двери, в два шага пересек номер, чтобы нависнуть надо мной. Вся его поза, тяжелый взгляд, который он вперил в меня и чуть срывающееся дыхание говорили о том, что парень на грани.

– Ты чего злющий-то такой? – демонстративно лениво зевнула я, равнодушно мазнув по его лицу взглядом. – Давно бабы не было или просто кризис среднего возраста наступил раньше положенного?

Он схватил меня за запястье и дернул на себя. Я едва слышно охнула. Наши лица оказались в непосредственной близости друг от друга. Я могла рассмотреть коричневые кольца радужки вокруг зрачков его глаз, почувствовать его дыхание на своей коже. При желании, я даже могла бы коснуться его губ. Очень интимное положение и очень зыбкая ситуация, итог которой весьма и весьма очевиден двум взрослым людям, не обремененным семейными обстоятельствами и много лет проработавшими бок о бок. Но мы уже давно миновали эту стадию. Да и Сашка – не самоубийца.

– Не забывайся, – прошипел мой друг и сильнее вывернул мне руку. Я лишь мысленно выругалась, продолжая поддерживать зрительный контакт. Нельзя показывать свою слабость. Нельзя демонстрировать свою боль. Эти установки были вбиты в подкорку моего сознания долгими принудительными тренировками. Нужно быть лучшей. Всегда. Самой сильной, самой смелой, самой наглой, самой хитрой. Покажешь свою слабость – погибнешь.

– Так, ты расскажешь мне, какого черта явился сюда? Чтобы испортить мне отпуск? – поинтересовалась я таким тоном, словно мы находились на приеме у английской королевы и вели милую светскую беседу.

Сашка резко выдохнул и, отпустив мою руку, отпрянул.

У меня тут же возникло желание потереть запястье, где кожа будто огнем горела, но вместо этого я потянулась к бутылке с остатками чего-то алкогольного:

– Будешь?

– Нет. И тебе не советую.

– Согласна, дрянь редкостная, – я сделала глоток и скривилась. – Ну, и? Переходи уже к сути, а то скоро наш прекрасный принц проснется. Ты же не хочешь познакомиться с моим новым другом?

– Главное, чтобы ты с ним не забыла познакомиться, – ухмыльнулся Сашка. – Надеюсь, ты хотя бы его именем поинтересовалась прежде, чем пить на брудершафт.

– На кой черт мне его имя, – пожалала я плечами, – мы же

не во дворце бракосочетания.

– Ну, да. Я забыл, кому это говорю.

– Ты говоришь это своему самому ценному члену команды, – с ехидством ответила я и взглянула на Сашку исподлобья. – Ради которого ты не поленился притащиться на другой конец страны.

– Да, ты мне нужна, – после недолгой паузы заявил Сашка и засмеялся, разведя руками в стороны. – Ты нужна нам. Всем, не только мне. После того, как ты ушла... многое изменилось. Прошу тебя, возвращайся.

– А смысл?

– Смысл есть. Слышала про взрывы газа в столице?

Я на мгновение замерла, а после резко подалась вперед.

– Да. А мы тут при чем?

– А то, – глаза Сашки хитро блеснули за стеклами стильных очков, придававших ему вид преуспевающего топ-менеджера какого-нибудь банка, а никак не главы специальной группы людей, в состав которой входила всякая шваль, тщательно собранная Хасаном по социальным помойкам нашей большой страны, – что это был не газ.

– Бомба? – предположила я.

– Нет, взрывного устройства вообще не было. Вернее, его следов не нашли. Вообще ничего не нашли.

– То есть...

– Да, – перебил меня Сашка. – Кто или что послужило катализатором взрывов – мы не знаем, но одно ясно точно

– это устроил не человек. Поэтому нам нужна твоя помощь. Что бы найти и выследить эту тварь.

Я смирила его холодным взглядом. Не очень-то приятно, когда твоих сородичей называют тварями, и еще менее приятно охота на них, но тем не менее, произнесла:

– Я в деле.

Глава 4

Поток ветра врывался в салон машины, играя моими распущенными волосами и неся в себе знакомые запахи – теплого асфальта, дорожной пыли, выхлопных газов и резины. Я в очередной раз отбросила с глаз прядь волос, заправила её за ухо и, устроив ноги на приборной панели, уставилась на Сашку. Одной рукой управляя рулем и пальцами другой сжимая сигарету, он уверенно вел по трассе новенький сверкающий джип.

– Неплохая машинка, – заметила я. – Кожаные сидения.

– Делали на заказ, – похвастался мой друг с самодовольной улыбкой. – К тому же, у этой крошки форсированный движок. По прямой она сделает даже гоночный болид.

– Тогда у меня два вопроса: не проще ли было уже перебраться на реактивный самолет, и кто твой спонсор? Откуда бабло на такие шалости?

Алекс затянулся и уставился на дорогу, которая была, кстати, совершенно пуста, что не удивительно, в пять утра – то в воскресенье.

– Ты мне тут не строй из себя мистера Загадочность, – фыркнула я и полезла на заднее сидение за солнцезащитными очками. – Если уж я вновь ввязываюсь в ваши делишки, то имею право знать некоторые подробности.

– Имеешь, – хмыкнул Сашка и вышвырнул окурок в окно.

– Так... на какого дядю с большой кепкой и пухлым кошельком ты теперь работаешь?

– Мы, – поправил меня Алекс. – Мы работаем.

– Тебе не видно, но под очками, – я указала на свое лицо, – я закатила глаза. Перестань играть в мастера семантики и начни уже отвечать на мои вопросы. Я знаешь ли, не отличаюсь особым терпением.

Сашка тяжело вздохнул.

– Знаешь, если бы ты не была так полезна в нашем деле, я бы уже давно свернул тебе шею.

– Знаю, – просто ответила я. И это было правдой. Мы оба знали, чем все закончится, и знание это зародилось в наших головах едва ли не в первую минуту знакомства – наступит день и один убьет другого. Меня это не удивляет. Меня это не пугает. Эта мысль настолько естественна и логична, и настолько легко воспринимается, словно я всю жизнь, с самого рождения жила с осознанием того, что Сашкино лицо станет последним, что я увижу при жизни. Он знает, что я не боюсь. А еще он знает, что выстрел именно моего пистолета может однажды оборвать и его жизнь. Ведь тот факт, что я не боюсь, не означает, что я не буду бороться за себя. – Рассказывай.

– После смерти Хасана, команду возглавил я.

– Команду, – фыркнула я. – После провальной операции прошло зимой почти никого не осталось.

– Да, кто-то погиб, кто-то ушел, – согласился Сашка с едва скрываемым раздражением. – Но мы набрали новый отряд.

– Кто бы сомневался, – проворчала я. – Новое пушечное мясо. Тем более, что уже подросло новое поколение.

– Не начинай, – поморщился он. – Я в курсе всех твоих претензий. Но ты сама виновата. Ты первая нарушила правила.

– Тупые правила, которые писались не для людей, а для роботов. А мы не роботы, – начала закипать я от злости. – Мы не можем ничего не чувствовать, ни о чем не думать, а просто слепо выполнять приказы.

– Можем, потому что ты – солдат, – резко оборвал меня Саша. – Тебя воспитывали и тренировали, как солдата. Тебя готовили к этой жизни. А знаешь, почему именно тебя? Потому что лишь немногие могут справиться с тем, что мы делаем. Лишь немногие способны, достигнув грани своих способностей, переступить и пойти дальше.

Он замолчал. Молчала и я. Лишь шум ветра и рев мотора продолжали исполнять свои партии.

– Ты была с нами, потому что никто не сможет делать то, что ты делаешь. Жить так, как ты жила каждый день. Именно поэтому ты смогла выжить. Поэтому ты стала практически легендой. Но правила одинаковые для всех. Даже для легенд.

– А я их нарушила, – завершила я самым ироничным тоном, на который была способна. – Давай уже подведем итог этой твоей пламенной речи. Я ошиблась, я поплатилась, я ушла. И, кстати, Хасан меня отпустил. Он пообещал мне, что я смогу жить так, как захочу и никто не посмеет мне мешать.

– Но не из любви к тебе он это сделал. А потому что уже знал, что ему не долго осталось сидеть в своем кресле и не хотел усугублять положение. Зачем ему еще один враг?

Саша многозначительно взглянул на меня.

– Хорошо, – махнула я рукой, – теперь ты главный. Ты собрал новый состав. Все отлично, все окей. Что дальше?

– Дальше новые горизонты.

Я театрально схватила за голову.

– Теперь мы работаем на правительство, – обыденным тоном заявил Сашка. Так, словно сообщал мне прогноз погоды на завтра.

– Что?! – подпрыгнула я на месте, словно ошпаренная кипятком кошка. Еще чуть-чуть и внезапно отросший хвост штопором завьется.

– Ты слышала, – спокойно продолжил Саша, глядя строго перед собой. – Наш офис теперь находится в одной из военных частей, расположенной в небольшом военном городке. Задания спускаются сверху, от главы ведомства. Только он решает, куда и когда отправить группу. Кстати, их теперь три. У каждой свой командир. А я координирую их работу.

– И паришь над ними, как большая заботливая орлица, – с наигранным восторгом пропела я. – И где ты набрал столько ребят?

– Не все из них набранные мной. Большинство ранее служили в спецподразделениях. Отличные парни, классные спецы.

– Я смотрю, ты не нарадуешься, – передернуло меня.

– Так растем же, чего грустить, – пожал плечами Сашка, покосившись на меня. – А что тебе не нравится?

– Все. Мне не нравится, что эти кабинетные воины от политики теперь вмешиваются в дела конторы. Мы всегда были автономными, независимыми. Мы всегда сами решали, куда и когда пойдем, и на чьей стороне будем выступать. А теперь, мы как кони в стойле – когда хозяин запряжет, тогда и покатим.

– Успокойся, – ледяным тоном приказал Саша. Я заткнулась и скрестила руки на груди. – Во-первых, мы больше не называем себя конторой. Мы говорим "центр", потому что официально называемся Автономной некоммерческой организацией Центр переподготовки кадров.

– Чудьненко, – оценила я, не скрывая сарказма.

– Заткнись, – все так же спокойно оборвал меня Саша. – Во-вторых, как ты думаешь, почему Хасан, здоровый сорокадвухлетний мужик, который не имел вредных привычек, хронических заболеваний и опасных хобби вдруг отдал богу душу?

Я задумчиво закусил губу. В этом друг был прав. Хасан не то, чтобы вел здоровый образ жизни, он едва ли не всеми силами хватался за любую возможность прожить как можно дольше. Сам себе готовил, спал по часам. Черт возьми, да он даже по бабам не гулял! Правильный до зубного скрежета во всем, что касалось его здоровья. И такой же дотошный во

всем, что касалось работы. Даже пальцы на допросах он ломал с академическим подходом и такой занудной рожей, что у меня кулаки чесались ему втащить. Маньяк хренов, ему и бригада лучших психиатров не помогла бы.

– А как он умер? – запоздало догадалась я спросить.

– Сердце остановилось, – мрачно ответил Саша.

– Вот так просто? – не поверила я.

– Вот так просто, – передразнивая меня ответил Сашка, а после многозначительно поднял вверх указательный палец. – И в-третьих, по сути, ничего не изменилось. Мы выполняем то, за что нам платят. Есть заказчик, есть заказ, есть сроки и условия выполнения работы.

– Какая прелесть! Ты только помни, – я опустила голос до злорадного шепота, – Большой Брат следит за тобой.

– Вот дура, – покачала головой Сашка, но я видела, что он с трудом удержал на лице серьезное выражение.

– Так, чего тебе надобно, старче? Ты до сих пор так и не раскрыл карты. Давай, просвети меня. За каким хреном я тащусь с тобой туда, не пойми куда.

– Ты не меняешься. Все с таким же удовольствием сквернословишь и демонстрируешь свой паршивый характер, – он резко крутанул руль, идя на обгон небольшого грузовичка, который в отличии от нас явно никуда не торопился.

– Значит так, с определенным успехом ты заговаривал мне зубы, – я взглянула на циферблат наручных часов, – последние четверть суток. Но если ты прямо сейчас не ответишь на

мой прямой вопрос прямым ответом – я выпрыгну из этой чертовой тачки, даже если мне придется выломать дверцу и отполировать своим лицом дорожное покрытие.

Мой голос был спокоен и непринужден, но Санек слишком хорошо меня знал, чтобы не поверить. А потому, он лишь крепче сжал руль, от чего костяшки его пальцев побелели. И начал рассказывать:

– В Восточной Столице произошла серия взрывов, которые повлекли за собой большие человеческие потери.

– Слышала об этом, – безразлично отреагировала я, обратно закидывая ноги на приборную панель. – Но не особо интересно.

– Ты что, последние три месяца провела в пещере?

– Нет, – всё тем же безмятежным тоном ответила я. – Я в отставке, забыл? Я не смотрю новости, не слушаю радио, не читаю газет...

– И не общаешься с людьми, – закончил за меня Саня.

– Нет, а зачем? – пожала я плечами.

– Что бы не одичать, как Маугли.

– Да нам вдвоем и так зашибись.

– Кому это "нам"? – заметно напрягся друг.

– Мне и Вселенной, – я воздела руки вверх, словно в молитве.

– Ты окончательно слетела с катушек, – констатировал Сашка.

– Нет, просто ты меня уже заколебал своими вопросами! –

вспылила я, устав от роли умалишенной барышни. – Так что там по терактам?

– Ничего обнадеживающего. Было уже три взрыва. Один в метро, один в торговом центре, один в кинотеатре. Все по одной схеме. Парни с абсолютно простой биографией устраивают мощные взрывы, тем самым убивая себя и еще кучу народа. Уже более тридцати погибших и ста раненных. В городе нарастает беспокойство. Народ боится из квартир выходить. Власти говорят о несчастных случаях. Средствам массовой информации вообще рот заткнули, запретив упоминать о взрывах вообще.

– Это все понятно, работают по старой схеме. Но при чем здесь ты, я и вообще контора? У нас же в стране есть организации по борьбе с терроризмом. Пусть они этим займутся.

– Ты не поняла, детка, – мягко произнес Сашка, взглянув на меня с высока. – Мы и они теперь – одно целое.

После такого заявления мне оставалось только сидеть, моргать и переваривать.

– А тебя приглашают присоединиться, потому что..., – друг глубоко вздохнул, словно перед прыжком в воду и скороговоркой закончил: – ...взрываются не бомбы. Источник взрыва...

– ...сам террорист, – спокойно закончила я за него.

– Да, – подтвердил Сашка, пару раз растерянно кивнув. – Ты когда-нибудь сталкивалась с... кем-то подобным?

Внутри меня словно все завибрировало. По спине прока-

тилась волна холода, а руки непроизвольно сжались в кулаки. Лишь пару мгновений спустя, слегка придя в себя, я поняла, что сцепила зубы настолько крепко, что заныли челюсти.

– Нет, – стараясь поддерживать видимое спокойствие ответила я, – никогда.

Мой друг, тем временем, продолжил делиться информацией:

– Наши эксперты установили – взрывчатки ни в одном из трех случаев не было, как и поражающих элементов. Понимаешь? Взрывного устройства не было, а взрыв был. Так что, кто бы ни стоял за всем этим, нам нужна твоя помощь. Потому что они не закончили. За третьим терактом последует четвертый, а потом пятый, шестой и так до бесконечности. Они продолжают убивать, если их не остановить. И сделать это должны мы. Ты. Потому что ты их понимаешь. Ты знаешь, как они думают, чем руководствуются.

– Не факт, – покачала я головой после недолгого размышления. – У вас нет никаких доказательств, что они не люди.

– Доказательств нет, – согласился Алекс, – но есть весомые подозрения.

– Расскажи мне о подрывниках. Все, что знаешь, – попросила я.

Сашка усмехнулся.

– Я предвидел твой интерес. Портфель на заднем сидении. В нем красная папка. Там все, что тебя интересует.

Я обернулась назад, обнаружила портфель, а в нем указанную папку. Вытащив её, распахнула и тут же погрузилась в чтение собранных досье на каждого из подрывников.

Глава 5

Первым, с кем пришлось заочно познакомиться, оказался Максим Викторович Крылов. Двадцать восемь лет, русский. Единственный ребенок в семье. Мать – Инга Олеговна Крылова, в девичестве Филатова, учительница русского языка и литературы. Отец – Виктор Павлович Крылов, механик в небольшом автосервисе. Биография у Максима Викторовича оказалась весьма банальная. Всё как у всех. Десять лет в средней школе, которую он благополучно окончил твердым троечником. Потом отрубил три года в училище с труднопроизносимым названием. Отгуляв выпускной, парень получил не самую востребованную профессию агронома. И, видимо, из-за трудной ситуации на рынке труда, вновь решил погрызть гранит науки, подавшись в автотранспортный техникум. Наверное, сказалось влияние отца. Еще два с половиной года Максим крутил болты и гайки, получая второй диплом. Став гордым обладателем еще одной рабочей профессии, он решил завязать с учебой и отправился работать. Следующие три года парень кочевал словно бедуин с одного места службы на другое. Где только не успел поработать: продавцом автозапчастей на рынке, помощником механика на станции технического обслуживания, охранником в ювелирном магазине, водителем такси, курьером, экспедитором в типографии и штукатуром в строительной бригаде. В об-

щем, помотало парня. Нигде он не задерживался дольше полугода и всегда уходил по собственному желанию. Тут же были приложены характеристики парня с мест, где он трудился. Формулировки везде разные, но общая картина одинаковая, четко вырисовывающая портрет Крылова как работника. Итак, он ответственный, но безынициативный. Добросовестный, но не амбициозный. Неконфликтный, но упрямый. Спокойный, но неразговорчивый, немного себе на уме. Вполне обычный парень, не блещущий талантами, но и не дурак. Таких сотни каждый день по улицам ходят. По идее, его давно должны были забрать в армию, беречь Родину, но то ли нашлись хорошие знакомые, то ли у парня действительно было плоскостопие, как указали в выписке из медицинской карты. В общем, частью вооруженных сил парнишка не стал.

Последние три года своей жизни Крылов, поражая удивительной стабильностью, проработал на местном заводе по производству пойла которое лишь по случайному недоразумению называется вином. Уволился с предприятия за неделю до своей гибели.

– Опять по собственному желанию, – вслух произнесла я, размышляя.

– Там все не так просто, – хмыкнул Сашка.

Я подняла на него взгляд, всем своим видом выражая недоумение.

Но он не спешил с ответом, демонстрируя мне свою фир-

менную надменно-снисходительную улыбку.

– И? – не выдержала я. – Поделишься с классом, потому что здесь, – я потрясла стопкой бумаг, – ничего нет.

Саша широко усмехнулся.

– Потому что эту информацию я узнал сам.

– Да говори уже! – прикрикнула я.

– Парня заподозрили в воровстве. Якобы он каждый день выносил с завода чуть ли не десятки литров вина. Хотя лично мне это кажется сомнительным.

– Почему? – недоуменно заморгала я, собрав листы в одну стопку и начав обмахиваться ими на подобии веера.

– Потому что на заводе есть служба собственной безопасности. Охрана на проходной, личный досмотр при выходе и камеры через каждые два метра понатыканы. Предприятие небольшое и не особо прибыльное, но за порядком там следят. Когда Крылову предъявили обвинения, он ничего отрицать не стал, но и доказывать свою невиновность тоже не рвался. Просто написал заявление по собственному и в тот же день покинул рабочее место.

– То есть, ты думаешь, парня "ушли"? – уточнила я, почесав в затылке.

– Уверен. Поговорил я там с одной барышней, и она рассказала мне кое-что любопытное.

Я не сдержалась и громко фыркнула.

– Да кто бы сомневался, барышни к тебе вообще не ровно дышат. А ты без зазрения совести используешь это в свою

пользу.

Санька сверкнул своей белозубой улыбкой, которая, как мне по опыту известно, обезоруживающе действует на всех дам от шести до шестидесяти. Точнее, они просто начинают валиться с ног и прямо в объятия нашего соблазнителя.

– И что поведала тебя сия нимфа?

– Что Крылова повысили, как раз за пару месяцев до увольнения. Был простым рабочим, стал мастером.

Я собрала глаза в кучку у переносицы.

– Мастер – это кто?

– Скажем так, в цепочке руководителей, мастер – замыкающий, – со знанием дела пояснил Сашка. – Это маленький такой, но уже начальник. Так сказать, первая остановка социального лифта.

– Так, – попыталась подытожить я, – и когда Крылов уволился, кого-то должны были назначить на его место. Верно?

– И назначили, – усмехнулся уголками губ Алекс, – паренька, который работал с Крыловым и которого всему научил. Моя собеседница тонко намекнула, что паренёк тот мутный и характера весьма дрянного.

– То есть, вполне мог начальника подсадить, – протянула я.

– Ловишь слету, – похвалил Сашка. – Крылова обвинили на основании какой-то одной мутной видеозаписи и показаний свидетелей. Но я сумел достать то видео. На нем вообще не видно лица, а только спину в черной толстовке с ка-

пюшоном, брошенным на голову. Да и съемка происходила в темное время суток. По сути, это мог быть кто угодно, но так как к видеозаписи пристегнули еще слова кого-то из сотрудников, то высокое начальство долго думать не стало и Крылову просто указали на выход, а на его место посадили его же собственное протеже. Кстати, у них практически одинаковый рост и телосложение. Ночью со спины вообще не отличить.

– Крылов, наверняка, дураком не был, – сделала я вывод. – То есть, хоть и ушел молча, но вполне мог догадываться кому должен сказать "спасибо". И настроение у него по идее должно было быть прескверное.

Я закусила губу и задумалась. Сложившаяся ситуация вполне могла свергнуть парня в состояние депрессии. Или наоборот, подстегнуть к каким-либо активным агрессивным действиям. То есть, состояние погибшего на момент совершения взрыва могло быть весьма нестабильным. Люди в таком настроении очень легко поддаются постороннему влиянию. Не нужно быть гением, чтобы направить подавленного человека по кривой дорожке. Именно на таких людей, внушаемых и управляемых, охотятся мошенники, преступники и сектанты.

Я вернулась к изучению бумаг.

– А через неделю после увольнения, двенадцатого марта он спустился в метро, постоял некоторое время на перроне и вошел в вагон, который до следующей станции уже не до-

ехал. Взрыв прогремел в двенадцать часов ровно.

– Да, не час пик, но людей было много. Все погибшие – молодые ребята. Эта ветка метро как раз проходит мимо университета. В вагоне были практически одни студенты, возвращавшиеся с учебы.

– Интересно, – пробормотала я, – на основе чего он выбирал место и время?

– Не факт, что выбирал он.

– Но кто-то же выбирал. Хотя, есть малая доля вероятности, что он случайно оказался именно там и именно в это время.

– Ты в это веришь? – скривился Сашка.

– Нет, я вообще не верю в случайности, – я сверилась с бумагами. – Поблизости места взрыва нет ни одного адреса, связанного непосредственно с Крыловым. То есть, если он и оказался на данной станции случайно, то это может значить только одно – он бесцельно бродил по городу не пойми зачем.

– Это я и сам понимаю, ты мне лучше объясни, как он подорвался, – процедил друг.

– Я тебе не Гарри Поттер, у меня нет волшебной палочки и я не могу за секунду наколдовать ответ, – тут же вспыхнула я злостью.

– Ну, хотя бы варианты ответа у тебя есть?

– Может быть, – уклончиво ответила я. – Но для начала, мне необходимо изучить остальное из этой папки.

Следующий взрыв прогремел 24 марта в торговом центре «Океан». Его виновником стал двадцати двухлетний парнишка по имени Вадим Сергеевич Глушко. Студент крупного университета, учился на факультете политологии. Мать – Елена Витальевна Глушко, до замужества Антонова, экономист в частной фирме "Мечта". Отец – Сергей Владимирович Глушко, менеджер среднего звена в банке "Инвест". В наличии имелась младшая сестра Мария Сергеевна Глушко, ученица седьмого класса. Как и Крылов, Глушко особыми достижениями не блистал. Числился студентом третьего курса Таврического гуманитарно-экологического университета. В учебе звезд с неба не хватало, считался устойчивым середнячком, иногда учувствовал в университетской самодеятельности вроде концертов КВН. Но опять же, не на первых ролях. В лучшем случае изображал, так сказать, пятое дерево по линии озера. Как и все студенты, иногда прогуливал пары, иногда хамил преподавателям, иногда заваливал зачеты. Любил выпить в компании друзей, с которыми часто посещал различные бары и клубы. В основном жил на средства, получаемые от родителей. Но время от времени устраивался на работу, правда, каждый раз без особо успеха. Пару месяцев работал оператором в колл-центре, потом бегал с подносом в кафе, после недолго стоял за барной стойкой, затем пытался торговать кальянами. Больше, чем на пару-тройку месяцев Вадима не хватало, его трудовой энтузиазм иссякал, и он вновь принимался за то, что у него получалось лучше

всего – курение травки в обществе таких же лоботрясов, как и он сам. В общем, стандартный образец современного молодого человека. За исключением одного момента. В личной жизни Вадима был такой штиль, что невольно закрадывалось подозрение...

– Слушай, а Глушко вообще девушками интересовался или он играл за другую команду? – спросила я, вороша листы бумаг в поисках нужной информации.

– Судя по рассказам его друзей, парень был вполне традиционной ориентации. Просто ему нравились девушки, которым не нравился он.

– Что так? – наконец, я нашла искомое, а именно распечатку фотографий Глушко. – На лицо вроде симпатичный мальчик.

Шурик с самым довольным видом хохотнул.

– Ты просто не видела его в полный рост. Пацан ниже тебя ростом.

Я округлила глаза.

– А так бывает? Трудно быть ниже табуретки!

– Вот – вот, – довольно кивнул мой друг, – а западал он на длинноногих красоток, которым приходилось приседать, что бы их глаза были на одном уровне.

Теперь понятно, почему друг так развеселился. Ему-то с его почти метр девяносто такие проблемы не знакомы.

– Печально, – искренне посочувствовала я. – Если девушке тяжело жить с ростом чуть выше, чем полтора метра, то

что говорить о парне.

– Меня это тоже всегда интересовало, – закивал Сашка.

– Что именно? – нахмурилась я, покосившись на длинные ноги человека, сидящего по соседству.

– Как ты живешь с таким ростом? – нагло ухмыльнулся Сашка и уставился на меня кристально чистыми глазами.

Я выразительно изогнула бровь.

– Да, я маленькая. Вернее, не маленькая, а компактная. Прелезу в любую щель. А ты пока свои задние конечности сложишь – вечность пройдет.

– И в постели, наверное, удобно, – впад в неожиданную задумчивость, заметил Сашка. – Через колено перекинул – и понеслась.

– Смотри, что бы я тебя через колено не перекинула, – предупредила я.

– А может быть я буду и не против, – отвернувшись, ответил друг.

– Напомни мне захватить наручники, – плотоядно заулыбалась я, продолжая шелестеть бумагами. – Слушай, кто сейчас занимается сбором информации?

– Ты его не знаешь, – скупно ответил Сашка, поправляя очки.

– И это его счастье, потому что иначе я бы просветила его на счет того факта, какой он криворукий тупица.

– Думаю, у тебя еще будет такая возможность. А что тебя не устраивает?

– Меня не устраивают пробелы в отчете, – воскликнула я, сминая листок бумаги с совершенно не нужным абзацем про наличие у семьи Глушко домашних питомцев. – Почему здесь указано, что у Вадима жил паук-птицеед, но нет ни одного упоминания про его пассий? И где аналогичная информация по Крылову?

– У Крылова девушки не было.

– Что вообще никогда? Ему двадцать восемь, он что, хранил девственность, так как собирался принять монашеский сан?

– Об этом я не в курсе.

– А зря! – твердо заявила я. – Что по поводу Глушко?

– Была девушка, Анастасия Головина, встречались давно, еще с девятого класса школы. Но потом расстались. Её допрашивали. Девчонка в шоке от произошедшего, про намерения бывшего отправиться к праотцам ничего не знала.

– Сказать можно все, что угодно, – произнесла я с изрядной долей скептицизма. – Я, например, могу сказать, что выращиваю огурцы на Марсе.

– Её допрашивали с применением специальных технологий.

Я выразительно вздохнула.

– И ты сам прекрасно знаешь, что, имея определенные навыки контроля своего дыхания, сердцебиения и других физиологических параметров тела, полиграф можно обмануть.

– Я знаю. И именно поэтому мы использовали не поли-

граф, а другие технологии.

Я вопросительно прищурилась.

– Узнаешь, – отмахнулся Сашка, – но поверь мне, подружка Глушко действительно ни при чем. Она не врала.

– Я хочу с ней поговорить, – решительно заявила я.

– Не вижу необходимости, но если тебе так уж припекло, то ладно. Никаких проблем, – легко согласился Сашка, – вы сможете увидеться, как только мы приедем в город.

– Хорошо, кто у нас третий?

– Белов Даниил Игоревич, – подсказал Сашка. – Третий подрывник. Погиб при взрыве в кинотеатре 5 апреля.

Я потерла лоб, пытаясь сосредоточиться.

– Погоди, это же вроде какой-то праздник был, если я не ошибаюсь.

– Ты не ошибаешься. И именно поэтому последний взрыв самый кровавый по численности жертв. Зал был полон, люди пришли на премьеру. Явились целыми семьями. Теперь ты представляешь себе масштабы трагедии и уровень обеспокоенности в высших эшелонах власти? СМИ едва не тряслись в припадке, пока сверху не пригрозили и не попросили заткнуться. Среди погибших есть дети, Фим. Маленькие дети, которых потом собирали по кускам.

– Не дави на психику, – отмахнулась я с раздражением. – Я ведь не отказываюсь помогать, а просто... не хочу возвращаться туда, откуда с таким трудом смогла убраться.

– Хасана больше нет, – напомнил Сашка, внимательно по-

смотрев на меня. – И дела на тебя нет. Никто уже не сможет дергать тебя за поводок.

Я с настороженностью покосилась на него, пытаюсь что-либо прочесть по выражению лица, которое, к моему великому сожалению, сохраняло непроницаемый вид.

– Надеюсь на это, – тихо произнесла я, – очень надеюсь. Моя вера в людей и в человечество итак ничтожно мала. Не хотелось бы разочароваться окончательно.

Он не ответил. Да я и не ждала, а потому вернулась к чтению.

Третий фигурант дела. Белов Даниил Игоревич. Двадцать лет.

Мать – Белова Антонина Евгеньевна. Бывшая медсестра, а ныне пенсионерка, сорок лет проработавшая в поликлинике. Родила сына поздно, других детей не имела. Отец – Белов Игорь Анатольевич. Имя скорее всего вымышленное. По рассказам знакомых и соседей, отца парень никогда не видел. Его вообще никто никогда не видел. Женщина никому не сказала, от кого родила. Судя по всему, сын стал для медсестры утешением на старость лет. Так сказать, запрыгнула в последний вагон. Цинично, но честно. Антонина Евгеньевна растила мальчика одна, замужем никогда не была, вкладывая всю свою любовь в сына. Судя по всему, матерью она была хорошей, и вырастила не менее хорошего сына.

– Могу себе представить, что пришлось ей пережить после взрыва, – тихо проговорила я. Общество, как правило,

сочувствует жертвам и их родственникам. И никто не думает, какво приходится родственникам преступников. Какowo им жить с таким грузом? Родителям, женам, мужьям, детям, братьям и сестрам.

– О ком ты говоришь? – отреагировал Саша.

– О матери Белова. Мне её жаль. Единственный сын, её надежда и опора.

– Такова судьба, – безразлично бросил Сашка.

– Не замечала ранее за тобой склонности к фатализму, но в чем-то ты прав.

– Читай, – велел Сашка, – сочувствующая роль удастся тебе не хуже, чем все остальные, но есть вещи более существенные, чем твой театр одного актера.

– Какой театр? – возмутилась я. – Мне действительно её очень жаль.

– Можешь убеждать себя в этом сколько угодно, если тебе так нравится.

– Что ты хочешь этим сказать? – я нахмурилась.

– Только то, что уже сказал. И не надо делать вид, будто мои слова стали для тебя новостью, – он взглянул на меня. – Ты – королева драмы, Фима. Обожаешь все трагическое, печальное и мрачное. Но еще больше ты любишь себя в окружении всего этого. Ты обожаешь все гиперболизировать. Если любить, то фанатично, если страдать, то до самоуничтожения, если ненавидеть, то до смерти. Сама себя убеждаешь в том, что что-то чувствуешь. Хотя на самом деле, правда

в том, что ты не чувствуешь ничего. Абсолютная пустота – вот, что в твоей душе. Хотя ты обожаешь убеждать себя в обратном.

– Послушать тебя, так я просто какое-то чудовище.

– Все мы чудовища, – ответил Сашка, – в той или иной степени. Монстры, моя милая, бывают разные. Всех мастей и форм.

– То есть, ты считаешь, что я не способна на простые человеческие чувства? И в том числе, не могу сочувствовать?

– Никто не может. Не в нашей профессии, малыш. И ты бы не стала тем, кем ты являешься, если бы было как-то иначе.

– Спасибо, за эту минутку откровенности, на которую я теперь не знаю, как реагировать. То ли согласиться с тобой, то ли вышвырнуть тебя из твоей же машины, – прошипела я.

– Тогда просто читай, – улыбнулся Сашка. – Определишься потом.

За неимением других вариантов, я послушалась и вернулась к изучению жизненного пути Даниила Игоревича.

За восемь месяцев до взрыва он вернулся из армии. До того, как парня призвали в ракетные войска, он успел потрудиться рабочим на стройке. Судя по всему, работать начал сразу после окончания школы. Параллельно учился в университете на заочном отделении, получая весьма бесполезную, но определенную увлекательную профессию психолога. Учился парень в основном на троечки и, если верить отзывам преподавателей, своей будущей профессией не так, что-

бы интересовался. Скорее всего, поступил лишь ради корочек о высшем образовании. Как и многие другие. По сути, это не учеба, а диплом в рассрочку. Одногруппники его почти не знали, так как встречались лишь пару раз в году, да и то на экзаменах. В таких условиях сложно свести близкие знакомства. Обычный парень, так сказали о нем студенты из его группы. Хороший пацан, правильный – это уже характеристика от друзей.

В наличии также была девушка по имени Алина Познякова. Барышня младшего своего избранника на...

– Пять лет! – воскликнула я. – Серьезно, ей пятнадцать или здесь опечатка?

– Опечатки нет, девчонка действительно еще школьного возраста, – ответил Сашка, проявляя чудеса сдержанности.

– Черт, – процедила я сквозь зубы, – значит, допрашивать её нельзя.

– Почему?

– После всего случившегося родители наверняка нас к ней не подпустят. А без их разрешения сам знаешь – хрен нам с гармошкой, а не допрос.

Алекс выдал кривую усмешку и прибавил скорости, ловко идя на очередной обгон впереди едущего автомобиля.

Я покосилась на стрелку спидометра.

– Сашка, – позвала я, – ты знаешь, что я – русская?

– Ты на что-то намекаешь?

– Нет, прямо говорю. Я – русская, а какой русский не лю-

бит быстрой езды. Но если ты прибавишь еще чуть-чуть машина пойдет на взлет. Мы что, почувствуем в гонке, о которой я не в курсе?

– У нас самолет через час.

– Чего? – аж подпрыгнула я, рассыпав бумаги. – Какой к хренам еще самолет?

– А ты думала, мы поскачем на оленях? – ехидно поинтересовался Сашка.

– На оленях, верблюдах, да хоть на ездовых собаках! – завопила я. – Мне все равно! Я не сяду в самолет.

– Ты все еще не справились с этим страхом? – поразился Сашка.

– Нет, – процедила я сквозь зубы. – Ты знал, что я боюсь летать, и все равно заказал билеты?

– Самолетом будет быстрее всего. На машине мы проведем в пути трое суток. Ты сможешь столько времени провести в машине? Без остановок?

– Да, смогу, – упрямо заявила я, хотя точно знала, что не смогу. Мне и пары часов-то не высидеть.

– Нет, не сможешь, – зашипел на меня Сашка, наконец, растеряв свое буддийское спокойствие. – Ты будешь ныть, ерзать, проситься погулять, пописать и поесть. В итоге, нам придется тормозить у каждого угла и добираться мы будем неделю.

– Ты так описал, словно я не человек, а беспокойная болонка, – рассердилась я, собирая рассыпанные бумаги.

– Может быть именно ею ты и была в прошлой жизни, – проворчал Саша.

– Если ты хочешь, чтобы я взошла по трапу, тогда нам нужен магазин с большим выбором алкоголя, – предупредила я, запихивая бумаги обратно в бардачок.

– Напомню, что пить тебе нельзя. Ты тормозить не умеешь.

– Ничего, ты же рядом, в случае чего, поможешь подруге по старой памяти.

Сашка скривился.

– Выводить тебя из запоев удовольствие сомнительное.

– Либо мы едем в магазин и на самолет, либо катим до столицы на своих четырех колесах, – решительно заявила я, откидываясь на сидении.

– Хорошо, – отчетливо скрипнул зубами Сашка, побледнев от плохо скрываемой ярости.

Глава 6

На подъезде к аэропорту нам попался симпатичный супермаркет, в алкогольном отделе которого я выбрала литровую бутылку виски, а по пути к кассам прихватила большой пакет апельсинового сока. Сашка взял минеральную воду без газа и булочку.

Заняв очередь, чтобы расплатиться за покупки, я недовольно покосилась на выбранные моим другом продукты и едко заметила:

– Кефира к твоей булке не хватает, и будет полноценный набор пенсионера.

– Зато печень в порядке, – отбил Сашка подачу, с безразличным видом скользя взглядом по торговому залу. Но я слишком хорошо его знала, чтобы позволить себя обмануть этой маской напускного спокойствия. Он нервничал, я чувствовала это кожей. Чем ближе мы приближались к пункту назначения, тем сосредоточеннее становился мой друг. Данное наблюдение не могло не вызывать вопросов. По идее, все должно было быть как раз наоборот – на своей территории мой друг, а ныне еще и начальник должен был чувствовать себя увереннее, чем в чужом незнакомом городе за сотни километров от дома. Хотя у него везде дом, где можно обустроиться с максимальным комфортом.

Сказать по правде, я мало, что про него знала. У нас не

принято было откровенничать друг с другом. Мы познакомились восемь лет назад. Я тогда была еще ребенком. А точнее, сломанным, потерянным диким зверьком, готовым броситься на любого, представляющего опасность. А Сашка всегда был опасным. Мы не сразу нашли общий язык. Прошло много времени прежде, чем я научилась доверять ему, прислушиваться к его словам. Он не был моим наставником. Им стал другой человек. Сашка же стал врагом, а после – напарником. Человеком, чьи боевые навыки, военная смекалка и холодный расчетливый ум вкупе с безжалостностью не раз вытаскивали меня из различных передряг. Он долго не мог начать воспринимать меня как равную себе. Когда Сашка узнал, что нас поставили в пару, то швырнул в стену пресс-папье. И это его острое непринятие создало немало проблем. Но потом, когда я доказала, что уже выросла и многому научилась, а он продемонстрировал, что иногда умеет быть не таким уж и подонком, мы сработались. И работали не плохо. До определенного времени. А потом все изменилось.

– Пакет нужен? – прозвучал вопрос, вырвавший меня из размышлений.

Я вздрогнула и уставилась на симпатичную девушку-кассира, та в свою очередь выжидающе глазела на меня.

– Нет, не надо, – встрял Сашка с укоризной покачив головой и протянул девушке свою пару купюр. – Хоть иногда обращай внимание на окружающую действительность, – набросился друг на меня, едва мы вышли из магазина.

– Не надоедай, – устало отмахнулась я и принялась откупоривать бутылку виски.

– Раньше ты не была такой невнимательной, – с легкой долей презрения, продолжил шипеть Сашка. – Теряешь навыки.

– Даже не надейся, – улыбнулась я и сделала глоток. – Все мои навыки при мне.

Сашка вздернул бровь.

– Уверена?

– Уверена, – скривилась я, делая еще один, обжигающий гортань глоток.

Он молча развернулся и направился к машине.

– Ты собираешь бухать прямо здесь, на стоянке паршивого магазина где-то на краю вселенной? – бросил он через плечо.

– Край вселенной меня вполне устраивает, – громко заявила я и рассмеялась. Алкоголь уже ударил по моим и так слабеньким мозгам. Мне вообще-то много и не надо, чтобы "поплыть". Я уже чувствовала, как что-то горячее растекается по венам, разгоняя кровь. – Зато на этом самом краю я, наконец, могу побыть в одиночестве! Ну, или почти... в одиночестве, – скривилась я в удаляющуюся спину своего спутника.

– Одиночество тебя убьет, – напомнил Сашка, садясь в машину и ожидая, пока я сделаю тоже самое. – Ты ненавидишь людей, но не сможешь обойтись без них и пары суток.

– Знаю, – с досадой простонала я, вновь прикладываясь к бутылке. – Но ты не представляешь, какой это кайф – не слышать, не чувствовать никого из живых существ. Остаться одной в полной тишине. Если бы я могла превратиться в рыбу, я бы уплыла на самое дно океана и больше никогда не вернулась на сушу. Я восхищаюсь всем, что имеет отношение к большой воде. Спокойствие, тишина, чистота и бесконечность – вот, что такое океан. И он так прекрасен, что это вызывает у меня боль. Боль от осознания того, что я никогда не смогу стать частью этого.

– Я понял, – демонстративно закатил глаза мой друг, – ты хочешь стать русалкой и метать икру до скончания дней своих.

– Дурак, – по-детски отреагировала я. – Ты не понимаешь. – Конечно, не понимаю, куда уж мне.

Я раскинула руки, задрала голову и закричала в вечеряющее небо, кружась на месте словно обезумевшая снежинка:

– Я хочу в океан! – вопила я, обращаясь к немногочисленным уже зажегшимся звездам. – Интересно, – я прекратила орать и вновь обратила свое внимание на Саньку, который сидел таким лицом, словно съел килограмм лимонов, – если Бог существует, он меня сейчас слышит?

– Думаю, для таких умалишенных, как ты, у Бога выделена отдельная частота, – судя по всему, Сашке надоело ждать, пока я самостоятельно усядусь в машину. Он выбрался с водительского сидения, обошел джип и не особо церемонясь

скрутил меня и затолкал в салон. Пристегнув ремнем безопасности, он уже собрался захлопнуть дверцу, как я вцепилась в ворот его тонкого дизайнерского свитера.

– Ты веришь в Бога? – спросила я и заглянула в его глаза цвета осеннего неба перед дождем.

– Нет, – вздохнул он. – Не верю.

– Почему? – требовательно спросила я, еще крепче цепляясь в его одежду.

– А ты думаешь, что где-то там, – он указал пальцем вверх, – на пушистой тучке сидит некий благообразный старичок, наблюдает и руководит жизнями семи миллиардов людей на планете?

– Семь миллиардов четыреста сорок четыре миллиона, – поправила я, не скрывая самодовольства, – по последним данным.

– Тем более, – Сашка, наконец, смог вырвать свой свитер из моих цепких пальцев и захлопнуть дверь. Я обиженно надулась.

Заняв место водителя, он завел мотор и с укором уставился на меня.

– Что?

– Ремень пристегни, – приказал он тоном, не терпящим возражений.

Я только беспечно отмахнулась.

– Даже если мы попадем в аварию, полет через лобовое стекло меня не убьет.

– Но выведет из строя на несколько дней, – нахмурился Сашка, – а я не для того тащился за тобой в задницу мира, чтобы потом лечить.

– Да, да, да, – деланно засмеялась я, – тебе нужно, что бы лошадка была в строю. Не переживай, на мне как на собаке.

– Вернее, как на суккубе, – тихо произнес Саша, отворачиваясь.

Я вздрогнула от его неожиданного заявления и даже как-то слегка отрезвела.

Никогда. Ни единого раза за долгие годы общения он не произносил этого слова. Мы никогда не обсуждали эту тему, словно заключили негласное тайное соглашение. Все, что касалось моих необычных способностей не называлось и не обсуждалось вслух. Он знал. Один их тех, немногих, кто действительно знал всю неприглядную правду. И это знание словно всегда нависало над нами, незримо присутствуя, действуя на нервы, но оставаясь в стороне. И вот сейчас он это сказал. Сказал вслух то, что я не хотела слышать. То, что внутренне отрицала с того самого момента, как узнала сама. Это произошло очень давно, в той, другой жизни.

Глава 7

Как мы добрались до аэропорта и загрузились в самолет я помню плохо. Как в принципе и сам полет до восточной столицы. Память зафиксировала происходившее лишь кратковременными вспышками прозрения. Кажется, в дороге я хихикала, громко рассказывала пошлые анекдоты и наслаждалась видом хмурого Сашкиного лица, которое периодически двоилось. Оба Сашки синхронно закатывали голубые до невозможности глаза, в которые я пристально всматривалась и что-то спрашивала. Немного протрезвев я так и не смогла вспомнить, что именно пыталась выпытать у друга. А Сашка отказался рассказывать, окатив меня таким взглядом, что мгновенно захотелось отправиться в ближайший лесок и найти себе какое-нибудь уютное дупло. Главное – повыше и поменьше, чтобы не нашли и палками не выковыряли.

В целом, состояние по прилету было так себе. Очень так себе. Сознание плавало в тумане, в висках стучали мелкие молоточки, к горлу настойчиво подкатывала тошнота. Хотелось пить и спать, а вернее, организм настойчиво намекал на сон вечный. Но в принципе, был готов сторговаться и на двадцатичасовой. Да кто ж даст!

Едва самолет сел, мои самостоятельные действия закончились, а тело начало передвигаться в пространстве посредством волочения. То есть, меня самым бессовестным обра-

зом протащили весь путь от посадочного места в самолете до посадочного места в машине. По дороге я успела повстречаться со стеклянными раздвижными дверями, установленными на выходе из здания аэропорта, благополучно впечатавшись в них лбом и породив звонкое «бэнц!». После столкновения Сашка схватил меня за шиворот как непоседливого котенка, порадовавшись в слух, что у меня не будет сотрясения мозга, так как трястись в моей черепушке особо нечему, а сама черепушка очень крепкая, что было не раз доказано. В этом я была с ним солидарна, по той причине, что регулярно билась головой обо все, что попадалось мне на пути, снося препятствия без особого ущерба для себя. Вот и в этот раз на стекле образовалась трещина, а у меня лишь легкие звездочки перед глазами засверкали. Но друг как-то уж очень подозрительно радовался факту наличия у меня крепкой головы, а потому, пока меня не особо бережно заталкивали на заднее сидение ожидавшей нас на стоянке машине такси, я решила обидеться. А потому всю дорогу молчала. Зато Сашке захотелось поговорить. Под едва сдерживаемые исключительно из чувства природной вежливости смешки таксиста, друг поведал мне, что вела я себя совершенно отвратительно. За два с половиной часа полета успела довести до коллективной истерики двух стюардесс, одну почтенную даму, краснолицего толстяка и пятилетнего ребенка, которым не повезло занимать соседние с нами места. При чем ребенок разорался так, что мать безуспешно пыталась успокоить его на протяжении

пятнадцать минут, а по итогу лишь цветом лица слилась со своим активно потеющим толстым соседом. Вдвоем они начали напоминать два сердитых помидора на грядке, что рассмешило меня еще больше, чем бьющаяся головой о спинку моего сидения чересчур нервная девчонка-подросток. Её разукрашенная мордашка напоминала плохую маскарадную маску, о чем я ей громко и сообщила, посоветовав не замазывать прыщи, а лечить. Всё вместе, по словам Саньки, начало напоминать балаган, который разрастался и становился все громче, вызывая у окружающих зубную боль, мигрень и понос одновременно. Стюардессы попытались вмешаться, но тут я решила провести ликбез, начав просвещать пассажиров салона на тему авиакатастроф. Размахивая руками и периодически икая, я стала объяснять причины крушений самолетов, приводить статистические данные и указывать на процентное соотношение метеоусловий, человеческого фактора, технических неисправностей и допущенных пилотами ошибок в управлении. А напоследок упомянула страшное слово «теракт». Лекция пришлась, что называется, «кстати». Народ, слегка взвинченный происходившими до этого событиями, полученной информацией впечатлился и стал засыпать несчастных бортпроводниц вопросами начиная от «а дверь точно не откроется?» до «почему не предусмотрены парашюты?». По словам Сашки, в этот момент он услышал отчетливый скрежет зубами, но девушки были профессионалами и продолжали улыбаться, не смотря на бросаемые в

мою сторону взгляды, которые, если бы могли убивать, не оставили от меня даже кучки дымящегося пепла.

На этом моменте Сашкин рассказ прервали характерные звуки – это меня стошнило в бумажный пакет с логотипом одного известного фаст-фуда, который был выдан предусмотрительным водителем в начале поездки. От запаха жаренной картошки, который я вдохнула, когда избавлялась от того немного, что еще содержал мой несчастный желудок, стало еще хуже. А потому весь оставшийся путь до места назначения я периодически склонялась над пакетом в перерывах наблюдая за таксистом, степень позеленения которого усиливалась и к концу поездки кожа парня отливала приятными оттенками морской зелени. Какая неустойчивая у парнишки нервная система, подумала я после очередного «буэ». А вот Сашка ничего, даже не поморщился. Только всем своим видом демонстрировал собственное превосходство над мной, убогой.

Когда машина затормозила я выдала нечто среднее между облегченным вздохом и радостным вскриком, и, словно собачка, которую давно не выгуливали, радостно вывалилась из салона. И приземлилась на четыре опоры, то есть, на ладони и коленки. Но расстраиваться не стала, а просто поглубже вдохнула, наслаждалась свежим воздухом.

– Не позорься, – злобно прошипело над ухом и меня вздернули на ноги. Зря, между прочим, так как желудок вновь взбунтовался. Я зажала рот рукой и виновато взгля-

нула на друга. Он лишь покачал головой с мученическим видом и зашагал вперед, предварительно задав направление мне шлепком по попе. Я зашипела раздраженной и весьма оскорбленной таким отношением кошкой, но последовала за другом, мысленно призывая к успокоению весь свой внутренний мир, который уже избавился от всего, что мог и теперь словно сам пытался выбраться на свободу.

– Больше не буду пить, – простонала я.

На что мне ответили, даже не оборачиваясь:

– Горбатого могила исправит.

– Тогда дай мне умереть, – взмолилась я, но тем не менее, продолжила упрямо переставлять ноги, не поднимая глаз и сосредоточившись на том, чтобы сохранить вертикальное положение. Пока меня не тормознула ступенька, о которую я со всей возможной грациозностью споткнулась и наверняка приложился бы лицом, не поддержи меня Сашка.

– Не дожدهшься, – страшно рыкнул он, но в руку мою вцепился крепко и с явным намерением никогда не отпустить. А я и не сопротивлялась, так как в этот момент была занята рассматриванием возникшей на моем пути преграды.

– Это военная часть или я брежу от обезвоживания? – простонала я, ощущая, как нарушается кровообращение в несчастной сжатой жесткими пальцами конечности. А в это время меня с выражениями озадаченности, заинтересованности и настороженности рассматривали три бритых мужских головы и одна чуть более волосатая. Туловища, которые

эти головы венчали, были затянуты в камуфляжную форму. У парня, чья волосатость явственно выделялась на фоне практически лысых товарищей, присутствовали нашивки, которые я идентифицировала как сержантские.

– Нет, у тебя нет галлюцинаций, чем я искренне удивлен, – произнес Санька ледяным тоном, который мог бы превратить в ледышку кого угодно, но только не меня. – Мы в военной городке. Здесь четыре военных части. И мы сейчас у КПП одной из них.

– И что мы здесь забыли? – постаралась я спросить ровным тоном и не застонать. Сашка может сколько угодно демонстрировать на мне свою силу, но и я не одуванчик полевой.

– Мы здесь работаем и живем. А теперь и ты тоже, – заявил друг с плотоядной улыбкой и попытался подтолкнуть меня тычком в спину, отчего я зашаталась и едва вновь не приняла коленно-локтевую позу.

Откуда-то сверху обреченно выдохнули, а после мое слабое тельце подхватили поперек талии и перекинули через плечо. И вот в таком виде, безвольно болтающейся через плечо старшего товарища тряпичной куклой, меня перенесли через порог, а после и через КПП. Слегка приподнявшись я увидела, как Сашка едва взглянул на сержанта и турникет перед нами беспрекословно распахнулся, жалобно пискнув механизмами. Я лишь оторопело молчала и хлопала глазами. А вот бойцы даже не пытались спрятать ехидные улы-

бочки, провожая нашу скромную компанию взглядом. Я же оперлась локтем о Сашкину спину и подперла кулаком щеку, обреченно размышляя о том, какие непростые дни мне предстоят.

Саня словно услышал мои мысленные разглагольствования, а потому подбросил на плече от чего я ощутимо ударились ребрами о его железобетонную спину и негромко заявил:

– Даже не думай применить свои способности где-то вне рабочих целей. Ты здесь будешь под постоянным надзором, так что шансов на глупости у тебя ноль целых фиг десятых. Поняла?

В последнем слове слышалась не просто угроза, а что-то большее. И я поспешила подтвердить собственную понятливость:

– Не дура я. Хоть какие-то извилины, но имеются.

– Угу, то небольшое, что еще не успело заспиртоваться, – буркнул Сашка, сопроводив свои слова очередным шлепком по моим выдающимся областям.

– Ты – бог комплимента, – вяло отмахнулась я и зевнув, с наслаждением прикрыла глаза, чтобы тут же провалиться во тьму.

Проснувшись, я обнаружила себя лежащей на кровати поверх тонкого застиранного одеяла серого цвета. Голова моя покоилась на подушке, похожей на старый блин, который лишь по случайному недоразумению причислили к катего-

рии постельных принадлежностей. Наволочка отсутствовала. Впрочем, как и простыня. Сразу под одеялом просматривался старый в синюю полоску матрац, наполнитель которого от тяжелой жизни сбился в несколько жестких комков.

Я застонала от боли в спине, вызванной не только неудобной позой, в которой проснулась, но и отвратительными условиями, предоставленными для отдыха. Постанывая и покрхтывая, словно немощная бабулька я приподнялась на локтях, а после села. Подо мной скрипнули металлические пружины. И я, не веря услышанному, медленно наклонилась, заглянула под койку и увидела сетчатый каркас. Тихое ругательство, произнесенное сквозь зубы, выразило степень моего удивления. Неужели подобные раритеты еще где-то сохранились?

Покачав головой, я опустила ноги на пол и встала, тут же об этом пожалев. Мир оказался весьма нестабильным. Или нестабильной была я? Перед глазами расстелилось темное полотно и стало тяжело дышать. Воздух ощущался каким-то тяжелым, словно давящим к земле.

Осторожно, стараясь не делать резких движений, я медленно опустилась на колени, а после уперлась ладонями в пол, так как уже по опыту знала, чем могут заканчиваться подобные мои состояния. И честно сказать – ничем хорошим.

Поминая Сашку незлым тихим словом за то, что приволок меня сюда и не предупредил о присутствии сагана, я пыталась свести давление посторонней магии к минимуму. По-

нять, что происходит было не трудно, ведь только на саганов у меня возможна такая реакция.

Саганы – это элементали или стихийники, как их еще называют. Им подвластны первоначальные элементы – земля, вода, огонь или воздух. Но то, насколько хорошо саганы могут управляться со своей стихией, зависит от уровня его внутреннего источника. Один саган способен реку осушить, а другому дара хватит лишь на то, чтобы маленькую тучку потоком воздуха пригнать. И судя по тому, насколько сильно и резко мне поплохело, где-то поблизости притаился саган воды. Только он способен оказать такое воздействие на меня.

Судя по ощущениям, саган мне попался весьма и весьма сильный. В том, что стихийник принадлежит именно к мужскому полу у меня не возникало сомнений, так как, чтобы достичь соответствующей мощи требуются годы изнурительных тренировок, на что женщины идут крайне редко, вместо этого предпочитая белое платье и колыбельку с ребенком. И вот именно в этом заключается Ахиллесова пята саганов – после рождения детей девушки-саганы безвозвратно теряют часть своих сил. Иногда они переходят ребенку по наследству, в случае, если оба родителя являются элементалими и принадлежат к одной стихии. А иногда, силы просто исчезают. Почему так происходит – никому не известно, но именно по этой причине саганы малочисленны и стараются не ввязываться во всякие заварушки. Для них главное – сохранить свою популяцию. Но этот саган, которого я ощутила, обла-

дал поистине пугающей силой. Откуда только взялся такой, да еще и на мою бедную головушку?

Перед глазами стояла тьма. Припоминая самые изощренные ругательства на всех известных мне языках, я кое-как выпрямилась и на ощупь двинулась на выход, который, насколько успела запомнить, находился по правую сторону от меня. И так как комнатка была небольшая, то не успев сделать и три шага я уткнулась в дверь, нащупала ручку и повернула. Раздался характерный скрип, по ногам повеяло сквозняком, а слух уловил отголоски разговора. По-прежнему не видя ничего кроме темноты, я маленькими осторожными шажочками двинулась на звук голосов, придерживаясь рукой за стенку.

Вскоре стена закончилась, и моя рука нащупала угол. Очевидно, здесь коридор поворачивал или же его пересекал другой проход. Остановившись, прислушалась. Мне нужно было найти хоть кого-то, а судя по тому, что во время своего ковыляния вдоль стеночки я не встретила ни одной живой души, место здесь было не так, чтобы особо оживленное. Но звук голосов, трех или четырех, воодушевленно что-то обсуждавших стал значительно ближе. Вот только я никак не могла сообразить, куда же мне дальше двигаться. Состояние моё стремительно ухудшалось, что могло означать только одно – саган где-то очень близко и если я не приму меру в ближайшее время, то отключусь не менее, чем на неделю. Убить меня элементарь не сможет, если только не в откры-

той схватке для чего предварительно потребуется вызвать на поединок, обозначив время и место. Что будет сделать весьма затруднительно, так как бесчувственное тело не способно вести диалог. А потому на тот момент моей главной угрозой являлось нарушение энергетическом потоков в теле из-за присутствия сильного водного стихийника, который по своей природе был полной моей противоположностью. Хотя, ему сейчас тоже должно быть не сладко, ведь и я не из самых слабых. Если только водник предусмотрительно не запасся защитным амулетом, который по идее должен был быть и у меня, но приобретенный у одной знакомой ведьмы кулон в виде расправившего крылья ястреба я успешно потеряла еще пару месяцев назад. А так как обреталась в глубокой провинции, где не то, что элементали, даже оборотни редко встречались, то особенно и не переживала. Встретиться мне здесь саган земли или воздуха, или уж тем более огня, то проблем бы не возникло вовсе. С ними я отлично ладила, но вот водники...

Я злобно зашипела, как если бы на раскаленные угли попала вода. «Погоди, вот достану амулет и проедуь по твоей мерзкой водной сущности танком», – пообещала я.

Чувствуя, как подкашиваются ноги, я стиснула зубы и изо всех сил удерживая ускользящее сознание, упрямо прошла еще пару метров, чтобы рухнуть на чьи-то услужливо подставленные руки. Последнее, что я услышала перед тем, как отключиться было: «Помогите! Ей плохо!».

Приходила в себя я тяжело и медленно, периодически выныривая из беспомощности. Вот надо мной склонился какой-то парень, чья перепуганная мордашка с россыпью веснушек выглядела очень по-детски, так, словно он потерял маму в толпе. Я хотела улыбнуться и сказать что-то утешительное, но удержать тяжелые веки не смогла. Вскоре меня опять выдернули из темноты. На этот раз насильно, посредством легких пощечин и встряхивания за плечи. Открыв глаза, увидела склонившуюся надо мной голову Сашки с непривычно бледным лицом и взъерошенными волосами. Я хотела размахнуться и от всей души почесать этому наглецу челюсть кулаком, но сил не хватило даже на то, чтобы заговорить. Застонав, я шепотом, который и сама-то едва слышала, произнесла:

– Амулет.

– Что? – встревоженно переспросил друг и наклонился вплотную к моему лицу, так, что я смогла рассмотреть мелкие морщинки вокруг его глаз. Надо же, а раньше я их не замечала.

– Дарина, – опять прошептала я.

– Ведьма? – с полуслова понял меня бывший напарник. – Что нужно?

– Амулет, – с трудом выдавила я из себя, едва шевеля пересохшими губами. – Она поймет.

А далее вновь темнота. В редкие моменты проблеска сознания я ощущала тряску и запах бензина. Глаза не открыва-

ла, но чувствовала, что укатана во что-то мягкое, а обе мои ладони сжимают чьи-то прохладные сухие руки. Поняв, что меня куда-то везут облегченно вздохнула, ведь чем дальше я буду от сагана, тем быстрее в теле восстановится естественное движение энергии.

Окончательно пришла в себя уже в доме Дарины. Обитель ведьмы я узнала сразу по специфическому травяному запаху и неповторимому в своей неудобности жуткому топчану, застеленному колючей пакостью, которую Дарина почему-то именует покрывалом.

– Оклемалась, – удовлетворенно заметил знакомый голос. Я повернула голову и встретила взглядом с парой внимательных темно-карих, почти черных глаз. Ведьма по-доброму улыбнулась в ответ на мой невысказанный вопрос и легонько кивнула, указав в сторону и намекая на то, что мы не одни.

Я осмотрелась. В светлице ведьмы было как-то уж чересчур людно. За столом сидел злобно поглядывающий в мою сторону Сашка и яростно глотающий какую-то жидкость прямо из глиняного кувшина. Судя по хитрому взгляду Дарины, внутри была не просто вода. Может быть, успокоительный отвар? Это было бы хорошо, как раз именно то, что так не хватает моему другу.

У лестницы, ведущий на второй этаж ведьминского дома, облокотившись локтем о резные деревянные перила, стоял высокий темноволосый молодой парень лет двадцати пяти.

Небрежно сунув руки в карманы камуфляжных штанов, он заинтересованно осматривался вокруг. Но что-то в его позе намекало на то, что чувствовал он себя здесь не уютно и оставался начеку, в любой момент готовый дать отпор. В противоположном углу стоял другой солдатик, по возрасту недалеко ушедший от первого. Короткие темно-русые волосы, открытое доброе лицо и дурашливый взгляд. Он не косился подозрительно, как первый, видимо, успел все разглядеть еще до того, как я проснулась. Этот парень всем своим видом демонстрировал небрежность и безмятежность, мол, он ко всему происходящему относится как к забавному приключению.

– Я словно оказался внутри фильма «Сонная лощина», – весело заявил парень из своего угла и схватил с подноса пучок трав, которые Дарина разложила там явно для сушки.

Знал бы ты, что с помощью вот этого самого пучка трав ведьма может тебя в ежика превратить, так бы не веселился, – отстраненно подумала я. – И смотрел, что в руки хватаешь.

И, судя по тому, как Дарина медленно и с явной угрозой обернулась к гостю, наши с ней мысли текли в одном направлении. То есть, ей тоже вдруг захотелось пополнить своё домашнее хозяйство еще одной милой животинкой.

Но вместо колдовства она просто молча подошла и отобрала травы. Причем с таким видом, что парнишка растерянно заморгал, а после отчетливо побледнев, столкнувшись

со злобным взглядом Сашки.

Глухим смешком на эту немую сцену отозвался третий незнакомый мне персонаж, который находился возле двери. Крепкий, но не высокий. Ростом он значительно уступал всем присутствующим в комнате мужчинам, однако брал широтой плеч, которые смотрелись весьма внушительно, будучи упакованными в военную форму. И в отличие от двух других ребят, этот был блондином. Но не таким, как Сашка, шевелюра которого имела пепельно-русый оттенок. Нет, макушка третьего парня радовала цветом сливочного масла. Он не был альбиносом в привычном понимании этого слова, но его брови практически сливались с бледной кожей лица, а потому казалось, что их нет вовсе. Голубые глаза глядели весело и озорно, но не с насмешкой, а как-то очень по-доброму. И смотрел парень прямо на меня. Так, что я не смогла не улыбнуться в ответ.

Моя мимолетная улыбка не ускользнула от внимательного взгляда Сашки, который в этот момент с самым занятым видом собирался сделать очередной глоток из кувшина. Причем так, будто от этого зависела чья-то жизнь. Предполагаю, что моя, так как всего за несколько часов я умудрилась создать парню кучу проблем. И очень хорошо, что Дарина догадалась подсунуть ему успокоительный отвар. Не факт, что водичка с травами убережет меня от головной боли, но хотя бы сохранит саму голову. И меня подвергнут экзекуции с меньшим энтузиазмом.

Глава 8

– Очухалась, – медленно протянул Сашка и с громким стуком вернул кувшин на стол.

– А ты надеялся, что я лапы поклею? – откликнулась я и решительно села, чтобы тут же схватиться за спину.

– Ну, что опять? – сузив глаза до состояния щелочек прошипел друг.

– Спина, – простонала я. – Как-то не везет мне в последнее время с пробуждениями. Как ни проснусь, то обязательно с болью.

– Ты – ходячее недоразумение, – подвел итог Сашка и поднялся.

– Тогда верни это ходячее недоразумение туда, откуда приволок, – обиделась я и прикоснулась рукой к груди, пальцами нащупав под рубашкой кусочек металла, подвешенный на цепочку. Подняла взгляд на ведьму и благодарно улыбнулась. В ответ она лишь обреченно махнула рукой, мол, чего уж, носи, что с тобой, такой безголовой, поделать.

– Не дожدهшься, – изрек Сашка и пересек разделяющее нас пространство в два шага, что не удивительно при наличии таких длиннющих ног.

Нависнув надо мной несокрушимой горой, он уставился на мое лицо странным взглядом, природу которого я попыталась идентифицировать, но не смогла. Он зол? Раздра-

жен? Разочарован? Все перечисленное вместе? Возможно, но было что-то еще. Что-то странное, что казалось знакомым, но каким-то ускользающим. Я никак не могла поймать эту мысль за хвост. Она вот уже который раз за последнее время мелькала где-то на границе сознания и тут же пропадала, как будто кто-то специально перенаправлял поток моих мыслей в другую сторону, не давая сосредоточиться. И что-то во всем этом казалось подозрительно неестественным. Но исключительно в виде смутного неясного предчувствия, которое плавает где-то там, на глубине, давая понять, что оно здесь, оно рядом, но на глаза не показывается. Как чудовище, затаившееся на дне озера.

Но Сашка явно не испытывал мучений по поводу неясных интуитивных догадок, рожденных в туманных лабиринтах воспаленного мозга. Его мозг, в отличие моего, был чист, свеж и склонен к социопатии. А потому меня без лишних эквивоков вздернули на ноги и, схватив за ворот рубашки, потащили на выход.

– Эй! – попыталась возмутиться я.

– Вот только попробуй меня сейчас выбесить, – заявил Сашка, не ослабевая хватки. Мне оставалось лишь шустрее перебирать ногами, пытаясь поспеть за его огромными шагами и при этом не грохнуться.

Следом за нами молча проследовали парни, последний из которых аккуратно прикрыл за собой дверь.

– Дарина сказала, что тебе сейчас нельзя напрягаться, а

потому сидишь и не шуршишь, – меня легко, словно пушинку одной рукой закинули в кабину КАМАЗа и с отчетливо читающимся раздражением громко захлопнули дверь.

Я поморщилась, почесала слегка оглохшее ухо и, сложив руки на груди, устроилась на сидении с максимально возможным комфортом. Но не успела закрыть глаза, чтобы подремать в дороге, как дверь с водительской стороны распахнулась и в кабину легко запрыгнул тот самый высокий темноволосый парень.

– Привет, – радостно улыбнулся он.

– Да вроде виделись, – хмуро откликнулась я, наблюдая за тем, как парень заводит машину и начинает выруливать с полянки, что раскинулась перед домом ведьмы.

– Виделись, но не знакомились, – заявил парень, не прекращая улыбаться, демонстрируя мне крепкие белые и ровные зубы, которые я оценила по достоинству. Такими зубами только глотки вырывать. – Меня Руслан зовут.

– Фима, – коротко кивнула я.

– Это сокращение от Серафимы, да? – проявил чудеса догадливости мой новый знакомый. – Красивое имя. И очень... ну, русское.

– Вообще-то, это древнееврейское библейское имя, – ровным тоном поправила его я.

– И что оно значит? – парень продолжал транслировать на меня свое подозрительное воодушевление, не забывая при этом бойко крутить рулем и зорко следить за дорогой. От

меня не укрылись и его профессиональные навыки вождения и то, как он мягко, но быстро вел тяжелую маломаневренную машину.

– В смысле? – растерялась я.

– Ну, вот смотри, – вдохновенно начал мой собеседник, бросив внимательный взгляд в зеркало заднего вида. – Моё имя имеет древневосточные корни и происходит от тюркского Арслан, что в переводе означает «лев». Понимаешь?

– Ааа, – понимающе протянула я. – Ты из тех людей, который считают, что человека определяет его имя, знак зодиака, год рождения и прочая ерунда?

– А ты так не считаешь? – хитро прищурившись, покосился на меня Руслан. И в его зеленых глазах, очень похожих на мои собственные заплясали бесята. Я вот прямо отчетливо увидела их наглые морды, заинтересованно и оценивающе выглянувшие в мою сторону.

Пару раз моргнула, прогоняя наваждение и вот передо мной вновь сидит веселый милый парень, активно расточающий на меня свое обаяние.

«И что тебе от меня нужно, что ты так усердно стараешься?», – задумчиво пробормотала я про себя, а в слух произнесла:

– Считаю ли я, что жители древнего Вавилона, придумавшие делить год на двенадцать периодов, а позже их последователи, которые присвоили каждому из этих периодов свой символ в соответствии с поделенными на сектора созвездия-

ми, определили мой характер и мою судьбу задолго до моего появления на свет? Нет. Я думаю, что люди немного сложнее. И судить о человеке, опираясь лишь на положение Солнца в момент его рождения, значит, проявлять крайнюю степень глупости.

В ответ на мою тираду меня одарили еще одной широкой улыбкой и обрадовали:

– А ты мне нравишься.

Не зная, что на это ответить, я спросила:

– А где Саша?

– Он едет за нами. В джипе, – спокойно сообщил Руслан.

Я бросила взгляд на расположенное с моей стороны боковое зеркало, но не увидела ничего. Только сгущающиеся сумерки и клубы пыли, витающие над пустой проселочной дорогой.

– Он решил дать нам фору и позволил немного уехать вперед, – хмыкнул парень, правильно расценив мое недоуменное выражение лица. – Ты немного его напугала.

– Скорее, уж взбесила, – скривилась я.

– Нет, – покачал головой Руслан. – Взбесился он уже после, когда эта странная женщина, обвешанная своими волшебными побрякушками, сообщила, что тебе ничего не угрожает и скоро ты очнешься. А вот пока мы везли тебя сюда, едва не снося деревья, его вид даже нас заставил напрычься. А мы-то, знаешь, разное успели повидать.

И вот тут у меня возник закономерный вопрос, который

следовало задать еще раньше, чем меня вытолкали из дома ведьмы.

– А вы кто?

– Военные, – кратко ответил Руслан. – Я – сапер. Парни, – он кивнул головой назад. Я невольно проследила за его жестом и едва не стукнулась носом о заднюю стенку кабины. Очевидно, те личности, которых мой собеседник имел в виду, в этот момент ехали в кузове, – тоже из наших. Артем – снайпер. А Гоша к нам из спецназа пришел.

– К нам – это куда? – настороженно переспросила я, почесав нос и подумав о том, что Гошей скорее всего звали блондинчика. И именно он являлся бывшим бойцом специального подразделения. Так как второй темноволосый юноша, коего мне выпала честь лицезреть, больше походил на снайпера. Сухопарый, но не щуплый. Юркий, но крепкий. Такой под любым кустом сможет залечь так, что его сам черт не сыщет. А вот светловолосому как раз под стать с ноги двери вышибать. Телосложение соответствующее. Да и лицо морозильником как нельзя кстати.

– К нам – это к вам, – рассмеялся парень, выруливая с ухабистой проселочной дороги на нормальную асфальтированную трассу, где деревья не росли, лютики не цвели и попой не приходилось пересчитывать каждую кочку. Если верить ощущениям, по этим кочкам еще наши предки скакали на тройках резвых лошадей лет эдак триста тому назад. А я своей попе всегда доверяла, так что, вполне возможно,

дорожку к домику Дарины протоптали еще при Иване Грозном. Сколько же тогда лет самой ведьме? Очень и очень много, возможно, больше, чем человеческий мозг способен осознать. И силы в ведьме немеряно. Вон как хорошо сработала – открыла портал между своим лесом, находящимся глубоко в сибирском лесу, и трассой, ведущей к военному городку под восточной столицей. А парень портал пересек и даже не заметил.

– То есть, – попыталась я прояснить ситуацию, не акцентируя внимания на произошедшем, – вы работаете на Сашку?

– Так же, как и ты, – утвердительно кивнул мой собеседник и расслабленно откинулся на спинку сиденья. Хоть он и не заметил факта пространственного перехода, но что-то его очевидно напрягало. Я вновь посмотрела в зеркало заднего вида и на этот раз увидела свет фар. За нами ехал джип.

– А вот и начальничек, – пробормотала я.

– Да, – хмыкнул Руслан, – прокатился, успокоил нервы и пристроился за нами.

– И давно вы знакомы? – как бы между прочим поинтересовалась я.

– Скоро год, – ответил парень и полез в карман, чтобы вытащить сигареты.

– И как? Нравится? – продолжила я расспрашивать, наблюдая за тем, как парень чиркает зажигалкой в бесполезной попытке прикурить. Кресало не желало давать огня, а лишь

выплывало бесполезные искры.

– Лучше, чем в армии, – невнятно пробормотал парень, сжимая зубами сигарету и все еще не оставляя попыток прикурить. – Платят в разы больше, а нервотрепки меньше. Да и Седой – мужик нормальный. Правильный.

– Седой? Это Сашка, что ли? – у меня едва глаза на лоб не полезли от удивления.

– Ну да, Седой. От фамилии – Седов. А ты не знала, что ли? – подозрительно взглянул на меня парень исподлобья. – Он говорил, что вы друзья чуть ли не с пеленок.

– Да, с моих пеленок, – уточнила я. – Просто, знаешь, никогда раньше не интересовалась его фамилией. Как-то, не до того было.

Последнюю фразу я произнесла едва слышно.

– Да что такое! – не выдержал Руслан и, размахнувшись, вышвырнул бесполезную зажигалку в окно. – У тебя нет спичек?

Я отрицательно покачала головой. Парень разочарованно выдохнул и уже хотел выбросить следом за зажигалкой и сигарету, как я вытянула руку и щелкнула пальцами. На кончиках тут же вспыхнул задорный оранжевый огонек, который я и поднесла ко рту нового знакомца.

– Есть кое-что получше, – произнесла я и взглянула в лицо ошалевшего парня, чуть не выронившего изо рта сигарету. Зрачки его расширились, что было отчетливо видно в свете едва колышущегося огонька, а в кабине резко запахло до-

ждем. – И мое имя означает «Ангел пламенеющий», – тихо закончила я под звук открывающихся ворот. Мы вернулись в часть.

Не дожидаясь, пока машина проедет КПП, я распахнула дверь, спрыгнула, тяжело приземлившись на обе ноги и уже будучи снаружи, обернулась, чтобы сказать:

– Рада была познакомиться, саган.

Глава 9

– Ты вообще в своем уме? – громко вопрошала я, расхаживая по кабинету Сашки, куда мы направились сразу же по возвращению в часть. Я, если честно, вообще не собиралась возвращаться в этот рассадник камуфляжа и тестостерона, но Сашка самым коварным образом заблокировал двери своего джипа, едва я только пересела к нему из кабины КАМАЗа и не позволил выйти, пока мы не проехали пост. А после рыпаться было уже поздно, так как едва закрылись ворота, я заметила легкое голубое свечение, которое на секунду возникло, взметнувшись вдоль забора, а после пропало. Кто-то окружил периметр военного объекта защитными амулетами. Причем такими, которые не только чужих не впустят, но и своих не выпустят. Мощная магия. Мощная и дорогая.

– Не ты одна у Дарины отовариваешься, – хмыкнул Сашка заметив, как я внимательно рассматриваю забор, сверху увитый колючей проволокой. – Идем.

Скорее просто от безысходности, а не потому, что мне так уж хотелось оставаться с ним наедине, я проследовала за бывшим напарником на второй этаж. Вместе мы свернулись в длинный, не отличающийся особой ухоженностью коридор, и вошли в кабинет, дверь которого была не заперта.

– Не боишься? – поинтересовалась я, лениво падая на предложенный мне любезным жестом жуткий стул, больше

походивший на средство для пыток.

– Чего? – откликнулся Сашка, устраиваясь в удобном кожаном кресле за столом напротив меня.

– Что кто-то сунет нос в твои дела? – я указала глазами на стопки бумаг, что аккуратной горкой возвышались на краю стола.

– Никто не рискнет зайти сюда без моего разрешения, – криво усмехнулся друг, – самоубийц нет. А на счет дел...

– А на счет дел, – я повысила голос, перебивая друга, – мог и предупредить, что у тебя здесь водный элементаль с удобством обосновался!

– Я не думал, что это настолько важно, – безразлично бросил Сашка и потянулся к стоящему на подоконнике графину с водой. – Я собирался тебе сказать, но чуть позже. У меня, знаешь ли, в подчинении почти сотня человек, а не ты одна. И не смей повышать на меня голос.

– Ты хоть понимаешь, – я поднялась, уперлась руками в столешницу и наклонилась к лицу некогда соратника, – что я могла на тот свет отъехать?

– А разве не этим ты занимаешься последний год? – спросил Сашка и с поражающим спокойствием налил воды в стакан. – Попытками переехать на кладбище на долговечной основе?

– На что я трачу свою жизнь – не твое дело, – прищурилась я, стараясь не заорать от злости.

– Теперь мое, – произнес Сашка таким тоном, что спорить

отпало всякое желание. – Пока ты здесь никаких пьянок, никаких сумасшедших выходок вроде «а не полетать ли нам на воздушном шаре!» и никаких мужиков, слышишь? Держи свои таланты в узде. Понадобится, отправляйся в город. Там развлекайся на сколько фантазии хватит, но моих бойцов не трогай.

– Да нужны они мне как медведю подтяжки, – раздраженно закатила я глаза. – А ты, если не хочешь происшествий, лучше убери от меня сагана, которого сам же и подсунул. Вот только зачем ты это сделал? Хотел проверить, как быстро я его обнаружу? Или как долго проживу?

– Хотел понять, не растеряла ли ты еще своих навыков, – не стал спорить Сашка и сделал глоток.

– И как прошел эксперимент? – я сделала шаг назад и сложила руки на груди.

– Паршиво он прошел, – скривился друг, – самому же и пришлось тебя спасать. Хорошо, что с Дариной мы уже давно и тесно сотрудничаем, так что путь до дома ведьмы много времени не занял.

– Но зачем ты потащил...этого? – зашипела я, ткнув пальцем куда-то в сторону окна. – Чтобы я сильнее помучалась?

– Нет, – дернул плечом Сашка. – Во-первых, ты отключилась прежде, чем смогла объяснить в чем дело, а мысли твои я читать не умею. Так что, в чем проблема я осознал только после беседы с ведьмой. Да и Руслан прибыл уже потом. Ты пролежала в отключке пару часов, если что. Я не был уве-

рен, насколько безопасно в доме ведьмы, а потому вызвал подкрепление. Он – один из лучших моих бойцов. И твой новый напарник. Так что, привыкай произносить его имя, не думаю, что парню понравится, если ты будешь обращаться к нему «этот».

– Ты совсем с ума съехал? – заорала я, испытывая настойчивое желание швырнуть в его наглую и довольно ухмыляющуюся рожу стулом.

– Думаю, вы подружитесь, – подлил Сашка масла в огонь, не понимая, что огонь в бешенстве и вот-вот сорвется с поводка.

Я глубоко вздохнула, выдохнула, потрясла руками, пытаюсь успокоиться и начала мерить комнату шагами, а точнее бегать от стенки к стенке, изредка натыкаясь на мебель.

– Ты в своем уме? Ты хоть понимаешь, что мы не способны даже находиться в одной комнате, а про то, чтобы работать вместе и речи быть не может!

– Тренируй выдержку, – апатично посоветовал друг. – Тебе полезно. А за парня я не переживаю, он тот еще буддист.

– Если он буддист, то пусть возвращается в свой Тибет и не высовывается, пока я не устроила ему барбекю!

– Это вряд ли, – плотоядно заулыбался Сашка, – он – парень крепкий, не зря тебя так подкосило только от одного его присутствия. Может, он сможет тебя подавить и перевоспитать?

– Смотри, как бы я его не подавила, не придушила и не

съела на завтрак, – бросила я через плечо подходя к двери.

– Точнее, на поздний ужин, – донеслось мне в след едва слышное.

Я не выдержала и выскочила из Сашкиного кабинета, не забыв основательно приложить дверью об косяк в надежде на то, что от этого грохота Сашке на голову штукатурка обсыплется. Хоть и маленькая, но месть.

Обида сжала сердце в тиски. Сашка никогда не отличался высокими моральными ориентирами, как, в принципе, и я сама. Однако с тех пор, как мы прекратили боевые действия друг против друга, он всегда был на моей стороне. Мог наорать со злости, что-нибудь разбить или где-нибудь запереть, однако никогда раньше он не подставлял меня сознательно под удар.

Он может сколько угодно убеждать меня в своем незнании последствий столкновения огненной магии с полностью противоположной ей водной, но факт в том, что он не мог не подозревать о возможных последствиях. Потому как знал про мир, к которому я принадлежу дальше больше, чем я сама. За годы профессиональной деятельности, Сашка изучил нас лучше, чем кто бы то ни было. Именно за это его так ценил Хасан, за что, что Сашка знал по каким зыбучим пескам и в каком месте можно пройти, а куда лучше не соваться. И именно его знания не раз спасали всей группе жизнь.

Глава 10

После неудачного разговора с Сашкой я, покинув его кабинет, отправилась бродить по зданию воинской части и прилегающей к ней территории с целью изучить местность. Ведь мне предстояло провести здесь некоторое время, а потому следовало все внимательно изучить, сохраняя при этом маску наивного любопытства.

Периодически я натыкалась на таких же молодых ребят в форме, как и те, с которыми мне уже довелось познакомиться. Они не имели никаких опознавательных знаков, а потому было не понятно, к какому подразделению принадлежат и кому подчиняются. Насколько я успела понять со слов Сашки, подотчетная ему группа хоть и базировалась на территории режимного объекта, однако являлась автономным формированием, принимающим команды откуда-то сверху. А потому было не понятно, которые из встреченных мною бойцов были настоящими военными, а которые лишь прикрывались формой, мимикрируя под окружающую среду. На всякий случай я держалась подальше от всех. В разговоры не вступала, на вопросы не отвечала, а заинтересованные взгляды, сальные улыбочки и подмигивания, адресованные мне как женщине, с подчеркнутым безразличием игнорировала. Пару раз особенно настойчивые попытались подкатить, но откатились обратно еще стремительнее, чем подкатывались,

хватило лишь пары рукопожатий. Оно у меня крепкое, что есть, то есть. Ну, и плюс небольшое ментальное воздействие. С женщинами бы не сработало, на то я и суккуб, что силы мои имеют некоторое ограничение. Но во время моего часового блуждания по казенным коридорам, которым требовался основательный ремонт, ни одна женщина не попыталась раздеть меня глазами. Да и не было их, женщин-то. По крайней мере, я ни одну не встретила. Зато узнала, где находятся туалет и душевые. К моему величайшему сожалению, разделения на «М» и «Ж» здесь отсутствовало, то есть предполагалось, что раз все присутствующие относятся к одному полу, то и утруждаться созданием отдельного отхожего места для дам необходимости нет. Я сделала себе мысленную пометку – не забыть потребовать у Сашки отдельный клозет.

С душем дело обстояло не лучше. Помещение для проведения гигиенических процедур представляло собой одну большую облепленную кафелем комнату, где по всему периметру на расстоянии метра друг от друга в стены были встроены жестяные лейки. Видимо, душ здесь предполагалось принимать коллективно. Полюбовавшись на все это дело, я сделала еще одну мысленную пометку, которая звучала так: «никаких дел, пока у меня не будет отдельный душ!». Я, конечно, особой скромностью никогда не отличалась, но демонстрировать свои анатомические особенности незнакомым людям не собиралась. Даже у суккубов есть нормы приличия.

Далее я ознакомилась со столовой. Ну, как ознакомилась. Толкнула прикрытую дверь без опознавательных признаков, прошла по очередному слегка потерявшему «товарный» вид безлюдному коридору, и, зайдя за угол неожиданно предстала перед двумя десятками солдат. В растерянных глазах, уставившихся на меня, большими буквами читалось бескрайнее любопытство. Я тихонько хмыкнула. Такие забавные, хоть комиксы с них рисуй.

Молодые и не особо молодые мужчины разделившись по четверо человек сидели за круглыми столами, расставленными тремя ровными рядами. Столы были накрытыми белыми аккуратно выглаженными скатертями, радовавшими глаз мелкими розовыми цветочками, которые немного диссонировали с суровыми лицами вояк. Сами вояки в момент моего появления не менее сурово обедали, громко переговариваясь и стуча ложками о фаянсовые тарелки. Когда же спокойную и абсолютно привычную обстановку нарушило мое появление, повисла такая оглушительная тишина, что я услышала, как муха бьется об оконное стекло. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, солдаты на меня, я – на их тарелки. Очень уж кушать вдруг захотелось. Если мне не изменяет память, ела я в последний раз утром того памятного дня, когда в мою наполненную алкогольными парами и дымом сигарет жизнь вторгся Сашка. То есть, очень давно. От вида аппетитного супа, который я рассмотрела в тарелках с ближайшего ко мне столика под ложечкой засосало, а желу-

док недовольно заворчал. Словно напоминая своей хозяйке, что она хоть и не человек, но все же питаться обязана. И не только чужой энергией, да алкоголем.

Я перевела взгляд на раздаточную стойку, за которой с растерянными видом замерли две женщины в синей фирменной одежде с белыми шапочками на головах. У одной в руке была поварешка, которой она что-то мешала в большой кастрюле, у другой – корзинка с хлебной нарезкой.

Сглотнув собравшуюся во рту слюну я с невозмутимым видом развернулась на месте и отправилась в обратный путь, ощущая, как спину жгут чужие взгляды. Передо мной стояла задача найти Сашку и вновь наорать на него. На этот раз за то, что не подумал о пропитании несчастной девушки.

Однако едва я успела вернуться в коридор и сделать шаг, как моя правая нога поехала вперед, и я едва не села на шпагат, с грациозностью новорожденного жирафа растянувшись на грязном полу.

Застонав, я попыталась собрать конечности в кучку одновременно пытаясь понять, что произошло и почему я оказалась в весьма корявом горизонтальном положении. Ответом на мой вопрос стала лужа. Самая обычная банальная лужа воды, растекшаяся маленьким озерцом на том небольшом участке пола, который был покрыт дешевым линолеумом в противоположность остальному напольному покрытию, выполненному в виде деревянных панелей. Недоуменно оглянувшись по сторонам желая узнать, откуда здесь, в полутем-

ном проходе могла неожиданно взяться вода, ведь я точно помнила, что, когда проходила здесь полторы минуты назад, пол был абсолютно сухой. Никаких намеков на разлитые жидкости. Можно было, конечно, предположить, что по коридору, который соединял столовую с административно-хозяйственными помещениями прошел кто-то, имеющий отношение к кухне и пронес что-то, что могло разлиться – суп, компот, чай. Однако этот абстрактный кто-то никак не мог пройти так, чтобы остаться мною не замеченным. И свернуть к подсобным помещениям, которые наверняка имелись при столовой он также не мог, ведь из данного коридора вело всего лишь два выхода – один непосредственно туда, где раздавали и принимали пищу, а другой упирался в лестницу, уводящую в соседнее строение.

Прийти к какому-либо адекватному решению возникшей загадки я не успела. Так как буквально на моих глазах на полу вдруг образовалась еще одна лужица. Крупные капли засочились буквально из воздуха, чтобы, быстро скопившись в единую субстанцию, разделиться на две части так, словно кто-то невидимый развел их в разные стороны руками.

Начав немного понимать суть происходящего, я все же осталась сидеть на полу, внимательно наблюдая за творившейся на моих глазах магией, ожидая дальнейшего развития событий. И меня не заставили долго ждать. Вода в лужицах пошла легкой рябью, как если бы над ними пронесся легкий ветерок, а после они приняли форму отпечатков

маленьких голых стоп – левой и правой ноги. И вот эти две ступни, оставляя за собой взвесь мелких брызг резво пошлепали вперед по направлению к лестнице. Прошли пару метров, остановились, развернулись и я ощутила, как на меня что-то уставилось, что-то невидимое и нематериальное, но явно ожидающее от меня каких-то действий.

И словно в подтверждение моих слов стопы быстро зашлепали обратно, приблизились ко мне вплотную и остановились. А после абсолютно прозрачная вода с притягивающим взгляд голубоватым свечением взвилась вверх и, собравшись в одну крупную каплю, зависла перед моим лицом. Помедлив несколько мгновений, я протянула к ней руку, потому что необъяснимым образом в мозгу зародилась мысль, что именно этого от меня и ждут. С громким «шлем!» капля упала мне на ладонь. Приняла форму маленького ласкового котенка и с самым настоящим мурчащим звуком водный призрачный котенок стал тереться своей мордочкой о мои пальцы.

Неизвестно, чем бы все закончилось, однако в этот момент позади меня раздались голоса, сопровождавшиеся гулким стуком армейских ботинок. Мы с котенком переглянулись и одновременно встrepенулись. С минуты на минуту в коридоре должны были появиться отобедавшие солдаты, а тут я, в позе поломанного кузнечика царственно восседаю на полу в компании ожившей водной сущности. Я вскочила на ноги, котенок спрыгнул с моей руки, вновь обрел форму

двух ножек и поскакал вперед. Я заторопилась следом.

То, что мне повстречался дух водной стихии не вызывало никаких сомнений. А вот то, что он очевидно куда-то меня вёл порождало массу вопросов. Но так как двигался дух весьма шустро, явно очень хорошо ориентируясь в хитросплетениях местных лестниц, коридоров и переходов, времени на раздумья не оставалось.

Поиграв со мной в догонялки минут десять, дух свернул за угол, промчался мимо трех закрытых дверей и остановился у четвертой. При этом его левая водяная стопа нервно подергивалась, как будто вновь хотела сорваться на бег, но терпела. А вторая настороженно оборачивалась на меня и следила за моим приближением, словно опасаясь, что я пойду не туда, куда надо. Стоит отметить, что пробежка за духом меня малость утомила. А потому, поняв, что мы прибыли к цели я тяжело выдохнула и привалилась к стене, хватаясь за бок. Да, за год я слегка подрастеряла былую физическую форму. Вернее, сильно подрастеряла. Главное, чтобы Санька об этом не прознал, а то с него станется начать воспитательные работы. И возьмет за привычку будить меня в пять утра для пробежек по местному плацу.

Все еще прижимая ладонь к ребрам я отлипла от стены и приблизилась к духу. Хотелось спросить, что это за дверь и зачем он меня к ней привел, но вести беседы с двумя лужами было чем-то странным даже для меня. Тем более, лишь редкие духи стихий умели разговаривать. Даже то, что он смог

передать мне часть своих эмоций уже было чем-то невероятным. Такого духа мог вызвать и привязать к себе, заставив подчиняться приказам, только очень сильный маг. Духи – создания свободолюбивые. А еще они терпеть не могут покидать свои стихии, так как именно пребывание в магически близкой среде обитания является гарантом их перерождения. Все духи когда-то были волшебными существами, после смерти вернувшись в объятия родной стихии для того, чтобы пройти очищение и возродиться вновь.

Водная сущность, что замерла передо мной, в своей прошлой жизни могла быть русалкой, наядой или лимнадой. А может быть, даже сиреной, хоть они и вымерли почти. Многие из этих водных красоток убили, так как кровь сирен чрезвычайно ценна на черном рынке.

Решительно выдохнув, я распрямила спину и с силой толкнула дверь.

Глава 11

М-да, толкать можно было и не так сильно. Деревянная створка с легкостью распахнулась и ударилась об стену, подняв облачко пыли. Придержав её, чтобы она не вернулась обратно дать сдачи, я шагнула через порог. Комната оказалась той самой, в которой я очнулась после того, как основательно наклюкалась какой-то отвратной, выдаваемой за джин, дрянью, в попытке заглушить стойкую и неподдающуюся контролю аэрофобию. Сильно подозреваю, что бодро выхлестанный мной напиток был разлит в соседнем подвале каким-нибудь престарелым специалистом по самогонным аппаратам. На данное обстоятельство мне толсто намекнула моя мигрень, с которой я проснулась, и привкус грязных кошачьих лап во рту. Не то, чтобы я пробовала грязные кошачьи лапы, но мне кажется, что на вкус они именно такие.

Обстановка в комнате была спартанской, ничего лишнего. Вернее, практического ничего нужного. Двустворчатое окно, явно давно не мытое и слегка прикрытое занавеской из потерявшей всякий вид ткани. Тумбочка с покосившейся дверцей в одном углу, старый советский письменный стол в комплекте с колченогой табуреткой – в другом, в третьем...

– А ты что здесь делаешь? – вырвался у меня удивленный вскрик. На кровати, где еще недавно спала я вольготно расположился мой недавний знакомец.

В ответ парень лишь криво усмехнулся и отбросил подушку, которую в момент моего появления держал в руках.

– Хочу поговорить, – мягко и тихо произнес Руслан, но так, что у меня волосы на затылке зашевелились. Невольно я сделала шаг назад, но неожиданно дверь за моей спиной захлопнулась и прозвучал отчетливый звук поворачиваемого в замке ключа.

– Надумала бежать? – притворно разочарованно покачал головой мой собеседник. – Не думаю, что у тебя что-то выйдет.

– Вот еще, – надменно фыркнула я, не желая демонстрировать степень своего испуга. – С чего бы это мне от тебя бегать?

– С того, что это в принципе твое любимое занятие по жизни, – снисходительно усмехнулся Руслан и встал. Теперь он находился в метре от меня, руку протяни и достанешь.

Я поморщилась.

– А что еще Сашка про меня рассказывал?

– Немного, – небрежно пожал плечами парень, – он, знаешь, не особо разговорчивый.

– Знаю, – отозвалась я. – Зато ты у нас поговорить любишь, да? Зачем звал?

Руслан развел руками, будто пытаюсь продемонстрировать мне свою безобидность. Но безобидным он вовсе не был. Высокий, значительно выше меня, ростом под метр девяносто. Я со своими ста шестьюдесятью сантиметрами смотрелась

на его фоне наглым рыжим гномиком, у которого из всех преимуществ только и было, что непомерное самомнение да притупленный инстинкт самосохранения.

Особой внушительностью фигуры парень не отличался, но было в его движениях что-то такое, от чего желудок начинал нервно подрагивать и возникало настойчивое желание сделать шаг назад. Под его одеждой не перекачивались стальные канаты мышц. Но, если бы сейчас рядом с ним оказалась какая-нибудь гора перекачанных мускул, безвылазно сидящая в спортзале и на спортпите, из них двоих опасным по-прежнему был бы Руслан. Парень с милой улыбкой и хитрым прищуром глаз. Странно, но тогда, в машине он казался вполне обычным. Я бы даже сказала стандартным.

Тысячи таких же ребят ежегодно призываются в армию, облачаются в форму, берут автомат в руки и идут охранять рубежи нашей страны. Вот только если эти бойцы ведут борьбу с такими же, как и они сами, то мы ведем борьбу с миром, скрытым от большинства. Эта война тихая, скрытная, будто исподтишка, но от того не менее яростная. И чтобы выжить в этом сражении необходимо быть таким же – жить, дышать, хранить в себе эту тихую ярость, которая бурей клокочет в душе, и сдерживается лишь непримиримой силой воли. Не каждый на такое способен. И теперь я отчетливо видела, что этот парень был воистину одним из нас. Как сказал когда-то Хасан, мы видим всю мерзость и всю прелесть этого мира. Мы выживаем, балансируя на тонкой грани

между первым и вторым, испытывая острую необходимость положить конец этому миру, но при этом постоянно спасая его от гибели.

***

– Я тебя не звал, – хмыкнул Руслан, отвлекая меня от увлекательного занятия по рассматриванию его скромной персоны.

– Угу, и своего ручного духа ты ко мне не отправлял? – я отвернулась, сложила руки на груди и отошла к противоположной стене, увеличивая расстояние между нами.

– Ты про Динку? – указал Руслан на дверь, за которой остался дух. И я подозревала, что он там и останется до тех пор, пока от Руслана не поступит новый приказ. И все для того, чтобы воспрепятствовать моему тактическому отступлению, а проще говоря позорному бегству. – Она не ручная, как ты выразилась, а служит мне по собственной воле.

Я постаралась особенно не выпучивать глаза от удивления, чтобы не стать похожей на глубоководного краба. Но изумление скрыть все равно не удалось.

– Что ты сделал? Выкопал ей собственное море?

– Нет, спас от Поглотителя Душ, – безэмоционально бросил парень.

Поглотителями Душ называли бывших магов, которые пошли против естественного порядка вещей. Не пожелав умирать для перерождения в новом воплощении, которое стало бы закономерным результатом их дел и поступков, Поглоти-

тели Душ обратились к магии Древних и обрели бессмертие. Но суть в том, что магия Древних – это черная магия, основу которой составляют человеческие жертвоприношения, запрещенные много столетий назад. За получаемое могущество Поглотители Душ расплачиваются своей человечностью и шансом на возвращение к человеческой форме.

Я невольно зауважала парня. Пойти против магов, воспользовавшихся запретными знаниями и ставшими практически не убиваемыми, очень многое значит. Однако проявить уважение к противнику, означает, сделать его равным себе. И несмотря на то, что по факту мы являлись игроками из одной команды, это не делало присутствия Руслана на моей жизненной орбите приятным или хотя бы допустимым. Мой организм настолько остро реагировал на него, что это пугало. Сотрудничество предстояло весьма выматывающее. А мне хотелось спокойной жизни. Ну, спокойной настолько, насколько это вообще возможно в моем случае.

– Но ты права, – вдруг заявил Руслан и сделал плавный шаг ко мне, а потом еще один. И вот, я уже стою, прижавшись спиной к холодной стене, а надо мной возвышается саган с подозрительным блеском в глазах. – Я действительно попросил Динку найти тебя и привести ко мне. Ты оказалась активной особой, которая и минуты не способна усидеть на месте. Самому за тобой гоняться мне как-то не с руки, а потому за дело взялся мой дух.

– Не тяни кота за самое чувствительное место, – огрызну-

лась я, стараясь на смотреть парню в лицо, так как его столь близкий контакт почему-то смущал. – Если ты хотел сообщить мне о том, что Сашка поставил нас в пару, то я уже в курсе.

– Ты против? – вопросительно вскинул бровь мой теперь уже напарник, так как зная Сашку, можно с уверенностью сказать – пока не разберемся со взрывами, мне от компаньона не избавиться. Это потом уже можно будет по-тихому смотреться и оставить мальчиков развлекаться самостоятельно.

– Можно подумать, ты «за», – демонстративно закатила я глаза. – Но придется делать так, как прикажет вышестоящее начальство. Ты же военный, порядки знаешь.

– Ты ошибаешься, – Руслан наклонился ко мне и буквально выдохнул слова мне в губы. – Я как раз «за» такой расклад.

Я уперлась ему руками в грудь и попыталась оттолкнуть, но с той же степенью эффективности можно было пытаться сдвинуть гору с места. Не важно, насколько сильно ты будешь толкать – гора безразлично останется стоять там, где и была. Я могла бы применить магию, но учитывая нашу полярность, все могло закончиться плохо. Сражение воды с огнем с максимальной долей вероятности способно закончиться обоюдным уничтожением. Не будет победителей, только одни проигравшие. А проигрывать этому индюку в мои планы пока не входило.

– А ты уверен, что сможешь усидеть одной попой на двух стульях? – ласково улыbnулась я и убрала руки, ввиду полной бесполезности физического воздействие на это наглое туловище.

– В смысле? – искреннее удивление отразилось на его лице.

– Работать по двум фронтам одновременно – очень сложно, – выразительно проговорила я, глядя парню в лицо. – По себе знаю, невозможно играть за две команды сразу. Рано или поздно приходится выбирать, на чьей ты стороне.

– Думаешь, я за них? За монстров? – округлил глаза Руслан и даже отступил назад.

– Ты называешь их монстрами? – презрительно выдохнула я. Хоть меня и не в первый раз так обозвали, бывало и похуже, но все равно больно. До сих пор больно. Столько лет прошло, а легче не стало. – А сам ты тогда кто? Ты – такой же, как и они. Ты – другой. И ты никогда не сможешь влиться в их ряды. Ты можешь притворяться, играть роль, скрываться. Но твоя сущность, – я ткнула пальцем в его грудь, туда, где билось сердце, – твоя истинная сущность всегда будет прорываться наружу. И ты будешь видеть это каждый день, каждый раз, при одном лишь только взгляде на себя в зеркало.

– Да, – спокойно согласился Руслан. – Я – не человек, так же, как и ты. Но я и не монстр. Мы не монстры. Мы не пьем кровь, как вампиры. Не поедаем внутренности, как оборотни. Не поднимаем мертвецов из могил, чтобы превращать их

в собственных рабов, как некроманты. Мы владеем магией. Управление водой – это мой дар, который не раз спасал жизни людей. Простых людей, многие из которых продолжают жить только благодаря мне.

– Монстры тоже хотят жить, – тихо заметила я. – Но приходим мы, и судьи, и палачи в одном лице. И решаем, кому и за какие грехи платить.

– Они убивают людей, – буквально выплюнул Руслан, с каждой секундой становясь все злее.

Я безрадостно расхохоталась.

– Мы – тоже, – выговорила по слогам. – Или ты не в курсе?

– Мы убиваем тех, кто стремится убить нас. Это самозащита, – парировал красавчик.

– Это – успокоение собственной совести, – напирала я, – чтобы как-то засыпать по ночам. Мы в этой группе – грубая сила, кувалда, которой забивают гвозди, чтобы крыша не обвалилась.

– Ты защищаешь монстров. Так может, это ты пытаешься усидеть на двух стульях?

– Нет, мне вообще не нужны стулья, – просто ответила я. – Но я больше не хочу ни выносить приговоры, ни исполнять их.

– Придется, – равнодушно пожал плечами Руслан. – Кто-то ведь должен. Почему бы и не мы?

– А ты уверен, что потянешь? – грустно усмехнулась я уголком губ.

– Уже потянул, – ответил мне Руслан и вновь приблизился ко мне вплотную. – И знаешь, что? Меня все устраивает. И еще больше меня устраивает то, что рядом со мной теперь будет находиться милое рыжее чудо, – он наклонился совсем близко, буквально уткнувшись лицом в мои волосы и громко втянул воздух, – которое так соблазнительно выглядит и так вкусно пахнет.

Я дернулась, но жесткие пальцы вцепились в мои плечи и удержали на месте.

– Я попросил духа привести тебя сюда, чтобы сказать кое-что важное, – прошептали мне на ухо, обдав шею горячим дыханием. Подозрительно горячим. Такое дыхание было бы уместно у огненного сагана, но никак не у водного.

– Что? – автоматически спросила я, думая совсем о другом.

– Не борись со мной, – сухие губы прошлись по тонкой коже вдоль виска к щеке. – Не надо. Я все равно сильнее. Пойдешь против меня – проиграешь, огненная моя.

– Не твоя. Отвали, придурок, – прошипела я. Сила хлынула по венам. По телу, от пяток до макушки, скользнула теплая волна. Кожа стала краснеть, а в ушах затрещало, потому что от волос полетели искры. Моя вторая сущность стала прокладывать себе дорогу наружу. Огонь вот-вот должен был сорваться с ладоней, как вдруг нечто обжигающе холодное толкнуло меня в грудь, острой иглой пройдясь между ребер и воткнувшись прямо в сердце.

Удар, пауза, еще один удар, пауза... а вот следующего удара не последовало.

Ощущая, как останавливается моё сердце, я начала задышаться. Открывая рот, словно рыба, выброшенная на берег, я пыталась набрать в легкие кислород, но невидимая ледяная удавка перекрыла дыхательные пути. Руки взметнулись вверх, в тщетной попытке найти опору, но скрючившиеся пальцы захватывали лишь воздух. Начав заваливаться на бок, я скосила глаза вниз и увидела, как по коже рук расплывается тонкий морозный рисунок.

– Я не буду с тобой воевать, – произнес Руслан, как раз в тот момент, когда я начала падать. Но достичь пола не успела, меня подхватили на руки. – Не сегодня, не так.

Его губы накрыли мои в поцелуе и в тот же миг сердце забилось вновь, да так сильно, что заболела грудная клетка, а я смогла сделать вздох. Громкий, шумный вздох, от которого мигом пересохло во рту, словно я неделю шагала по пустыне.

– Сволочь, – прохрипела я, ощущая тяжесть в голове от временного недостатка кислорода.

– Ты изменишь своё мнение обо мне, – пообещал Руслан и ощутимо царапнул зубами по коже. Я попыталась размахнуться, желая заехать сагану в челюсть, но он угадал мое намерение и с легкостью перехватил руку, до боли стиснув мои пальцы в своем кулаке.

– До чего же ты настырная, – с сожалением покачал он головой. – Ничего, скоро ты сама все поймешь.

– Что пойму? – я откинула голову, невольно уткнувшись в плечо нового напарника, так как организм начал сдавать позиции в самый неподходящий момент. Вспомнил, что он как бы давно нормально не спал, не ел и вообще ему нужна передышка перед схваткой с элементом, куда более старшим, опытным и сильным, чем он сам. Который, в отличие от меня, не пытался на протяжении года утопить собственное горе и совесть в стакане, пойдя по длинному, но веселому пути саморазрушения. А потому, опять же, в отличие от меня, пребывал в прекрасной физической форме, и нравственными тяготами не страдал.

– Что я тебе нужен, – Руслан быстро поцеловал меня в лоб, словно маленького ребенка, а потом ласково прошелся ладонью по шее и линии ключиц, прикоснувшись к кулону, выданному ведьмой.

– Артефакт не снимай, – приказным тоном произнес он, – не хочу снова видеть, как ты загибаешься. И да, вот еще что, – ухватив пальцами подбородок, он повернул моё лицо к своему, вынудив взглянуть ему в глаза, – пока не моя.

А после аккуратно уложил меня на пол, поднялся и вышел, тихо притворив за собой дверь.

Глава 12

Не знаю, сколько времени прошло с того момента, как ушел Руслан. Едва он покинул меня, я окончательно распласталась по полу и лежала так, бездумно уставившись в одну точку. Но вот дверь вновь распахнулась и по полу прошествовала пара длинных ног, облаченных в белые наглаженные штаны и начищенные до зеркального блеска ботинки.

Ноги остановились возле меня, а потом согнулись в коленях и на меня пахнуло дорогим мужским одеколоном.

– Хорошо ложится? – спросил Сашкин голос. Чуть повернув голову, я увидела его серьезное лицо с презрительно поджатыми губами.

– Отличненько, – с готовностью пионера откликнулась я и улыбнулась улыбкой человека, который беседует с бабочками и высматривает в облаках сказочные фигуры, то есть абсолютно беззаботно и бесконечно наивно.

Но на мою улыбку мне ответили:

– Убери с лица это идиотское выражение. Ты что, с дешевого алкоголя на траву перешла?

Я тут же прекратила процесс по выдавливанию из себя радости.

– Вообще-то, так я пыталась продемонстрировать, что у меня все хорошо, – я указала пальцем на свое лицо.

– Вообще-то, так ты наталкиваешь людей на мысль, что

у тебя все плохо, – подражая моему тону ответил Сашка, – причем с головой.

– Нет, с головой и с остальным телом у меня тоже все хорошо, – повторила я, придав голосу максимальную уверенность.

– Конечно, у тебя все хорошо, – закивал друг, – ты же пить бросила, а значит, твоя печень не отстегнется и не пойдет гулять по своим делам со словами. И это не может не радовать.

Я смерила Сашку мрачным взглядом. Вернее, попыталась смерить, что очень трудно сделать, растекшись по полу в позе дохлой морской звезды. Ракурс не тот.

– Это все твои аргументы? – спросили меня.

Я вяло кивнула.

– Тогда вставай, – Сашка поднялся и подал мне руку.

– Зачем? – озадаченно спросила я у его коленок, так как поднимать голову сил не было, да и сзади что-то мешало.

– Затем, что я хочу тебя кое с кем познакомить, – не убирая руки снисходительно объяснили мне.

– Я сегодня назнакомилась по самое не балуйся, – проворчала я даже не думая подниматься. – План на ближайшую пятилетку выполнила и даже перевыполнила, так что, давай завтра. А еще лучше – никогда.

– Завтра у нас другие планы. А про «никогда» вообще забудь. Вставай или мне придется вновь закинуть тебя на плечо.

– Вот умеешь же ты мотивировать, – притворно восхи-

тилась я и кряхтя поднялась, опираясь одной рукой о стену. В груди до сих пор оставалось ощущение жжения, похожего на то, которое возникает, когда выходишь из теплого помещения на мороз и резко вдыхаешь холодный воздух. Неприятное такое ощущение. Порождающее массу вопросов, на которые требовалось бы получить ответы. Уж слишком силен был саган. Для того, чтобы достичь того уровня мастерства, когда умеешь менять агрегатное состояние подвластной стихии, да еще и на структурном уровне, понадобилось бы несколько очень длинных жизней. Элементали живут дольше обычных людей, это да. Но не настолько, чтобы обрести подобную мощь. И пусть я всего лишь полукровка и огненной крови во мне лишь наполовину, в то время, как вторая половина заполнена суккубьей сущностью, я далеко не самый слабый элементаль. Что-то тут было не так.

Мысли, беспокойным роем пчел жужжащие в голове, были интересными. И следовало бы все обдумать в тишине да спокойствии, но что-то мне подсказывало, а именно упрямо поджатые Сашкой губы и требовательно-высокомерное выражение его лица, что тишина, так же, как и спокойствие мне сегодня не светят.

– Куда идем? – бодро спросила.

Сашка опять скривился, а после процедил сквозь зубы:

– Просто шагай за мной и постарайся не потеряться по дороге.

– Если что, – я кивнула головой на уже облюбованный

мною угол, – ты знаешь где меня искать – под стеночкой.

– Хорошо, хоть не под заборчиком, – ехидно отреагировал друг и пошел вперед. Я покорно последовала за ним.

Шли мы не то, чтобы долго, но когда каждый шаг дается с трудом и все устремления сводятся к желанию уснуть и долго-долго не просыпаться, то даже поход на второй этаж в конец длинного серого коридора воспринимается как переход в компании Суворова через Альпы.

Когда Сашка толкнул неприметную дверь, и мы вошли внутрь, я слегка растерялась. Мы оказались внутри огромного помещения, где куда ни глянь, везде стояли, висели, лежали компьютеры и мониторы, задорно мигающие лампочками индикаторов. Просто огромное количество электронной техники, которого хватило бы для оснащения небольшого исследовательского центра. Что-то не работало и выглядело как отживший свой век бесполезный пластиковый мусор. Но те экраны, которые были включены, а таких имелось примерно с десяток, транслировали различные картинки – от новостных выпусков до биржевых сводок, от каких-то непонятных рейтингов до таблиц, цифры в колонках которых менялись быстрее, чем я моргала. Все это имело звуковое разноголосое сопровождение, причем примерно половина информации озвучивалась на разных иностранных языках. И посреди всего это бардака восседало нечто, похожее на человека.

Я присмотрелась повнимательнее. Да, точно, человек. Ес-

ли отмыть, побрить, подстричь и переодеть, то принадлежность данного туловища к человеческой расе станет более, чем очевидной.

Туловище было одето в мятые черные шорты и клетчатую рубашку, которая ранее имела какой-то цвет, а в данный момент просто была засаленно-коричневой и даже на фоне половой тряпки проигрывала по всем параметрам. На столе перед человекообразным существом, которое яростно возюкало мышкой по столу и воодушевленно гигикало, уставившись в огромный монитор, высилась гора мусора, грозившая поглотить и компьютер, и его владельцем. Мятые салфетки, шоколадные обертки, упаковки из-под чипсов и пиццы, скомканные фантики от конфет – и это только то, что было на виду, венчая сей мусорный Монблан. А что там пряталось внутри даже страшно было вообразить.

– Что-то мне подсказывает, что под всей этой кучей вполне могла уже зародиться новая жизнь. И вполне возможно, что инопланетная, – проговорила я на ухо Сашке.

Меня одарили непонимающим взглядом. Я округлила глаза и подняла руки ладонями вверх, мол, я тут ни при чем. Не я основала колонию микроорганизмов на отдельно взятом предмете мебели. Надо сказать, сам интерьер выглядел вдохновляюще – комната была похожа то ли на наблюдательный пункт, то ли на шпионское укрытие.

– Вообще-то, вчера здесь убрали, – озадаченно потерта шею Сашка, пробежавшись глазами по окружающим нас

предметам.

– То есть, вот это все, – я указала рукой на кучу, – оно сожрало за сутки?

Но ответа не дождалась.

– А это вообще кто? – уже громче спросила я, не опуская указывающей в сторону теперь уже громко сопящего туловища, по-прежнему не реагирующего на наше появление.

– Знакомься, – предложили мне без особого энтузиазма, – это Крот, наш компьютерный гений.

– Кто? – не расслышала я, так как в этот момент стоящие в углу сабвуферы начали изрыгать из себя жуткие звуки, перемежающиеся чем-то, напоминающим работу отбойного молотка. – Енот?

– Крот! – прокричал Сашка, пытаясь перекрыть своим басом вызывающую содрогание мелодию. Если ад и существует, то балы там проводятся именно под такую музыку.

«Жуть какая», – меня передернуло от возникшего противного ощущения, будто по спине прополз огромный слизняк.

Сашка не выдержал, подошел к волосатому существу, обозначенному как Крот, и дернул его за плечо. Существо не отреагировало, а потому Сашке пришлось повторить процедуру, а вернее тряхнуть увлеченное своим компьютером создание словно мешок с картошкой в надежде, что тот вернется из виртуального мира в реальный к нам, простым смертным, гложущим тут потихоньку.

Парень наконец оторвался от экрана, увидел Сашку, раз-

драженно подпирающего его стул, икнул от неожиданности и что-то там быстро набрал на клавиатуре. А после крутанулся на стуле, чтобы оказаться к нам лицом. Сашке пришлось быстро отойти назад, чтобы гений не уткнулся носом ему в пупок.

– Привет, босс, – жизнерадостно, на как-то нервно, поприветствовал он Сашку и широко по-мальчишески улыбнулся. Тут же стало очевидно, что лет ему не больше двадцати. Добрые и умные глаза, бледная кожа, давно не видевшая солнечного света и тонкие губы с подрагивающими вверх уголками так, словно он в любой момент готов был улыбнуться. В комплексе все это создавало приятное впечатление, которое не портили даже торчащие взволнованным штопором волосы и недельная небритость, растущая на лице почему-то клоками. Как будто у него была борода, но кто-то попытался её выдрать, что удалось частично, то есть, часть бороды удалось спасти, а вот от другой на память остались лишь проплешины. Но на фоне общего светлого ощущения, возникавшего при взгляде на лицо парня, его ужасная одежда, небрежный внешний вид и оригинальный подход к чистоте становились какими-то уже малосущественными.

– Привет, – ворчливо ответил Сашка, а после указал в мою сторону: – Это Серафима. Для тех, кто не способен запомнить и выговорить – просто Фима.

И добавил, сверкнув зубами в хитрой улыбке:

– Или Фимка.

– Фимкой будешь называть свою ручную крысу, – вступила я в разговор, – которую заведешь на пенсии.

– Зачем мне ручная крыса, если у меня есть ты? – не остался в долгу друг.

– Я, конечно, та еще тварь божья, но все-таки не ручная, – подмигнула я парнишке, который с интересом наблюдал за нашей игривой перепалкой переводя взгляд с меня на Сашку и обратно. – Так, что это был за звук, от которого у меня возникло острое желание зарыться под землю метров на пять?

Парень востепенно и воскликнул:

– О! Именно это я хотел вам показать, босс, – и рывком крутанулся обратно к компьютеру.

Мы с Сашкой переглянулись и разом приблизились к гению, встав за его спиной по правую и левую стороны. Парень скосил глаза на меня, потом посмотрел на кучу мусора и одним движением смахнул все на пол. А после просиял улыбкой, гостеприимно предложив:

– Присаживайтесь.

Я проследила за последней медленно спланировавшей вниз бумажкой от конфеты «Ириска» и вежливо отказалась:

– Я постою.

– Крот, у нас мало времени, – напомнил Сашка, сердито сведя брови у переносицы.

– Да, да, – отозвался парнишка, положил руки на клавиатуру и затараторил, одновременно быстро стуча по клавишам, – вот, смотрите, что я нарыл. Та музыка, о которой вы

спрашивали, – быстрый взгляд на меня, – это звуковое сопровождение, которое включается, когда открывается сайт «Минорити». Я вышел на него через одну ссылку, оставленную на анонимном форуме. Пришлось долго покопаться, но я нашел!

Последние слова Крота были адресованы Сашке, на которого он посмотрел с радостью и ликованием.

Не понимая смысла происходящего, я внимательно следила за происходящим на экране, где с калейдоскопической скоростью закрывались и открывались окна. Всплывали сообщения, мелькали картинки, появлялись и исчезали какие-то символы. До тех пор, пока все не замерло. И мы увидели главную страницу весьма паршивенького любительского сайта, оформленного в стиле, навеивающем ностальгические воспоминания о первом десятилетии двухтысячных годов, когда в моде были эмо и готы. Простая визуальная картинка, максимально примитивная навигация, слабенький интерфейс. В комплексе все это наводило на мысль о том, что сайт изначально задумывался как узкоспециализированная платформа для общения единомышленников. И судя по всему, уже давно являлся заброшенным. Хотя, если ресурс все оставался жизнеспособным, значит, кто-то все это время оплачивал доменное имя.

– И в чем заключается невероятное открытие? – вкрадчиво поинтересовалась я. – Сайт, который, если судить по дизайну, застрял во времени?

– Смотри, – сказал Крот и подвел указатель мышки к правому верхнему углу.

Повисло молчание. Кто-то что-то понимает? Может быть, да, но точно не я. Я видела лишь картинку небольшого размера – круг из спирали, похожей на символ ДНК, внутри которого расположилась звезда. Лично мне она напоминала Розу Ветров, некогда популярное у моряков изображение, обозначающее путеводную звезду, которая, если верить преданиям, еще и служила оберегом. Однако в этой звезде было что-то неправильное, искаженное, но что именно я не могла понять.

– Любопытное сочетание символов, но что здесь криминального? – не выдержала я гнетущей тишины, от которой веяло кладбищенским духом.

– Этот знак был изображен на одной из стен на последнем месте взрыва, в кинотеатре. Что интересно, многое пострадало от огня, но конкретно эту часть здания огонь не тронул, хотя именно там пламя бушевало сильнее всего, – сухо ответил мне Санька. – Владелица развлекательного бизнеса сэкономила на всем, на чем могла и на пожарной безопасности в том числе, а потому здание вспыхнуло, как спичка и полыхало так, что весь квартал был в дыму.

– А есть картинка? – спросила я и наклонилась ниже, оперевшись рукой о край стола.

– Пожара? – повернулся ко мне компьютерный гений и уткнулся физиономией в область моего декольте, которое

образовал вырез достаточно открытой майки. Замер, затаив дыхание, а после поднял голову вверх, и мы оказались лицом к лицу так близко, что при желании я могла бы сосчитать веснушки на его носу.

– Нет, картинки на стене, – пропела я, улыбнувшись ласково, как улыбаются тихим душевнобольным.

Мальчишка как-то резко выдохнул и вернулся к компьютеру. Еще несколько быстро заданных с помощью клавиатуры командных комбинаций и на мониторе вспыхнула фотография, сделанная на месте трагедии.

Я внимательно всмотрелась в цифровой снимок и то, что удалось рассмотреть производило гнетущее впечатление. Покрытая копотью стена, на которой болтаются какие-то обгоревшие ошметки, некогда бывшие, видимо, частью декоративной обшивки. Часть обвалившегося потолочного перекрытия. Куски арматуры, торчащей откуда-то из угла, который не попал в кадр. И, словно вишенка на мрачном торте, приготовленным самой Смертью, тот самый знак, выведенный неаккуратно и криво, припорошенный серой бетонной пылью, но все же не узнать его было невозможно.

– Ты был прав, – пробормотала я, легонько стукнув парнишку тыльной стороной ладони по предплечью. – Эти знаки одинаковые, один в один до последней линии.

Возможно показалось, но кажется, после моих похвальных слов, юное дарование выпрямилось и даже стало сидеть ровнее, перестав спиной изображать вопросительный знак.

– А чем он нарисован? – я тоже выпрямилась и посмотрела на Сашку, неопределенно махнув рукой в сторону фото на экране.

– Кровью, – лаконично ответили мне.

Я приподняла бровь.

– Интересно. И чьей же?

– А вот это уже хороший вопрос, на который следует поискать ответ. У нас есть видеозапись с камер наблюдения. Видеооборудование было повреждено в момент взрыва, но кое-что все-таки вытащить удалось. Крот, покажи, – распорядился Сашка, и парень мгновенно подчинился.

И мы увидели запись. Хотя ребята явно ознакомились с ней еще до моего появления, а, следовательно, «представление» давалось на бис и исключительно дня меня.

Это была черно-белая видеозапись, смонтированная явно из разных кусков. Съемка велась внутри кинотеатра. Вот на экране появился мужчина, одетый в темные штаны, возможно джинсы, и такую же темную ветровку. Подробнее рассмотреть было невозможно, так как качество видео было удручающим. На голову незнакомец набросил капюшон, за спиной болтался большой рюкзак.

Судя по углу обзора, запись была сделана камерой на первом этаже, установленной сразу за входными дверьми. Парень стоял в двух шагах от билетных касс, нервно переминался с ноги на ногу и все время поправлял на плече свою ношу. Вокруг передвигались люди, в правом верхнем углу

была видна часть экрана, транслировавшего какую-то рекламу, а рядом с экраном – настенные часы. Время – двенадцать ноль пять.

– Сейчас он купит билеты на сеанс, начинавшийся в двенадцать пятнадцать и сразу же направится к залу, – пояснил Крот, не оглядываясь и явно только для меня. И действительно, парень шагнул к окошку, постоял возле него две минуты, а после отошел уже с билетом, зажатым в руке. Не оборачиваясь и не снимая капюшона, будущий преступник направился к коридору, располагавшемуся по левую сторону от касс, где и исчез.

– В коридорах камер нет, поэтому следующие кадры мы получили уже из зала, – опять только для меня проговорил Крот, – но из коридора по дороге к залу есть несколько помещений – женский и мужской туалеты, подсобное помещение, где уборщицы хранят свой инвентарь, а также двери черного хода.

– Согласно заверениям директора, которого на момент взрыва не было в городе, – подключился к объяснениям Сашка, а Крот, тем временем, нажал на паузу, – черный ход заколотили еще прошлой весной, так как сотрудники бегали через него на задний двор курить. Но вот кассирша, ранее работавшая в этой конторе и уволившаяся за три недели до случившегося, утверждает, что ход хоть и заколотили, но сделали это коряво. То есть, просто прибили поперек двери две фанерные доски. Но человек, который это делал не учел,

что дверь открывается не во внутрь, а наружу. А потому все просто подныривали под эти доски и продолжали бегать на задний двор, из которого есть выход на проспект. Директор об этом знал, но так как приказ приструнить работников поступил от хозяйки, которую тот терпеть не мог, то просто закрывал на все глаза.

– Ну был еще один выход, куда народ дымить бегал, и что? – я пожала плечами.

– А то, – поправил очки Сашка, которые непонятно зачем носил, так как я точно знала, что у него отличное зрение и очки ему нужны были, как мне портянки, – что Белов, который подвел итог своей жизни таким вот нестандартным способом, прибрав с собой еще сотню человек, имел первую группу крови с отрицательным резус-фактором.

Я только успела рот открыть, как Сашка безапелляционно заявил:

– Это совершенно точно, Фима, он был донором, а потому ошибка исключена. А вот на стене, – продолжил друг, – кровь человека, у которого была вторая положительная.

Я почесала переносицу, а потом переспросила:

– Точно?

– Совершенно точно, – спокойно подтвердил друг.

Я тяжело вздохнула, сунула руки в карманы джинс и начала размышлять вслух:

– Тогда выходит это не он нарисовал тот знак, но кто-то же это сделал. Зачем? И когда?

– Смотрим дальше, – скомандовал Сашка, и мы втроем вновь уставились на экран. Теперь показывался кинозал, в котором ряды с сиденьями стандартно располагались амфитеатром. Народ уже занял почти все места. Как и сказал Сашка, было многолюдно... и многодетно. Повсюду в зале мелькали детские головы над сиденьями. Атмосфера была достаточно оживленная. С некоторой периодичностью подходили еще зрители из тех, что едва успели купить билет в последний момент. Вот вошла уже знакомая фигура, показала контролеру билет и быстро проследовала на свое место. Оно находилось у самого края второго ряда. Вот, контролер закрыла дверь, свет погас и начался сеанс.

– Останови, – скомандовала я. Парнишка покорно ткнул в нужную кнопку.

– Что не так? – нахмурился Сашка.

– Фильм начался в двенадцать пятнадцать. Белов купил билет в двенадцать ноль пять и сразу же отправился в зал. Но вошел практически последним. Где он шлялся десять минут.

– В туалете был? – предположил Крот.

– Десять минут? – поморщилась я.

– Может, у него диарея случилась на фоне стресса, – начал развивать свою теорию компьютерщик. – Все-таки, самого себя подорвать – это не в аквапарк сходить. Да и по записи видно, что он нервничал. К тому же, в туалете могла быть очередь.

– Ты много раз видел в мужских туалетах очереди? – не

удержалась я от скепсиса. – В женских – да, но в мужских практически всегда свободно.

Парень насупился.

– Мы на новогодние праздники ходили на одну комедию, так в сортир очередь была как в Мавзолей.

– Возможно, – не стала спорить я, – но чаще всего там немного жаждущих опорожнить мочевого пузыря.

– Заканчивайте препираться, – оборвал наш диалог Сашка. – Смотрим дальше.

Крот запустил видео и увеличил скорость воспроизведения, так как наблюдать за тем, как люди жуют попкорн и пьют газировку – не самое увлекательное в мире занятие. Белов же сидел, не шевелясь, и за сорок минут ни разу даже не сменил позу.

– Походу у него задница железная, – негромко прокомментировала я, но не успела закончить фразу, как подрывник завозился, поправил рюкзак, который держал все время на коленях, сунул руку в карман и тут же полумрак зала прорезала яркая вспышка. Запись оборвалась, пойдя помехами.

Крот закрыл «окно» и крутанулся к нам.

– Это все, что у нас есть.

Глава 13

– Так, – решительно произнесла я, – дайте разобраться.

Итак, у нас три взрыва с периодичностью в двенадцать дней.

– Двенадцать? – удивленно переспросил Сашка.

– Да, – подтвердила я, – а вы что, не знали? Взрывы повторялись через каждые двенадцать дней. Я это еще в машине заметила.

– Хорошо, – Сашка быстро принял к сведению новую информацию, – дальше.

– Дальше? – я почесала нос. – А дальше все смутно и непонятно. Судя по фото с места трагедии, знак на стене нарисовали уже после взрыва, так как выведен он непосредственно на каменной кладке, поверх которой была обшивка. Но кому это было нужно? И, насколько я поняла, сей загадочный символ фигурирует только в третьем эпизоде. В первом и втором его не было?

Я посмотрела на компьютерщика в ожидании ответа. Он отрицательно покачал головой, откидываясь на мягкую спинку офисного кресла. Я тут же почувствовала насколько сильно устала.

– А что там за сайт, который ты нам показывал? – вспомнила я, потерев шею.

– Сайт почти дохлый, – спокойно пояснил Крот. – Создавался как площадка для общения людей с различными про-

блемами – алкоголизм, наркомания, суицидальные настроения, смерть родственников и т.д. Человек мог зайти, анонимно рассказать о своих трудностях, попросить совета у собеседников. Для того, чтобы сделать запись и получить доступ к общему диалогу необходимо было зарегистрироваться. Имен настоящих там не спрашивали, возраст и место проживания тоже. Можно было представиться хоть Тутанхамом III, администраторам сайта было все равно. При желании, пользователь мог предоставить частную информацию, но исключительно в рамках личной переписки с конкретным пользователем. В коллективном чате любая деанонимизация быстро банилась модераторами. Правил у данного сообщества было не много, но они свято соблюдались. В случае трехкратного нарушения пользователю навсегда блокировали доступ. На сайте кто только не сидел – злобные малолетки на гормонах, одинокие дамочки средней возрастной категории, непонятые обществом гении и другие странные персонажи, у которых было слишком много свободного времени. Но приходили и люди с реальными проблемами, подвергшиеся домашнему насилию, избиению, психологическому давлению, травле и так далее.

– Ты столько подробностей про него смог узнать, – с подозрением протянула я, пристально глядя на парня.

Он широко улыбнулся.

– Просто я знаю этот сайт, одно время я часто туда захаживал.

– Изливал душевную боль или оказывал психологическую поддержку? – уточнила я.

– И то, и другое, – неопределенно ответили мне.

– Ладно, – улыбнулась я в ответ, давая понять, что углубляться в расспросы не стану.

Парень задумчиво посмотрел куда-то мне за плечо и постучал пальцем по подлокотнику.

– Самое главное заключается в том, что на сайте уже никого нет. Он еще не мертвый, но уже и не живой. Последнее сообщение в общем чате было сделано почти год назад.

– И что написано в этом сообщении? – вставил свои пять копеек Сашка.

– Ничего, – просто ответил Крот и опять улыбнулся. Его чрезмерная жизнерадостность и привычка улыбаться по поводу и без уже начинала действовать на нервы.

– В смысле? – напряглась я, чувствуя какой-то подвох.

– Там ничего не написано, – медленно повторил Крот, не сводя с меня глаз, – сообщение содержит медиафайл, а точнее аудиозапись с той самой мелодией, которая вам не понравилась.

– Это та, от которой уши судорогой сводит? – уточнила я, нервно передернув плечами.

– Она самая. Я еще не успел ознакомиться со всем содержанием сайта, для этого нужно время. Но если что-то найду, то обязательно сообщу, – произнес он, глядя на меня в упор так, что стало понятно, сообщать он собрался персонально

мне и скорее всего в приватной обстановке.

Краем глаза я поймала Сашкин взгляд, который был красноречивее всех слов и, если опустить ругательные, сводился к одной единственной простой мысли. Мысль эту мне уже озвучивали, не раз и не два, и все, кому не лень. Но что я могу сделать, если суккубы выделяют флюиды машинально, совершенно не задумываясь о том, на кого и как они подействуют. Уж вот такая у нас натура, самой природой настроенная оказывать воздействие на умы мужского населения. И, надо сказать, эти самые умы вовсе не против, чтобы мы на них воздействовали, а многие так вообще только «за». Существует целая сеть подпольных клубов, куда мужчины приходят с осознанной целью встретиться с суккубом. И еще приплачивают за это. А уж про зверинцы и вовсе вспоминать не хочется...

– Кстати, – с мрачным смешком проговорил Сашка, – это тот самый человек, которому ты так стремилась в глаза посмотреть. Пользуйся возможностью.

– Ааа, – не хорошо протянула я, – так вот, кто тот представитель семейства дятловых, слепивший кривой отчет.

– Какой отчет? – быстро подобрался Крот.

– Такой, с которым даже школьник справился бы лучше, – начала напирать я. – Ты когда биографию убийц составлял, почему не вписал сведения об их личной жизни? Или я по твоему должна эту информацию из космоса получить или может быть непосредственно из твоего мозга?

– Ну, – замешкался Крот, потупив взгляд, отчего стал похожим на провинившегося песика, который в отсутствие хозяев ботинками пообедал, – я как-то не подумал.

– Раз тогда не подумал, то запусти мыслительный процесс сейчас и найди мне нужные данные. Я хочу знать все – кто, с кем, когда и как долго. Задача ясна?

Парень усердно закивал.

– А просто у него личной жизни нет и никогда не было, вот он и не догадался поинтересоваться чужой, – меланхолично проговорил голос откуда-то из-за спины.

Рефлексы сработали быстрее, чем мозг.

Отшатнувшись в сторону, я откинула в сторону полу легкого кашемирового пальто, что было на мне, и выхватила пистолет. Сашка зеркально отобразил мои действия, вот только наставил пистолет на источник голоса на пару секунд быстрее, чем я.

– Тихо, тихо, – вскочил Крот и встал перед нами, сразу же оказавшись на линии огня. Подняв руки вверх в примиряющем движении, он испуганно попытался загородить что-то, что пряталось в темном углу, слышало весь наш разговор и подало голос в самый неожиданный момент. – Не стреляйте, не надо. Это всего лишь моя сестра.

Я сделала медленный и осторожный шаг в сторону так, чтобы расширить обзор на то, что парень так старательно пытался закрыть своим субтильным тельцем.

– Твоя сестра – это говорящая куча старого хлама? – на-

пряженно спросила я, рассмотрев за спиной компьютерщика какие-то тряпки, сваленные в один ком.

– Моль, – позвал Крот, – выползай давай, пока тебя не подстрелили.

– Вечно ты мне всё веселье обламываешь, – проворчал все тот же голос из темноты и тогда я отчетливо поняла, что он принадлежит ребенку.

Наши с Сашкой мысли очень часто двигались в одном направлении. Вот и сейчас без лишних разговоров он достал из кармана фонарик, включил его и направил луч света в темный угол. Тут же тряпичный холмик заворочался, лежащее на самом верху одеяло отлетело в сторону, за ним последовало еще одно, а после мы увидели сидящую в картонной коробке девчонку.

На виде ей было лет десять. Ярко-розовые волосы, неровно подстриженные под каре. Огромные серые глаза, ярко выделяющиеся на бледной мордочке из-за густой черной подводки. Не менее ярко смотрелись и губы, густо покрашенные красной помадой, которая больше подошла бы какой-нибудь солидной сорокалетней даме. Слегка торчащие уши были сережками и обильным пирсингом. Дырок от последнего было больше, чем можно было бы сосчитать. На шее незнакомки болталось с десятков различных цепочек и подвесок, тут же висели и большие наушники, явно купленные для взрослого человека. Пальцы на руках девчонки украшали многочисленные серебряные кольца, поблескивающие на свету. Ниж-

няя часть тела ребенка была невидна из-за коробки, а вот верхняя радовала глаз короткой ярко-зеленой и едва достигающей до пупка футболкой.

Бросив на нас крайне недовольный взгляд, девчонка сморщила нос и пробурчала:

– Здрасьте.

– Познакомьтесь, – с наигранным радушием произнес Крот в мою сторону, – это Молли, моя младшая сестра.

Я чуть растерянно кивнула, но расслабляться не спешила.

– Твою мать, – от души выругался Сашка и опустил пистолет. – Крот, ты же говорил, что больше не будешь приводить её сюда. Здесь не место малолеткам.

– Да, я знаю, – повинился парень, пряча руки в карманы, – но за ней нужно присматривать. А оставить было не с кем.

– Не нужно, – решительно отрезал ребенок и начал выкарабкиваться из коробки, заваленной всякой всячиной. – Я уже не маленькая, а ты таскаешь меня везде за собой.

– Помолчи, – шикнул на неё старший брат и с мольбой взглянул на меня, все еще держащую пистолет. Я одним движением пальца вернула предохранитель на место, а затем сунула пистолет за ремень джинсов. Носить так оружие было совершенно неудобно и за последний год я отвыкла ходить везде с пистолетом, так что вновь ощутить его тяжесть было непривычно. Одновременно это вызывало несколько смешанные чувства, словно я вернулась домой из долгого путешествия, за время которого изменилась не только я, но и

мир вокруг. И теперь некогда привычные действия казались и родными, и бесконечно далекими одновременно. Навевающими тоску по той девчонке из прошлого, что была когда-то, но сохранить себя прежней не сумела.

«Надо будет попросить у Сашки нормальную наплечную кобуру», – подумала я, а после подошла к Молли и протянула ей руку, как поздоровалась бы со взрослым человеком:

– Привет, Молли, я Фима.

– Имя для домашней свинки, – прыснула девчонка, от чего сразу же получила подзатыльник от брата, но руку осторожно пожала.

– Когда будет готово то, о чем я тебя просила? – сухо спросила я, повернувшись к компьютерщику и одновременно ощущая на себе внимательный взгляд Молли.

– Скоро, – с самым серьезным видом заявил парень, – прямо сейчас этим займусь.

– Мне нужно знать конкретно, когда зайти к тебе за отчетом, – не успокаивалась я.

– Давайте, я сброшу инфу вам на почту, – предложил Крот.

– У меня нет почты, – спокойно ответила я, на что у парня сделался такой вид, как будто на его глазах у меня отросла дополнительная голова и третья рука.

Но, тем не менее, он попытался справиться со своим удивлением и с надеждой поинтересовался:

– Тогда на ваш аккаунт?

– Его у меня тоже нет, – процедила я, начав терять терпение.

– Мессенджер? – продолжал перечислять компьютерщик.

– Парень, – прищурилась я, – у меня ничего нет.

– Как вы живете в этом мире, – пораженно и как-то с жалостью проговорил Крот и направился к своему столу.

– Отлично, иногда даже процветаю, – взглянула на Сашку, нехорошо посматривающего не Молли. – Ну, или процветала. До определенного времени.

– Вот, – Крот вернулся и протянул мне смартфон. – Возьмите мой. Я пришлю на него нужные данные в течении получаса.

Я поколебалась, но телефон взяла. Я не особенно любила использовать всю эту новомодную технику, так как прекрасно знала, насколько легко её можно использовать против собственного же владельца. А потому всячески старалась избегать. Но парнишка был прав. Так действительно будет удобнее, а когда все закончится, просто верну гаджет хозяину.

Уже у двери я обернулась и добавила:

– Да, еще мне нужны фотографии со всех мест взрывов, фото ближайших родственников инициаторов взрывов, а также фотки всех погибших.

– Это очень много информации, – растерялся Крот.

– Тогда стартуй быстрее, – посоветовала я и обратилась к Сашке: – Ты идешь?

Он кивнул, сказал пареньку:

– Мы с тобой еще поговорим об этом, – и мы вышли.

Глава 14

– Выпьешь со мной кофе? – как бы между делом поинтересовался Сашка, едва за нами захлопнулась дверь.

Я наморщила лоб.

– А у меня есть выбор?

– Естественно, – взглянул друг на меня с высоты своего немало роста, – ты здесь не заложница и не пленница.

– Но почему-то присутствует ощущение, что свобода моя весьма ограничена, – вздохнув, тихо произнесла я и пошла следом за другом, двинувшимся в конец коридора.

– Ты про защитный периметр? – проявил Сашка чудеса сообразительности. – Он необходим не для того, чтобы не выпустить кого-то отсюда, а чтобы не пустить посторонних сюда.

– Я знаю. А еще я знаю цену, которую выставляют ведьмы за предоставление таких услуг. Сумма немалая. И раз уж ты решился раскошелиться, значит, опасаясь чего-то. И это что-то явно не горстка каких-нибудь местных оборотней, промышляющих разбойничеством.

– Ты права, – не стал спорить Сашка. – Я не знаю, с чем мы столкнулись на этот раз. Но дело серьезное, и именно поэтому я попросил у тебя помощи.

Я поджала губы.

– Вернее, едва ли не за шкурку притащил меня сюда. В

место, где концентрация тестостерона на один квадратный метр больше, чем где-либо.

Сашка ничего не ответил, а просто продолжил идти. Мне осталось лишь топтать за ним, прожигая взглядом его широкую спину.

Говорят, что молчанье – добродетель. Если это так, то на моем счету еще один минус, так как молчать я никогда не умела. А потому помучавшись пару минут заговорила вновь:

– Это такая извращенная месть, а, Саш? За то, что тогда я ушла вопреки твоему желанию, не поддавшись на советы и уговоры?

К тому моменту мы как раз добрались до кабинета моего бывшего напарника. Сашка толкнул незапертую створку, и мы вновь оказались внутри уже хорошо знакомого мне кабинета.

Я успела лишь притворить за собой дверь и сделать один шаг от порога, как Сашка резко обернулся. Непроизвольно я отшатнулась назад, что не ускользнуло от его внимания, так как в этом рефлексорном движении присутствовала значительная доля страха. Больше, чем я могла себе позволить. Больше, чем могла ему показать. Но что-то происходило со мной, с моей душой, если она у меня была. С успехом прежде подавляемые эмоции вдруг неожиданно настигли меня. Так долго сдерживаемые, теперь они захлестывали меня волнами, сбивали с ног, и я едва удерживала под контролем свою извечную панику. Паника и страх – это то, с чем я жила очень

долго. То, что я научилась сначала контролировать, а потом и скрывать. Не только от окружающих, но даже от самой себя. И вот теперь я как будто вновь оказалась в начале долгого и сложного пути, где за каждым поворотом прячутся чудовища. Меня откинуло назад, тем самым обесценив все старания, все прожитые года, в течении которых я ненавидела смотреть в зеркало, пряталась от воспоминаний о прошлом, избегала мыслей о том, кем я была и кем стала. И что меня ждет в будущем. Будущем, которого такие, как мы не заслужили.

И вот, после года скитаний и морального самоуничтожения, я стояла напротив друга, испуганно отступив назад всего лишь от одного его резкого движения. Зажатая в угол. Застывшая, словно кролик в ярком свете фар. Бессильно стискивающая кулаки. Неуверенная в собственной отваге и решимости. Была ли я вообще хоть когда-то отважной и решительной? Или же просто играла роль, словно актриса в плохом полуразрушенном и позабытом зрителями театре.

Кто же я теперь? Бывший наемник, сломавшийся под натиском обстоятельств, которые хватило сил изменить? Девчонка, вообразившая, что может сражаться наравне с мужчинами в мире, где всем заправляют мужчины? Потерянный однажды ребенок, вынужденный прятаться среди чужих, чтобы выжить в охоте на своих?

Кого я увижу в зеркале сегодня?

Сашка ничего не подозревал об этих мысленных метани-

ях. Не отрывая взгляда от моих широко распахнутых глаз, он поднял руку, прикоснулся кончиком пальцев к моей щеке и легонько провел вниз.

– Я знаю, что тебе здесь трудно. А еще я знаю, что ты сильная девочка. Моя девочка. И ты со всем справишься.

Он замолчал. А затем, не прерывая зрительного контакта, склонился ниже и прошептал:

– Если ты хотя бы попытаешься соблазнить кого-то из моих бойцов, то мне придется прибегнуть к крайним мерам.

Я дернулась, как если бы меня ударили хлыстом.

– Поступишь также, как поступил Хасан? – мой голос дрогнул.

– Нет, у меня идея получше, – оттолкнувшись рукой от стены, Сашка отошел в сторону. А я выдохнула, только в этот момент осознав, что задержала дыхание.

– И какая же? Могу я узнать, какие у тебя планы относительно моей скромной персоны? Может быть, мне пора собирать вещички и сматывать отсюда подальше, от тебя и от твоих новых друзей?

– Тебе нечего собирать, – поразив меня своим добродушием, так ему не свойственным, улыбнулся Сашка и направился в противоположный угол. Туда, где, поблескивая хромированными деталями стояла новенькая кофемашина. Он нажал пару кнопок, после чего раздался характерный гул. Аппарат начал готовить бодрящий напиток, от запаха которого у меня едва слюнки не потекли.

Сашка обернулся, оценил моё выражение лица и улыбнулся еще шире.

– Купил специально к твоему приезду, – пояснил он, а автомат тем временем зашипел, разливая коричневую жидкость сразу в две небольшие чашки. – Не думаю, что за время затянувшегося отпуска ты избавилась от своей кофейной зависимости.

– Я не избавляюсь от своих зависимостей, а лишь приобретаю новые, – парировала я и несмотря на то, что мышцы чуть подрагивали от напряжения и усталости, потянулась за ароматным напитком.

– Спасибо, – с искренней благодарностью ответила я, принимая из рук Сашки горячую чашку.

– Хотел сказать, чтобы ты была осторожнее, потому что чашка горячая. А потом вспомнил, что тебя такой ерундой не испугать, – после минутной паузы произнес друг.

– Я знаю, что ты никогда не желал мне зла, – с непередаваемым наслаждением вдохнув запах свежеприготовленного кофе негромко произнесла и тут же сама себя поправила: – Ну, большую часть времени ты не желал мне зла.

Сашка хмыкнул и выразительно посмотрел на меня поверх своей чашки, которую в этот момент поднес ко рту. Отпил, а после с насмешкой произнес:

– Ты была мелким, неугомонным, наглым созданием, которое действовало мне на нервы одним своим существованием. Но при этом я должен был как папа Карло, обтесать

тебя и выстругать из доставшегося мне полена сносное Буратино.

Я едва не поперхнулась.

– Ну, ничего себе сравнение! У меня длинный нос или деревянная походка?

– И то, и другое, – щедро отвесил Сашка комплимент, озорно улыбаясь.

Я задохнулась от негодования и от души толкнула его в плечо. Он пошатнулся, так как в этот момент опирался только на одну ногу, закинув другую на подножку стола, но улыбаться не перестал.

– И ты знаешь, у меня получился вполне приличный Буратинка.

Я отвесила игривый поклон.

– Спасибо, за такую высокую оценку моих скромных способностей.

А после помрачнела и добавила:

– Но при всех моих достоинствах ты продолжаешь пытаться удерживать меня на поводке. Ты делал все, чтобы контролировать меня, когда был жив Хасан. И продолжаешь делать это сейчас, заняв его место.

– Детка, – вздохнул Сашка, назвав меня так, как не называл с тех пор, как я отпраздновала свое восемнадцатилетие. – Я контролировал тебя раньше и буду контролировать в будущем – в этом ты права. Но вот в отношении моих мотивов допустила ошибку. Ты слишком ценна, чтобы позволить

тебе уничтожить саму себя, а именно к этому ты стремишься всю свою жизнь. Саморазрушение не может быть самоцелью, Фима.

– То есть, я настолько дорогой приз, что меня лучше даже из коробки не доставать, а потуже завязать бант, поставить на полку и периодически пыль стряхивать? – с горечью подвела я итог.

– Примерно так, – с легкостью согласился Сашка. – Я не хочу, чтобы история, хорошо известная нам обоим, повторилась. А потому держи свои таланты в узде.

Он одним глотком допил остаток кофе, отставил чашку и направился к столу, отчетливо давая понять, что разговор окончен.

– И еще, – произнес Сашка, когда я уже направлялась к двери. – Будь подальше от Руслана.

– С чего вдруг такое уточнение? – обернулась я. – Он тебе понравился, и ты боишься, что я уведу у тебя несостоявшегося любовничка?

– Не пори чушь, – скривил губы мой друг. – Я знаю, что таких, как вы тянет друг другу. А мне нужны бойцы, а не парочка круглосуточно сношающихся кроликов.

– Как скажешь, милый, – я жеманно захлопала ресницами, сложила губки бантиком и послала Сашке воздушный поцелуй. А после перестала кривляться и уже серьезно произнесла: – В свою очередь тоже могут дать совет – будь повнимательнее с розововолосой малышкой.

Сашка поднял на меня взгляд от бумаг, к прочтению которых уже успел приступить.

– Она похожа на тебя? – отрывисто спросил он.

Я передернула плечами.

– Уж скорее она похожа на тебя.

– В смысле? – не понял друг.

– В смысле девчонка – человек, но определенные экстрасенсорные способности присутствуют, – пояснила я с неохотой, потому как очень уж хотелось немного подпортить Сашке жизнь. Не так, чтобы основательно. А лишь чуть-чуть, из вредности и в отместку за то, что сравнил меня с деревянным мальчиком. Но при всем своем желании сделать пакость я также понимала, что данная ситуация способна привести к весьма неожиданному результату, от которого пострадает не только Сашка, но другие люди. Которые не сделали мне ничего плохого. А я не люблю, когда так происходит. – Возможно, у неё в роду была ведьма или что-то вроде того. Точнее о характере и уровне способностей сказать не могу, но что-то в ней определенно есть. Так что, присмотришь.

– Я уже присмотрелся, о чем теперь жалею. С тех пор Молли глаз с меня не сводит, – ворчливо отозвался Сашка и зашуршал бумагами. – А потому стараюсь пересекаться с ней как можно реже и Кроту запретил таскать мелкую на работу, но парень, как видишь, не особенно послушался.

– Не удивительно, – с напускным радушием пропела я. – Девчонка в тебя влюбилась.

– Не смейся, – Сашка схватил какой-то лист, с чувством скомкал и ловко зашвырнул в мусорное ведро, стоящее почему-то у двери. – Ей всего-то двенадцать лет.

– Дети последних поколений растут очень быстро, – решила я временно побыть наставницей и раскрыть Сашке глаза на суть происходящего, так как мой бедный друг еще не понял, сколько трудных и неловких минут ему предстоит пережить. – Это ты в четырнадцать лет на велике по лужам гонял и голубей пугал. А современные подростки в четырнадцать лет уже всю наработывают интимный опыт и разбираются в некоторых вопросах лучше, чем мы с тобой.

– Это в каких же? – с иронией поинтересовался Сашка, комкая еще один лист и отправляя его следом за предыдущим. – Как выдавливать прыщи?

– Возможно, и в этом тоже, – отмахнулась я, – но суть в другом. Ты – привлекательный мужчина, способный заинтересовать любую женщину. И не мне тебе об этом рассказывать, ты и сам в курсе. Так что, ничего удивительного в том, что тобой заинтересовалась двенадцатилетка. Сомневаюсь, что за свою короткую жизнь она встречала кого-то, вроде тебя, вот и влюбилась. Проблема в другом. Надо поскорее выяснить какие способности у малышки, а то вдруг она какой-нибудь некромант с дремлющими способностями. Оскорбишь девчонку в её самых светлых намерениях, и она натравит на тебя все местное кладбище. Так что, в твоих интересах побыстрее выяснить, кто она.

Закончив свою речь, я развернулась и направилась к двери.

– Ты сказала, я способен заинтересовать любую женщину. А как насчет тебя? – донеслось мне вслед.

Я распахнула дверь, вышла в коридор и уже оттуда ответила.

– Меня ты тоже заинтересовал.

– Правда? – брови Сашки от удивления взлетели вверх, а в глазах промелькнуло странное выражение. На долю секунды, мне показалось, что это была тоска.

– Да. Я была влюблена в тебя ровно четыре минуты. С того момента, как увидела и до той секунды, когда ты продемонстрировал свой сволочный характер.

Я широко улыбнулась и захлопнула дверь, не дожидаясь ответа на мой словесный выпад.

Глава 15

Письмо от Крота пришло, когда я, выйдя из душного здания части, прошла по узенькой аллейке и устроилась на лавочке, что стояла в тени основательного дуба в самом конце вымощенной кирпичом дорожки. Хотелось уединения, а еще тишины и покоя. А еще чтобы никто не трогал, за шею не хватал и не сваливал на хрупкие девчачьи плечи свои проблемы, ожидая от моей скромной персоны какого-то чуда. На самом деле, я хоть и обладаю определенными способностями, но далеко не волшебница из доброй сказки. Да и вообще добрые сказки – не мой профиль. Если так подумать, то я скорее персонаж романа Стивенсона, а не храбрая Белоснежка с семьей гномами в арьергарде. Миру не светит счастье в моем лице, так же, как мне не светило побыть в этот день в одиночестве.

Услышав командное «Стройся!», я вздрогнула и рывком обернулась. Оказалось, что я собралась уединиться на лавочке, что расположилась аккурат напротив асфальтированной площадки. Из-за густо насаженной и буйно разросшейся растительности, я изначально не заметила, что аллея, пролегающая под окнами административного здания, соседствует с куском размеченной территории, отведенной под строевой плац.

Не то, чтобы меня удивило наличие плаца в воинской ча-

сти. Скорее неожиданностью стало то, что я его не заметила, а должна была. Еще большее удивление меня ждало, когда я, обогнув особенно широко разросшуюся липу выглянула из-за ветки. Увиденное не просто поразило, а ввело в ступор. На плацу ровненько так, по три штуки в одном ряду, стояли кровати – деревянные, не вызывающие каких-либо мыслей о возможном комфорте сооружения, застеленные куцыми синими покрывалами, поверх которых в изголовье располагались прямоугольные подушки. Ряды кроватей друг от друга отделяли такие же деревянные и такого же безнадежно тусклого светло-коричневого цвета одностворчатые шкафы. В отдельный ряд выстроились тумбочки. Между всем этим словно выставленным на показ добром подобно тараканам носились ребята в камуфляжных костюмах, притаскивая на себе все новые и новые партии мебели.

В сторонке, но ближе всего ко мне, стояла группа других молодцев. Четверо ребят, у двоих из которых на плечах виднелись лычки младших сержантов. Еще один был в звании старшего сержанта. У последнего были не лычки, а звездочки. Четыре маленьких звезды, три из которых располагались правильным треугольником, а четвертая находилась над ним. Моих скудных знаний о распределении и обозначении воинских званий хватило на то, чтобы идентифицировать молодого человека как офицера в звании капитана. Следовательно, среди всех четверых, лицезрящих процесс глобального переселения народа из уютной казармы под откры-

тое безоблачное небо, как раз офицер являлся главенствующим, то есть, руководящим.

Мой скромный интерес к происходящему не остался незамеченным. Один из младших сержантов окинул меня оценивающим взглядом, скользнув глазами сверху-вниз и обратно, после чего повернулся к товарищам и что-то сказал. Что именно расслышать я не смогла, так как в этот момент пыхтя, обливаясь потом, сильно краснея и тяжело топая как раз мимо меня пронесли еще один шифоньер. К тому моменту, когда деревянного мастодонта уронили рядышком с еще одним таким же и бойцы срочной службы в роли грузчиков перестали загораживать обзор, на меня смотрели уже все четверо представителя командующей касты, не участвующих в общем таскательном веселье. Смотрели заинтересованно, внимательно и чуть удивленно.

Я поморщилась. Не то, чтобы я не любила привлекать внимание. Так уж повелось, что представители расы, к которой я наполовину принадлежу, куда не пойдут – везде заметны. Но иногда, а вернее тогда, когда ты на работе и должна думать о работе, внимание со стороны мужского пола не то, чтобы не помогает, а наоборот – мешает.

Тяжело вздохнув, я отправилась обратно к лавочке и попыталась устроиться с максимально возможным комфортом на жестких планках, соединенных в одну конструкцию, почему-то лишенную спинки. Из-за этого опираться пришлось локтями о собственные колени, от чего эти самые локти и

колени быстро затекли, а еще начали ныть спина и шея.

«Ну, хотя бы, на свежем воздухе», – попыталась я утешить саму себя, достала смартфон, разблокировала экран, открыла прилетевшее письмо и углубилась в чтение.

Уже по первым строчкам стало очевидно, что информация не отличается особой содержательностью.

Итак, Максим Крылов, инициатор первого взрыва насыщенной личной жизнью похвастаться не мог. Возможно, у него были какие-то непродолжительные связи, строящиеся на интимах, но все, что удалось нарыть Кроту – это сведения по двум бывшим девушкам. Для парня двадцати восьми лет подобное поведение в наше не отличающееся целомудренностью и благочестивостью время практически аналогично монашескому celibату.

Первую девушку звали Марина. Она училась вместе с Крыловым в некоем агропромышленном колледже, постигая азы бухгалтерского дела, только на курс ниже. После завершения Крыловым обучения, дороги возлюбленных разошлись и отношения вскоре закончились. Судя по сведениям, опубликованным на личной странице Марины в соцсети, она уже три года, как благополучно замужем и воспитывает двух детей-погодок. Крот даже догадался с ней списаться и вложил в письмо скриншот переписки. При вопросе о Максиме Крылове она даже не сразу поняла, о ком идет речь, а после дополнительных разъяснений, написала, что не виделась с ним со студенческих времен и даже не вспоминала. Прак-

тически сразу после расставания с Максимом девушка переехала в другой город, где и познакомилась со своим будущим мужем. В принципе, ничего вызывающего подозрения. Своего бывшего парня Марина характеризовала как доброго, но безынициативного. «Я была совсем девчонкой, и мне хотелось веселья, радости, эмоций. Я любила в клубы, кафе, как-то развлекаться. А ему достаточно было лежать на диване и смотреть киношку. Мы были вместе просто потому, что ни у него, ни у меня не было варианта получше. Но, если честно, расставание принесло облегчение обоим», – написала Марина. И подобное описание совсем не вязалось с психотипом человека, способного устроить массовое убийство.

Следующей возлюбленной Крылова стала девушка по имени Татьяна. Они познакомились на последней работе Крылова. Барышня была младше его на два года и выше на голову. Фотодоказательства прилагались. Девушка не отличалась особой привлекательностью, в принципе, на длинных ногах и молодости заканчивались все её внешние преимущества. Компьютерщику удалось с ней связаться, но девушка на контакт не пошла. Заявила, что с Крыловым они разошлись восемь месяцев назад по обоюдному согласию и это все, что нужно знать «всем любопытным». Однако гений мышки и клавиатуры оказался настырным и смог собрать некоторые данные. Большинство из них сводилось к сплетням по типу «он сказал, она сказала», но кое-какое представление об отношениях пары эти собранные в один букет сплетни полу-

чить позволяли.

По словам женщины, имя которой в отчете не указывалось, но которая также работала вместе с Крыловым и его пассией, до Максима Татьяна имела отношения с другим своим коллегой. Звали его Владимир, был он женат и имел двоих детей. Разница в возрасте женатого мужчины и его молодой любовницы составляла почти пятнадцать лет. Но ни его, ни её это не смущало. Так же, как не смущало демонстрировать свои отношения всему коллективу. Поговаривали даже, что мужик собирался уйти от законной супруги к подружке, но слухи так и остались слухами, благо отношения между любовной парочкой резко разладились, когда на работу пришла другая не менее молодая, но более симпатичная девушка. Внимание Владимира переключилось на неё, а Татьяна, возможно из желания отомстить, быстро взяла в оборот Максима. Позже, в один из дней бывшие любовники сильно поскандалили прямо на работе, после чего объявили друг другу негласную войну. Противостояние продолжалось четыре месяца, пока Татьяна, не выдержав морального давления, написала заявление на увольнение. Но отработать положенные по Трудовому законодательству две недели не успела, так как поскользнулась на мокром полу в раздевалке и упала, сломав ногу. Как отношения между Татьяной и Максимом развивались дальше неизвестно, но, по словам все того же источника, когда у Максима через некоторое время поинтересовались относительно здоровья его девуш-

ки, парень ответил, что она уже не его девушка и её здоровье – не его проблема.

Таким образом, если верить слухам, а также словам самой Татьяны, выходило, что на момент взрыва Крылов не состоял в близких отношениях с кем бы то ни было. Информация, конечно же, нуждалась в дополнительной проверке и хорошо бы навестить эту самую любвеобильную молодку, но пока достаточно было принять за основу тот факт, что Крылов относился к категории холостяков.

Виновник второго взрыва, который прогремел в торговом центре через двенадцать дней после первого, Вадим Глушко также последние месяцы своей жизни был одинок. Да что там месяцы, годы! Бывшая девушка Вадима, Анастасия Головина, в отличие от пассий Крылова согласилась на личный разговор, и беседа вышла обстоятельной. Она не только охотно делилась своими переживаниями и воспоминаниями, но даже притащила с собой фотоальбом и во время беседы с энтузиазмом демонстрировала совместные с Вадимом фотографии. Причем, если верить заметкам человека, который с ней разговаривал, а после расшифровывал диктофонную запись, девчонка обрыдалась над этими самыми фото.

Настя и Вадим знали друг друга с первого класса. К третьему начали дружить, потому что Головина была умницей, учеба давалась ей легко и не менее легко она давала списывать одноклассникам. Глушко же числился среди троечников, но не потому, что был глупым, а потому что лень ро-

дилась раньше него. Гонять мяч на футбольном поле ему было гораздо интереснее, чем разбираться в правилах русского языка и решать задачи по алгебре. А потому, когда он понял, что Настя способна обеспечить ему безоблачное существование в школе, быстро договорился с её соседкой по парте и сам занял это место. Настя, конечно же, все поняла, но девочкой была доброй и дружелюбной, а потому ребята очень быстро подружились. Правда к седьмому классу разругались в пух и прах да так, что даже не здоровались. Вернее, это Настя не здоровалась, а Вадим порой проявлял свойственную подросткам жестокость и периодически отпускал довольно неприятные шуточки в её сторону. Девочка обижалась, пару раз даже плакала, закрывшись в кабинке женского туалета, но отвечать грубостью на грубость не хотела, а потому старательно игнорировала бывшего друга. Из-за чего произошел разлад в дружбе Головина рассказывать не захотела, а вернее, попыталась уйти от ответа, пробормотав нечто неопределенное в духе «произошло недопонимание». Однако тот же автор расшифровки сделал еще одну пометку со словами «старшая сестра». Крот, умница, не поленился дать пояснения в сноске, где значилось, что у Насти имеется старшая сестра Нина. У девочек разница в два года и учились они в одной школе. Судя по всему, Вадим проявил интерес к Нине, а Настя приревновала.

История казалась сомнительной, но, возможно, среди подростков, взбудораженных бурлящими гормонами, такое

действительно случается. Не знаю, я в стандартную школу никогда не ходила, да и друзей у меня никогда не было.

Возвращаясь к любовной истории Насти и Вадима, они все-таки помирились. Ага, в девятом классе. А через пару месяцев впервые поцеловались, вскорости начав встречаться. На старшую сестру своей подруги Глушко больше не засматривался, но это не мешало Насте ревновать своего возлюбленного к каждому фонарному столбу.

В выпускном классе ребята долго не могли решить, куда им поступать. Настя хотела уехать в Северную Столицу и получить образование в сфере программирования. Вадиму было все равно, куда поступать, лишь бы куда-нибудь, что бы в армию не забрали. Но уезжать из родного города он не хотел. Во-первых, его устраивало жить с родителями, во-вторых, он не хотел терять друзей.

Поругавшись на этой почве несколько раз, Настя приняла соломоново решение – она поступит на желаемую специальность в родном городе и поможет поступить Вадиму. Осуществить первую часть задуманного оказалось легко. Настю, умницу с золотой медалью, радостно приняли в один из крупнейших вузов Восточной Столицы. Вадима, не без помощи родителей, удалось пропихнуть на факультет социологии в не самый востребованный университет.

Лето перед началом занятий на первом курсе ребята провели вместе. А вот с первого сентября начались проблемы. Настя с полной отдачей погрузилась в учебу, Вадим, с не

меньшей отдачей погрузился в студенческую жизнь. Вернее, в ту её часть, которая наполнена шумными вечеринками, дешевым алкоголем, дымом сигарет и быстрыми связями на одну ночь.

Об изменах своего сердечного друга Головина узнала быстро, добрые люди донесли. Далее разразился скандал, который закончился болезненным разрывом.

С тех пор прошло два года. У Насти уже другие отношения – с мальчиком из её группы и все вроде серьезно, они даже собираются начать жить вместе, но ту, свою первую любовь, забыть никак не получается. Про Вадима она слышала. Общие знакомые поговаривали, что новую девушку он себе так и не завел, ограничивался случайными подружками. Возможно, тоже не смог забыть первую любимую. А может быть, вообще никогда и никого не любил. Узнав про гибель Глушко Настя долго не могла поверить. Как не могла поверить в то, что он решился на террористический акт с самоубийством, как неизбежным следствием.

Я тоже не могла поверить в то, что тратила своё время изучая чужую жизнь, хотя могла бы в этом время лежать где-нибудь на берегу моря, слушать шум прибоя и наслаждаться праздным бездельем. Но жизнь такая штука – может всякое случиться. Как говорится, удивительное рядом.

Главным действующим лицом третьего акта кровавого Марлезонского балета стал двадцатилетний Белов Даниил. Его суровые мужские будни скрашивала барышня по имени

Алина Познякова. Пятилетняя разница, благодаря которой отношения молодых людей подпадали под статью о совращении малолетних, явно не пугала пару. А ведь девчонка еще даже не успела достигнуть так называемого возраста согласия, то есть, шестнадцати лет. При определенном желании родители Алины могли отправить Даниила в места лишения свободы сроком от трех до пяти лет с перспективой умереть на зоне, так как клеймо педофила способно добавить красок в жизнь заключенного и краски эти будут цвета крови. Но все это могло бы случиться, если бы эти самые родители у Алины были. А так, сирота, воспитываемая вначале бабушкой, а после её смерти, когда девочке только-только исполнилось одиннадцать, теткой по отцовской линии. У тётки самой было четверо сыновей, проживали они в глухом медвежьем углу и не так, чтобы обрадовались еще одному рту. Прекрасно осознавая, что родственникам она нужна также, как рыбке весло, девчонка закончила девять классов и подалась в столицу в поисках если не счастья, то хоть какой-то лучшей жизни.

В этот момент госпожа удача видимо решила проявить благосклонность и повернуться к девушке передом. Здесь могла бы быть какая-нибудь очень пошлая шутка, но её не будет, так как искрить пошлостью перед самой собой как-то глупо, а поделиться не с кем.

Не то, чтобы я не сочувствовала Алине, нет, её история жизни достаточно печальная... Настолько, что девочка

попыталась воспользоваться собственным прошлым, чтобы выжать слезу из человека, с которым беседовала, описывая все выше указанное. Я не раз встречала подобных персонажей, которые очень любили давить на жалость окружающих с последующей для себя выгодой. Смысл в том, что действительно несчастные люди редко делятся своим несчастьем с посторонними, в особенности с теми, кого они видят в первый раз и то только потому, что случилось что-то страшное. А потому, все, что сказала девчонка надо бы перепроверить. Вполне возможно, родители у неё имеются и даже весьма благополучные.

Но если придерживаться версии, озвученной первоначально, то картинка складывалась следующая. Алина поступила в техникум общественного питания и торговли по направлению подготовки «повар-кондитер». Получила место в общежитии и стипендию, которой все равно не хватало на жизнь. А потому барышня устроилась работать помощником повара в небольшое кафе по соседству с общагой. Работа была несложная – порезать, почистить, шампуры на мангале покрутить, – а платили хорошо. По крайней мере, одинокой, не особенно претенциозной Алине хватало на тряпки да на косметику. Еду покупать не приходилось, на работе кормили, еще и давали тормозок с собой благо повару-грузину девчонка нравилась. Через месяц, после того как девушка приступила к исполнению своих обязанностей по очистке лука и нарезанию картошки, в кафе появился новый сотрудник –

молодой и весьма привлекательный внешней Даниил, которого приняли на должность охранника.

Само кафе было местом бюджетным, а потому весьма популярным у молодежи. Да к тому же поблизости находилось сразу несколько учебных заведений. По вечерам часто случался наплыв гостей, а студенты – народ ушлый и всегда бедный. Оттого хитрый на выдумки, которые не всегда законны. Например, не раз случались ситуации, когда посетители, воспользовавшись тем, что их официант отвлекся, уходили не заплатив. В целях предотвращения подобного, а также различных пьяных потасовок, и была введена новая должность охранника.

Даня понравился девушке сразу, а вот он первое время новоиспеченную жительницу мегаполиса не замечал. Ну, вот прям вообще – в упор не видел. Уж как Алина старалась привлечь его внимание – ничего не получалось. На совместных пьянках, организованных с подачи Позняковой, пил мало, в общих диалогах не участвовал, говорил только тогда, когда его о чем-то спрашивали. Танцевать, как и петь в караоке, не любил и никогда не задерживался дольше, чем на пару часов. Откровенные наряды вчерашней школьницы, которые с каждым днем становились все откровеннее, его не интересовали – он безразлично скользил взглядом по глубокому вырезу майки и спокойно отворачивался. Алина даже пыталась сама его пригласить на свидание, однако на предложение сходить куда-нибудь прогуляться ответил категоричным «нет».

а на все дальнейшие вопросы отвечал односложно и крайне неохотно.

Немного подрастеряв энтузиазм, девушка огорченно пришла к выводу, что Даниил либо гей, либо девственник. Другие варианты она не рассматривала, так как кольца на пальце у парня не было, следовательно, не было и жены. А вопрос про наличие девушки он всегда откровенно игнорировал. Хотя у Алины имелась еще одна версия, почему её фактически отвергли – устраиваясь на работу парень сказал, что недавно вернулся из армии, о чем тут же стало известно всему коллективу. Возможно, думала Алина, его в этой армии каким-нибудь взорвавшимся снарядами контузило. В результате чего парень поглупел и слегка ослеп, и именно по этой причине не смог рассмотреть то бесконечно очаровательное ангельское создание, что само плыло к нему в руки.

Надо сказать, это самое создание сильно преувеличивало степень своего очарования. Так как на фотографии, прилагавшейся к отчету, я увидела обыкновенную простоватую девчонку – жиденькие светло-русые волосы, небольшие глазки, нос картошкой, тонкие губы. Возможно, если вооружиться хорошей косметикой и провести у зеркала около часа, то это лицо можно превратить в нечто действительно сражающее с ног. Но в натуральном виде оно выглядело максимально непримечательно. В таких ситуациях, когда лицо не очень, часто бывает так, что фигура очень даже. И да, ножки действительно привлекали внимание, как и грудь, но у Алины

была классическая мужская фигура. То есть, узкие бедра, полное отсутствие талии и широкие плечи. С такой фигурой только карьеру пловца делать. Вот там мощный верх всегда пригодится.

И все-таки, Алине удалось добиться желаемого. В один из вечеров она услышала, как Даниил разговаривает по телефону. Разговор был явно не из радостных и под конец беседы парень пообещал встретиться с собеседником через час. Зная, что его смена только началась, девушка была уверена, что начальница его отпустит, но уже через полчаса увидела, как парень отправился в раздевалку переодеваться – все, кто работал в зале носили форму.

Алина быстренько сориентировалась, наплела повару Резо, что у неё прихватил живот и, накинув на голову капюшон ветровки, потихоньку отправилась следом за Беловым. Уж очень ей стало интересно, с кем же скрытный и необщительный парень собрался встречаться. Если с девушкой, решила Алина, то хотя бы появится возможность узнать, какая она.

Познякова шла за Беловым минут двадцать, держась на расстоянии и старательно прикрывая лицо бесплатным рекламным буклетом – все по заветам шпионских фильмов. В какой-то момент она потеряла его широкую спину из вида. Но когда свернула на следующую улицу, то первое, что увидела, был Белов. Он нежно держал под ручку пожилую даму, помогая ей спуститься по ступенькам крыльца какого-то дома. Дом выглядел по-старинному изысканно, имел четыре

этажа и впечатлял декоративной отделкой в исконном дворянском стиле. Эта часть города хоть и была практически центром, но отличалась исторической малоэтажной застройкой, а также теми заоблачными ценами, которые просили за неё риелторы.

Женщина, которую Белов трогательно поддерживал за локоток, сильно хромала, с трудом наступая на правую ногу и переваливаясь словно травмированная утка. Уже на последних ступеньках её как-то неудачно шатнуло и повело в сторону. Даниил не успел среагировать, так как в этот момент что-то доставал из кармана, и его потащило следом за старушкой, которая намертво вцепилась в его рукав. Зато успела среагировать Алина. Она в два шага подскочила и как раз успела подставить плечо, чтобы поймать летящую боком вниз женщину. Удивились все – и старушка, и Белов, и сама Алина.

Уже позже, после благодарности за помощь, выраженной в приглашении попить чай с печеньками выяснилось, что женщина – мать Даниила. На днях она подвернула ногу, а потому попросила сына забрать её из дома и отвезти на рентген. В больницу они все-таки съездили, но уже втроем.

В дальнейшем они стали часто проводить время все вместе. Алина, заметив трогательную привязанность Белова к матери, поняла, что путь к его сердцу лежит через родительницу. А потому старалась изо всех сил ей понравиться. Короткие юбки и откровенные блузки остались в прошлом. Также, как и яркий макияж. Девочка стала вести се-

бя скромнее, меньше болтать и больше слушать, отказалась от выпивки и сигарет, а также заинтересовалась творчеством поэтов Серебряного века. В общем и целом, вчерашняя пацанка встала на путь превращения в тургеневскую барышню. И видимо, именно такая девушка нужна была Даниилу. Так как после всех перемен, а также длительного дружеского общения на кухне за чашкой чая парень заинтересовался ею в личном плане.

И вот теперь вопрос. Каким образом парню, чье мировоззрение сформировала экзальтированная мать-интеллектуалка, сумевшая оказать влияние даже на девицу, единственными учителями которой была улица и дворовая шпана, пришла в голову мысль совершить акт массового убийства? Почему-то мне кажется, что этот парень вырос на поэзии Ахматовой и Цветаевой, на музыке Чайковского и Рахманинова, на прозе Есенина и истории его любви к Айседоре Дункан.

Есенин был алкоголиком, дебоширом, бабником и имел детей практически от каждой своей женщины, которых бросал едва ли не беременными, но многие любители литературы искренне восхищаются поэтом, закрывая глаза на личностные качества творца. Но не влияние же Есенина и бытописания его разгульной жизни толкнули парня на совершение теракта!

Факт остается фактом, как ты его ни крути – Белов вошел в кинотеатр и вскоре тот взорвался. В Марлезонском балете шестнадцать актов, а на сколько актов растянется наша пье-

са?

Я открыла прилагавшийся к текстовому документу файл с фотографиями и стала просматривать одно изображение за другим, всматриваясь в лица погибших. Крот методично рассортировал фото в соответствии с местом и временем гибели людей, а потому сориентироваться в массе изображений было не трудно. В основном, это были фото, так сказать, протокольного формата, то есть, взятые из документов – паспортов, военных билетов, водительских удостоверений. Сделанные в анфас на белом фоне с практически безэмоциональным выражением лица. Часть была скачана из личных аккаунтов людей, чьи жизни оборвали три взрыва.

Но ничего примечательного, странного или необычного я в них не увидела. Ничего, что бросалось бы в глаза и вызывало подозрение. Обычные люди.

Вот темноволосая женщина средних лет с усталыми и чуть грустными глазами. Очевидно замученная жизнью, работой и бестолковыми детьми. А вот пожилая дама с чуть прищуренными белесыми глазами, которые в молодости скорее всего были голубыми. Глубокие носогубные складки, а также две четкие вертикальные морщины над верхней частью рта, то есть по краям губного желобка, выдавали в ней человека, который смотрит на мир презрительно и неодобрительно. Следующим уже был мужчина с элегантной проседью в пышной копне чуть выющихся темно-русых волос и легким косоглазием, которое его совсем не портило, а на-

оборот, добавляло какого-то неповторимого шарма. Поролистое умное лицо привлекало взгляд – на него хотелось смотреть. Следующей на экране возникла молодая барышня, которой вряд ли на момент смерти было больше двадцати. Несмотря на невозмутимый вид, в её глазах я увидела задорные смешинки, так часто свойственные молодым людям, еще не растерявшим детскую непосредственность, любопытство и способность удивляться. За этим фото следовало другое – не менее молодой и очень серьезный парень. Но серьезный не потому, что ему сказали быть серьезным, а из-за особенностей характера. Этот вдумчивый, внимательный и цепкий взгляд не мог принадлежать человеку незатейливых качеств. А вот следом появилась его полная противоположность – «баба-фестиваль», как охарактеризовал бы её один мой хороший знакомый. Женщина определенной упитанности и неопределенного возраста, так сказать, от восемнадцати и до знака бесконечности. Нет, серьезно, ей одновременно можно было дать и двадцать пять, и тридцать шесть, и сорок восемь. Умопомрачительно яркий макияж. Даже на отретушированном небольшом снимке был виден толстый слой тональной основы, которая, как предполагается, должна маскировать все недостатки. Но не в этом случае – тут явно что-то пошло не так и средство не только подчеркнуло все уже существующие морщины, но и «нарисовала» те, которых никогда не было. Плюс ярко-алые губы, крупные украшения в виде вычурных бус и массивных сережек, а также блузка с

рисунком в черный горошек. В общем, не женщина – богиня.

К счастью, я – не полиция моды, а потому плохой вкус – не то, на что стоит обращать внимание. А вот файл с фото родственниками убийц меня заинтересовал. Легкий отголосок беспокойства возник, когда я рассматривала снимок, явно позаимствованный из семейного фотоальбома Вадима Глушко. На нем был запечатлен сам фигурант – невысокий парнишка с классическими славянскими чертами лица и коротко стриженными волосами неопределенного пепельного цвета, – в компании родственников. Члены семьи были представлены миловидной брюнеткой с чуть застенчивой улыбкой, рослым широкоплечим мужчиной с развитой мускулатурой, явно достигнутой регулярным посещением спортзала, и девочкой-подростком, которая несмотря на юный возраст могла похвастаться густой копной черных волос и такими длинными ногами, что на них можно было дошагать до Луны. Видимо, вся замечательная папина генетика досталась дочери, а сын пошел в мать. Можно только предположить, насколько Вадиму было обидно едва ли не снизу вверх смотреть на младшую сестру, понимая, что не достает ей даже до плеча.

Несмотря на распространенную среди девочек тенденцию мечтать о карьере модели, ею можно стать и без ног яля стремянка. Имея стройную фигуру, а также броское и необычное лицо даже у барышни чуть выше табуретки есть все шансы попасть на обложки модных журналов. И все во-

круг будут восторгаться, какая же она милая и очаровательная в своей миниатюрности. А вот у парней все сложно в отношении роста. Как-то так сложилось, что высокий рост является едва ли не самой важной составляющей мужской красоты и показателем маскулинности. А потому малорослым парням в жизни, и особенно в личной жизни, приходится не просто.

Как правило, в случаях мужской низкорослости ситуация развивается по одному из двух вариантов. Человек либо просто перестает обращать внимание на эту проблему и развивает другие свои таланты, например, чувство юмора, ум, обаяние, ораторские способности. Либо идет по пути замещения, которое может быть выражено в стремлении разбогатеть, получить власть, прославиться всеми возможными или невозможными способами, и так далее. Смешно порой видеть, как из огромного джипа выбирается subtilный мужичонка и с чувством превосходства во взгляде удаляется от своей огромной тачки.

Конечно, возможен и третий тип людей, но встречается куда реже, хотя и представляет наибольший интерес. Выражается он в психологическом расстройстве на фоне комплекса неполноценности. И человек начинает вымещать свою боль и злобу на окружающих – третировать близких, мучить животных и даже убивать...

Мог ли Вадим после вечеринок возвращаться домой, запереться в подвале и душировать там котят? Я не знаю, есть ли

у семьи Глушко подвал, но чисто теоретически социопатией страдать он мог.

Размышляя так, я продолжала пролистывать фотографии, скользя взглядом по незнакомым лицам. По правде говоря, я делала это не потому что знала, что ищу, а потому что присутствовал некий интуитивный порыв. Мне хотелось посмотреть на этих людей, выстроить в своей голове схему, связующими звеньями в которой они служили. Потому что... потому что все они связаны. Это и увлекало меня в таких делах. То, что в какой-то конкретный момент судьбы всех этих людей пересеклись и стали зависимы друг от друга. И с той же секунды каждое их слово, каждое решение, каждый поступок влиял на десятки жизней одновременно. Поиск именно этой отправной точки увлекал и будоражил сознание.

В момент, когда я увидела мать Максима Крылова в голове словно что-то тихо щелкнуло. Как будто какой-то механизм, временно вышедший из строя, встал на место. И сердце забилось быстро-быстро. Я знала это ощущение, так бывало, когда моя интуиция просыпалась ото сна и выползала из своей ментальной берлоги, чтобы что-то мне сообщить. Опыт показал, что она, моя интуиция, никогда не ошибается. Я именовала это предчувствием. Сашка, единственный, кто был в курсе подобных моих состояний, называл это лисой, вышедшей на охоту.

Я провела пальцами по экрану, увеличивая картинку, и пристально всмотрелась в фотографию незнакомой мне жен-

щины. Потом вернулась обратно и еще раз, но уже намного внимательнее, стала рассматривать Елену Глушко. А потом быстро нашла третий снимок, на котором элегантная дама почтенного возраста стояла под раскидистым дубом, держа в руках пару пожелтевших листьев и улыбалась, глядя в объектив. Фотография очевидно была сделана прошлой осенью в каком-то парке, так как на заднем плане виднелись пешеходные дорожки и латунная оградка вдоль берега реки.

Глава 16

Я прикрыла глаза и подняла лицо навстречу тонким лучикам солнца, изредка пробивающимся сквозь густую листву в те моменты, когда легкий ветерок покачивал ветви. Нужно было все хорошо обдумать. Конечно, теория, выстроенная исключительно на основе внешних данных, нуждалась в существенном подтверждении. Однако после получасового изучения семейных фотографий я была на девяносто процентов уверена, что все три женщины – матери Вадима, Максима и Даниила – являлись сестрами. И скорее всего, родными.

У всех троих имелась манера смотреть чуть исподлобья и опустив подбородок, сдержанная и чуть натянутая улыбка, более крупная в сравнении с нижней верхняя губа, но главное – каждая имела характерный отличительный признак, встречающийся довольно редко – ямочку на правой щеке, отчетливо просматривающуюся при улыбке. При том, что аналогичная ямочка на правой отсутствовала.

Таких совпадений – один на миллион. И если исключить вероятность того, что нам попался именно тот миллионный по счету случай, то кое-что в данном деле начинало проясняться. А именно – смертников не просто случайно выбрали из миллиона жителей большого города. Они были связаны между собой, причем самой сильной из всех возможных

связей – кровной. А отсюда уже напрашивается совершенно очевидный вывод – это не серия терактов, а...

Приближающиеся шаги не стали для меня неожиданно. Появление кого-то из них я предвидела изначально. Единственное, что вызвало удивление, так это то, что их оказалось трое.

Они вышли из-за дерева прямо на зеленый газон и направились в мою сторону, уверенно сминая берцами зеленую траву. Шагавшего последним я видела уже второй раз – блондинистая макушка, практически отсутствующие брови и задорная улыбка. Парня сложно было не узнать. Труднее оказалось вспомнить его имя. Руслан его называл, но оно напроць вылетело из моей головы.

Впереди блондина широко вышагивали двое младших сержантов и еще один старший сержант. И лично для меня все они, за исключением светловолосого, выглядели как братья-близнецы – одинаковые короткие стрижки, из-за чего цвет волос у всех троих казался темно-русым, чисто выбритые светлокожие молодые лица, широкие плечи и рост, значительно превышающий мой собственный.

Все ребята были одеты в камуфляжную форму – пятнистые штаны, снабженные большими наружными карманами и футболки с короткими рукавами того цвета, который любят называть «детской неожиданностью». То есть, что-то среднее между грязно-зеленым и болотно-серым.

В комплексе их идентичный внешний вид создавал впе-

чатление, как будто это не четверо военных намылились закрыть мне обзор своим внушительным телосложением, а просто я перегрелась на солнышке и теперь в глазах троится. И лишь белобрысая макушка, взъерошенная ветром и отсутствием расчески, являлась доказательством того, что моя адекватность все еще со мной, а ребята – не мираж.

Я тяжело вздохнула и убрала телефон в карман. Игрушку стоило поберечь, ведь мне еще предстояло возвращать её Кроту.

– Привет, – произнес один из ребят неожиданно глубоким басом от которого я невольно вздрогнула. И только открыла рот, чтобы выразить ответное приветствие, но не успела. Кое-кто, отвратительно самонадеянный и заносчивый, сделал это за меня.

– Привет, Ефим.

Я обернулась. Ну, кто бы сомневался! За моей спиной, в аналогичном пятнисто-зеленом наряде, стоял саган.

– И вам не кашлять, – ворчливо отозвалась я.

Засунув руки в карманы, Руслан смерил меня презрительным взглядом.

– Тебя босс ищет, – было сказано мне таким холодным тоном, которому позавидовали бы все арктические льды.

– Пусть ищет, – безразлично ответила я, – если найдет, двадцать процентов ему, а остальное – пусть сдаст государству.

– Хорошая шутка, – мрачно оценил водный элементаль не

сводя с меня взгляда.

– Я старалась, – с нескрываемо преувеличенным энтузиазмом воскликнула я, сопроводив свое выступление широкой улыбкой.

– Но не смешная, – тем же тоном закончил Руслан.

– Так и задумывалось, – продолжала я искрить наигранным воодушевлением.

– Воображаешь себя кладом? – сузил он глаза.

– Сокровищем, – восхищенно выдохнула я и с самым трогательным видом прижала ладошку к груди.

– Хватит, – сказал, как рубанул. Я сразу свернула свой театр одного актера и повернулась к молча наблюдавшей за нашим диалогом компании.

– А меня Серафима зовут, – включила я своё обаяние и протянула руку ближайшему ко мне парню. Он с легким недоумением ответил на мой жест, аккуратно сжав ладонь и одновременно покосившись на все еще маячащего позади меня сагана.

Но мое внимание было целиком и полностью сосредоточено на представителях младшего командного состава. Теперь, когда они стояли в полуметре от меня, я наконец смогла их различить. Например, тот, с которым я обменялась рукопожатием и который представился как Дима, имел весьма любопытную внешность – черты его лица были настолько резкими, что складывалось впечатление, будто он состоит из одних углов. Квадратный подбородок, прямой нос, острые

скулы, отчетливо выступающие вперед надбровные дуги. Даже его лоб казался грубо вытесанным из дерева.

А вот парень, что стоял рядышком с ним был его полной противоположностью. Миловидное лицо с мягкими и тонкими очертаниями вступало в диссонанс с жестким «ёжиком» на голове и по-армейски грубой одеждой. Как по мне, ему больше пошла бы длинная стрижка, при которой волнообразные локоны чуть прикрывали бы уши. И классический черный костюм-тройка из шерсти или твида. Эдакий английский джентльмен – уравновешенный, воспитанный и невозмутимый. Который соблюдает правила этикета, разбирается в искусстве, а потому способен отличить Моне от Мане. Каждый день справляется о здоровье своей матушки и пьет чай по вечерам, сидя в кресле у камина. Конечно, это всего лишь набор предсказуемых стереотипов, однако парень ярко выделялся не только на фоне своих друзей, но и на фоне армейской обстановки. Он был здесь чужой. Даже больше, чем я.

Ему я тоже протянула руку, повторив своё имя. И он, вопреки ожиданиям, не пожал мою ладонь, а повернув тыльной стороной вверх, поцеловал.

– Игнат, – представился младший сержант, которого мое воображение уже успело превратить в представителя английского светского общества. – Очарован.

Последнее слово было буквально промурлыкано. Постаравшись скрыть удивление, я повернулась к третьему парню,

но периферийным зрением успела заметить, как проявивший неожиданную галантность Игнат обменялся улыбкой со стоящим позади меня саганом.

Думаете, вы самые умные? Ну, посмотрим, кто кого.

Мой скрип зубов услышала только я, так как в этот момент второй младший сержант по имени Станислав горячо жал мою руку, в красках повествуя о том, как он счастлив познакомиться с такой очаровательной девушкой.

Я улыбалась, кивала, а сама мысленно материла Сашку на чем свет стоит. Вот о чем он думал? Понятно, что, заняв место Хасана амбиции моего дорогого друга значительно выросли. Кроме того, бывшего шефа ненавидели почти все в команде. Хасан привлекал нас к сотрудничеству на принудительной основе, бросал в самое пекло и никогда не жалел. Из команды мало, кто мог сказать о себе, что он рад подобному положению дел. Но у большинства выбора просто не было. Сашка же, усевшись в освободившееся кресло, захотел доказать себе, да и всем остальным, что он не только не хуже почившего в бозе начальника, но и значительно лучше. Вот только доказывать уже некому.

С момента встречи мы ни разу не заговаривали на эту тему, но я знала – из прежней команды не осталось практически никого. Кто-то погиб, кто-то сел в тюрьму, кто-то потерял человеческий облик. В дееспособном состоянии остались лишь он и я. Ну и еще пара человек, которые смогли откупиться от Хасана. Мне откупаться было нечем, так что

для своего ухода я прибегла к простому и грубому, но действительному способу – шантажу.

Каким бы подонком не был Хасан – мы были не лучше. Возможно потому, что за время совместной работы он успел слепить из нас свои подобия. И мы подчинялись этому влиянию его темной, мрачной и больной личности. Потому что иначе было нельзя. Иначе было не выжить. Но с помощью каких бы аргументов каждый из нас не оправдывался перед своей совестью – это не ни коим образом не снимало с нас ответственности за те дела, что мы совершили и за те последствия, которые мы спровоцировали.

На каждом из нас много грехов. Так много, что не откупиться и не расплатиться. Лишь самые законченные психопаты способны пережить все то, что пережили мы и не потерять свою душу. Практически все мы её потеряли. А потом пытались как-то с этим жить. Кто-то подсаживался на героин, кому-то водка стала лучшим другом, кто-то, не думая ни о чем, лез под пули. Кто-то запирался в доме и сутками швырял ножи в стены. Кто-то вполне сознательно вынес себе мозги в ванной. Каждый переживал свою боль, как мог.

Но что следует поставить в заслугу Хасану – мы были одной семьей, одним организмом. Не только потому, что мы полюбили и привязались друг к другу. Нет, мы частенько спорили до хрипоты, ругались и даже кидались с кулаками. Но под конец дня мы закрывали рты, пожимали руки и шли на дело, зная – тот, кто рядом не подставит. Не из-за любви

или какой-то там другой сопливо-розовой ерунды. А потому что мы были составными частями единого целого. Каждый из нас был важен, потому что выполнял свою функцию от которой зависело выживание всей группы. А все потому, что Хасан был стратегом и очень грамотно подобрал членов команды.

Но Сашка... Мало того, что он заставил сосуществовать на одной территории в непосредственном контакте друг с другом существ, чья природная магия противопоставлена одна другой. Мало того, что позволяет околачиваться близости этой Молли с её явно нестандартными задатками. Так теперь еще и телепат!

– Босс ждет нас в серверной, – прервал саган не только мои мысли, но сумбурный речевой поток Станислава, который все это время продолжал говорить, не выпуская из своих цепких пальцев мою руку. – И тебя тоже, сокровище ты наше.

Я не отреагировала на сарказм. Вместо этого развернулась и направилась по дорожке в обратный путь, но потом поняла, что понятия не имею, куда идти. Однако тормозить уже было поздно, а потому я, не смотря на отчетливо раздавшийся за спиной смешок, лишь повыше задрала нос и решила идти туда, где находился Сашкин вроде как бы кабинет.

Но дойти не успела. Наш командир собственной персоной очень вовремя появился на дорожке. Обозрел нашу живописную группу, особенно сконцентрировав внимание на мо-

ей надутый мордахе, а после быстро двинулся нам на встречу. Я же, наоборот, замедлилась, размышляя, что и как ему скажу. Нужно было не только высказать другу все, что я думала о его сомнительном методе подбора кадров, но и сообщить важную информацию. Причем так, чтобы она не достигла посторонних ушей. Сашке я доверяла, а вот этим «пятнистым» мальчикам – не очень. Точнее, вообще нет.

– Мне надо с тобой поговорить, – заявила я прямо, как только мы поравнялись, не став мудрить.

– Мне с тобой тоже, – друг бы предельно серьезен и сосредоточен.

Я вопросительно выгнула бровь, а после выразительно скосила глаза в бок.

Сашка прищурился и только открыл рот, чтобы что-то сказать, как его перебили.

– Она намекает, что ей не нравится наше присутствие. И вообще мы ей не нравимся, – заявил насмешливо Игнат.

Я едва не застонала в голос. Ненавижу телепатов, вот просто ненавижу!

– Я знаешь ли тоже особой любви к суккубам не питаю, – продолжил все тот же Игнат, высокомерно растягивая гласные.

– Можно я его убью? – спросила я с неподдельной надеждой в голосе, глянув на Сашку.

Друг лишь покачал головой и взглянул на парней поверх моей головы. Игнат мгновенно заткнулся, а после мимо меня

поспешно прошествовали три фигуры.

Сашка проследил за ними взглядом и как только они скрылись в здании, повернулся ко мне.

– Ты знала? – его вопрос прозвучал как обухом по голове. Я аж растерялась и бестолково захлопала глазами.

– Что знала?

– Что они умрут – ты знала? – с нажимом в голосе спросил Сашка и с видом испанской инквизиции сложил руки на груди. – Учти, детка, если ты предвидела их смерть и намеренно утаила эту информацию – тебе же будет хуже. Да, я позвал тебя сюда в качестве одноразовой помощи, но если ты будешь вставлять мне палки в колеса, то лучше тебе вспомнить, что ты сейчас в полной моей власти. Не вынуждай меня идти на жесткие меры.

– Эй, эй, эй! – замахала я на него руками, отступая на шаг назад. – Я не провидица и ясновидением никогда не страдала, о чем тебе известно лучше других. И потом, кто умер, когда умер? Я ничего не поняла!

Друг с недоверием воззрился на меня и только потом удосужился спросить:

– А о чем ты хотела поговорить?

Я с досадой потерла лоб.

– Уже не знаю, стоит ли тебе это говорить или нет. Может мне лучше заняться разработкой плана побега из этого паршивого местечка?

– Не беси меня, – едва ли не зарычал Сашка, поигрывая

желваками.

Я вновь приблизилась на шаг, приподнялась на цыпочки и, понизив голос, проговорила:

– А ты мне не угрожай. Я с Хасаном справилась, справлюсь и с тобой. Ты мальчик не простой, но у всех есть слабые места. Главное – найти, куда бить.

Мы несколько долгих мгновений сверлили друг друга взглядами, а после он сдался. Опустил руки и повторил уже более мирно:

– О чем ты хотела поговорить?

– О том, что ты хреново подбираешь работников! – едва не заорала я, потому что обретенное Сашкой спокойствие почему-то разозлило меня еще больше, чем его беспочвенные обвинения. – Ты на кой ляд собрал здесь целый отряд магов?

– Не целый отряд, а всего несколько человек для усиления группы, – не теряя самообладания, опять спокойно отреагировал Сашка.

– Несколько человек? – я нерадостно рассмеялась. – Ты серьезное?

– А что тебя смущает?

– Меня не смущает, меня сводит с ума все, что здесь происходит! – уже чуть ли не орала в голос я.

– А можно конкретику вместо бабской истерики? – скривился Сашка.

Я выдохнула, вдохнула и постаралась успокоиться.

– Конкретика в том, что такая концентрация магически одаренных людей способна привести к очень опасному конфликту. Ты же знаешь, что там, – я сделала неопределенный жест рукой, – за забором, который вы тут возвели, как вокруг крепости, рва только не хватает, мы между собой не дружим. Мало того, что здесь этот водный элементаль, который не только действует мне на психику, так еще и его сила вступает в конфликт с моей. Так теперь еще и телепат объявился! Все телепаты – с левой резьбой в голове, потому что невозможно копаться в чужих мозгах и при этом сохранить свои собственные!

– Если твоя главная претензия сводится к тому, что Игнат, по-твоему сугубо предвзятому мнению, псих, то я могу быть спокойным. Потому что нет более неуравновешенной особы, чем ты, – спокойно парировал мой друг.

– Думаешь? – не скрывая злости усмехнулась я уголками рта. – В отличии от него, я не могу забраться к тебе в голову и внушить то, чего не существует.

– Ты уже забралась мне в голову, – внезапно устало потерла шею мой друг.

И только тут я заметила тени, что пролегли под его глазами, а также морщинки на лице, казавшиеся заметнее обычного. Его волосы вопреки обыкновению не были расчесаны и элегантно уложены, как не было и идеального пробора. Его шевелюра выглядела так, словно он не раз за сегодняшний день запускал в неё пальцы. И хотя мы виделись всего ка-

кой-то час назад, я не могла припомнить, чтобы тогда он выглядел настолько измотанным.

– Что случилось? – решила я отодвинуть собственные претензии на задний план.

– Инга Крылова и Елена Глушко погибли. Покончили с собой. Инга шагнула из окна на шестом этаже сегодня в восемь утра, а через два часа на другом конце города Елена бросилась под машину.

– Погоди, – протянула я, напрягая память. – Это матери смертников?

– Да.

Я схватила его за запястье и, сдвинув рукав тонкого блейзера, взглянула на циферблат наручных часов.

– Это было восемь часов назад! И ты узнал об этом только сейчас?

Сашка кивнул.

– Паршивые у тебя информаторы, раз только сейчас донесли.

– Никто не знал, что это они. Ни при одной, ни при другой не было документов, а смерть обоих изувечила так, что на месте лиц – кровавое месиво.

– Странно, – задумалась я. – Ну, ладно документов не было. Их далеко не каждый носит. Но телефоны-то при них быть должны были.

– Фима, – устало поморщился Саня. – При них вообще ничего не было, ни сумочек, ни кошельков, ни телефонов.

– Как такое возможно? Сейчас даже первоклассники без смартфона из дома не выходят. Это может значить только одно...

– Их убили и постарались сделать так, чтобы трупы опознали как можно позже, – закончил вместо меня Сашка. – Тем более, сегодня рабочий день. И Крылова, и Глушко должны были находиться на работе. Одна – учить детей, другая – сводить дебет с кредитом.

– Надо поговорить с мужьями погибших, – решила я. – Они-то хоть еще живы?

– Да, – кивнул мой друг. – Поедешь?

– А есть выбор? – пожалала я плечами.

– Одну я тебя не отпущу, – вдруг сурово заявил Саня. – Бери кого-нибудь из парней.

Я скривилась.

– Я им не доверяю.

– Ничего, главное – я доверяю, – решительно заявил Сашка. – Иди в парк, он прямо за этим зданием. Там к тебе присоединится сопровождающий. Кого изволишь выбрать?

– А как зовут блондинчика? – нахмурила я лоб.

– Гоша, – с некоторым замешательством ответил бывший напарник.

– Вот, Гошу возьму, – решила я.

– Учитывая некоторые твои биологические особенности, – как-то подозрительно замаялся Сашка, – твоя последняя фраза прозвучала очень двусмысленно.

– В смысле, с собой возьму, не цепляйся к словам! – вновь вспыхнула я и демонстративно обойдя друга по широкой дуге, направилась в указанном направлении.

– Фимка, – позвал Сашка.

Я обернулась. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая горизонт в багряные тона. Мой друг одиноко стоял посреди аллеи, сунув руки в карманы. Лицо его скрывала тень, падающая от густых крон деревьев.

– Что?

– Возвращайся, – тихо промолвил он, словно на прощание.

Я ничего не ответила, развернулась и быстро зашагала в указанном направлении. На душе было мутно, тоскливо и присутствовало неопределенное ощущение чего-то очень нехорошего.

Глава 17

Автомобильный парк воинской части представлял собой обширную площадку, закатанную в асфальт, где ровными рядами стояла разнообразная техника. Во всем этом военном изобилии я ничего не понимала и с трудом могла отличить УРАЛ от КАМАЗа, а танк от БТР. К счастью, долго блуждать между железными монстрами, чья расцветка не отличалась оригинальностью, а потому от обилия зеленого цвета окружающий пейзаж сливался в одно мутное болотное пятно, мне не пришлось. У правого края первого ряда стояло нечто, отдаленно похожее на внедорожник. А рядом с ним, засунув руки в карманы, стоял, сияя широкой белозубой улыбкой, выбранный мною блондин.

– Быстро ты, – сдержанно прокомментировала я, подходя к своему напарнику на ближайšie пару часов, – бегом что ли сюда мчался?

Блондинчик на мгновение сосредоточенно нахмурился, а после выдал еще одну, еще более шальную улыбку:

– Да нет, Игнат сказал, что босс отправляет тебя в город с поручением. А меня выбрали в качестве водителя и сопровождающего. Ты же нашей местности не знаешь?

– Игнат, – повторила я, стараясь не перейти на угрожающее шипение. – И как часто он передает вам указания... босса?

На последнем слове я слегка замялась, не зная, стоит ли демонстрировать наши с Сашкой весьма близкие отношения.

Гоша легко пожал плечами.

– Частенько, а что?

– Да нет, ничего, – пробормотала я, отводя взгляд. – Можем ехать?

– Да, – непонятно чему продолжал радоваться мой новый знакомый. – Давай, я помогу тебе сесть.

Он только попытался протянуть ко мне руку, как я отпрыгнула от него, словно ошпаренная кипятком кошка. Улыбка с его простого, но достаточно приятного лица пропала. А я опять почувствовала себя виноватой.

– Прости, – постаралась не морщить я, – я не хотела тебя обидеть. Просто не люблю, когда меня трогают посторонние. Да и для тебя так будет лучше.

– Ты бьешься током? – весело предположил парень, который кажется умел радоваться каждой мелочи.

– Нет, – осторожно ответила я. – А почему ты предположил именно это?

– Ты не первая, кто боится прикосновений. Ладно, тогда сама садись в машину и поедем.

Он в несколько широких шагов обошел внедорожник, легко вскочил на ступеньку, которая находилась чуть ли не в полуметре над землей, и сел за руль.

Я такой шикарной растяжкой не обладала, да и ноги бы-

ли не так, чтобы особо длинные. К тому же, занятия по физической подготовке забросила, как только обставила Хасана и вытребовала себе свободу. Беговая дорожка и гантели как-то не очень совмещались с моей алкогольной диетой, а потому были отвергнуты за ненадобность. О чем я сильно пожалела в момент моего вскарабкивания на пассажирское место. Кряхтя и пыхтя словно столетняя бабка, я с трудом смогла забраться в кабину громадного военного джипа. За моими мучения не без любопытства наблюдал Гоша. И когда я наконец рухнула на сидение, с облегчением сдув упавшую на глаза прядку, спросил:

– Может, все-таки стоило помочь? – в его голосе отчетливо угадывался смешок, который он исключительно из вежливости постарался скрыть.

Я вытерла о джинсы вспотевшие ладони и ласково ответила:

– Если бы ты мне помог, то скорее всего, мы бы никуда не поехали.

– Почему? – его белесые брови отразили удивление, но все остальное лицо осталось непривычно неподвижным. Даже улыбка померкла и словно сползла. Это острым когтем царапнуло моё внимание, но не успела я осмыслить причины своей внезапной тревоги, как моя куртка завибрировала. Я не сразу сообразила в чем дело. А когда вспомнила про телефон компьютерного гения, который остался при мне, то аппарат уже успокоился. Сунув руку в карман, я извлекла

смартфон, разблокировала экран и увидела сообщение, которое пришло только что от неизвестного адресата. Содержание послания было предельно лаконичным: «Муж Крыловой дома, супруг Глушко в больнице. Сердце. Встреться с обоими». И дальше были преподнесены на блюдечке два адреса. Первый, судя по наличию номера квартиры, указывал на место нахождения главы существенно уменьшившегося семейства Крыловых. А по второму следовало искать больницу и её нового пациента. В больницу было ехать ближе, а потому я попросила Гошу:

– Давай сперва заедем на проспект Вернадского.

Мой водитель не стал долго размышлять и завел мотор. Машина заревела разбуженным зверем так, что я досадливо поморщилась и схватилась за уши.

– Это только в начале так! – заорал Гоша, перекрикивая рёв двигателя. – Скоро станет тише!

Я не стала отвечать, но искренне надеялась, что парень не обманул. Так как в подобное звуковое сопровождение долго вынести не представлялось возможным.

Также, как и у всех суккубов, у меня органы чувств были гораздо восприимчивее, чем у людей. Даже несмотря на то, что я полукровка. Острота чувств развилась у суккубов в результате эволюционного процесса, когда естественный отбор работал как часы – сильные выживали, слабые погибали. Суккубы относились к слабым. Все, что они имели – особое физиологическое и эмоциональное очарование, которое

влекло мужчин. А это не всегда выигрышное оружие, ведь порой случается так, что этих самых мужчин поблизости нет, зато присутствует определенная угроза, от которой надо защититься. Вот и пришлось суккубам развиваться, улучшая то, что можно было улучшить, так сказать, в походных условиях. Хотя и о истинно суккубьей магии не забывали.

Существует легенда, согласно которой суккубы выбирают себе в спутники жизни сильнейших из мужчин. А потому наличие супруги-суккуба считалось одним из лучших доказательств мужской состоятельности и силы. И если разобраться, то в этом действительно что-то есть – далеко не каждая суккуба позволит себя окольцевать. А если и позволит, то лишь по большой любви. Суккубы влюбляются один раз – и на всю жизнь. Такова уж их природа. С этим ничего не поделаешь, как не поделаешь с тем, что люди рождаются и умирают, а одно поколение появляется на свет для того, чтобы на очень недолгий срок сменить другое. Это цикличность жизни, основывающаяся на базовых законах природы. И частью природы является та связь, которая образуется между суккубом и её избранником. Их любовь – как соединение двух пазлов. Сложишь их и получится картинка, разъединишь – и картинка пропадет, останутся лишь неясные обрывки общего сюжета. Они сливаются в единое целое настолько прочно, что гибель одного – смерть для обоих. Когда-то так случилось и со мной. Я выжила, потому что мне просто не позволили уйти следом.

– А что там, по этому адресу? – спросил Гоша через пять минут, когда появилась возможность разговаривать без риска надорвать голосовые связки.

– Там человек, с которым нам надо поговорить о смерти его супруги, – размыто ответила я, продолжая задумчиво разглядывать унылый пейзаж за окном. Мы как раз проезжали по одной из улиц военного городка, который выглядел настолько серо и невразумительно, что создавалось впечатление, будто я перенеслась в прошлое лет на двадцать назад. Вокруг, куда ни кинь взгляд лишь глухое захолустье и беспросветная безнадега. Может быть в другое время года, летом или зимой, когда мрачно-серый ландшафт городка разбавляли яркие краски лета, или всё покрывалось белоснежным бархатным полотном, здесь становилось не так невыносимо. Но сейчас, осенью, листва уже пожелтела и опала, смешавшись с дорожной пылью и дождевой влагой в одну сплошную грязь. Лысые деревья, возвышающиеся на фоне маленьких улиц, старых бетонных пятиэтажек, облачного серого неба и высоких армейских заборов напоминали безмолвных монстров, застывших на века. И вся обстановка в целом была очень удачной для съемок здесь какого-нибудь фильма про жизнь после конца света.

– Да, местечко не особенно красивое, – словно прочитал мои мысли Гоша, хотя скорее всего, они просто отчетливо отобразились на моем лице.

– Как вы здесь живете? – тихо поинтересовалась я, про-

вожая взглядом стайку подростков, которые как раз выходили со школьного двора. Фасад самой школы был выкрашен в бледно-бежевый цвет и своей архитектурой больше напоминал хлев для коров.

– Потихоньку, – без воодушевления ответил Гоша, не забывая следить за дорогой. – Скучно, конечно. Но можно поехать в соседний город, он намного больше. Да и разные развлечения там есть – кинотеатр, кафе, парочка неплохих клубов.

– А какая здесь численность местного населения? – я продолжала выглядывать в окно, заинтересованно рассматривая немногочисленных прохожих.

– Тысячи две-три осталось, – равнодушно бросил мой водитель, выруливая на трассу. – Раньше больше было, но с тех пор, как сюда перебазировали несколько военных частей местные стали покидать этот городок.

– Почему? – оглянулась я на Гошу. Что-то не давало мне покоя, некое томление в душе.

– А кому хочется жить по соседству с военными? Вот ты бы захотела?

– Не знаю, – неопределенно ответила я. – У меня минимальный опыт общения с людьми в форме. А что с вами не так?

Гоша рассмеялся и покачав головой, смерил меня снисходительным взглядом.

– Ты сама скоро поймешь.

– У меня плохенько с мозгами, – пожаловалась я. – Может быть сам объяснишь, не дожидаясь моего прозрения?

– Территория военного городка маленькая, а расположено четыре части. Это очень много. Плюс крупнейший в стране учебный центр боевой подготовки. Также сюда собираются перевезти на постоянное место дислокации две бригады специального назначения.

– А в чем смысл? – я наморщила лоб, пытаюсь собрать остатки мыслей в кучку, но мысли от этой идеи в восторг не пришли и собираться откровенно не желали. – Зачем сосредотачивать такую мощь на таком небольшом участке?

– Вот и я об этом, – неожиданно обрадовался моему вопросу Гоша. – Понимаешь, уж слишком быстро и слишком много стянули сюда подразделений. Не знаю, к чему все это идет, но зуб даю – затевается что-то нехорошее.

– Местные подумали также, а потому поторопились собрать вещички и удрать в более спокойное место? – предположила я.

–ловишь с лёту, – одобрительно усмехнулся мне Гоша. Судя по всему, ему вообще нравилось улыбаться.

– Да, интересная тенденция, – задумчиво протянула я, вновь отворачиваясь к окну. Армия нужна либо для того, чтобы защитить что-то, либо для того, чтобы на кого-то напасть. Но кого можно защищать в глухой провинции, практически посредине огромного леса?

Военный городок находился в непосредственной близости

сти от Восточной столицы. Можно сказать, у неё под боком. Это густонаселенный город и крупный административный центр, но столица – лишь номинально, на бумаге. Название города – дань прошлому, ведь когда-то именно отсюда правили страной монархи. Но с тех пор, как король пал, а власть захватил Конвент, наскоро состряпанный из основных заговорщиков против абсолютизма короны, все главные управленческие органы были перенесены в Северную Столицу. Конвент был переименован в Партию, империя – в республику, а лидер страны – в Верховного главнокомандующего. Все последующие правители, занимавшие главный руководящий пост в стране, были выходцами из Партии, её пленцами. Каждый из них в свое время посчитал необходимым вынести на рассмотрение инициативу по поводу переименования Восточной Столицы во что-нибудь прозаичное и не примечательное, но каждый раз народ восставал против, и идея эта быстренько забывалась. Он, народ, позволил им многое, но вот отобрать историю, на которой базировались традиции и культура страны, не дал.

Так, что можно охранять поблизости исторического центра когда-то великой империи, не считая обрывков истории, которые неустанно пытаются уничтожить те, кто видит в них для себя угрозу?

– А как давно сюда начали перебазироваться военные части? – осторожно, как бы между делом, любопытствовала я.

– Мммм, где-то пять-шесть лет назад, – неопределенно ответил Гоша. – Примерно в это же время по соседству начали оборудовать крупнейший в стране полигон. Сейчас многие подразделения приезжают туда на учения, отрабатывать боевые навыки.

– Интересно, – пробормотала я.

Ситуация на самом деле складывалась занятная.

Шесть лет назад я сбежала из одного закрытого учреждения. Пережила пару-тройку пренеприятнейших приключений и вскоре благополучно оказалась в руках Хасана. Он мог сделать со мной что угодно, но вместо этого решил превратить девочку-подростка в оружие персонального использования. Годы работы с ним и другими членами группы не стали самыми лучшими в моей жизни, но и самыми худшим я бы их тоже не назвала. Бывало и похуже. При этом я получила такие навыки выживания, уклонения и сопротивления, что мне сам черт не страшен. Вернее, какое-то время я действительно в это верила.

Не знаю, существуют ли в нашем мире черти, но с учетом присутствия других подобных мне созданий, вполне можно допустить, что и рогатые также водятся. Не хотелось бы с ними встречаться, но если придется – я выживу. И все благодаря Хасану. Хотя бы за это ему можно было сказать спасибо. Теперь, когда он уже не с нами.

Однако намечавшаяся тенденция вызывала подозрения. Мне было известно, что до того, как я попала в группу, они

частенько работали на правительство и принимали участие в специальных миссиях. Часто за рубежом, куда ни армейских, ни федералов послать было невозможно. Требовались люди, которых в случае провала невозможно будет официально связать ни с одной политической силой. Люди без прошлого и без будущего, пропажу которых никто не заметит, кого никто не будет искать. Люди, готовые на выполнение даже заведомо провальных заданий, лишь бы им хорошо платили. И именно такими людьми была группа Хасана.

Проникнуть на территорию тайной военной базы недружественной страны и выкрасть оттуда неудобного свидетеля? Без проблем, но оплата предварительно и наличкой. Взять под охрану бывшего разведчика и помочь ему пересечь восемнадцать стран, чтобы добраться до безопасного убежища? Не вопрос, но стоит будет дорого. Ликвидировать съемочную группу, выехавшую в полудикую африканскую страну снимать документальный фильм про готовящийся государственный переворот? Ок, просто ткните пальцем, в кого стрелять.

Много чего было. О чем-то мне рассказывал Сашка и другие ребята, о чем-то я догадалась сама, сопоставив известные факты и обрывки случайных фраз, подслушанных разговоров. О том, почему плодотворное сотрудничество закончилось, достоверно не знал никто. Насколько мне удалось понять, что-то произошло между Хасаном и верхушкой власти. В какой-то момент обоюдновыгодное существование наруши-

ло разногласие, в результате которого мой прежний босс покинул Северную Столицу и перебрался в Восточную. За границу группа более никогда не выезжала, а работала внутри страны. Причем работала зачастую себе в убыток, выполняя работу, за которую никто не платил. Хасан называл это волонтерством, утверждая, что заботится о будущем нации. Сашка называл это придурью, придерживаясь мнения, что старик играет в какую-то одну понятную ему игру, используя других в темную. Я же каждой клеточкой организма ощущала надвигающуюся бурю, что уничтожит не только нас, но, вполне возможно, положит начало такой адской бойне, что весь мир захлебнется в крови.

Не знаю, о чем думал Гоша, пока я пыталась поймать постоянно ускользающий от меня клубок запутанных мыслей, но оставшийся путь до города мы провели в полном молчании. Возможно, он просто молча улыбался, я не знаю. Мой взгляд был устремлен в окно, хотя я при этом ничего не видела. Перед моим внутренним взором стоял Хасан. Крепкий мужчина неопределенного возраста, но точно старше сорока лет. Он не был приятным человеком и совершенно точно он не был добрым человеком. Но вот кем его можно было назвать совершенно точно, так это тем, кто никогда не сдавался.

– А ты не знаешь, как умер Хасан? – обратилась я к своему спутнику. Причем он явно не ожидал, что я вдруг подам голос. И оттого отчетливо вздрогнул, покосившись на меня

с недоумением.

– Кто такой Хасан? – после минутной заминки спросил Гоша, припарковавшись и заглушив мотор.

Я с облегчением вздохнула. Хоть звук и стал значительно тише к концу поездки, но все же ощутимо действовал на мой слух. Кажется, я даже чуть оглохла.

– Он был главным до того, как это место занял Александр, – пояснила я, потеряв ухо.

– Александр – это Седой, что ли? – уточнил Гоша, развернувшись ко мне всем корпусом. Теперь, когда дорога не требовала его внимания, он с открыто демонстрируемым удовольствием решил сосредоточиться на мне.

– Ты не знаешь, как зовут начальство? – округлила я глаза.

– Знаю, – хохотнул Гоша, – просто непривычно так его называть. Седой и Седой.

– Ну, ладно, – так и не услышав ответа, я решительно распахнула дверцу и спрыгнула на асфальт. Выбираться из этого металлического чудовища было гораздо проще, чем взбираться. В колене правда стрельнула застарелая травма, но я проигнорировала боль и направилась к главному входу в здание.

Сзади слышались торопливые шаги, и слегка запыхавшийся Гоша нагнал меня, чтобы пойти рядом, подстраиваясь под мой ритм.

– Я правда не знаю, кто такой Хасан, – поглядывая на меня сверху вниз проговорил мой спутник. – В группу меня

позвал Руслан. Мы вместе с ним ездили в командировку в Западную Азию. Но он уехал раньше, а я остался еще на полгода. Когда контракт закончился вернулся домой. Но оказалось, что здесь я никому не нужен. На гражданке для меня работы не нашлось. Знаешь, умение выбивать двери и зубы не очень котируется на рынке труда. Я уже собрался подписать новый контракт, но тут позвонил Руслан и сказал, что у него для меня есть неплохая работенка. Через два дня я уже был здесь и знакомился с его братом. Парень оказался стоящий, да и деньги предлагали хорошие, поэтому я согласился.

Его последние слова дошли до меня с опозданием. На самом деле, пока он болтал, я раздумывала, каким образом построить диалог с новоиспеченным вдовцом. И сотрудником какой службы представиться. Но вот до меня дошел смысл сказанного Гошей. Причем дошел так, что я споткнулась, запутавшись в собственных кроссовках и едва не рухнула парню под ноги. Чтобы не расстелиться ковриков по грязному тротуару пришлось вцепиться в свитер Гоши. Ткань угрожающе затрещала под моими пальцами, но меня это мало взволновало.

– Братом? – эхом повторила я, ощущая себя так, словно на меня вывернули ведро холодной воды.

– Ну, да, – осторожно ответил Гоша и аккуратно попытался отцепить меня от своей одежды. Но я держала насмерть.

– Что значит братом? – я не просто не отпустила его, а подключила еще и вторую руку.

– Седой старший брат Руслана. Ты что, не знала?
Кажется, моё сердце пропустило несколько ударов.

– Родной брат?

– Да, у них четыре года разницы.

– Но они не похожи! – практически заорала я, цепляясь за последнюю соломинку.

– Ну...бывает, не все родственники имеют внешнее сходство. Ты чего? Да отпусти ты меня!

– Ладно, ладно, – быстро произнесла я, обращаясь скорее к самой себе, чем к Гоше. Отпустив его свитер, я приложила холодные ладони к щекам, пытаюсь прийти в себя. Не помогло. В голове искрилось безумное количество мыслей и успокоиться никак не получалось. Мне нужно было побыть в одиночестве и подумать, а еще лучше – сорваться с места и хорошенько пробежаться. Чтобы холодный ветер в лицо, шелест листьев под ногами, запах надвигающейся зимы и пение одинокой птицы, затерявшейся среди веток деревьев.

Но нужно было встретиться со свидетелем. Ситуация становилась запутанней с каждой минутой. Однако найти того, кто устраивает массовые смерти было не менее важно, чем поинтересоваться у милого друга – как ему удавалось на протяжении стольких лет скрывать от меня тот факт, что он не человек.

Глава 18

Я остервенело потерла щеки руками, пока кожа лица не начала гореть и болеть. А после выпрямилась и, сжав пальцы в кулаки, быстро взбежала по ступенькам парадного входа.

В холле больницы было чисто, свежо и суетно. Бегали люди в белых халатах и зеленых пижамах, сидели на лавочках пациенты, ожидающие приема врача. Последних выдавала затаённая боль в глазах и тревожность. А вот растерянно оглядывающихся родственников, пришедших навестить больных можно было опознать по наличию еды. Кто-то трепетно прижимал к груди гроздь бананов, кто-то держал под мышкой тетрапак сока, кто-то зорко следил за стоящим рядом пакетом, сквозь который виднелись разноцветные контейнеры с едой.

Не особо церемонясь, я растолкала всех, кто попадался на моем пути и подошла к стойке регистратуры. За высоким прозрачным стеклом сидела молодая девушка с чуть испуганным выражением на востроносой мордашке, которая делала её похожей на забившуюся в уголок мышь. Либо практикантка, либо вчерашняя студентка, которую бросили на амбразуру отбиваться от настырных и временами очень нервных посетителей. Видимо, последних сегодня было с перебором, оттого и эти круглые глаза, сияющие нездоровым блеском.

Неопытность медсестры была мне только на руку. Таким проще задурить голову. А потому я прибавила суровости лицу, приняв максимально официальный вид.

– Здравствуйте, – сухо проговорила я и, вынув из кармана удостоверение, взмахнула им перед лицом девчонки. – В какой палате находится Сергей Владимирович Глушко?

– А вы кто? – оторопела девица, провожая взглядом исчезающее в кармане удостоверение, с которым она конечно же не успела ознакомиться. Все, что она заметила – красная корочка с всем известным символом, который у простых граждан стойко ассоциируется с одной известной силовой структурой.

– Вопросы здесь задаю я, – сказала, как топором обрубила и таким голосом, которым только на кладбище из-за могил подвывать. – Вы читать умеете?

Девушка обескураженно кивнула.

– Тогда прочитайте у себя там, в компьютере, номер палаты пациента Глушко, – ласково приказала я, но от этой любезности барышню заметно передернуло. Она схватилась за мышку, быстро пощелкала клавишами и тихо пискнула:

– Пятьдесят шестая палата. Это на третьем этаже.

Я высокомерно кивнула, показывая, что услышала её и деловито направилась к лестнице. В больнице имелся лифт, но судя по каталке, которую как раз пытались впихнуть в сверкающую начищенным металлом кабину нам с ней не по пути. А потому пришлось горными козликами скакать по сту-

пенькам. Вернее, скакала я, а Гоша тащился где-то в хвосте, пыхтя и отдуваясь, но старательно пытаюсь не отставать.

Дверь, на которой болталась табличка с цифрами 56, была четвертой по счету от входа. Помня о том, что мы все-таки в больнице, где люди страдают, я постаралась не влетать в помещение ураганом, а войти сдержанно, но требовательно.

Видимо, получилось не очень, так как, когда я волшебным грибом на сказочной полянке выросла на пороге пятьдесят шестой палаты, двое её обитателей едва не попадали со своих коек. Еще один подавился булочкой и начал содрогаться в кашле, а четвертый почему-то ломанулся к окну.

Я обвела всех присутствующих взглядом, всматриваясь в их растерянные и чуть вытянувшиеся лица, а потом наткнулась взглядом на свое отражение в зеркале, что висело прямо напротив двери. В нем я увидела до синевы бледную девушку, у которой явно больным румянцем горели щеки и чуть топорщились волосы, словно наэлектризованные. На дне зрачков я увидела светло-оранжевые отсветы, которые то появлялись, то исчезали, так, словно кто-то игрался с горящей свечой у темного окна.

Я встряхнула головой, отгоняя видение из зеркала, а после свела брови у переносицы и спросила:

– Глушко Сергей Владимирович – кто?

Повисшую тишину нарушил сдавленный всхлип, раздавшийся со стороны мужчины, который потя и багровея пытался проглотить застрявший в горле кусок сдобного теста.

Двое его болезненных соседей после моего вопроса синхронно повернулись в сторону теперь уже не кашляющего, а икающего мужичка, и также синхронно засобирались кто куда. Тот, что слева вдруг вспомнил про необходимость сдать анализы, о чем громко всем объявил. Другой ответил на воображаемый звонок телефона. Тот, который с подозрительной прытью мчался к окну, неожиданно захотел на клизму.

Разбежавшиеся испуганными тараканами пациенты оставили нас с проголодавшимся вдовцом наедине. Я медленно прошествовала через палату, слыша за собой пыхтение Гоши, и аккуратно присела на краешек койки Глушко. Он все еще был красным и походил на придушенного удава, вдобавок получившего дубинкой по голове. Но булку он уже проглотил, что не могло не радовать. Доставать кусок мокрого теста из его глотки мне не хотелось.

Мужчина не производил приятного впечатления. Невысокого роста, толстенький, с выдающимся вперед тугим пивным животиком. На макушке его уже просматривалась лысина, посверкивающая в свете падающего из окна дневного света. По бокам от неё кучерявились остатки шевелюры невнятного темно-русого цвета. На толстощеком лице выделялся длинный острый нос, который вместе с близко посаженными маленькими серыми глазками делал его похожим на хорька. Красивыми были только губы – полные, с чувственным изгибом. Но на его лице они смотрелись чужеродно и создавали впечатление, что их владелец – человек ка-

признай и непостоянный.

Закончив осмотр объекта, я досадливо поморщилась и двумя пальцами вытащила из рук застывшего мужчины булочку, положив её на тумбочку. Затем отряхнула пальцы от несуществующих крошек и широко улыбнулась мужчине, который все никак не мог отойти от удивления и подавал признаки жизни исключительно посредством моргания.

– Дышите, – улыбнулась я.

– А? – отмер наконец вдовец. – А вы кто?

– Меня зовут Серафима. А его, – я обернулась назад, на замершего за моей спиной Гошу, – Игорь. Мой напарник.

– Напарник? Вы – федералы?

Я любезно улыбнулась и оставила вопрос без ответа.

– Вы понимаете, почему мы здесь?

Толстячок замотал головой, отчего вновь закашлялся. И только я взяла с тумбочки стакан с водой, чтобы сунуть его под нос Глушко, как в дело вмешался Гоша. Уже не улыбаясь, а глядя исподлобья, он шагнул вперед, замахнулся и приложился кулаком по спине заходящегося в кашле вдовца.

Я спокойно вернула стакан на место, поняв, что вода нам уже не понадобится. Возможно, понадобится медицинский спирт. Так как от такой физиотерапии Глушко опешенно замер, вцепившись обеими руками в собственную шею. И тут же икнул.

– Полегчало? – грозно поинтересовался Гоша таким тоном, что даже мне захотелось подтвердить, что да, мол,

полегчало, спасибо. Схожие ощущения видимо испытал и Глушко, а потому с готовностью закивал болванчиком. В этот момент он был готов подтвердить что угодно, лишь бы крепкий кулак, закаленный суровой армейской жизнью, больше не соприкасался с его позвоночником.

– Да, все нормально, – прохрипел Глушко. И все-таки схватился за стакан, начав жадными глотками громко хлебать воду.

Я укоризненно взглянула на Гошу. Он лишь виновато дернул плечом и вернулся за мою спину.

Я вновь сосредоточила свое внимание на вдовце. Он уже допил воду и теперь утирал мокрые губы тыльной стороной ладони.

– Как вы себя чувствуете? – аккуратно начала я.

– А что? – нервно дернулся вдовец, схватившись пальцами за край больничной простыни. Я демонстративно перевела взгляд с лица мужчины на его руки, выдававшие крайнюю степень нервного напряжения, испытываемого вдовцом. Под моим выразительным взглядом толстенькие и короткие пальцы, покрытые густыми черными волосками, тут же отпустили постельное белье и сцепились друг в друга. Я улыбнулась, а после вновь посмотрела ему в глаза. И увидела там страх. Страх на грани паники, нарастающей снежным комом.

– Нам сказали, что вам стало плохо, после того, как вы узнали о гибели жены, – спокойно пояснила я, а после сдела-

ла жест рукой, обводя разложенные на тумбочке продукты. – Но, судя по вашему аппетиту, с вами все хорошо.

– Когда мне плохо – я ем, – запинаясь заговорил вдовец, опуская голову. – Старая привычка, еще с детства.

– Тогда в ближайшее время вам придется много есть, – сделала я вывод. – Советую переехать поближе к магазину, а еще лучше – продовольственному складу.

– Почему? – резко вскинул голову Глушко.

– Ну как же, недавно погиб сын, – с готовностью напомнила я, – а теперь вот не стало жены. У вас осталась лишь младшая дочь, Мария. Кстати, как она?

– Все хорошо, – не уверенно произнес Глушко. – Слушайте, что вам надо?

– Поговорить, – пробасил за моей спиной Гоша.

– О чем? – чуть отодвинулся от нас вдовец.

– О вашей семье.

На этих словах мужчина вздрогнул всем телом, как от удара хлыстом и начал стремительно сереть.

– Я ничего не знаю, – заявил он шепотом в то время, как с его лица сходили все краски жизни.

– Думаю, кое-что вы все-таки знаете, – не согласилась я. – И поделитесь этой информацией с нами, а иначе...

Я оборвала себя на полуслове и печально склонила голову.

– Иначе? – эхом повторил за мной Глушко.

– А иначе, – вступил в наш разговор Гоша, – она выйдет, и ты останешься наедине со мной.

– Вы мне угрожаете? – мужчина явно был напуган, из-за чего не оставлял попыток увеличить между нами расстояние, которые привели к тому, что его рыхлое тельце практически вжалось в спинку кровати, распластав под собой несчастную подушку.

– Нет, предупреждаем, – отчетливо хрустнул пальцами Гоша. Не знаю, что он там демонстрировал за моей спиной, но вдовец вдруг проникся его словами. И если до этого момента он был напряжен, как натянутая струна, то после заявления моего спутника как-то разом обмяк, словно из него выдернули стержень.

И хотя этот стержень изначально был так себе, он все же служил какой-то внутренней опорой, поддерживал силы. Теперь же Глушко напоминал человека, которому жить оставалось полтора дня, и он об этом знал.

– Чего бы вы не боялись, мы сможем вас защитить, – в полголоса заговорила я, пытаюсь добавить успокаивающие нотки, что было очень трудно. Невозможно успокоить человека, когда у тебя самого в груди клокочет вулкан. – И мы – единственные, кто сможет вам помочь. Но для этого нам сперва необходимо понять, от чего вас нужно уберечь. Помогите нам – и мы сделаем все, что потребуется для вашего спасения.

Глушко запустил пальцы в жиденькие остатки шевелюры и отчаянно простонал:

– Не сможете.

Я выдала кривую усмешку.

– Поверьте, сможем.

– Вы не знаете, кто он, – проскулил вдовец, продолжая увлекательный процесс по прореживанию волосяного покрова на голове.

– А вы не знаете, кто мы, – низким голосом прогудел Гоша. Я удивленно покосилась в его сторону, так как со мной парень разговаривал обычным тоном, не похожим на вот этот вот медвежий рык из глубокой пещеры. Парень поймал мой взгляд и лукаво подмигнул. – Видите эту девушку перед собой?

Я в замешательстве вздернула брови, не ожидая такого захода.

Вдовец тоже не ожидал, и его удивление стало зеркальным отражением моего. Только мои глаза не сошлись у переносицы. Глушко даже перестал выдергивать на себе волосы, изумленно уставившись туда, куда предложил ему Гоша – на меня.

– Она кое-что умеет, – продолжил гнуть свою линию Гоша. – Покажи ему, – а вот это уже было адресовано мне.

Просьбу я проигнорировала, но вот игнорировать Гошу оказалось намного труднее. Парень задался целью, и я даже понимала какой, но методы его мне не нравились.

– Покажи ему, – наставил мой временный напарник.

– Мы не в цирке, а я – не клоун, – негромко пропела я, пытаясь удержать на лице дружелюбное выражение. Затея была

плохой. И не только потому, что мне не хотелось привлекать к себе лишнее внимание, но и потому, что у каждого действия есть последствия. В моем случае последствия бывали порой невыносимыми.

– Иначе мы здесь долго просидим, – склонился к моему уху Гоша, – как минимум, до того момента, пока мужик полностью не облысеет.

Я закусила губу. В какой-то степени он был прав. Надо было еще с мужем Крыловой встретиться.

– Хорошо, – согласилась я. – Только не пугайтесь. И помните, пока вы с нами – вам ничего не грозит.

Сказав так, я вытянула вперед руку раскрытой ладонью вверх и расслабилась.

Многим магам для того, чтобы призвать свою силу необходимо концентрироваться. Поставить четкую задачу и сосредоточиться на ней, задействуя все ресурсы своего разума. У меня все наоборот. Магия вырывалась из меня легко и стремительно, словно ласковый питомец, который долго-долго сидел под дверью в ожидании возвращения хозяина. И вот, когда хозяин, наконец, проворачивает дверную ручку и отпирает створку, питомец со всех своих лап мчит к нему на встречу и радостно бросается в объятия. Примерно так лилась из меня моя сила, доставшаяся от отца, мага огня. Игриво ступая мягкими лапами появлялась, когда я была спокойна. Ликующе выныривала, когда испытывала счастье. Больно кусаясь и разрывая когтями плоть вырыва-

лась, когда мне было страшно или плохо. Усилия чаще всего приходилось прилагать не для того, чтобы выманить зверя из убежища, а для того, чтобы дверь была закрыта. И ручка оставалась неподвижной.

В момент разговора с Глушко моё настроение моё настроение можно было описать, как нестабильное и взбудораженное. А потому моя магия аккуратно, с опаской, выбралась из норки и начала оглядываться по сторонам в ожидании возможных угроз. Я легонько поторопила её, но она продолжала осторожничать, пригибаясь к земле словно крадущаяся кошка. Я мысленно шикнула на неё и подтолкнула вперед, к выходу. Она зашипела и ударила об пол лапой. И этот нервный всплеск в реальности проявился небольшим столбиком огня, взметнувшимся в потолок с моей раскрытой ладони.

И так как в этот момент я словно находилась на грани сознания, пребывая одновременно в двух реальностях – внешней и внутренней, то момент потери вдовцом бровей заметить не успела. Вынырнуть из собственного мысленного омуты меня заставил истошный вскрик, а после передо мной уже сидел Глушко, только слегка...вареный. С ошалевшим и красным лицом он ощупывал то место, где еще минуту назад находились его брови.

– Что произошло? – растерялась я.

Неожиданно быстро сориентировался Гоша.

– Этот дурак полез к тебе, когда ты застыла, хотела по щекам побить, чтобы очнулась, – подхватив под белы ручки

вдовца, Гоша поволок пациента на выход. – Надо сваливать, пока медперсонал не явился.

– Идиот, – не сдержалась я. А после посмотрела на черный потолок, оценила треснувший плафон и пришла к выводу, что в словах Гоши есть резон. И поторопилась следом за трогательно обнявшейся парочкой. Ну, как обнявшейся? Гоша обхватил Глушко рукой за то место, где по идее у мужчины должна была быть талия. Но так как талия была невозвратно потеряна еще пару десятков лет назад, то пальцы моего напарника просто утонули в складках, наеденных непосильным трудом. Вдовец в свою очередь был совсем не против такой расстановки сил и с удивительной приязнью прильнул к плечу парня, который пыхтел и отдувался, волоча на себе неподъемную тушу. Быстро шагая за ними следом по больничному коридору и наблюдая эту картину со стороны, в душу мою начали невольно закрадываться определенные подозрения, которые выставляли сложившуюся ситуацию в совсем ином свете.

Но проверять размытые домыслы времени не было, за моей спиной уже звучали громкие разговоры и приближающиеся шаги. А потому я ускорила шаг, догнала ребят на входе в лифт и постаралась закрыть своей спиной все еще постанывающего, на теперь уже как-то фальшиво и натужно, Глушко. Вряд ли получилось, но двери лифта с шумом закрылись, и мы устремились вниз.

– Как выйдем из больницы, – нарушила я молчание, – за-

пихни его в машину и уезжай обратно.

– А ты? – угрюмо спросил Гоша, чуть отодвигаясь от имитирующего потерю сознания вдовца, которого ему все еще приходилось поддерживать.

– Поеду к Крылову, – раскрыла я свои планы. – Не понравились мне слова Глушко.

Я кивнула на вдовца, чьи ресницы чуть дрогнули при упоминании его имени.

– А с этим пусть Седой побеседует, – злорадно распорядилась я, припомнив попытку вдовца отхлестать меня по лицу в целях приведения в сознание. – Ему понравится.

Лифт остановился, створки лениво разъехались в стороны, и мы практически вывалились в холл. Где на нашу живописную группу никто не обратил внимание, так как было занятие поинтереснее – у стойки регистрации седоволосая женщина воодушевленно о чем-то ругалась с медсестрой, потряхивая у последней перед лицом баночкой для анализов. Ссора явно началась недавно и стремительно набирала обороты, собирая вокруг себя благодарных зрителей.

Мы смотреть не стали и быстренько прошмыгнули через толпу. Вернее, прошмыгнуть удалось мне. А вот Гоше пришлось танкером, волокущим на себе дряхлую баржу переть напрямик, наступая людям на ноги и едва не выбивая из рук стаканчики с кофе.

Оказавшись на свежем воздухе, я благодарно выдохнула, а после, кивнув Гоше, направилась к машинам такси, что ряд-

ком выстроились вдоль бордюра. Распахнула дверь ближайшего к себе автомобиля с шашечками на крыше и устало рухнула на сидение.

– Куда? – обернулся ко мне небритый водитель с лицом не отличающимся приветливостью.

Я назвала адрес. Водитель завел мотор и вырулил со стоянки. Обернувшись, я увидела, как отъезжает Гоша. И облегченно выдохнула. Одной проблемой меньше – от назойливых глаз человека, приставленного ко мне для наблюдения и старательно изображающего из себя недалекого сельского паренька, избавилась. Теперь можно немного расслабиться.

Так я и сделала. Обессиленно растекшись по сидению, дала возможность отдохнуть напряженным мышцам. Безразлично наблюдая за суматошной жизнью на улицах Восточной Столицы, мелькающей за окном, я чувствовала приближения тех самых последствий, который были платой за использование силы. И я сделала то, чему училась долгое время – возвела мысленную стену, блокируя своего внутреннего монстра. Так я называю ту адскую боль, которая являлась моим неизменным спутником. Боль была со мной всегда, сколько я себя помнила. Приходила она после использования магии огня, но степень боли всегда зависела от того психоэмоционального состояния, в котором я пребывала, используя свой дар. Чаще всего это была сокрушительная волна, под натиском которой трудно даже просто стоять на ногах, но иногда боль превращалась в фоновый шум.

Этот шум маячил где-то там, на задворках сознания, периодически напоминая о своем присутствии резкими приступами мигрени, но быстро отступая.

Мне понадобилось немало времени, чтобы научиться умирять боль и договариваться с этой частью себя. Но по итогу я обрела умение на время запира́ть боль в клетку, чтобы выпустить позже, когда позволят обстоятельства. Конечно, потом мне становится вдвойне хуже, ведь монстру надо взять своё. Но при этом меня тешит мысль, что ситуацию контролирую я. И ключи от клетки у меня.

На дорогах были пробки, что не удивительно для такого большого города в час пик, а потому по назначенному адресу мы прибыли спустя час. Я расплатилась и тяжело выбралась из салона. Хотелось размяться, так как все тело затекло от долгого сидения в одной позе. Но на бесполезное топтание на месте время было терять нельзя, следовало идти и делать свою работу. И именно так я и поступила.

Глава 19

Искомый подъезд обнаружился быстро. На входе имелся домофон, но удача решила мне улыбнуться. Кто-то предвзительно распахнул дверь и любезно подставил под неё камешек, чтобы не захлопнулась.

Я оглянулась по сторонам, заметила стайку старушек, расположившихся на лавочке у дома напротив, а потому накинула на голову капюшон толстовки и глядя себе под ноги проскользнула в подъезд. И едва не столкнулась нос к носу с грузчиками, которые матерясь на чем свет стоит спускались вниз по лестнице в обнимку с цветастым диваном.

Отступив в уголок, я пропустила трудяг в ярко-оранжевых рабочих комбинезонах и дождалась, пока они освободят проход.

Мне нужна была квартира под номером девяносто пять, а вот этаж я не знала. Но судя по тому, что двери на первом этаже были обозначены номерами от пятидесяти четырех до шестидесяти, а на каждом этаже было по шесть квартир, то выходило, что семейство Крыловых обитало на седьмом этаже.

Я мысленно простонала от необходимости топать практически под самую крышу, но тут же одернула сама себя и начала подъем. Примерно на третьем этаже мне захотелось пить. На четвертом посетила светлая идея бросить курить. Будучи

на пятом, я пожалела, что забросила занятия спортом. На шестом дала себе клятвенное обещание заняться своим здоровьем. На седьмой я практически вползала.

И вот в тот момент, когда мой язык болтался на плече, а из горла вырывалось тяжелое сиплое дыхание, мой нос уловил посторонний запах. Посторонним он показался потому, что его в подъезде стандартной блочной девятиэтажки с такими тонкими стенами, что соседи волей-неволей в курсе интимных подробностей жизни друг друга, не должно было быть. Здесь должно было пахнуть обычной человеческой жизнью, как и в других подобных домах – едой, пылью, шерстью домашних животных и потом. А аромат, который учуяло моё обоняние был другим – слишком чистым для человека, слишком концентрированным. Он напоминал... морской бриз. Дуновение ветра, дарящее прохладу и оседающее на коже капельками соленой воды.

Облокотившись о перила, я прикрыла веки и позволила своим органам чувств оценить окружающую обстановку. Где-то звонко лаяла собака. Через две стены приглушенно бормотал телевизор. Этажом ниже ругались мужчина и женщина. В квартире наискосок напевал ребенок и стучал нож о разделочную доску. На пятом этаже у кого-то убежало молоко на плиту.

Все вроде бы было нормально, обыденно. И все же что-то настораживало. Я открыла глаза и вновь оглянулась по сторонам. Просто пятьдесят оттенков серого. Отчаяния. Серые

стены, серая лестница, местами грязные стены и окно, радующее глаз огромной трещиной. Прятаться тут было негде, если только под потолком. Но нет, потолок хоть и не радовал глаз хорошим ремонтом, но и инородными субъектами не обзавелся.

Я потерла глаза пальцами, а после оторвалась от перил, на которых с сомнительным удобством повисла, и направилась к нужной мне двери. Звонок имелся, и он же лишил меня удовольствия попинать ногами створку. А потому пришлось интеллигентно ткнуть пальцем в кнопку. За дверью послышалось переливание трели, но хозяева на зов не спешили.

Я нажала еще раз, и еще раз. А потом еще раз. И снова. Потом не выдержала и от души приложила о косяк крепким каблуком ботинка. Решила, что хозяина очевидно нет дома, хотя куда он мог утопать после известия о безвременной кончине жены, практически сразу последовавшим за кровавым самоубийством сына – непонятно. Я уже решила спуститься вниз и, устроившись на лавочке, позвонить Сашке, как вдруг дверь от моего пинка со скрипом приоткрылась.

Я замерла.

Опыт подсказывал, а вернее истошно кричал, что в наше тревожное время дверь в квартиру просто так открытой не оставляют. Можно сколько угодно рассуждать на тему вероятной забывчивости или «торопился в туалет, не успел закрыть», но наши граждане настолько натренированы неста-

бильной криминальной обстановкой в стране, что даже в состоянии крайнего опьянения запереть дверь в свою норку – это что-то на уровне базового инстинкта.

Первое, что пришло на ум – Крылов решил отправиться следом за сыном и женой. Других детей, кроме сына, в семье не было. А потому вполне возможно, что в состоянии крайнего потрясения, потеряв самых близких людей, мужчина мог шагнуть из окна или намылить веревку.

Но влетать в квартиру с видом спасителя я не спешила. Если мужик вздернулся, то помочь ему я уже вряд ли успею. А вот себя подставить вполне могу.

Я потянула вниз рукава толстовки, закрывая плотной тканью пальцы и аккуратно толкнула дверь. Ничего не произошло. Я распахнула створку шире и, мягко ступая, вошла в прихожую, утопающую в полутьме. Замерев на полминуты, я быстро осмотрелась, чтобы сориентироваться.

Обстановка в квартире не отличалась оригинальностью. У входа стояла тумбочка, куда хозяева бросали шапки, шарфы, ключи. Тут же находился домашний стационарный телефон. Странно, что у кого-то он еще сохранился. Рядом с тумбочкой – шкаф-купе для верхней одежды. На стене напротив – зеркало во весь рост.

В прихожую выходили три комнаты, сквозь распахнутые двери которых я оценила интерьер и поняла, что это две спальни и гостиная. По правую сторону от гостиной вглубь квартиры уходил узкий коридор.

Я направилась туда, так как после беглого осмотра жилых комнат стало очевидно, что людей там нет. Если только Крылов не спрятался в ящик для постельного белья.

По пути на кухню мне встретились еще две двери – в туалет и ванную комнату. Хорошая бытовая техника, качественный ремонт, практически хирургическая чистота и блеск. И полное отсутствие жильцов.

В кухне царил полумрак. Солнце уже скрылось за горизонтом, верхний свет в помещении не горел и жалюзи на единственном окне были приспущены.

Вдоль левой стенки выстроился комплект кухонной мебели, где предусматривалось готовить еду. Справа была обустроена зона для принятия пищи – большой квадратный обеденный стол из натурального дерева, окруженный массивными стульями. Разграничивала помещение расположенная по середине модная барная стойка, столешница которой была сделана под мрамор.

Стильно, красиво, уютно. И все бы ничего, но... в кухне витал отчетливый запах свежей крови.

Я направилась направо, обогнула по широкой дуге стол и увидела лежащее на полу тело мужчины. Светлый свитер, черные брюки и красная лужа, растекающаяся под головой. Лица убитого видно не было – он лежал на животе, затылком ко мне. Но даже с двухметрового расстояния, на котором я находилась, было очевидно – парень мертв. И не потому, что лужа впечатляла размерами, а потому что сквозь дыру в че-

репе просматривались мозги убитого.

Я озадаченно потерла лоб. Простимулировать умственную деятельность это не помогло, наверное, эффективнее было бы пару минуточек побиться головой о стенку. Но проблема заключалась в том, что этого времени у меня не было. Кто бы не совершил убийство, неизвестно, что он сделает дальше – постарается сбежать подальше или же сделает анонимный звонок в полицию с сообщением о трупе. А потому мне следовало убираться отсюда как можно скорее, чтобы не встретиться с «дорогими» моему сердцу представителями правопорядка, так как у нас взаимная непереносимая аллергия. У начальника полиции полковника Князева начинается нервный тик, когда он слышит мою фамилию, а у меня зудит в пояснице, едва я начинаю о них думать.

Стараясь ни к чему не прикасаться и оставлять минимум следов, я сделала еще пару шагов вперед, обошла убитого и, чтобы внимательнее рассмотреть труп, присела на корточки.

Это был достаточно высокий, примерно метр восемьдесят, мужчина худощавого телосложения, но при этом под тонкой тканью свитера угадывалось наличие мышц. Про таких говорят – поджарый. Убитый был именно таким – склонным к худобе, но не слабым. Широкие грубые ладони с ярко выраженными проступившими венами и грубой кожей. Они выдавали в нем человека рабочей профессии. Ногти удивили чистотой, но вот обрезал он их явно сам и не считал нужным делать что-то еще. Лицо у покойного было обезображе-

но посмертной гримасой, в которой смешались боль, удивление и испуг. Но при жизни он наверняка считался привлекательным мужчиной. Ровные, чистые и строгие линии лица говорили о наличии ума и твердого характера. И вкус в одежде у него был. Я обратила внимание на свитер и даже пощупала двумя пальцами ткань. Так и есть, натуральный кашемир, причем отличного качества. Аккуратно оттянув ворот одежды, я нащупала этикетку. Вытянула и увидела эмблему не очень известного, но очень дорогого бренда, под которым производилась одежда класса люкс. Цена на такой свитерок стартовала от пятисот долларов. И это в сезон распродаж.

– Любопытный вы персонаж, – в слух проговорила я убитому, – гражданин Крылов.

Да, передо мной в луже собственной крови и мозгами наружу лежал Виктор Крылов, чья профессия не сопоставлялась со стоимостью его наряда. В досье на Максима Крылова указывалось, что глава семейства трудится простым механиком в автомобильном сервисе. Но откуда у простого механика деньги на такую дорогостоящую одежду?

И только тут я поняла, что мне так не понравилось в этой квартире. Помимо наличия трупа. Нет, труп мне тоже не понравился. Я же не некромант. Но обстановка в этом жилище вызывала у меня когнитивный диссонанс. Ну, не соответствовала она скромным доходам мастера-автомеханика и школьной учительницы. Даже если последняя подрабатывала репетиторством, а механик ремонтировал исключительно

«Ферарри» да «Майбахи».

Я оглянулась по сторонам, теперь уже не просто пробегаая взглядом, а всматриваясь в детали. Дорогой кухонный гарнитур, брендовая встроенные плита и посудомойка, полный набор мелкой кухонной техники – от миксера до соковыжималки, качественный дубовый паркет. Все это свидетельствовало о немалом достатке, так же, как и виденный мною в гостиной Крыловых домашний кинотеатр в полстены и «яблочный» компьютер.

Что-то странное творилось в этом доме, но что именно – придется узнавать уже в другом месте.

Я сдернула с шеи шарф и начала задом отступать в направлении двери, одновременно протирая за собой пол везде, где могли остаться следы от моих ног. Когда я в позе подстреленного страуса уперлась попой в какую-то преграду, то стало очевидно, что я достигла прихожей и соответственно выхода.

Выпрямившись, я скомкала шарф и сунула себе за пазуху, намереваясь выкинуть уже потерявшую свой вид вещь в первое попавшееся мусорное ведро. После окинула квартиру взглядом, проверяя ничего ли я не забыла. Напоследок глянула на себя в зеркало с целью убедиться в своем приемлемом и не вызывающем подозрения облике.

И вот тут я заметила его.

В момент моего эпичного появления попой вперед он очевидно собирался покинуть свое убежище, а именно – стен-

ной шкаф. Но я разрушила его надежды по-тихому смыться, а потому ему пришлось снова занять не самую удобную позицию в шкафу, который был ему мал, прикинувшись вешалкой и уткнувшись носом в женскую шубу.

Наши взгляды встретились. Мой – заледеневший от неожиданности. Его – явственно кровожадный.

Секунда обоюдной растерянности, которая лично мне показалась вечностью. Еще меньше времени на принятие решение.

И тут он атаковал.

Я предвидела этот маневр, а потому легко ушла от удара, но не рассчитала габаритов помещения и ударилась плечом о стену. Боль обожгла уже когда-то поврежденный сустав, но времени на стоны мне мой противник не оставил. Еще один замах и его удар правой заканчивается хрустом разбитых о стенку костяшек. А стенке-то что, она каменная, а потому ударом не впечатлилась, но и сдачи не дала. А вот я дала.

Ботинки у меня хорошие, дорогие, укрепленные металлическими пластинами на мысках. Портить их из-за таких неблагодарных персонажей, как этот парень, всем сердцем стремящийся отправить меня на бессрочное свидание с давно почившими предками, не хотелось. Но именно благодаря металлическим вставкам этими ботинками очень хорошо было бить по промежности и по коленным чашечкам. Что я с удовольствием начинающего маньяка и сделала.

Парень замычал, не разжимая рта и ухватился за подверг-

шуюся атаке часть тела. Колени он почему-то оставил без внимания, а потому я решила повторить. И вот когда я уже занесла ногу для повторного удара, он вдруг схватил меня за лодыжку и дернул вперед. Я кулем повалилась на пол, по пути умудрившись чебурахнуться головой об угол обувной тумбочки. Воспользовавшись моей временной недееспособностью в силу того, что я была занята подсчетом звездочек, вспыхнувших перед глазами, парень подскочил, распахнул дверь и рванул на лестницу.

Я отогнала несуществующего дятла, вдруг вздумавшего выдолбить дупло в моем черепе и чуть менее резво подхватила на ноги, чтобы последовать за беглецом.

Надо сказать, бегал он недолго. Комплекция не позволяла – когда ты напоминаешь хорошо отъевшегося медведя, то горным львом по ступенькам не промчишься. Уже через пару пролетов перед моим носом замельтешила его широкая и заметно сутулая спина. Но даже с учетом того, что я была на несколько ступенек выше, то все равно дышала убийце в область чуть ниже лопаток.

Поняв, что силой мне этого амбала не одолеть, я решила прибегнуть к хитрости. Быстро произвела в уме простые расчеты и, продолжая преследование, стала ждать, пока противник сам добежит до места казни. Вот мы миновали второй этаж, преступник, предчувствуя скорую свободу решил поднажать и...сам себе сделал хуже. Когда перед нами возникла входная дверь, которая на этот раз уже была закрыта,

я чуть отстала.

А после разбег, прыжок и мои ноги приземлились на спину убийцы. Он не устоял под напором моего веса, усиленного инерцией, и полетел мордой вперед, пропахав носом пол. Когда я кряхтя встала с него, парень был без сознания и с сильно подправленным личиком.

Я оставила его отдыхать, предварительно связав его запястья за спиной своими шнурками, и принялась звонить Сашке.

Глава 20

Он окликнул меня, когда я расплачивалась за кофе.

Двойной эспрессо без сахара – ароматный, горячий и крепкий до такой степени, что аж волосы на затылке вставали дыбом. Выпить его, все равно, что пустить пару зарядов тока по позвоночнику. Один из немногочисленных способов прийти в себя после долгой бессонной ночи, наполненной страхом, острым запахом различных жидкостей, производимых человеческим телом и воплями, что вырывались из чужой глотки под пытками. Рассвет я встретила, отмывая руки от крови и вычищая ножи. Что сказать, работа грязная, но кто-то должен её делать. Раньше я, как правило, уходила в недельный вираж по ближайшим в округе барам, напиваясь в стельку, чтобы стереть из памяти то, что я делала с другими людьми. Но в этот раз все по-другому. Важно было оставаться в трезвом сознании и при отменно работающих рефлексах. А потом, я не могла позволить себе провалиться в блаженном беспомыслии под ближайшей сосной.

Какой же сложной внезапно стала моя жизнь.

Услышав бодрое "Фимка!" над ухом, я вздрогнула. Рука моя непроизвольно дернулась к ножу, прикрепленному к правой руке и скрытому длинным рукавом куртки. В последний момент я успела остановить свой порыв, вспомнив, что нахожусь в центре города на оживленной улице. И вряд ли

прохожие впечатляться, если я выхватчу клинок и стану им размахивать, словно взбесившийся монах Шаолинь.

Сделав вид, что мне срочно понадобилось поправить ремешок наручных часов, я поменяла траекторию движения, а после медленно обернулась на зов. От автостоянки ко мне направлялся мужчина средних лет в сером брючном костюме. Внешне он напоминал неповоротливого медведя, двигался медленно, тяжело переваливаясь с ноги на ногу и немного нелепо дергая руками.

Прошло немало времени с тех пор, как мы виделись в последний раз. Он постарел и прибавил в весе. Шевелюра поредела и приобрела серебристый оттенок. Морщины на лице стали глубже и как-то резче. В целом, он производил впечатление человека, который слишком многое видел в этой жизни. И большая часть того, что он видел ему категорически не понравилась. А может быть, это просто мне так казалось. А другие смотрели на него и видели всего лишь немного постаревшего и немного уставшего человека. Обычного, такого же, как и они сами.

Но обычным он никогда не был.

Да, я знала его.

– Алтай, – улыбнулась я и зашагала ему навстречу.

– Привет, малышка, – ласково произнес он, когда я приблизилась. И крепко обнял, прижав к своей груди. Я, не ожидая ничего подобного, напряглась. В нашей среде не были приняты подобные проявления нежности. Как правило, мы

сухо приветствовали друг друга короткими кивками головы или крепкими рукопожатиями. А так, как в головах мужчин до сих пор крепко сидели средневековые патриархальные нравы, когда женщина приравнивалась к имуществу, большинство мужчин вообще старались меня избегать. Зато женщины всегда крепко жали мне руку с важным видом, мол, мы ничем не хуже них, мужчин. И раз мы бесстрашные члены очень маленького, но очень крутого сообщества, то и вести себя должны соответствующе. Так выражалась негласная женская солидарность. Максимум, что мы могли себе позволить в очень узком кругу, перенасыщенном мужчинами, пытающимися во всем демонстрировать свою доминантность. Жаль, что дам среди нас всегда было очень мало. Кроме себя, я знала еще только двух.

– Как ты? – спросил Алтай, наконец, выпуская меня из своих стальных объятий. Хоть он и подрастерял былую физическую форму выйдя на пенсию, но по-прежнему оставался тем, кем являлся и пять, и десять лет тому назад. Парнем, который шутя завязывал узлом железные прутья и ломал ребром ладони кирпичи.

– Хорошо, – ответила я, расправляя плечи и стараясь, чтобы вздох облегчения прозвучал как можно тише.

Алтай заглянул в мои глаза, а потом решительно взял под руку и повел к открытой двери кафе, что так удачно расположилось неподалеку. Войдя внутрь, мы устроились за одним из столиков и сделали заказ. Алтай попросил принести

пива, я остановилась на молочном коктейле.

– Неожиданно, – прокомментировал мой выбор Алтай, пронаблюдав за тем, как официантка ставит передо мной высокий бокал со светло-розовой жидкостью. К ней же прилагалась разноцветная трубочка и веселенький зонтик.

Я скривилась и, вцепившись зубами в трубочку, сделала пару глотков. Вкус был не так, чтобы очень, но и отвращения не вызывал.

– У нас сейчас одно крупное дело в активной разработке, – нехотя произнесла я, потянувшись за салфеткой.

– И Саня запретил тебе пить, – понимающе хмыкнул Алтай.

Я позволила удивлению отразиться на моем лице.

– Ты знаешь?

– О чем? – спросил Алтай, состряпав на лице самое невинное выражение из всех, на которые был способен. – О том, что Хасана убрали, потому что он проявлял завидное упорство и откровенно не желал сотрудничать с властями? Или о том, что нашего красивого и высокого друга-блондина посчитали самым удобным из всех претендентов на эту должность? И теперь он вынужден всеми силами оправдывать оказанное ему высокое доверие? Да, я знаю. А еще я знаю, что дела у Сашки идут не так удачно, как он хотел бы.

– С чего такие выводы?

– Потому что в стране грядут масштабные перемены, малышка, – с напряженной улыбкой сообщил Алтай. – И пото-

му что он вернул тебя.

Я внимательно посмотрела на человека, которого в определенном смысле можно было считать моим другом. Он ответил мне бесконечно безмятежным взглядом, так ему не свойственным. Я ведь помнила его совсем другим. Сосредоточенным, настроенным на цель, готовым смести все препятствия на своем пути, поглощенным собственной яростью и желанием уничтожить. Я видела, как он убивал, не моргнув глазом, без сомнений и размышлений. Видела, как он раненым выползал из-под обстрела, одновременно вытаскивая на себе истекающего кровью напарника. Видела, как он, холодно и скупно вел переговоры, как докладывал начальству. Как отчитывал подчиненных за неправильные действия и сообщал семье, что все еще жив. Я видела и помнила многое. И я восхищалась им, стремилась быть похожей на него в своей холодной ярости. Я бы пошла за ним в Ад, если бы он пригласил меня присоединиться к этой жаркой прогулке.

Сейчас же передо мной сидел обычный человек среднего возраста, чьи интересы не простирались дальше обычных бытовых проблем. Вон их сколько таких по улицам ходит, серых и обыденных, скучных до челюстной боли. Работа по графику с девяти до пяти, по вечерам пиво на диване, по пятницам – тоже самое, только в баре с друзьями, такими же семейными и покрывшимися мхом. Поднадоевшая супруга, вечно чего-то требующие дети, не перестающая доставать поучениями теща, ненавистное начальство. Все как у всех,

все, как у людей – любимая присказка заурядностей.

Когда же Алтай успел превратиться из первоклассного универсального солдата, многие годы прожившего на передовой той тихой войны, что велась под носом у людей, не замечавших кровавого межвидового противостояния, в банальность? А может быть, это было именно то, чего он хотел? Спокойствие, выраженное в тихом угасании?

Я вновь сделала пару глотков, практически не ощущая вкуса напитка. С тем же успехом можно было просто похлебать воду из-под крана.

– Да, он нашел меня в одном маленьком городке, где я с удовольствием пропивала свою жизнь, – я пожала плечами.

– Он тебя не находил, – спокойно заметил Алтай. – Потому что никогда и не терял.

Я поперхнулась и некрасиво закашлялась.

– В каком это смысле?

Теперь уже Алтай пожал плечами, которые по-прежнему отличались шириной, из-за чего его пиджак опасно натянулся. Мне даже стало интересно, разойдется ткань по швам или нет.

– Он всегда знал, где ты и с кем. Это же Сашка. Ты думаешь, он способен спокойно жить, не контролируя при этом каждый твой шаг?

– С чего бы ему так делать? – небрежно фыркнула я.

– С того, что он одержим тобой, девочка, – твердо сказал Алтай и на пару мгновений вдруг стал похож опять на себя

прежнего. На война, которого не сломить и не сломать.

А потом он криво усмехнулся, и я неожиданно для себя подумала, что он действительно постарел. Это не маска, не ловко состряпанная личина, чтобы встроиться в окружающий мир. Это действительность. Печальный, но неопровержимый факт.

Раньше Алтай был для меня человеком без возраста. Мне никогда даже в голову не приходило интересоваться продолжительностью его жизни. Вы же не станете спрашивать у бога сколько ему лет?

– Что за странные мысли бродят в твоей голове? – попыталась я пошутить, в то время, как мой желудок вдруг свело судорогой, а молочный коктейль запросился наружу.

– Мы живем в не такой уж большой стране, девочка, и вращаемся в одних и тех же кругах, где все друг друга знают. И при этом очень немногие из нас дураки, которые ничего не видят дальше собственного носа.

– То есть, я дура, которая ничего не видит дальше собственного носа? – захотелось уточнить мне.

– Нет, ты просто не замечаешь того, что тебе неинтересно. Но другим достаточно того, как он держит себя рядом с тобой.

– И как же? – этот разговор уже начал меня раздражать.

– Как тот, кто следит за своей территорией.

– Я – не его территория!

Алтай наклонился ко мне и едва слышно прошептал:

– Это ты так думаешь, девочка.

Я нахмурилась и отвернулась. Мне неприятно было слышать такие слова, тем более, от того, кому я могла бы доверить не только свою жизнь, но и свою смерть.

Слова Алтая про Сашку казались абсурдными. Да, он занимал в моей жизни совершенно особенное место, сочетая в себе, казалось бы, несовместимые функции учителя, напарника, товарища и врага. За долгие годы трудного и вынужденного существования бок о бок мы многое узнали друг о друге. В случае объявления открытой войны нам гарантировано полное взаимное уничтожение. Но между тем, что-то удерживало нас от последнего шага в пропасть. Я верила в его хладнокровность и беспристрастность, в его желание выжить и победить. И что в случае необходимости он сделает все, что от него потребуется. Независимо от того, насколько неприятным будет решение, которое придется принимать. Он был надежен как скала в ситуациях, требующих мгновенной реакции и опасной импровизации. Он был отличным бойцом. И в свою очередь признавал тот факт, что и я была не менее отличным бойцом. Он доверял моей интуиции, врожденному чутью и тем методам, которые я использовала в работе. Он позволял мне быть рядом в самые критичные и опасные моменты, а это уже многое значило для такого, как Сашка.

– О чем ты задумалась? – с нотками веселья в басовитом голосе поинтересовался Алтай.

– О Сашкиных талантах, – честно ответила я.

Алтай громко расхохотался, напугав при этом немногочисленных посетителей за соседними столиками. Одна особо нервная дама опрокинула на себя свой латте. Я бы тоже вздрогнула, если бы не была привыкшей к этому громоподобному смеху. Алтай всегда был впечатляющим мужиком. Во всех смыслах.

– Думаешь, как бы поприличнее сдаться в плен? – и тут Алтай мне подмигнул. Озорно так, словно мальчишка в период полового созревания. Я была настолько поражена столь неожиданным поведением этого всегда чуть отстраненного и невозмутимого человека, что оставалось лишь ошалело моргать с глупым видом.

– Прости... прости, что? – постаралась я не измениться в лице.

– Ты – Форт-Нокс, неприступная крепость. А он – завоеватель, желающий сняться с осады и ринуться в бой.

– Что-то я не заметила этой осады, – растерянно пробормотала я, поигрывая пластмассовой соломинкой.

– Плохо смотрела, – уверенно подытожил Алтай.

Я шумно выдохнула, а после решительно отодвинула от себя стакан и скрестила руки на груди.

– Ладно, я ему нравлюсь, пусть так. Но что ему мешало, как ты выразился, ринуться в бой раньше, годков эдак на пять?

– Сначала твой несовершеннолетний возраст. Какой бы

сволочью он не был, даже у него есть принципы. А потом другой человек встал у него на пути, – Алтай бросил на меня осторожный взгляд исподлобья, словно опасаясь ступить на тот тонкий лед, под которым было спрятано мое прошлое.

– Не надо, – покачала я головой, не поднимая глаз. Мои пальцы нервно заскользили вверх-вниз по стеклу тонкого бокала.

– Не буду, – кивнул Алтай. – Я всего лишь отвечаю на твой вопрос.

Мы замолчали. Не знаю, о чем думал Алтай. Это был человек, застегнутый на все пуговицы до самой горловины. Но в одном я была уверена – мне он всегда говорил то, что думал. Не было в нем никогда двойного дна, как не было и привычки лицемерить в угоду личным интересам. Алтай либо говорил, как оно есть на самом деле, либо не говорил вообще. Это удобное качество, когда хочешь узнать правду. И не удобное, когда эта самая правда тебе не нужна.

С Алтаем мы познакомились, когда мне только-только исполнилось шестнадцать лет. Это была моя первая работа в команде в качестве ее полноправного участника...

Глава 21

Он вошел в мою комнату ближе к утру, когда небо за окном уже начало светлеть. Я уже давно привыкла вести ночной образ жизни. Бодрствовать в темное время суток и спать, когда большинство нормальных людей проживают свои нормальные человеческие жизни. Но я никогда не была в полной мере частью того мира, что жил при свете дня. Не только по своей воле.

За годы ночных бдений моя и так светлая от природы кожа стала еще бледнее. Яркий солнечный свет уже давно не вызывал ничего, кроме раздражения. Большое скопление людей нервировало. За каждым углом чудился враг. Каждый встречный прохожий, осмелившийся посмотреть в глаза прямым взглядом вызывал желание либо бежать, либо нападать. То есть, я практически превратилась в вампира, только без постоянной жажды вонзить в кого-нибудь клыки и острой непереносимости товаров из церковной лавки.

Поэтому, когда Хасан бесцеремонно, впрочем, как и всегда, вторгся на мою личную и строго охраняемую территорию, я лежала на кровати и, болтая ногами в воздухе, слушала музыку. Сорвав с моей головы наушники и отшвырнув их в угол, он сел в кресло напротив и устремил на меня свой тяжелый взгляд темно-карих, практически черных, глаз.

Я же медленно поднялась, села, по-турецки сложив ноги,

и провела рукой по волосам, приглаживая их.

– Можно было и постучать, – не стала я скрывать своё недовольство.

– Можно было и не слушать музыку на всю возможную громкость, – в тон мне ответил Хасан. – Тогда бы ты услышала, что я стучал.

– Ты не стучал, – парировала я, – потому что ты никогда не стучишь. Не утруждаешь себя демонстрацией хороших манер.

– А ты у нас храбрая, да, кисонька? – довольно заухмылялся Хасан и стал вдруг похожим на кота, который объелся сметаны.

На самом деле, это было самое жуткое зрелище из всех, когда-либо виденных мною. Он не просто заставлял людей бояться себя, он наводил животный ужас, заставляя людей чувствовать себя загнанными в угол, беспомощными, словно новорожденные щенята. Думаю, примерно то же чувство возникало у первобытных людей, которые по ночам прятались в холодных сырых пещерах, забравшись под стеночку и прижав к себе детей. В то время, как где-то там, снаружи, в темной чаще леса звучал вой, рык и характерный влажный звук, с которым разрывается живая плоть.

Иногда я задумывалась, стал ли Хасан таким жутким в процессе своей трудовой деятельности или уже родился социопатом? Стала ли эта привычка запугивать всех и вся результатом профессиональной деформации? Или же он про-

сто претворял в жизнь устоявшееся убеждение «боятся, значит, уважают»?

Это были размышления из разряда философских. Ведь я практически ничего не знала о шефе и отчетливо осознавала – любая попытка покопаться в его биографии рискует плохо для меня закончиться. А потому мне оставалось лишь строить теории и теряться догадках. Но именно в такие моменты, когда мы оказывались наедине, лицом к лицу, я внезапно начинала остро ощущать всю ценность жизни. Понадобилось очень много времени прежде, чем я научилась находиться рядом с ним без острого желания броситься вон и бежать до самой Антарктиды не останавливаясь. Вернее, желание никуда не делось, просто я научилась с ним сосуществовать. И даже улыбаться. И выглядеть вполне довольной всем вокруг. Ведь хотелось жить. Жить долго и счастливо там, где не будет Хасана.

– У меня было достаточно времени, чтобы ознакомиться со всеми твоими привычками, – безразлично пожала я плечами.

– Кстати, о времени, – Хасан вмиг переменялся, напускное веселье как ветром сдуло. Появилась деловитость, вкрадчивость, непоколебимая уверенность в том, что подчиненные поступят именно так, как он велит. – Завтра будь готова.

– К чему? – изогнула я бровь.

– Ко всему. Обучение окончено, с завтрашнего дня бу-

дешь работать со всеми наравне. Утром отправишься в "поле" в составе второй группы. У тебя будет напарник. Он будет помогать тебе на первых порах, страховать и оценивать. Справишься с поставленной перед тобой задачей – останешься.

– А если не справлюсь? – холодно поинтересовалась я.

– Будем прощаться, – невозмутимо ответил Хасан и наши взгляды встретились. Я поняла, что под прощаться мой шеф имел ввиду вовсе не взмах белым платочком вслед уходящему составу поезда. А уютную могилку где-нибудь в глубине леса в сырой пахнущей опалыми листьями и смертью земле.

– Кто будет моим напарником? – поинтересовалась я, стараясь сохранить невозмутимый вид.

– Сашка, – ответил Хасан и полез в карман за конфеткой. Он пытался бросить курить. Уже в третий раз только на моей памяти, то есть, за последние семь месяцев. И каждый раз безуспешно.

– Я не знаю, кто это.

– Познакомитесь, – сквозь засовываемый в рот цветной леденец произнесло начальство.

После он пружинисто поднялся, в один шаг приблизился ко мне и склонился к лицу.

– Ты очень красивая, – его пальцы подцепили локон моих волос и ласково заправили за ухо, походя погладив по щеке. – Не подведи меня.

Последние слова он произнес жестко, с нажимом ухватив

меня за подбородок.

– Не подведи меня.

Я лишь кивнула, глядя в сторону. Наконец, он отпустил моё лицо, резко, по-военному, развернулся на месте и покинул мою комнату. И только когда дверь за ним захлопнулась и послышались удаляющиеся по коридору шаги, я смогла выдохнуть.

Еще некоторое время я просто сидела не шевелясь, пытаюсь немного прийти в себя и осознать свои перспективы на выживание в ближайшем будущем.

Я плохо помню первые десять лет своей жизни. Иногда всплывают какие-то мутные обрывки, похожие на дежавю или на отголоски странных снов. Из них ничего невозможно было понять, кроме одного. В те времена я жила в каком-то очень солнечном и живописном месте, похожим на красивый просторный сад с большим количеством невероятных растений. Одно время я была одержима идеей найти это место, но, перерыв кучу справочников и книг, так и не смогла обнаружить что-то, хотя бы отдаленно похожее на те картинки, что иногда всплывали в моем мозгу.

Более-менее четкие воспоминания относятся к моменту, когда я чуть не угодила под колеса машины. В принципе, тот человек, который едва не сбил меня, маленькую девочку, оказавшуюся в одиночестве на пустынной трассе, и сыграл главную роль в моей едва успевшей начаться жизни. Он привез меня распределительный центр, откуда я угодила в

руки органов опеки. Те долго пытались выяснить мою личность, искали по разным базам, постоянно спрашивали имя, фамилию и возраст, и почему я оказалась ночью посреди автомобильного шоссе. Но так ничего не добившись, посчитали умственно отсталой и отправили в соответствующее медицинское госучреждение.

На самом деле, я не смогла ничего рассказать не только потому, что понятия не имела кем являюсь, но и по той простой причине что... их язык был для меня набором непонятных звуков. Я не понимала этих людей, не понимала происходящего вокруг. В тот период я не способна была даже самостоятельно сходить в туалет. Простые бытовые предметы вызывали неудержимую панику. Я была полностью дезориентирована, сбита с толку и испугана до дрожи в коленях. Меня постоянно куда-то водили, заставляли выполнять странные манипуляции, пытались осматривать. Вот, кстати, на последнее я отреагировала крайне агрессивно, что закончилось плачевно – для врача, который попробовал залезть под мою одежду, и для меня, которую с тех пор стали держать на седативных препаратах.

Что такое странное мне вводили под кожу длинным тонкой палочкой, вызывающей боль при соприкосновении с кожей, я узнала после. А тогда я просто постоянно была в состоянии, похожим на нечто среднее между полудремой и полубормоком. В конце концов, люди в белых халатах признали меня не опасной, дали заключение, что мой возраст при-

мерно десять лет, а здоровье такое, что можно только позавидовать. Внесли в медицинскую карту заключение: «склона к немотивированному деструктивному поведению» и отправили в детский дом.

Надо сказать, что данную мне характеристику я оправдала в первый же день и едва ли не в первую минуту, когда меня привели в комнату, где я должна была жить совместно с еще тремя девицами.

Все трое находились в спальне, когда я вошла в сопровождении высокой сухопарой женщины со строгим лицом и холодно-льдыстыми голубыми глазами, требовательно смотрящими из-за узких очков. Я не знала, кто она такая. Но именно ей меня передали буквально с рук на руки, и к ней все обращались как к главной. Из чего я сделала вывод, что именно она заведует всем в этом месте.

Что это было за место, я тогда еще не понимала. Но с первой минуты мне там не понравилось. Общая обстановка была серой и гнетущей. В помещениях было мало света, люди вокруг смотрели враждебно и с каким-то недобрым интересом, а в коридорах, по которым меня долго куда-то вели, витал неприятный запах. Уже позже, вспоминая о том периоде своей жизни, я поняла, что пахло там скисшим супом и лекарствами. Прошло уже тринадцать лет, а я по-прежнему ненавижу посещать медицинские заведения. И ненавижу супы.

В комнате, куда меня привели, тоже присутствовал этот

тошнотворный запах. Но доминировал все же другой аромат – аромат ненависти. Я не смогла бы его описать, но одно я знала совершенно точно – меня возненавидели с первого взгляда. За что – загадка, на которую я так и не смогла найти ответ. Может быть, им не нравились рыжие?

Но едва дверь за высокой женщиной закрылась, как меня тут же обступили со всех сторон. Девочки начали что-то говорить, громко и агрессивно. Я не реагировала, так как не понимала смысла сказанного. Единственное, что я попыталась сделать – выйти из круга. Но мне не дали. Грубо оттолкнули назад. А потом толкнули еще раз, и еще раз, а потом уже без остановки. Сначала не сильно, но с каждым толчком они прилагали все больше усилий, которые отпечатывались на мне болью и синяками. И чем больше я сопротивлялась, тем сильнее меня толкали. В какой-то момент я попыталась закричать. Одна из девчонок тут же грубо схватила меня за лицо, закрывая потной, явно давно не мытой ладонью рот. Другая скользнула мне за спину и вывернула руки так, что я не могла пошевелиться без жуткой боли в плечах и локтях. А третья стала передо мной, что-то произнесла с презрительной насмешливой улыбкой и, замахнувшись, ударила меня в живот.

Я помню, как у меня потемнело в глазах. Как боль разлилась по внутренностям, а весь воздух куда-то исчез. И как каждая попытка вздохнуть сопровождалась яростным жжением в груди. Кричать я уже больше не пыталась, как не пы-

талась и сопротивляться.

Моё сознание как будто отступило. Нет, я не упала в обморок. Меня охватило какое-то бесконечное спокойствие, звуки стали приглушенными, словно шли откуда-то издалека, а зрение стало туннельным.

В те годы я бы не смогла даже повторить словосочетание «туннельное зрение», не то, чтобы описать его значение. Но весь мой мир вдруг утонул в темноте и лишь в самом центре находилась видимая точка, сквозь которую просматривалось лицо девчонки, что меня ударила. Я видела её очень ярко и настолько точно, что без труда могла рассмотреть прыщ на подбородке.

И едва я успела осознать своеобразность своего мироощущения, как сознание вдруг отделилось от тела и все последующие события я наблюдала уже со стороны.

Я видела себя, безвольно повисшую на руках стоящей сзади рослой некрасивой девицы с грубыми, словно вытесанными из камня чертами лица. Будь она мужчиной, такое лицо назвали бы мужественным, но для девушки это была катастрофа.

Я видела свое лицо, которое потеряло все эмоции и превратилось в маску, и свои глаза, бессмысленные и остановившиеся на лице избравшей меня в качестве боксерской груши барышни. А потом начался ад...

Когда дверь распахнулась и вбежала толпа взрослых людей, я сидела на полу и стонала от головной боли, обрушив-

шейся на мой мозг. Виски ломило так, словно в них тарабанили два обезумевших дятла. В затылок никто не долбил, туда просто как будто воткнули топор. Из-за этого я не сразу заметила, что обстановка вокруг поменялась. А посмотреть там было на что. Как потом мне рассказали, я сидела в окружении трех сильно обгоревших человеческих тел. Постельное белье на кроватях, личные вещи, обои, шторка на окне – все выгорело до состояния пепла. Само окно зияло почерневшими осколками, так как стекло вылетело. Из-за случившегося в комнате пожара.

Те люди, что ввалились в комнату первыми меня не тронули. Очевидно, побоялись. Но я кожей ощущала их, перешептывающихся и не решающихся подойти. Вскоре прибежал мужчина в белом халате. Он растолкал собравшуюся у дверного проема толпу и медленно направился ко мне. Стараясь не делать лишних движений, он подходил мягко, едва ли не на цыпочках и при этом что-то тихо приговаривая, словно пытаюсь успокоить обезумевшего зверя.

Но я его не понимала. Я много, чего не понимала в тот момент. Обескураженная, больная и растерянная. Мой мозг никак не мог осознать, почему я нахожусь в этой странной комнате, где все покрыто гарью, среди людей, которые смотрят на меня с ужасом и отвращением одновременно. И почему этот человек в странных белых одеждах что-то говорит мне, но отчаянно старается не смотреть в глаза и движется крадучись?

Не ожидая подвоха, я позволила ему подойти к себе. И это было ошибкой. Надо было выпрыгнуть через разбитое окно и бежать до тех пор, пока это странное место не скрылось бы за горизонтом. Но я этого не сделала. А мужчина, воспользовавшись моим замешательством резко и быстро воткнул мне иглу в руку. Я успела лишь громко вскрикнуть, как тело внезапно отяжелело и расслабилось, а веки, помимо воли, опустились и не захотели больше подниматься.

Когда я открыла глаза в следующий раз, то оказалась лежащей в темной и такой маленькой комнате, что расстояние от одной серой бетонной стены до другой такой же едва ли составляло больше двух метров. Такими же пугающими своей серой безысходностью были потолок и пол. Выход из этого помещения был один – через железную, местами проржавевшую дверь. С её внутренней стороны не было ни ручки, ни замочной скважины. Напротив двери, высоко под потолком, находилось небольшое окошко, закрытое решеткой. Это окно было единственным источником освещения – сквозь него в комнату проникал желтый свет луны. И все, что можно было рассмотреть сквозь это окно – кусочек черного неба да верхушки деревьев. В ту ночь луна светила особенно ярко, а ветер колыхал ветки, которые скреблись в стекло. Страшно. А помощи просить было не у кого. Ни тогда, ни потом. И испытанный в тот момент страх... он остался со мной навсегда.

В комнате я находилась одна, привязанная по рукам и ногам к жесткому каркасу кровати. Поза морской звезды не от-

личалась удобством, очень скоро у меня затекли конечности, а еще через время онемело все тело. Предпринимая очередную попытку вырваться, уже сотую, наверное, за ту ночь, я услышала шум.

Он раздавался откуда-то снаружи, и не был похож ни на что знакомое мне. Уже потом, немного освоившись в этом мире и анализируя события прошлого, я поняла, что звуки, слышимые мною в ту ночь, были сиреной скорой помощи.

Шум исчез также резко, как и возник. Несколько минут оглушающей тишины. А после за дверью, что отделяла меня от всего остального мира или же, возможно, прятала мир от меня, раздались голоса и послышались приближающиеся шаги. Заскрежетал металл – и дверь тяжело, с противным протяжным скрипом, отворилась.

Непривычно яркий свет ударил по глазам. Я зажмурилась на мгновение, но после, преодолевая боль, открыла веки. И сквозь выступившие на глазах слезы смогла рассмотреть людей, вошедших в комнату.

Несмотря на телесную немощность, мозг мой продолжал работать четко и быстро, фиксируя все происходящее с такой ясностью, что каждая пережитая минута намертво впечаталась в мое сознание. Я помнила все события так, как будто они случились вчера.

Их было трое. Еще трое перегородили дверной проем, но остались за порогом. Все они были одеты в черные глухие одежды, лица закрывали такие же плотные черные мас-

ки. Единственными открытыми участками оставались глаза – они поблескивали в темноте, и я физически ощущала на себе их внимательные взгляды. Когда зрение привыкло к свету я смогла рассмотреть, что в руках гости держат некие предметы и зачем-то направляют их на меня.

Один из вошедшей тройцы шагнул вперед и склонился надо мной, всматриваясь в мое лицо. Наши глаза встретились, и я успела рассмотреть черную окантовку вокруг его радужки необычного насыщенно фиолетового цвета. Невероятно красивые и очень запоминающиеся глаза.

В следующее мгновение он вытащил из-за пояса нож. Я сжалась и попыталась отпрыгнуть, но веревки не позволили мне этого сделать, грубо впившись в ничем не прикрытую тонкую кожу запястий и щиколоток.

Но занесенный надо мной нож вопреки ожиданиям не воткнулся мне в грудь, а полоснул по веревкам, освобождая из плена. В первый момент я растерялась и замерла, а после изо всех сил рванулась вперед. Тело почти не слушалось меня, а потому, не успела я вскочить с кровати, как рухнула под ноги своему освободителю.

Удар об пол даже с высоты собственного роста не принес бы мне ничего хорошего, но встретиться с ним мне не дали.

Человек в черном отреагировал мгновенно и подхватил меня под руки за секунду до того, как мой копчик приземлился бы на грязную бетонную поверхность. И я повисла, словно мешок с мукой, безвольная и не способная к сопро-

тивлению.

Держащий меня мужчина о чем-то быстро перемолвился со своими спутниками, а после из группы выступил еще один мужчина. Он в два четких и уверенных шага подошел к нам и, приобняв меня за поясницу, помог подняться. Однако удержать устойчивое вертикальное положение у меня никак не получалось. Колени подгибались, руки висели вдоль тела безвольными плетями. Перед глазами скакали серые точки, а в ушах шумело.

Слух уловил еще несколько непонятных мне фраз. А после тот, что перерезал веревки, нагнулся и подхватил меня на руки. Сделал он это легко и непринужденно, так, словно взял котенка на руки. И двинулся к выходу. Люди, стоявшие у двери, молча пропустили его, а потом пристроились следом.

Наша процессия проследовала по коридору, пересекла несколько следующих друг за другом ярко освещенных, но пустынных помещений и спустилась по лестнице. Все это время, я, устроив голову на плече несущего меня человека, с интересом рассматривала людей, что шли позади. Лиц по-прежнему было не видно, а вот глаза... Глаза выдавали молодой возраст – не столько отсутствием морщинок, сколько тем, с каким выражением смотрели на мир. Потому что только молодым людям свойственно это любопытство, умение удивляться и задор. Прожившие много лет смотрят по-другому – спокойно, чуть устало и чуть свысока. Они уже

разучились удивляться и радоваться ерунде.

Да, именно об этом я думала в одиннадцать лет, когда группа незнакомых мужчин уносила меня из детского дома ночью в неизвестном направлении – о том, почему взрослые не умеют удивляться.

На выходе из здания нам никто не встретился, никто не попытался нас остановить и помешать этим людям. А потому они спокойно прошли через входные двери, пересекли тротуар и начали рассаживаться по машинам. Машин было три. Две из них черные, с крупными фарами, бьющими в ночь потоками ослепительного белого света, позже я поняла, что это были джипы, и одна машина побольше, с мигающей синим цветом штуковиной на крыше. В неё меня и усадили. А вернее, уложили. Внутри она была очень просторной, а по середине стояло нечто, похожее на кровать, но только более узкое. Рядом высились какие-то непонятные конструкции с прозрачными тонкими трубками.

К тому моменту, как меня аккуратно уложили на эту лежанку, подвижность рук и ног начала восстанавливаться. Кожу колело так, словно тысячи мелких горячих иголочек вонзались в кожу, что было достаточно больно, но я по крайней мере могла шевелиться. А потому не желая больше лежать, а уж тем более снова оказаться привязанной, я резко оттолкнула руку незнакомца, которой он поддерживал меня под голову и села.

Меня тут же уложили обратно – не менее аккуратно и не

менее повелительно. Правая рука мужчины вернулась на мой затылок и сжала его пальцами, словно зажимая в тиски и собирая в кулак волосы. От этого лоб прорезало болью, а по глазам черкнула белая полоса. Кожа больно натянулась, и я вновь почувствовала себя котенком, которого схватили за загривок в целях дрессировки, воспитания и отработки нужных рефлексов.

В то же время вторая рука мужчины оказалась на моей грудной клетке, куда он с силой надавливал, удерживая в лежачем положении.

Наши взгляды вновь встретились. Его – изучающий, отслеживающий. Мой – перепуганный, на грани истерики. Он навис надо мной так, что я смогла рассмотреть его длинные ресницы. И в этот момент холодное и чуть отстраненное восприятие реальности покинуло меня.

До этого момента находилась в состоянии некой прострации, которая при этом сопровождалась ощущением нереальности происходящего. Словно я смотрела дурной сон, который никак не хотел заканчиваться. Но где-то на задворках сознания присутствовала уверенность, что стоит мне проснуться – как все лишнее и странное исчезнет, а все родное и нужное останется. Я снова стану самой собой, я буду знать кто я и где я.

Но стоило мне заглянуть в глаза этого человека, скрывающего свое лицо, как что-то щелкнуло в мозгу. И меня накрыла неуправляемая паника. Я закричала на переполненном лёгких,

а потом стала вырываться изо всех сил. Я царапалась, кусалась, била его руками и ногами, даже, по-моему, умудрилась заехать ему головой по лицу, сквозь собственные вопли услышав характерный треск.

Желание освободиться было так велико, что мой стражник не выдержал и отступил. Я спрыгнула с каталки и бросилась к двери, стремясь на волю. Но стоило мне приблизиться, как створки кузова распахнулись и передо мной предстал еще один безликий.

В секунду оценив ситуацию, он, недолго думая, размахнулся и ударил меня по лицу. Я помню, как отлетела назад, как ударилась головой обо что-то острое, как рот наполнился вкусом крови. И как уже знакомые руки прикоснулись к моему лицу. Пальцы погладили щеки и губы, а затем мое тело окутала упоительная невесомость, убаюкивающая и успокаивающая. Последнее, что мне запомнилось – пронзительные фиолетовые глаза, которые иногда будут приходиться ко мне в кошмарах.

Глава 22

– Как ты думаешь, что я здесь делаю? – резко и настойчиво вклинился в поток моих мыслей голос Алтая. Я лениво потянулась, словно сонная кошка и начала оглядываться по сторонам в поисках официанта.

– Здесь, в этом кафе? Или здесь, на этой планете? И сразу оговорюсь, что в философских диспутах я не сильна, поэтому на тему сущности бытия и бренности этого мира со мной лучше не разговаривать. Из великих мыслителей я знаю только дедушку Фрейда, да и то только потому, что мужик был специалистом по извращениям.

– Давай оставим этого гуру психоаналитики и его, да и твои тоже, извращения в покое, – вздохнув, предложил Алтай. – Мы не просто так с тобой сегодня встретились.

– Ну, да, – не стала спорить я. – Сегодня Луна в Козероге.

– Не в курсе, где сегодня Луна, но знаю, над чем ты сейчас работаешь, – невозмутимо продолжил свою мысль Алтай. – И хочу помочь.

С меня мгновенно сдуло всю дремоту. И я так резко подалась вперед, что едва не перевернула шаткий столик, настойчиво балансирующий на неровном полу.

Алтай повторил мое движение, правда без лишней суеты и нервов, и склонился к моему лицу. Тихо, глядя мне в глаза, он спросил:

– Что ты знаешь про Мать Сатаны?

Я на мгновение растерялась.

– Это что-то из мифологии?

– Нет, это что-то из методички отдела по борьбе с международным терроризмом.

Я так же резко отпрянула назад.

– Откуда ты?... Как?... Что, черт побери, происходит в этом проклятом городе! – в конце концов, заорала я, не стесняясь окружающих. Окружающие вздрогнули и с опаской покосились на нас. Опять.

– Идем, – скомандовал Алтай и пружинисто вскочил на ноги. Так резво, словно половина его головы не была покрыта сединой. И, бросив на столешницу купюру в качестве оплаты за заказ, пошагал к выходу.

Мне ничего не оставалось, как бросится следом.

Я бежала за ним словно маленькая девчонка за папой, едва поспевая и стараясь не потерять в толпе. Выйдя на проспект, мы влились в плотный людской поток и начали лавировать. Вернее, лавировал Алтай, спокойно и уверенно двигаясь в сторону, как я уже догадалась, центральной площади. К самому оживленному месту в городе. А я, едва не хваталась за его рукав и активно работая локтями, распихивала людей. Когда твой рост с трудом превышает полтора метра, нужно быть наглой и напористой, чтобы не растоптали более крупные собратья.

– Куда мы идем? – прокричала я, пытаясь переорать один

из нетленных хитов отечественной музыкальной индустрии в корявом исполнении уличных музыкантов. Непризнанных гениев с легким налетом бомжеватости было трое. Один из них самозабвенно дергал струны старенькой ненастроенной гитары, а двое других в это время активно подсовывали прохожим под нос головные уборы. Причем если первый держал в руках нечто, смахивающее на самодельную соломенную шляпу, то у второго вообще была кепка.

– По четвергам не подаю, – рыкнула я, едва только один из ребят попытался броситься мне наперерез. Мгновенно изменив траекторию движения, парень постарался оказаться как можно дальше от меня.

Алтай, наконец, вынырнул из толпы и свернул в тихий безлюдный переулок. В Восточной столице было полно таких мест, незаметных и словно позабытых, находящихся по соседству с популярными ресторанами, шумными барами и сверкающими торговыми центрами. Словно два мира, существующие параллельно друг другу, но никогда не пересекающиеся. Один серый, грязный и тоскливый, где вечная слякотная осень с небом цвета грязной ваты, бродячими собаками и стариками, доживающими свой нерадостный век в разваливающихся бараках. Это мир нищеты, чувства обреченности и заброшенности. Он пахнет кислой капустой, самогонными парами и дешевым табаком. А за забором иной мир. Шумный, веселый, яркий. Переливающийся разноцветными огнями дорогих магазинов и неоновых вы-

весок. Где музыка гремит басами, прерываемая лишь взрывами звонкого смеха. Пахнувший ванильными десертами, горячим кофе, фруктовым дымом и дорогими помадами. Эти два мира – как черное и белое. Как правда и иллюзия. Как скомканная старая ткань и скользкий атлас.

– Что мы здесь делаем? – возмутилась я, когда Алтай неожиданно замер, из-за чего я с разбегу ткнулась носом ему в спину чуть повыше поясицы.

– Мой информатор должен был оставить здесь сообщение, – пояснил Алтай.

Я потеряла нос и осторожно выглянула из-за спины своего друга.

Переулок оказался тупиковым. С правой его стороны тянулась кирпичная стена, местами прилично разрушенная, за которой просматривался задний двор гостиницы. С левой расположилась парочка двухэтажных весьма обшарпанных зданий. Судя по расположению окон, это были бывшие общежития. Скорее всего студенческие, принадлежавшие находившемуся неподалеку медицинскому колледжу. А мы стояли как раз напротив зеленых мусорных баков, приютившихся в углу.

– Он оставил его в старом переулке за мусоркой? – неприкрыто удивилась я, оглядываясь по сторонам и поглядывая на окна. Не хотелось бы привлекать лишнего внимания. Это, как любил говаривать один мой знакомый, контрпродуктивно.

– Ага.

Я на цыпочках переступила особенно большую лужу, непонятно откуда взявшуюся, ведь дождей не было уже больше недели, и встала плечом к плечу рядом с Алтаем. Ну, как плечом к плечу... скорее, плечом к подмышке.

– Надеюсь, внутрь ты не полезешь, – ворчливо пробормотала я.

– Незачем, – ответил Алтай, – меня интересует стена.

– В ней? – изогнула я бровь.

– На ней, – поправил меня мой друг. – Информатор – уличный художник. Оставляет зашифрованные послания в виде граффити. Хороший малый. Никто не знает о происходящем в городе больше, чем этот парень.

– Никогда о нем не слышала, – я насторожилась.

– Он появился здесь недавно, – взглянул на меня Алтай снисходительно, хотя, когда между тобой и твоим собеседником едва ли не полуметровая разница в росте любой взгляд будет снисходительным. – Откуда пришел и чем занимался раньше – неизвестно. Но он хорош. Очень хорош.

– Он работает на тебя?

– Он работает на многих, но только на тех, кто ему нравится.

– И ты ему нравишься, – сделала я вывод.

– Нет, ему нравишься ты, – заявил Алтай и направился к бакам, краска на которых местами облезла, обнажив черно-коричневые куски старого металла.

– Разве мы знакомы? – удивилась я.

– Наполовину, – бросил Алтай через плечо.

– Как это? – шагнула я вперед, стараясь держаться рядом с Алтаем, но оставаясь немного позади. Он может сколько угодно верить своему таинственному другу "по переписке", но я этого делать не собиралась. И если уж он стал инициатором поиска тайных посланий, то пусть и принимает на себя, в случае чего, основной удар.

– Он тебя знает, ты его – нет.

– Ух ты! – деланно воскликнула я. – В таком случае, мы с принцессой Дианой давние друзья.

– Так она померла давно, – пожал плечами Алтай.

– Следуя твоей логике, это не важно, – проворчала я, провожая глазами сорвавшуюся с ветки дерева одинокую ворону, с громким карканьем отправившуюся кружить над соседними домами.

– Смотри, – произнес Алтай и, обхватив своими огромными ручищами не отличающийся чистотой и благоуханием бак, сдвинул его в сторону ровно настолько, чтобы можно было прочитать надпись синего цвета на выцветшей и основательной обшарпанной кирпичной стене.

– И что все это значит? – после минутного молчания, в течении которого я удрученно и без всякого намека на успех рассматривала загадочные закарючки в окружении переплетающихся линий. – Это вообще на каком языке?

– Это шифр, – пояснил Алтай.

Я наклонилась поближе и присмотрелась.

– Буквы вроде английские, но тут еще вставки, похожие на иврит, – задумчиво проговорила я. – Как все это понимать?

– Очень просто, – Алтай вытащил из заднего кармана моих старых потертых джинсов телефон, что-то там потыкал своими далеко не изящными пальцами, а после развернул экран в мою сторону. – Смотри, находим указанные на стене символы на компьютерной клавиатуре, но читаем русские буквы, которые соседствуют с латинскими на одной кнопке.

– И что мне это даст? – скептически скривилась я.

– Это даст тебе то, что ты ищешь, – ответил Алтай, убирая телефон от моего лица, – подсказку.

– Ерунда какая-то, – фыркнула я, начав подозревать какой-то подвох. – И что же изобразил на стене твой информатор?

– Если все сделать так, как я сказал, – мой друг начал сосредоточенно водить пальцем по сенсорному экрану, – то получится фраза.

– Фраза, звучащая как «вы теряете время»? – едко поинтересовалась я, складывая руки на груди и всем своим видом демонстрируя, что не жду ничего хорошего от участия в этом квесте.

– Нет, – не отреагировал на мой маленький демарш Алтай. – Здесь написано «четвертый кирпич справа».

Мы переглянулись, а после синхронно уставились на стену, которая возвышалась за бачками. Стена на нас никак не

отреагировала, а продолжила себе стоять. Еще бы, судя по её внешнему виду стоит она тут очень давно, и так-то ей не особо интересны разные людишки, таскающие туда-сюда мусорные бачки. А потаскать их пришлось, ведь требовалось проверить мысль, которая посетила как Алтая, так и меня – в стене что-то спрятано.

– Такой себе интерактив, – цокнула я языком. – Я с ними обниматься не стану, мне для полного счастья только игры в наперстки с мусорными бачками не хватало.

– Можно подумать, Седого обнимать приятнее, – хохотнул Алтай, небрежно запихивая мобильное устройство туда, откуда вытащил.

– Не знаю, не проверяла, – мгновенно отреагировала я, постаравшись не покраснеть.

Потому что в этот момент вспомнила, как однажды Сашка приехал за мной в очередной ночной клуб, чтобы эвакуировать моё бесполезное туловище. Туловище к его приезду уже не способно было передвигаться самостоятельно в силу сильнейшего алкогольного опьянения, а потому полулежало на барной стойке и вовсю соблазняло бармена с целью получить еще один коктейль бесплатно.

Каким-то загадочным образом Сашка всегда знал где я нахожусь, с кем и в каком состоянии. И это при том, что я никогда не сообщала ему о своих планах и уж тем более, не звонила с просьбой приехать. Более того, уходя в очередной пьяный вираж я никогда не брала с собой ничего, на что можно

было бы повесить отслеживающее устройство. Я даже деньги с собой не брала, мои способности позволяли мне получать все, что я хотела абсолютно бесплатно. Правда, всегда сохранялось главное условие – даритель должен был быть мужчиной. К моему глубокому сожалению, женский пол на мои феромоны не реагировал даже тогда, когда я очень старалась. Однажды я постаралась настолько, что привлекла внимание двух десятков покупателей-мужчин в торговом центре, но выклянчить понравившийся мне набор нижнего белья у девушки-консультанта задаром так и не получилось. Заплатить за набор пришлось. Сашке.

Для меня так и осталось загадкой, каким образом он вычислял моё местоположение и как ему удавалось появляться именно в тот момент, когда я оказывалась в самом критическом положении. Но он всегда приходил. И оказывал помощь. А помощь мне действительно требовалась, хотя я в те годы настойчиво отрицала это, как факт. Но помощь нужна всем. Эту простую истину сложно принять, когда ты привык быть один против всего мира.

Появился Сашка и в тот вечер. Как всегда отстраненный, холодный, красивый и высокомерный. Идеально причесанный, шикарно одетый и держащийся так, словно вот-вот из-за ближайшего угла ему навстречу вырулит английская королева. И не важно, что за тем углом женский туалет. Королевы туда тоже ходят.

Даже с учетом того, что зал утопал в темноте, на танцпо-

ле толпились потные люди, изображающие нечто, отдаленно похожее на ритуальные танцы диких африканских племен, а музыка грохотала так, что дрожали барабанные перепонки, оставить без внимания его появление было невозможно. Он шел, и люди перед ним расступались, стремительно убираясь с дороги. Он смотрел, и женщины, привлеченные аурой властного и уверенного в себе хищника, покорно склоняли головки. Он говорил, и музыка даже казалось пыталась стать тише, чтобы внять его словам.

– О, принц на белом жеребце, – пьяно икнула я и глаза, которые я огромным усилием воли собрала в кучку, чтобы пронаблюдать за Сашкиным эффектным шествием по залу, расфокусировались. – Хотя нет, в данном случае, жеребец – это ты.

И рассмеялась так, что едва не рухнула со стула.

– Ты пьяная, – констатировал Саня, с отвращением осмотрев меня с головы до ног. А смотреть, надо сказать, там было на что. Фигура у меня всегда имелась хорошая. Ростом я не вышла, но зато формы получила от природы отменные. И в тот вечер я вырядилась в достаточно скромное, на фоне остального моего гардероба платье. Длинной до колена, с глухим воротом под шею и длинными рукавами. Но зато обтягивало оно так, словно я в нем родилась. Однако Сашку не проняло. Ни один мускул на лице не дрогнул, ни одна похотливая мысль не проскользнула в льдистых глазах. Он лишь досадливо потер переносицу и протянул мне руку.

– Вставай.

Я отрицательно помотала головой. Но делать этого не стоило, так как меня тут же словно подхватила и закрутила карусель.

– Карусель, карусель, это радость для нас, – фальшиво завела я песенку. – Ой.

Пришлось прекратить петь и зажать рот рукой, так как к горлу резко подкатило все то, что я влила в себя за вечер. Очень долгий вечер.

– Дура, – вынес свой вердикт Сашка, а после наклонился, подsunул одну руку мне под колени, а другой обнял за талию. И вот не успела я прихватить с барной стойки старательно выпрошенный коктейль, как меня уже понесли куда-то.

– Да что ж вы все такие, – горько простонала я и на глаза навернулись пьяные слезы.

– Какие? – спросил Сашка без особого любопытства, выходя из клуба и под изумленными взглядами курящей на улице публики понес меня по пустынной ночной улице.

– Таскаете меня почему зря, – прогундосила я, вытирая ладошкой мокрые щеки, – словно я мешок картошки какой-то. А я живая! Слышишь! Я живая!

И стала бить кулаками везде, куда могла попасть. Пьянство не особо способствует меткости, а потому я попадала в основном Сашке по плечу и по шее. Первые пару ударов он перетерпел и постарался не реагировать, лишь зубы сцепил так, что раздался скрип эмали. И почему-то его попыт-

ка удержать спокойствие разозлила меня еще больше, и я усилила натиск. Один из ударов пришелся Сашке по лицу и сбил с него очки. Зная пристрастие моего дорогого напарника окружать себя не менее дорогими, чем он сам, вещами, я не сомневалась, что эти стоили как половина моей почки. И они, слетели с Сашкино носа, упали, отчего стекло раскололось надвое.

– Ох ты ж, – пискнула я и сжалась в комок.

Саша на свои сиротливо лежащие на асфальте очки даже не взглянул. Вместо это он с такой силой сжал меня в своих руках, что дух в груди перехватило.

– Прости, – придушенно пролепетала я, со страху даже немного протрезвев.

Одно движение – и вот я уже на ногах, пытаюсь устоять на высоченных шпильках, что сделать крайне трудно, когда координация, как и желание жить на нуле.

Сашка схватил меня за подбородок и вздернул его так, что я едва не выскользнула из своих таких красивых туфель. В шее что-то опасно хрустнуло.

– Ой – ёй, – закричала я, вцепляясь в Сашкин рукав.

– Хочешь мне еще и рубашку порвать? – задал он тихий вопрос, но от той злости, которая словно сочилась из каждого его слова мигом появились зашевелились волосы на затылке.

– Нет, – тонким голосочком ответила я, лишь кончиками пальцев касаясь земли.

Возможно, мне показалось, на кажется, в этот момент кто-то зарычал.

Мне стало еще страшнее, и я поступила, как настоящая девушка – зажмурила глаза и сделала вид, что меня тут нет.

Рычание стало громче, а в следующий момент к нему присоединился треск разрываемой ткани. По коже пробежался осенний ветер и стало резко холодно, там, где еще секунду назад было достаточно тепло.

Я распахнула ресницы и посмотрела вниз.

– Что за...?

Голые бедра, голый живот, голая грудь. Голая я. А моё шикарное платье превратилось в два кусочка ткани, небрежно отброшенных на мостовую, вымощенную булыжником. И даже там, даже в разорванном состоянии смотрелись красиво. А на мне было так вообще шикарно!

И вот стою я практически голая – лишь самую интимную часть прикрывали совсем не скромные ажурный трусики, которые благодаря своей полупрозрачности и не скрывали-то особо ничего!

– Твою же мать, – сдавленно выругалась я и постаралась прикрыть верхнюю часть обнаженной себя.

– Замечательно, – с явственным самодовольством в голосе похвалил сам себя Сашка. А после подхватил меня под попу и взвалил на плечо.

Я стукнула лбом о его поясницу и тут же попыталась выразить свой протест против таких неправомерных действий.

Визгом.

– Не верещи, – приказал Сашка, подбросив на плече. И опять двинулся дальше по улице.

Мои зубы клацнули так, что я испугалась лишиться половины из них. А потому на пару мгновений покорно примолкла. Но алкоголь все еще бурлил в организме, а потому моей покорности надолго не хватило:

– Я голая!

– Я знаю, – сообщил Сашка и уложил свою руку на самую выдающуюся в этот момент часть моего тела. То есть, на попу.

– Я совсем голая, – зачем-то решила уточнить я, а после дернула ногой. – Убери руку!

– Если я убери руку, а ты продолжишь дергаться, то свалишься, – спокойно ответил Сашка. – И вполне возможно, что свалишься головой вниз и размозжишь свою не самую умную, но прелестную головку о брусчатку.

Я чуть притихла, а после поерзала на его плече, пытаюсь устроиться поудобнее и плаксиво спросила:

– Зачем ты это сделал?

– Ты меня разозлила, – бесстрастно пояснил Сашка, а его пальцы легонько пробежались по моему берду. Стало щекотно. Я фыркнула, сдерживая смех, но при этом к смеху примешалась малая толика тревоги. Хоть между нами никогда ничего не было, что могло бы быть между мужчиной и женщиной, даже легкий флирт отсутствовал, я ощутила беспо-

койство.

– Так это была месть?

– Не только, – проронил друг. – Еще для того, чтобы ты не пыталась от меня сбежать. А так, голой ты особо не побегаешь.

– Как будто от тебя можно сбежать, – огорченно вздохнула я и расслабленно повисла на Сашкином плече.

– Нет, ты никогда от меня не сбежишь, – заверил меня друг. И что-то еще послышалась мне в этих словах, кроме простого подтверждения его отменных навыков превосходной ищейки.

– Да неужели ты вспоминаешь, как вы с ним обжимались? – вонзился мне в ухо бас Алтай.

Меня шатнуло в бок от неожиданности.

– Сам понял, что сказал? – разозлилась я, потирая ушную раковину, чтобы прошел звон в ухе. – Зачем орать-то было?

– А чтобы ты вынырнула из своих влажных фантазий, – стрельнул в мою сторону хитрым взглядом Алтай, от чего я растерялась окончательно. Уж больно странным было поведение моего старого знакомого. И становилось все страннее с каждой минутой. Он словно радовался происходящему. – А то стояла пять минут уставившись в одну точку остекленевшим взглядом. Я уже думал, у тебя припадок.

– У меня не бывает припадков, – не очень любезно отрезала я.

– Хватит изображать из себя фонарный столб, иди сюда, –

позвал Алтай.

Я подошла и встала рядом.

Прошла минута.

– Мы долго будем наслаждаться видом мусорки? – я почесала нос. – И ароматом?

– Я думаю, – заявил Алтай.

– Можешь думать вслух? – попросила я, так как вообще не понимала, о чем тут можно думать. И вообще нужно ли?

Кроме того, после прошедшей ночи я чувствовала себя самым отвратительным образом и хотела только... да ничего я не хотела. Вообще ничего.

– Ищу четвертый кирпич справа, – пояснил Алтай, пожирая несчастную стенку взглядом.

– А чего его искать? – пожала я плечами. – Надо просто отсчитать четвертый камень в каждом ряду и проверить. Простукать или попробовать вытащить.

– Стена три метра, – заметил Алтай, елозя пальцами по подбородку.

– Давай начнем с середины, – предложила я. – И будем двигаться вниз.

– Почему именно с середины? – не понял друг. – Может сразу с самого верха начнем?

Я скептически поджала губы.

– Ты со своим информатором когда-нибудь встречался?

– Нет, он не особенно общительный. Называет себя отшельником.

– Значит, будем отталкиваться от предположения, что он стандартного мужского роста. Это примерно метр семьдесят пять. Вряд ли он тащил с собой стремянку, чтобы положить для тебя записочку. Так что, как раз на высоте в полтора метра мужчине среднего роста удобнее всего что-то делать. Например, оборудовать тайник.

– Ладно, – уступил Алтай, – лезь.

– Что?? – я округлила глаза.

– Ты видишь, тут места немного, – Алтай обвел вокруг себя руками, демонстрируя узость переулка, в котором мы находились, – отодвигать бабки некуда. Я к стенке не пролезу. Остаешься ты.

– Это издевательство, – прошипела я.

– Нет, это помощь, – аргументировал свои действия Алтай, – но я могу только бросить тебе спасательный круг. А плыть, с ним или без, ты уже должна сама.

– Знаешь, это твоя привычка философствовать порой сильно раздражает, – я начала срывать с себя куртку, так как она была хорошая и мне не хотелось вытереть ею все местные помои.

– Тебя всё раздражает. Так было всегда, сколько я тебя знаю, – рассмеялся Алтай, упирая руки в боки. – Ты – маленький эпицентр ярости.

Я изобразила на своем лице все, что думаю по этому поводу, а после полезла за баки, протискиваясь между ними и стеной.

Моя достаточно хрупкая конституция не подходила для участия в боях без правил, о чем я искренне сожалела, но ползать за мусорными бачками вполне себе позволяла. А потому я, извиваясь словно змея перед заклинателем, протиснулась к стене и уставилась на кирпичную кладку.

– Я на месте, – негромко сообщила я, обращаясь себе за спину, где остался стоять Алтай.

– Да я вижу, – ответили мне. – Начинай прощупывать камни.

– Если здесь ничего нет, – я отодвинула от своего лица угол торчащей из бачка упаковки от пиццы, уже успевшей завоняться, – то...

– То что? – перебил меня насмешливый голос Алтая. Кажется, вся эта ситуация его забавляла.

– Не придумала пока, – процедила я сквозь зубы.

– Да, с фантазией у тебя тоже всегда были проблемы, – обрадовал меня новым комплиментом друг. – Меньше болтай, большей работой руками. Быстрее найдешь тайник, быстрее вылезешь оттуда.

– Да ищу я, ищу, – проворчала я, осматривая стену, по которой пришлось распластаться. Но несмотря на неудобное расположение мои пальцы пробегали от камня к камню, шустро ощупывая швы на предмет сколов, трещин или зазубрин. Одновременно я простукивала поверхность камней, предполагая, что один из кирпичей может быть пластмассовой или деревянной подделкой. И...ничего.

– Здесь пусто, – сообщила я, проверив практически всю стену. Мне оставался лишь последний ряд, у самой земли, достать до которого было очень трудно, так как требовалось присесть, но на это не хватало места. Я и вертикальном положении едва могла шевелиться. И вот я кое-как смогла в полусогнутом состоянии вытянуть руку и дотронуться кончиками пальцев до последнего камня, как под ними что-то хрустнуло и провалилось внутрь. – Хотя... стой! Кажется, нашла!

Я начала вслепую шарить пальцами в образовавшемся отверстии. Заглянуть в него я не могла, так как хоть и стояла в позе страуса – попой к солнцу, головой у земли, – стенка не позволяла мне выгнуть шею и увидеть, что же там такое обнаружилось. А потому пришлось действовать на ощупь, хотя все, что мне удалось нащупать – это воздух. Но вот мои ногти подцепили край чего-то очень похожего на сложенный лист бумаги. Я выдохнула, задрала попу еще выше и прильнула щекой к кирпичной кладке так, словно всю жизнь об этом мечтала. Стенка на мои притязания никак не отреагировала – и хорошо. Наконец, мне удалось ухватить край того, что лежало в тайнике и я со вздохом полного удовлетворения смогла распрямить отчаянно затекшую спину.

– Ты чего там стонешь? – с нотками подозрения поинтересовался Алтай.

– Спина затекла, – поделилась я своими переживаниями и начала пробираться обратно.

– Ааа, – протянул Алтай, когда моё лицо выглянуло на свет божий из темного закутка, – а я думал, ты там мужичка себе нашла.

– За мусорными баками? – сердито буркнула я, отряхивая штаны и снимая с рук нацепившуюся паутину. Кстати, о последнем... – Не знаю, как твой информатор умудрился обустроить в таком месте тайник, но судя по количеству пауков, чьему спокойному существованию помешало моё несанкционированное вторжение, туда никто не лазил с царских времён.

– Так, в прошлом году ровно сто лет прошло, как царя казнили, – прогудел Алтай.

– Вот и я об этом, – кое-как очистившись от грязи, я накинула куртку и уже после решила изучить находку.

Это действительно была бумага, но не просто лист, а сложенный... билет в цирк.

– Отлично! – бурно отреагировала я. – То есть, я там корчилась от натуги ради билета в цирк?

– У тебя вот тут отпечаток кирпича, – Алтай указал на мою щеку и по его напряжённому лицу, я поняла, что он едва сдерживается от смеха.

– Иди ты... в цирк! – не выдержала я, пихнула ему в руки билет и чеканя шаг направилась вон из переулка.

– Стой, – крикнул мне в след Алтай. – Ты не поняла!

– Что я не поняла? – бросила я, не оборачиваясь. – Что просто теряю здесь время?

– Скорее всего, это просто первая подсказка. Тебе надо сходить на представление, чтобы найти вторую.

Я услышала за своей спиной слоновий топот, а это означало, что Алтай пытался меня догнать.

Я резко выдохнула и остановилась. Мне, конечно, не до веселья, но заставлять старого знакомого бегать за мной будет просто свинством с своей стороны.

– Алтай, мне сейчас не до разгадывания шарад. И у меня совершенно нет времени участвовать в каких-то странных детективных играх.

– Мне тоже, – серьезно ответил Алтай. – Думаешь, ты одна чувствуешь, что происходит что-то странное?

– Ты о чем? – меня накрыло волной растерянности пополам с тревогой.

Алтай аккуратно сложил билет, расстегнул молнию на кармане моей куртки, сунул билет и снова застегнул. А уже после ответил:

– Я не первый день живу, девочка. И так же, как и у тебя, чутье у меня звериное. Не потому что мы с тобой такие крутые, а потому что оба выходили за грань допустимого, переступая через свою человечность. Это не просто ломает, это меняет химический состав крови. Превращает из разумного существа в животное. А что делает животное? Оно живет инстинктами. Так и мы с тобой, девочка, живем инстинктами и никому не верим, потому что вера – это слишком большая роскошь, – он остановился, выдохнул, а потом продол-

жил: – Глазами я вижу то, что видят все остальные – обычная жизнь, такая же, как была день, месяц, год назад. Но инстинктами я чувствую – что-то меняется. Оно в воздухе. Оно в каждом рассвете. Оно в каждом дуновении ветра. Что-то грядет. И боюсь, это что-то станет началом конца.

Алтай замолчал. Молчала и я, обдумывая его слова. После он оглянулся по сторонам и чуть склонив голову, продолжил уже тише:

– Они, – он выделил это слово и прикоснулся к своему плечу, словно стряхивая пыль, но я поняла на что он намекал – на погоны, – думают, что никто не заметил увеличения их количества там, где это не нужно. Здесь нет границы, которую нужно охранять, нет военных объектов, нет стратегически важной инфраструктуры. Вспомни историю. Как одна наша императрица взошла на престол благодаря поддержке гвардии и вельмож.

Я подняла на него ошарашенный взгляд, потому что то, к чему он клонил не укладывалось вообще ни в какие рамки.

– Ты намекаешь на государственный переворот? – прошептала я, потому что даже помыслить о таком казалось уже кощунством.

– А что? – пожал Алтай широкими плечами. – Армия всегда играла большую роль в политической жизни страны. Армия – это сила. А у кого сила, тот и прав. На этом строится вся наша жизнь, все наше общество. Тебе ли не знать об этом.

– А вельможи? – все никак не могла я уложить эту теорию в своей голове.

– А что вельможи? Сегодня вельможи – это те, у кого больше всех денег. Богатство праведным путем не наживешь, следовательно, вельможи у нас кто?

– Криминалитет, – дала я ответ не раздумывая.

– Правильно, девочка. Криминалитет, который всегда был и всегда будет. Во всех странах при любых режимах. Только где-то он на виду, где-то правит из подполья, а где-то рядится в деловые одежды и изображает из себя интеллигенцию в десятом поколении посещая деловые приемы да светские рауты.

– Но для того, чтобы они обеспечили свою поддержку, необходимо предложить им что-то, от чего они не смогут отказаться, – продолжила я оспаривать версию Алтая.

– Или заставить. Например, шантажом, – Алтай посмотрел на исподлобья таким образом, словно пытался донести какую-то мысль, которую не мог сказать прямо. – А чем можно держать за горло тех, кто может сам кого угодно за горло взять?

Я знала.

– Компроматом.

Алтай согласно кивнул, но добавил:

– Или близкими. У всех есть близкие люди, жизнь и благополучие которых дороже своей собственной. Даже у криминальных авторитетов.

– Ты хочешь сказать..., – начала я, не веря.

– Я ничего не хочу сказать, – отрезал Алтай. – Я всего лишь немного поразмышлял. А дальше уже решение за тобой. Каждый человек сам выбирает, во что ему верить.

Я обиженно захлопнула рот.

– Не сердись, – миролюбиво хлопнул он меня по плечу. – Ты мне дорога. Ты это знаешь. Но я не хочу брать на себя ответственность за происходящее. Думай и решай сама. И посматривай себе за спину.

Он указал глазами куда-то назад. Я обернулась и увидела припаркованный на другой стороне улицы черный микроавтобус с тонированными стеклами.

– За нами следят. За тобой следят, девочка.

Не успела я осмыслить факт слезки, как друг порывисто обнял меня и, шепнув на ухо:

– Не подставляйся, – быстро перебежал дорогу, что было нехарактерно для его массивной фигуры, и скрылся в потоке людей.

Мне остался лишь сумбур в голове и зуд между лопатками, который возникал тогда, когда за мной кто-то пристально наблюдал. Я почесала спину и ненавязчиво оглянулась по сторонам, но не заметила ничего подозрительного.

Город жил своей жизнью. Все как обычно, ничто не выбивалось из общей картины, которую можно было лицезреть на улицах Восточной столицы едва ли не каждый день. Раздраженно гудели застрявшие в пробке автомобилисты, под-

гоняя стоящие впереди машины. В парке через дорогу катали в колясках детей молодые мамочки. Пестрел вывесками и раздражал звуковой рекламой торговый центр справа. С сосредоточенными и мрачными лицами торопливо бежали по своим делам горожане. Кто-то нырял в подземку, кто-то наоборот с облегчением выходил из дверей метро. Подростки шумной стайкой толпились у киоска с уличной едой. Мальчишки подначивали друг друга, пихали в спины и под локти, громко гоготали над понятными только им шутками, пытались отхватить у стоящего рядом кусок вкуснятины и с интересом посматривали на сидящих на лавочке девчонок. Юные барышни, все как одна в розовых фирменных курточках, заинтересованно поглядывали в ответ, кокетливо поправляя волосы и хихикая.

Я нахмурилась, вдруг ощутив себя на фоне беззаботных школьников бесконечно старой завистливой бабкой. А после плюнула на все, ступила на край тротуара и взмахнула рукой. Не прошло и пары мгновений, как возле меня мягко притормозила серебристая «Тойота».

Глава 23

Мы с водителем «Тойоты» мило беседовали, обсуждая проблемы глобального потепления, когда телефон в моем кармане ожил. Даже не взглянув на экран я уже знала, кто звонит.

– Ответишь? – с мягкой улыбкой поинтересовался мой новый знакомый, представившийся Виктором, отреагировав на назойливое жужжание в моей куртке.

– Придется, – огорченно вздохнула я, и полезла за телефоном. – Вот и чего тебе нейдет?

– Ты где? – зло, а потому отрывисто спросил Сашка.

– Сам знаешь, – раздраженно ответила я. – Это ведь твои ручные песики следуют за мной попятам. Кстати, ты бы приструнил их, а то оштрафуют. За несоблюдение правил выгула домашних питомцев.

Повисла напряженная пауза, во время которой, я была в этом уверена, Сашка призывал на помощь всех известных ему богов и богинь, чтобы не сорваться на ор. Обращение к небесным силам за помощью затянулось так надолго, что я уже собралась повесить трубку, как услышала требовательное:

– Зачем ты к нему села?

– Ээээ, – содержательно промычала я, – у него тачка крутая.

Вновь рекламная пауза, во время которой я рассматривала свои ногти, а Седой, судя по злобному пыхтению и звуку откупориваемой бутылки, усиленно пытался успокоиться.

– Возвращайся обратно, – приказали мне к тому моменту, когда телефон уже начал накаляться, а рука – устывать.

– Обратно – это куда? – любезно переспросила я.

– Обратно – это ко мне, – прорычали в ответ.

– Зачем? – сохраняла я всю ту же подчеркнутую вежливость, краем глаза отмечая, что водитель внимательно прислушивается к разговору. Так внимательно, что аж уши шевелились. Особенное усердие проявляло левое.

– Затем, что мужик, которого ты приволокла из больницы в прединсультном состоянии, наконец, смог с нами поговорить.

– Никого я не волокла – этим занимался Гоша, – не согласилась я. – Это во-первых. А во-вторых, нет у него инсульта, Глушко просто трус, каких поискать.

– Так или иначе, – оборвал мою гневную тираду Седой, – информация, предоставленная им, многое меняет.

– Например, что? – утомленно прикрыла я глаза рукой.

– Например то, что все трое были родственниками, – с легкими нотками торжества в голосе сообщил Седой. Сообщил то, что я и так знала уже давным-давно.

– Угу, – поспешила я развеяться его победное настроение, – братьями. Двоюродными. Я в курсе. Их матери – родные сестры. И ты бы узнал это еще месяц назад, если бы по-

трудился поинтересоваться их фамилиями в девичестве.

В трубке послышался еще один сдержанный вздох. Очень сдержанный. Максимально сдержанный, который сигнализировал о том, что мой драгоценный друг на грани срыва. Хорошо, что я в этот момент направлялась в другой конец города, хоть и собирая по пути все пробки. Но хотя бы в мою голову не запустят бутылкой бурбона.

– Я потрудился. И узнал. У них разные фамилии, Фима. Они даже росли в разных городах. Белова родилась здесь, в столице. Здесь же прожила всю жизнь, никуда надолго не уезжала. Глушко, как и её муж, родом из небольшого села, расположенного в ста пятидесяти километрах от города. Переехали после свадьбы, в поисках лучшей жизни. А Крылова вообще из другого региона. У неё здесь тетка одинокая жила, вот она к ней и прикатила после школы, в университет поступать.

– Я знаю, что по официальным документам они Антонова и Филатова, а Белова вообще никогда не меняла фамилию, – затараторила я. – Но, Сань, ты не меньше моего знаешь, как просто сделать фальшивые документы. Я говорила про их настоящие биографии. Я уверена, что все трое – родные сестры. Они похожи!

– Фима, – оборвал меня Седой, – мало ли кто на кого похож. Нельзя утверждать, что все похожие в мире люди родственники! Как они могут быть родными сестрами? Это не реально!

– Вполне реально, – не сдавалась я. – Они могли быть удочерены.

– Нет никаких сведений или документальных подтверждений этому.

– А их родители? – цеплялась я за последнюю ниточку.

– Умерли, – лаконично ответил Седой.

– У все троих? – удивилась я.

– Беловой больше шестидесяти, Глушко под полтинник, а Крылова в прошлом году отметила сорок пятый день рождения. В лучшем случае их родителям сейчас было бы лет восемьдесят.

– И что? Не такой уж это критический возраст.

– И все же, никого из старшего поколения уже не спросить – они все на том свете, – подвел итог Сашка.

Я огорченно простонала, откидываясь на сидение.

– И все же, кое в чем ты была права.

Я тут же подскочила на месте и возмущенно уставилась в пространство – мне показалось или я заметила искорки едва сдерживаемого смеха? Кто-то радуется моей неправоте.

– Они действительно братья. Но не двоюродные. А родные. По отцу.

Я замерла, словно громом пораженная. Только глаза моргали.

А Седой тем временем продолжил тоном сказочника, повествующего свою любимую притчу:

– У всех парней был один и тот же отец. Но матери – раз-

ные.

– Как? – судорожно и едва слышно выдохнула я. Но Седой услышал.

– А вот теперь твоя теория про тройное удочерение к месту, – ехидно заметил мой друг.

– Скорее уж, усыновление, – произнесла я, все еще пребывая в крайней степени растерянности.

Нет, я предполагала нечто подобное, особенно после встречи с Глушко-старшим в больнице. Он был напуган, очень напуган. У меня оформилось несколько догадок по этому поводу. Одна из основных – мужчина опасался кого-то из своего близкого окружения. Ведь недаром он затрясся как осиновый лист на промозгом осеннем ветру, когда речь зашла о семье. И шептал, не переставая: «вы не знаете, на что он способен». Он, не она. А значит – брат, отец, сын, племянник. Перечислять можно долго, но, кажется, он имел ввиду...

– ...родного отца, – закончила я вслух свою мысль.

Седой, в этот момент о чем-то рассказывающий, запнулся, а после сердито переспросил:

– Что?

– Глушко упоминал родного отца своего сына?

– Именно эту информацию я и пытаюсь до тебя донести, и было бы прекрасно, если бы ты меня хотя бы иногда слушала, – прорычал Седой голодным зверем. – Вместо этого ты непонятно чем занимаешься. Погружаешься в свои бо-

лезненно-пьяные фантазии начинающей алкоголички?

– Ты обедал сегодня? – невинно поинтересовалась я.

Седой растерянно умолк, видимо, пытаясь понять, что обозначает этот резкий переход от одной темы разговора к кардинально иной.

– И пока ты ищешь связь между своей паршивой привычкой пропускать обед и моим интересом к твоему желудочно-кишечному тракту, я тебе расскажу одну забавную историю. Много-много лет назад, в те славные времена, когда горы были выше, трава зеленее, а солнце теплее, жил-был на свете один ослик. И мечтал этот ослик о клевере, а все предлагали ему только сено. «Как же решить эту проблему?», – спрашивали у ослика. «Не знаю, – отвечал ослик, – я слишком занят. Я думаю о клевере».

– Тебе что, одного алкоголизма мало? Ты еще и понаркоманить решила? – ровным тоном поинтересовался Сашка, но ощущение было такое, что будь он рядом – придушил бы. – Какой осел? Какой клевер!

– Не знаю, – беззаботно ответила я и подмигнул чуть ошалевшему водителю, с подозрением посматривающему в мою сторону и с тоской – на череду машин впереди, образовавших пробку, в которой мы застряли. – Я слишком занята. Думаю о том, как свалить туда, где на меня не будет рычать голодный, а потому очень злой мужик, который привык срывать на мне все свое недовольство и которому я помогаю исключительно по доброте душевной!

Я бросила трубку, яростно нажав на кнопку отбоя. Раз пятнадцать. Остановил меня отчетливый треск, результатом которого стала трещина, образовавшаяся на пластмассовом корпусе. Кажется, с яростью я перестаралась.

Вдохнула, выдохнула, еще раз улыбнулась водителю, поинтересовавшись, как далеко мы находимся от здания цирка.

– Практически на месте, – обрадовал меня этот милый парень с широкой открытой улыбкой, – вон, видишь арку?

Он указал направо, вглубь тропинки, что вела к центральному входу в городской парк.

– Пойдешь прямо – дойдешь до озера. Обогнешь его по левую сторону и вновь пойдешь прямо, вдоль набережной. Через пятнадцать минут выйдешь к цирку. На машине было бы быстрее, но сколько еще простоим – не знаю.

Он явно хотел помочь. А еще явнее было то, насколько сильно ему хотелось избавиться от симпатичной, но странной девчонки, обсуждающей по телефону ослов и клевер. И ищущей дорогу к цирку. Кажется, вся моя жизнь постепенно превращалась в бродячий цирк.

Я улыбнулась самой милой из имеющихся в моем арсенале улыбок, поблагодарила и выскользнула из машины на проезжую часть, прямо под начинающийся дождик.

Зонта с собой не было, а потому я поплотнее запахнула куртку, подняла воротник и рысью побежала по указанному маршруту.

Опуская лицо пониже, чтобы укрыться от косых струй,

усиливающихся с каждой минутой, я опять вытащила из кармана телефон и нажала на вызов единственного сохраненного номера.

– Да! – рявкнул Седой.

– Он назвал имя родного отца парня? – отрывисто спросила я. Дыхание сбилось из-за быстрого движения, а по лицу уже стекали капли дождя.

– Нет, – сдержанно ответил друг и сквозь его слова я услышала знакомое шуршание бумажки. Я тихо усмехнулась уголками губ. Время идет, а привычки не меняются. И это даже приятно – что хоть что-то в этом мире остается стабильным и неизблемым. Например, любовь моего друга к сэндвичам с курицей из одной и той же доставки готовой еды, чьим фирменным отличием являлись специфические пакеты, куда они складывали свои бутерброды. Упаковка забавная, еда – гадостная. Но Седому нравилось поглощать эти обильно сдобренные жирным соусом куски хлеба и куриного мяса с пожухлым листиком салата между ними. – Он его не знает.

– Имени не знает? – уточнила я, смахивая скатившуюся на кончик носа особо назойливую каплю. – А как выглядит? Где живет? Где работает?

– Он ничего о нем не знает, – произнес мой бывший напарник. – Знает только о том, что больше двадцати лет назад к ним обратился человек, представившийся адвокатом некоего очень обеспеченного господина. Личность этого за-

гадочного господина, как ты сама понимаешь, не раскрывалась. Пара в то время переживала кризис – у Елены Глушко случился выкидыш на достаточно внушительном сроке. Пришлось делать срочную операцию и женщину, у которой открылось сильное кровотечение еле спасли. В итоге печальный вердикт – детей у неё скорее всего уже не будет. И тут на пороге объявляется представительный мужчина в дорогом костюме со словами «Мы можем друг другу помочь».

– И что было дальше? – выдохнула я, ловя каждое слово.

– А дальше этот мужчина заявил, что его наниматель очень желает оставить после себя кровных наследников, а вот воспитывать их у него возможность отсутствует. Супругам Глушко были предложены следующие условия – Елена соглашается на оплодотворение её яйцеклетки семенной жидкостью неизвестного богатого господина. Она вынашивает ребенка, рождает его, а далее семья Глушко растит и воспитывает обретенное дитя. Взамен биологический отец ребенка покупает семейству квартиру и назначает пожизненную ренту на содержание своего отпрыска.

– И они согласились? – поразились я.

– У них не было выбора, – безразлично проронил Седой. – Молодая семья ютилась по съемным квартирам, условия жизни в которых были далекими от комфортных. А тут такое щедрое предложение – своя отдельная норка плюс денежное содержание, сумма которого позволяла обеспечить не только ребенка, но и его молодых родителей.

– Погоди, – прервала я друга, – но Елена ведь не могла иметь детей после неудачного выкидыша. Как она собиралась забеременеть?

– Адвокат предвидел этот вопрос, а потому заранее сообщил, что проблем с зачатием не будет по причине «биологических особенностей заказчика». Последние слова являются цитатой, – разъяснил Седой. – Тебе это о чем-нибудь говорит?

Я замерла прямо посредине аллеи, которая по причине обеденного часа и буднего дня была пустынной. Дождь, превратившийся уже в основательный ливень, хлестал по лицу, заливая за пазуху и стекая по спине. Одежда промокла и противно липла к коже. Резкими порывами срывался ветер, пронизывая насквозь и словно втыкая в тело ледяные иглы. Но несмотря на непогоду холодно мне не было. Наоборот, внезапно бросило в жар.

– Ты что-то поняла, – догадался Сашка.

– Да, – практически прошептала я. – Существует только один биологический вид, представители которой способны иметь потомство даже от практически бесплодных женщин.

– И кто же?

– Это демоны, Сань, – промолвила я, пытаюсь унять дрожь в руках.

Глава 24

– Демоны? – не поверил мой друг. – Ты серьезно?

– Вполне, – со всей уверенностью заверила я, решительно
страхнула с себя оцепенение и двинулась по парку дальше.

– Они же вымерли, – задумчиво протянул Седой, все еще
не веря моим словам. – Вроде бы, еще в Средние века.

– Если говорить конкретнее, то в пятнадцатом веке, –
уточнила я. – И они не вымерли. Они просто исчезли. И
неизвестно, по каким причинам. Единственное, что извест-
но – со временем демонов просто не стало.

– И это не могло не радовать наших предков, – хмык-
нул Сашка. – Демоны были самыми могущественными из
всех. Фактически, именно они управляли магическим сооб-
ществом.

– Да, – с превеликим скепсисом отозвалась я. – Вот только
ты подзабыл историю, мой дорогой друг. Пока существовали
демоны все, кто обладал магией являлись одним целым. Мы
жили в организованном мире, подчинялись общим прави-
лам и законам вне зависимости от расы и принятых в отдель-
ных социальных группах традиций. Мы были одной большой
семьей. А что случилось потом? Демоны исчезли – и все про-
сто развалилось. Наш мир развалился, потому что именно
они были той силой, которая удерживала нас вместе. И вот
уже больше шести столетий каждый сам по себе. Даже между

собой представители одной расы не способны договориться! Вампиры поделены на кланы, оборотни – на стаи. Маги и ведьмы существуют по одиночке, лишь изредка кооперируясь для противостояния крупной угрозе. Некроманты вообще всех ненавидят, даже друг друга.

– А суккубы? – странным тоном спросил Седой.

– А суккубы, как и некоторые другие виды, вообще на грани вымирания, и прячутся ото всех! – со злостью выговорила я.

А потом остановилась, яростно потерла лоб и сообщила в трубку:

– Но у нас сейчас нет времени углубляться в историю. Меня вот, что интересует – ты сказал, что Максим Крылов и Даниил Белов также приходились сыновьями этому загадочному, но весьма плодовитому незнакомцу, который собственно этой своей плодовитостью хотел поделиться с другими?

– Да, – с небольшой заминкой подтвердил Седой.

– И получил ты эти сведения от Глушко?

– Да, но верить ему на слово я не стал и поручил уточнить информацию. Пока ты колотила пойманного тобой же убийцу я беседовал с Глушко, а после сверял данные.

– И каков результат?

– Крот смог выяснить, в каких больницах наблюдались Крылова и Белова, – не торопился делиться новостями Сашка. – Нашел медицинские карточки сих дам и не постеснялся ознакомиться с содержимым.

– Тем самым нарушив сразу несколько федеральных законов, – мрачно заметила я и поторопила: – Не тяни кота за самое интересное место, говори уже!

– Они все имели проблемы по женской части, – выдал Седой. – У учительницы русского языка Крыловой с детства были проблемы с гормонами. Болезнь усугубило отсутствие своевременного лечения. Росла она в деревне, в семье, где помимо неё было еще шестеро детей. Как ты сама понимаешь, девчонкой особо никто не занимался. Да и медицина в глухом населенном пункте на пять улиц была так себе – вокруг одни леса да поля, до ближайшей больницы два часа езды на автобусе, который и рейсы-то выполнял не каждый день.

– Хорошо, а что с той, которая бывшая медсестра?

Седой зашуршал бумажками.

– Синдром поликистоза яичников, – с трудом озвучил он незнакомые слова, явно читая с бумажки.

– Это вроде лечится, – я была не до конца уверена в своих словах, так как с медициной была знакома весьма плохо. Физиология суккубов, как и остальных не человеческих видов, отличалась. Нет, мы также болели, лечились, иногда успешно, а иногда – нет, и, конечно же, умирали. Вот только наши проблемы с самочувствием имели другие истоки и решались, соответственно, другими методами. Человеческими болезнями мы страдали редко. Крайне редко. Я, например, не слышала, чтобы оборотни или вампиры болели гриппом,

а элементарно лечили язву желудка. Есть и свои преимущества в том, что ты – другой.

– Понятия не имею, – отмахнулся Сашка, – если честно, я лишь смутно понял, что это за напасть такая. И то только после того, как полистал медицинский справочник.

– Хорошо, допустим, – решила я, – обе женщины были больны. Получается, это все, что их объединяет?

– Помимо того, что все они жили в одном городе – да, – поддержал друг мою мысль. – Разные профессии, разные сферы деятельности, разный круг общения. Даже образ жизни разный – две замужние дамы и одна мать-одиночка. Проблемы с женским здоровьем – единственная точка соприкосновения. Но при этом все трое состояли на учете в разных больницах, наблюдались у разных врачей и судя по тому, что жили в разных концах города, даже покупали лекарства в разных аптеках.

– Но все три женщины по причине невозможности забеременеть от своих избранников контактировали с неизвестным мужчиной, который в обмен на рождение его ребенка решал материальные проблемы пары. Так?

– Так, – согласился Седой.

– Но почему мужчины согласились на то, чтобы воспитывать чужих отпрысков? – не могла понять я. – Это ведь тяжелое испытание – растить ребенка, который называет тебя папой, при этом зная, что он не от тебя.

– Потому что на тот момент ни Крылов, ни Глушко не

могли решить свои материальные проблемы другим образом. Думаю, они рассчитывали на то, что в дальнейшем заведут еще детей, уже своих собственных, как по бумагам, так и биологически. Кстати, в семье Глушко действительно потом родился еще один ребенок – дочь. И вот она точно от него. Даже внешне – просто копия.

– Не повезло девчонке, – искренне посочувствовала я, вспомнив этого гражданина, чья внешность была далека от внешности бога Аполлона. Я бы даже сказала, что она вообще находилась на другом конце измерения. – Но погоди, если семьи не общались прежде, и вообще не знали о существовании друг друга, то каким образом Глушко в курсе, что Максим и Даниил братья Вадима?

– Вот тут есть одна очень примечательная деталь. Но начну издалека. Биологический отец парней в последние годы начал весьма активно интересоваться их жизнями. Вернее, такая информация имеется только по Вадиму. В отношении других детей папаша также, скорее всего, проявлял интерес, но об этом мы можем только догадываться. Однако если раньше он просто перечислял деньги на специально открытый для этого банковский счет, то два года назад захотел встретиться с сыном. По словам Глушко, произошло сие знаменательное событие по осени. С ними на связь неожиданно вышел тот самый адвокат, с которым они беседовали двадцать лет назад. Поинтересовался, все ли хорошо, регулярно ли перечисляются денежные поступления. И после

того, как его заверили, что все прекрасно, адвокат вдруг заявил, что его клиент желает встретиться с сыном. Глушко от такого опешили, они не ожидали, что спустя два десятка лет к ним в дверь неожиданно постучится привидение. И хотя образ этого незнакомца незримо всегда присутствовал в их жизни, ведь это на его средства они позволяли себе жить не по карману, но встречаться с ним не желали категорически. Их желания повертели на одном месте и потребовали, чтобы в ближайшие выходные они организовали праздничное семейное мероприятие – под любым предлогом, хоть серебряную свадьбу справляйте, сказали им. Главное условие – на нем должен присутствовать сын. Так как терять ежемесячное пособие Глушко не хотели, пришлось приказ выполнять. Срочно было составлено меню, заказаны блюда из ближайшего ресторана, приглашены гости. В назначенное время в субботу явились родственники, друзья семьи, коллеги. К моменту, когда уже был провозглашен третий тост, вдруг раздался звонок в дверь. Глушко, которые уже успели расслабиться, решив, что у нежеланного визитера поменялись планы, тут же напряглись и как попугайчики-неразлучники отправились открывать дверь. На пороге стоял высокий статный мужчина, от которого веяло деньгами и благополучием. Но что самое главное – гость был немногим моложе самого Вадима, а потому едва ли мог приходиться тому отцом.

– Стоп, – вновь перебила я Сашку, – но разве Елена Глушко не должна была запомнить, как выглядел её одноразовый

любовник?

– Наверное, должна была, – ехидно ответил мой друг, – если бы имел место прямой сексуальный контакт. Но по словам Глушко, его жена с биологическим отцом Вадима в одну постель не ложилась. Оплодотворение производилось искусственным путем.

– Подробности знать не хочу, – поспешила сообщить я, – оставь их при себе.

– Как для суккуба ты слишком стеснительна, – заявил Седой.

– Как для суккуба я еще и слишком злобная, – отбила я подачу.

– Не могу с этим не согласиться.

– Что было дальше? – напомнила я. – У Глушко?

– Ничего. Парень, которого провели к столу и усадили на самое почетное место, был представлен гостям как дальний родственник, который в столице проездом.

– Ага, проездом, – проворчала я, – следовал по маршруту Сахалин-Лондон.

– Этого я не знаю, – не оценил мою шутку Седой. – Но гость был молчалив, просидел недолго и сразу же после десерта заторопился восвояси. Перед уходом он вручил Глушко подарочную коробку, в которой оказалась бронзовая статуэтка времен последней царской семьи. Оценив подарок у знакомого антиквара Глушко узнали, что, продав фигурку, можно купить неплохой загородный домик.

– Хороший подарок, – присвистнула я, а в душе что-то нехорошо царапнуло.

– Да, мало кто от такого откажется, – согласился Сашка. – Но интересно другое – с той памятной даты мужчина, который их посетил, стал регулярно звонить и интересоваться жизнью Вадима. Более того, старший Глушко уверен – за их семьей начали пристально следить.

– Уверена, за ними следили и до этого, – хмыкнула я, оставившаяся на тротуаре у светофора. Беседуя с Сашкой, я быстро добралась до нужного места – цирк находился буквально в ста метрах от меня, следовало лишь дорогу перейти.

– Почему Глушко так решил? – осведомилась я, прожигая взглядом горящий для машин зеленым цветом светофор и нетерпеливо притопывая ногой.

– Говорит, у дома начала дежурить одна и та же машина. Жена сообщила, что у неё на работе появилась сотрудница, которая стала активно набиваться женщине в подруги. Да и сам Глушко не раз замечал, что за ним по городу следуют наблюдатели.

– Это может быть правдой, а может быть, у мужика просто гиперактивная фантазия и он пересмотрел шпионских фильмов.

– Согласен, но вот, что любопытно. Заметив слежку, наш толстячок-недотепа решил организовать свою собственную. Нашел через знакомых частного сыщика и дал тому задание узнать, кто так тщательно бдит под его окнами. Детектив

оказался тоже парнем непростым и поняв, что у дома заказчика прописались далеко не самые рядовые гопники, решил последить за своим клиентом. Засек нескольких сопровождающих, а дальше вообще началось самое интересное.

– И что же? – вяло отреагировала я.

– Детектив узнал, что «топтуны» наведываются еще по двум адресам, а после выяснил и причины такого настойчивого интереса явно не самых законопослушных граждан.

– Дай угадаю, – встряла я. – Причинами оказались две известные нам семьи.

– В точку. Я поговорил с этим детективом, Глушко поделился телефончиком. Сыщик рассказал, что, узнав, кого именно караулят ребята в спортивных костюмах, заинтересовался у Глушко, знаком ли он с Крыловыми или Беловыми. Как ты понимаешь, тогда ему эти фамилии ничего не сказали. А вот уже после третьего взрыва...

– ...в голове пузатика наступило просветление, – начала понимать я. – А как представился тот даритель дорогого антиквариата?

– Ильзар, – сообщил Седой, – странное имя. По словам Глушко, на вид мужчине около тридцати, может немного больше. Но он никак не может быть отцом Вадима, поэтому они решили, что настоящий отец не захотел прийти лично и прислал вместо себя кого-то.

Зажегся зеленый свет для пешеходов, и я двинулась по проезжей части, продолжая рассуждать на ходу.

– Так же может быть правдой, а может быть и нет. Мы с тобой прекрасно знаем, что представители некоторых рас способны справить столетний юбилей и при этом выглядеть юно и свежо, аки майская роза.

– Знаем, – подтвердил Седой с неудовольствием, которое я не поняла, – а потому молодой человек действительно может быть тем самым таинственным папашей. Мы пытались его найти. Имя Ильзар редкое, но ни в одной базе не значится, а потому вряд ли настоящее. Возраст нам неизвестен, род деятельности и место проживания – также.

– Единственная ниточка – адвокат.

– Ты хоть представляешь, сколько в столице имеется адвокатов? – резко одернул меня Сашка. – И это только те, кто зарегистрирован здесь, в городе. А искомый нами законник может быть вообще откуда угодно, хоть из соседней Кореи!

– Представляю, – ответила я, – но других вариантов не вижу. Хотя... Вы фоторобот делали? Глушко мог бы описать портретисту этого Ильзара.

– Нет, – замялся Седой, – не успели еще.

– Чем вы там занимаетесь в ожидании моих гениальный идей? – наигранно поразила я. – В футбол гоняете, что ли?

– А ты чем? – в свою очередь поинтересовался Седой. – И вообще, ты сейчас где?

– Так, всё, – заторопилась я. – Мне некогда, надо бежать. Вечером поговорим.

– А..., – начал мой друг что-то говорить, но я уже отклю-

чилась. И направилась ко входу в цирк, вливаясь в разноцветную человеческую толпу, состоящую из родителей и их детей, радостно торопящихся на представление.

Едва я только прошла сквозь вращающиеся стеклянные двери, потеснив стайку не вовремя замешкавшихся подростков, как в нос тут же ударил специфический аромат, присущий исключительно цирковым помещениям. Он состоял из дикой смеси запахов – попкорна, сладкой ваты, животных и... ковровой пыли. Для людей этот запах непривычен, ведь мало, кто посещает цирк регулярно, но тем не менее, неудобств он не доставлял, судя по радостным лицам окружающих, с любопытством оглядывающихся по сторонам. А вот мое тонкое обоняние суккуба моментально взбесилось.

Тут же разболелась голова, заныла шея, стало душно, захотелось развернуться и бегом вырваться на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Но времени для совершения пробежек туда-обратно не было, потому как представление, на которое мне самым наглым и самым неудобным способом всучили билет, должно было начаться через десять минут.

Я решила заглянуть в буфет, чтобы купить воды. Но распрощалась с этой идеей, едва зайдя в помещение, заставленное многочисленными пластмассовыми столиками. Находиться там было совершенно невозможно, ведь к запаху цирка тут же примешался запах быстрой еды – гамбургеров, сэндвичей, жареной картошки. А еще здесь было громко. Очень громко. Галдели и смеялись дети, их пытались пере-

кричать родители, скрипели ножки металлических стульев о кафельный пол, перекрикивались сотрудники, торопясь обслужить эту голодную до хлеба и зрелищ толпу.

Ощущая, как к горлу подкатывает тошнота, я попятилась и быстро выскочила обратно в коридор, мысленно проклиная тот момент, когда решила все-таки посетить цирк со словами «а чем старый черт не шутит». Под рогатым я подразумевала Алтая, который всегда был для меня авторитетом и умел убеждать. И вот теперь благодаря ему я мучилась усиливающейся головной болью и с трудом сдерживала стремительно накатывающее желание начать убивать.

Стараясь не стонать, я поднялась по лестнице на второй этаж, помахала перед билетером своим билетом и вошла в павильон для представлений.

Манеж был еще пуст и погружен в сумрак. Места для зрителей, как и в любом цирковом шатре, располагались амфитеатром. Зал был заполнен уже больше, чем на половину. А потому мне пришлось потолкаться коленями с успевшими усесться на свои места соседями, и, блаженно вздохнув, плюхнуться на кресло. На меня тут же с неодобрением покосилась какая-то толстая мамаша в смешном берете и подтянула к себе поближе сына лет пяти.

– Шапку, – я указала на её головной убор, – в помещении воспитанные люди вообще-то снимают. Или вы не воспитанная?

Мамаша возмущенно глянула на меня. Я мстительно

улыбнулась. Дамочка вздернула оба своих подбородка и отвернулась, покрепче прижимая к себе пацана, который явно не желал быть втиснутым в мамины жировые складки, обтянутые дешевой розовой кофточкой из люрекса с блестящим отливом. Одежка делала мадам похожей на свинью-копилку. Не удержавшись от смешка, я отвела взгляд, так как свет в зрительном зале начал постепенно гаснуть, а манеж наоборот – подсветился включившимися софитами.

В цирке я никогда ранее не бывала. По крайней мере, в тот период жизни, который я помню. Меня некому было водить на красочные и веселые представления. В моей жизни в принципе не было места веселому и красочному. А потому я с интересом начала рассматривать арену, даже на некоторое время позабыв, с какой целью собственно сюда явилась.

До тех пор, пока на пустующее рядом со мной место не опустился человек.

Глава 25

Я не обратила внимания на его появление, собственно, как и другие зрители – все были захвачены поражающими воображение трюками, которые начали выполнять появившиеся под куполом цирка воздушные гимнасты.

– Невероятно, правда? – заговорил вдруг мой сосед. Он говорил очень тихо. Так, словно вел беседу с самим собой. Никто другой не смог бы расслышать его слов сквозь музыкальное сопровождение представления. Но он говорил и говорил именно со мной, в полной уверенности, что я прекрасно услышу произнесенное им. – Кажется, что это так легко – парить под куполом цирка держась лишь за тканевые полотна. А на самом деле, за всем этим стоят часы работы. А также кровь, пот, боль, страх – все то, что приходится огромным усилием воли преодолевать каждый день. Знакомо, не так ли?

– А вы судите с позиции любителя или эксперта? – безразлично проговорила я в ответ, не отрывая взгляда от арены.

– С позиции любителя, который когда-то был экспертом, – выдохнул мужчина, склонившись ко мне на недопустимо близкое расстояние, отчего сердце выдало несколько быстрых ударов. Но я не пошевелилась, все также наблюдая, как циркачи, мужчина и женщина, выполняют в паре восхитительный по своей сложности и изяществу номер.

– Не трудно парить в воздухе, словно птица, когда умеешь этим самым воздухом управлять.

– Как вы поняли? – с нескрываемым удивлением спросил меня человек.

Я небрежно пожала плечами.

– Разве это не очевидно? – мой вопрос мог показаться риторическим, хотя таковым не являлся на самом деле.

– Возможно, – сдержанно ответили мне. – Для вас.

– А для вас нет? – теперь была моя очередь уходить от ответа.

– Кто знает, – не скрывая иронии, проговорил человек. – И все же, как вы поняли, что гимнасты – не люди?

Я, продолжая наблюдать за артистами, пояснила, решив быть честной:

– Воздушные потоки, они ими управляют. Мужчина выполняет ведущую функцию – воздушная капсула, в которой они находятся его рук дело. Она обеспечивает их безопасность – если сорвутся с полотен, то не пострадают. Смещенный воздушный поток замедлит падение и не даст сильно травмироваться, при этом, никто из зрителей не поймет, что была использована магия. Умно, – одобрила я. – Женщина в свою очередь осуществляет поддержку, страхуя его и себя в особенно сложные моменты. Именно благодаря ей они выполняют эти удивительные трюки, которые противоречат не только человеческой физиологии, но и законам физики.

– То есть, прямо сейчас вы видите, как они используют

магию? – уточнил человек.

– Конечно, это трудно не заметить, – фыркнула я, – магия воздушников имеет отчетливый фиолетовый отсвет. Иногда сиреневый, но только в том случае, когда элементаль еще молодой и не вошел в полную силу.

И чуть повернула голову, чтобы взглянуть на заговорившего со мной человека, как тут же услышала:

– Не поворачивайтесь.

– Почему? – и, хотя я знала ответ на свой вопрос, все равно не могла не спросить.

– Моя личность должна остаться для вас инкогнито, – снисходительно пояснили мне.

– Зачем тогда было вообще назначать мне встречу, да еще таким сложным путем сообщать мне о своем желании поговорить, если вы не доверяете мне?

– Я никому не доверяю, – и спустя секундную заминку человек добавил: – Впрочем, как и вы. В этом мы с вами похожи.

– Но все же, вы здесь, – я оставила попытку взглянуть в лицо своему собеседнику и вновь повернулась в сторону манежа. Воздушные гимнасты закончили свой номер, поклонились и удалились. Им на смену вышли клоуны.

– Как и вы, – заметил человек.

Мы замолчали. Я не знала, как начать разговор. Да и стоит ли нам вообще разговаривать. А человек не спешил мне помочь и обозначить истинную цель встречи.

– А чем светится магия огневи́ков? – вдруг спросили меня. – Так ведь вы себя называете?

– Не всегда. И не все, – отстраненно произнесла я, а после добавила: – Лично мне определение огненный саган нравится больше.

– Огненный саган, – повторил за мной человек, словно пробуя эти слова на вкус. – Хорошо звучит.

– Рада, что вам нравится, – меня уже начинало тяготить общество незнакомца, как и вся эта ситуация. Клоуны были несмешными и потому раздражали, в павильоне было душно, со всех сторон шуршали, хрустели и чавкали. А еще большинство детей не способно было усидеть на месте дольше пяти минут – они вскакивали, пытались выйти в проход, вырывались из рук родителей, рассыпали во все стороны попкорн, громко смеялись и постоянно что-то выкрикивали.

– Не беспокойтесь, я не займу у вас много времени, – отреагировал человек на мой быстрый взгляд на циферблат наручных часов.

– Я не беспокоюсь, – постаралась я не рычать в ответ.

– Но вам здесь не нравится, – произнес очевидное мой собеседник.

– Странный выбор места для конфиденциальной беседы, – не осталась я в долгу, поделившись и своими наблюдениями.

– Вы полагаете? А мне кажется, что как раз наоборот. Из-за многочисленных шумовых помех нас здесь никто не смо-

жет подслушать. Как снаружи, так и изнутри. Даже для телепата пробиться сквозь звонкий детский смех является практически невыполнимой задачей. Вы же знаете, что за вами следят?

– Да, по приказу моего нынешнего босса. Это не новость, – ответила я откровенно.

– Про то, что среди них есть один телепат вам также известно?

– Игнат, – кивнула я.

– Он не просто телепат, – огорошил меня человек. – Он один из сильнейших магов, управляющих мыслеформами. Вы понимаете, что это значит?

– Что он может как читать мысли, так и внушать их, – мне стало страшно. Вот правда, очень страшно. Такие маги – на вес золота, и они обычно не разгуливают просто так по улицам. Где Сашка его откопал? И самое главное – чем замотивировал работать на себя?

– Вижу, в вашей головке уже начали зарождаться правильные вопросы, но вот что главное – Игнат способен работать на удалении.

– Максимальное расстояние? – отрывисто спросила я, замерев на месте. В голове загудел рой мыслей.

– Мне известно про радиус действия в тридцать километров, – поделился человек. – Но этим сведениям несколько лет. С тех пор парень мог усовершенствовать свои навыки. Однако телепат не единственная ваша проблема.

– Что-то еще? – я сцепила пальцы в замок, стараясь унять дрожь.

– Да, – ответил человек, а после неожиданно спросил с насмешкой: – Все суккубы такие эмоциональные?

Я стремительно обернулась в его сторону, забыв про предупреждение смотреть только вперед. При этом боковым зрением я еще в начале разговора успела уловить очертания его силуэта, но вот лицо собеседника оставалось в тени.

– Я не знакома со всеми суккубами, – отрезала я, открыто глаза на мужчину средних лет, похожего на университетского профессора, что вообще никак не вязалось с его методом передачи сообщений посредством городского вандализма, то есть граффити. – А о моих личных качествах должны судить другие люди.

Мужчина в ответ на мой пристальный взгляд самодовольно усмехнулся, погладил бородку клинышком и взглянув на меня поверх очков с толстыми линзами ласково поинтересовался:

– А вы в курсе легенд о происхождении суккубов?

– Что? – растерянно заморгала я.

Мужчина закинул ногу на ногу и начал рассказывать:

– Существует поверье, в котором говорится о том, что суккубы произошли от ифритов. Так когда-то именовали существ, которые по своему могуществу приравнялись к богам. Ифриты были гостями в нашем мире, можно сказать, туристами. Они приходили к нам из реальности, которая су-

существует параллельно с нашим миром, на одной грани с ним. То есть, по сути, ифриты жили в нашем мире, на нашей земле, вот только реальность – другая. К нам они приходили за женщинами, которые впоследствии становились ифритам женами. От одного из таких союзов на свет появилась первая представительница расы суккубов. Хотите узнать, что было дальше?

Я кивнула раньше, чем успела задуматься над сутью вопроса.

– Все шло своим чередом до тех пор, пока один из молодых да ранних ифритов не забрал дочь местного мага. Понимаете, загвоздка была в том, что своих избранниц, которые не всегда становились таковыми по собственной воле, ифриты забирали в свой мир. Навсегда. Так должно было случиться и с дочерью мага, но отец вступился за своего ребенка, хотя силы были не равны. В схватке с ифритом человеческий маг проиграл, сильно пострадав, а после и вовсе исчез. Все решили, что он умер, не сумев пережить потерю дочери. Прошли годы и вот, в момент появления в нашем мире очередных ифритов, дорогу им преступил тот самый маг, оживший и не только восстановивший силы, но и многократно увеличивший свой возможности. Некоторые из тех, кто знали мага еще до исчезновения, поговаривали, что объявившийся человек хоть и был внешне похож на того, кто пытался отвоевать у ифрита свою дочь, но повадки его сильно отличались. Отдельные люди и вовсе утверждали, что ре-

шивший объявить могущественным визитерам войну – самозванец. Однако, когда магу удалось не только убить ифритов, но и запечатать проходы, которыми они пользовались – все забыли о словах стариков, которые под итог своей жизни видели плохо, а соображали еще хуже. Как итог, ифриты более у нас не появлялись, однако потомки их остались – всегда девочки, всегда очень красивые, притягательные внешне и обладающие уникальным даром – влиять на мужчин, завладевать их мыслями, управлять желаниями. Через некоторое время магическое сообщество узнало об еще одном уникальном свойстве наследниц ифритов – умении накапливать магию...

– ...словно большие ходячие батарейки, – я раздраженно оборвала его речь, льющуюся мягким убаюкивающим потоком. – Если я захочу ознакомиться с легендами народов мира, то возьму книжку в библиотеке и усядусь за изучение сказочных рассказов.

– А вы уверены, что это сказки? – взглянул на меня поверх очков человек. И кажется, в этот момент чуть мутноватые стекла как-то странно блеснули зеленым отсветом. Я присмотрелась, пытаюсь разобрать, что это было, но безуспешно. Передо мной опять сидел обычный, я бы даже сказала заурядный мужчина средних лет, в котором было столько же магического, сколько в коврике у двери. То есть, совсем ничего. – Все легенды являются иносказательным отображением реальности.

– Вот только не во все сказки стоит верить, – заметила я. – Озвученная вам история так вообще вызывает множество вопросов.

– Каких же? – подался вперед мой собеседник, видимо, уже забыв о своём изначальном желании сохранить анонимность. Из-за этого движения его лицо на несколько мгновений осветил луч света, выхватив глубокие, избородившие смуглую кожу морщины, серые тени под глазами и кровавые трещинки на пересохших губах. В общем, выглядел мужчина хоть и интеллигентно, но весьма потрепанно. Так, как будто уже очень давно не ел и примерно столько же не спал. Как еще шевелился – вообще не понятно.

– Например, – начала я, подавляя желание отсесть подальше. – Кто такие ифриты?

Высокий лоб искажился удивлением, а я поняла, почему у моего собеседника лицо такое, словно по нему плугом прошлись – мужик просто постоянно удивляется!

– Вы не знаете?

Я закатила глаза.

– Если бы знала, то не спрашивала бы.

– Ну да, ну да, – отстраненно пробормотал человек, вновь откидываясь на спинку сидения, что являлось лучшим вариантом, в том числе и для меня. Смотреть на его истощенное лицо было тем еще удовольствием – хотелось пожалеть, накормить и уложить спать на ближайшие года два. – Так значит, вы не в курсе...

Последние слова он произнес словно про себя, задумчиво почесывая бородку и словно что-то решая.

– Поделитесь? – напомнила я ему о своем присутствии минут через пять.

Человек помолчал, перестав истязать растительность на своем лице, а после тяжело, но утвердительно вздохнул.

– Да, думаю, это будет лучшим вариантом в вашем случае.

– В смысле? – не поняла я.

– Слушайте внимательно, – вдруг строго одернул меня человек. – Это очень важно. Ифриты – это высшие демоны.

Глава 26

– Демоны? – мои глаза округлились.

– Высшие, – повторил человек. – Те, о ком сейчас подумали вы, были демонами низшей расы. Сильными – да, но не всемогущими. Возможно, вы сталкивались с другим названием ифритов. В человеческой мифологии их именуют джиннами.

Я потрясла головой.

– Джинны? Существа, которые живут в лампах и исполняют три желания?

– Не повторяйте эту ересь! – с негодованием одернул меня человек. – Наш кинематограф вместе с недоразвитыми писателями совершенно опошлили понимание слова «джинн». Настоящие джинны не прислуживают и не исполняют капризных прихотей. Джинн в переводе с древнего языка означает «невидимый», «недоступный».

– Недоступный кому? – не поняла я.

– Разве это не очевидно? – хмыкнул человек. – Людям.

– Но в таком случае, и мы в какой-то степени относимся к этой категории, – возмутилась я. – Ведь все мы имеем примесь человеческой крови.

– Да, – безрадостно согласился человек. – Как это ни прискорбно признавать, вы правы.

– Почему вы здесь? – запоздало решила спросить я.

– Здесь – это где? – лукаво ухмыльнулся человек, продолжая играть в загадочность.

– Хороший вопрос, – нахмурилась я и развела руками, не очень широко, но очень демонстративно. – Здесь – в этом цирке. Зачем вы позвали меня сюда?

– Вы уже не первый раз задаете этот вопрос, – человек постучал пальцем по деревянной ручке сидения.

– Не теряю надежды получить ответ, – раздраженно проронила я.

– Нет, ну вы просто классический маг огня! – с неподдельным восхищением и какой-то странной радостью воскликнул человек, едва ли не захлопав в ладоши. – От суккуба практически ничего! Кроме внешности, конечно, хотя и тут есть сомнения. Не знай я, что вы полукровка, никогда бы не заподозрил в вас кровь ифритов!

– Кстати, по поводу озвученной вами истории, – проговорила я, не желая акцентировать внимание на теме моей смешанной крови, – у меня есть вопросы. Ответите?

– С удовольствием, – качнул он ногой, обутой в коричневый ботинок. – Беседа с вами доставляет мне одно лишь наслаждение.

Я приподняла брови, выражая свое недоумение.

– В наше время трудно найти достойного собеседника, – быстро пояснили мне.

– Да, это проблема, – пробормотала я, отводя взгляд.

– Вы хотели что-то спросить, – напомнил человек, скла-

дывая пальцы под подбородком.

– Я хотела узнать, каким образом тот маг обрел силу, столь сокрушительную, что смог победить тех, кто, по вашим словам, был непобедим?

– Хороший вопрос, – одобрительно кивнул человек. – И надо сказать, что меня он тоже волнует. История об этом умалчивает. И у меня, к сожалению, достоверного ответа тоже нет.

Я не удержалась и хмыкнула.

– Но! – человек поднял вверх указательный палец. – Я посвятил этой теме не один год своей жизни, провел широко-масштабное исследование, ознакомился с многочисленными историческими документами. И вывел теорию, которая, как мне кажется, весьма близка к правде.

– Я слушаю, – настал мой черед одобрительно кивать.

– Предполагаю, что тот маг был не просто рядовым обладателем сверхспособностей.

– А кем? – прищурилась я.

– Что вам известно об Ордене Зеленого Дракона? – вопросом на вопрос ответил человек, постукивая пальцем по подбородку. И к этому моменту, я успела заметить, что ему вообще очень нравилось постукивать.

– Только то, что его, скорее всего, никогда не существовало, – с издевкой произнесла я. И добавила:

– Конспирологические теории никогда не значились в списке моих увлечений.

– Зря смеетесь, – с легким намеком на обиду произнес человек. – Потому что в своем категоричном отрицании того, чего по вашему мнению не существует, вы ошибаетесь.

– Хорошо, я ошибаюсь. А еще, очевидно, зря теряю время, – я поднялась, собравшись уходить. – Всего хорошего. И не зовите меня больше на тайные встречи. Любите играть в шпионов и отправлять тайные послание – ради бога. Но у меня нет на все это ни времени, ни желания.

Я уже развернулась в сторону выхода, как меня схватили за руку и дернули вниз, усадив обратно. Самым неэлегантным образом плюхнувшись на пятую точку, я едва удержалась от рвущихся наружу ругательств. Не хотелось привлекать внимание зрителей к нашей занимательной парочке. На моё счастье, окружающие в этот момент наблюдали за прекрасной демонстрацией навыков вольтижировки не менее прекрасным молодым наездником с голым торсом и всеми шестью кубиками как на подбор.

– Не ведите себя как истеричка, – прошипел мне в лицо человек. – Будьте сдержаннее, уж кому, как не вам соблюдать манеры!

Я скривилась, а после вырвала из его захвата правую руку и медленно отерла рукавом щеку.

– Я обязательно припомню все полагающиеся случаю светские манеры, как только вы поведаете, на которой из веток моего генеалогического древа затерялись графья или на худой случай – бароны!

– Графья, – передразнил меня человек, чье лицо опять оказалось на свету, и я с удивлением обнаружила на его коже розовые пятна.

– У вас что, аллергия? – без стеснения прямо спросила я.

– Что? – дернулся человек. – С чего вы взяли?

– У вас пятна на лице, – и ткнула пальцем в самое крупное и самое заметное пятно – на лбу.

Мужчина тут же потянулся к указанному месту и удрученно потер.

– Наверное, съел что-то не то, – пробормотал он, снова отклоняясь так, чтобы его лицо скрадывали тени. – Думаю, пора заканчивать наш разговор.

– Да уж, хотелось бы, – вздохнула я, поправляя волосы.

– Вот, – мужчина протянул мне фотографию. – Вам стоит на это взглянуть.

Я протянула руку и осторожно прикоснулась к распечатанному снимку. Беглого взгляда хватило для того, чтобы оценить его качество – фотографировали явно на профессиональную камеру и с полным знанием своего дела. Уже во вторую очередь я заинтересовалась тем, что собственно и являлось объектом внимания фотографа.

Мужчина. Высокий, с мощной фигурой. Про таких еще говорят – грузный. В прошлом он скорее всего основательно занимался спортом. Чем-то вроде тяжелой атлетики, борьбы или толкания ядра. Как правило, участники этих спортивных дисциплин за время карьеры успевают обзавестись

внушительным каркасом из мышц, который после ухода из спорта заплывает жирком и придает человеку легкий оттенок гиппопотамости. Но вполне возможно, что у мужчины на фотографии от природы имелась такая массивная фигура, кто знает. Но вот носить спортивные костюмы незнакомцу было строго противопоказано – тонкая ткань обтягивала все, что не нужно и подчеркивала то, что следовало бы скрыть – намечающийся животик и выступающие над поясом бока.

Лицо человека скрывалось под козырьком черной кепки. Таинственности образу придавали и черные очки. Под мышкой мужчина держал небольшую черную спортивную сумку. И судя по траектории его движения в момент, когда было сделано данное фото, мужчина направлялся к черному авто, припаркованному у здания, похожего на торговый центр. Место было мне не знакомо и возможно, вообще находилось не в нашей стране. Запечатленная обстановка имела какой-то едва уловимый налет европейского благоустройства.

– Мужу нужно похудеть, – поделилась я своими наблюдениями, протягивая снимок обратно.

– Это все? – мой собеседник не спешил забирать обратно врученную им же фотографию.

– И мы с ним не знакомы, – ответила я на незаданный, но отчетливо витающий в воздухе вопрос.

– Знакомы, – не согласился человек, и непонятно откуда вынул еще один снимок. – Это было снято в другое время, с другого ракурса.

И у меня в руках оказалось еще одно фото. Все тот же мужчина. Но на этот раз уже не шагающий по улице, а сидящий за столиком на открытой веранде какого-то кафе. И вот теперь можно было с уверенностью говорить о его пребывании за границей. Обтянутая белой футболкой спина хоть и отличалась внушительной шириной, но не смогла полностью заслонить собой знаменитый собор, изображение которого красовалось на половине всех поздравительных открыток в мире. Лица мужчины вновь было не разобрать. Но на этот раз не из-за головного убора, а потому что в момент нажатия на кнопку затвора фотоаппарата он отвернулся. Судя по попавшей в кадр изящной ножке, обутой в ярко-желтую туфельку на высоком тонком каблуке, мужчина пришел в кафе не один.

Я подняла на своего собеседника недоуменный взгляд.

– Присмотритесь к шее этого человека, – посоветовали мне, догадавшись, что я по-прежнему ничего не понимаю.

Я приблизила снимок к глазам.

И...мир вдруг начало ощутимо трясти.

А может быть, это затрясло меня.

– Не может этого быть. Нет. Это просто невозможно, – шептала я, повторяя на разные лады и не имея сил оторвать взгляд от татуировки на шее мужчины с фотографии.

– Вы узнали этот рисунок, не так ли? – спросил человек.

– Это скат, – хрипло ответила я. – Означает стремление к свободе – как при жизни, так и после смерти.

– Как по мне, больше похоже на осьминога, – протянул человек.

Я тяжело сглотнула и пожала плечами.

– Он говорил, что тату ему набили во время службы в армии, в походных условиях. А в качестве обезболивающего использовали водку.

– Обезболивался, видимо, не только подопытный, но и его «мастер», – насмешливо предположил мой собеседник, обозначив пальцами в воздухе кавычки.

Я промолчала и вновь обратила свой взор на фотографию. Мозг, несмотря на очевидное доказательство, отказывался воспринимать новую информацию.

– Теперь вы поняли, зачем я пригласил вас сюда? – чуть высокомерно, но при этом как-то сочувствующе проговорил человек.

– Хасан жив? – мое сердце пропустило удар.

– Да, – уверенно подтвердил человек. – Жив и более, чем благополучен. Согласно имеющейся у меня информации, ваш бывший руководитель последние несколько месяцев провел в столице соседнего государства. И в данный момент находится там же. Ходит по ресторанам, посещает сауну и казино, встречается с женщинами. И прекрасно себя чувствует, что явственно видно по его располневшей фигуре.

– Но, – я откашлялась, – он же умер. Остановка сердца, так мне сказали.

– В таком случае, медикам необходимо срочно заинтересоваться этим невероятным случаем воскрешения, – человек одернул полы своего пиджака и уверенно добавил: – Мы с вами прекрасно знаем, что возвращать умерших с того света пока еще не умеет никто, даже некроманты. Да и ваш чудесным образом воскресший босс имеет слишком цветущий вид как для того, кто вроде как должен сейчас находиться в компании могильных червей. И потом, кто вам сказал про остановку сердца?

– Седой, – не думая ответила я.

– Тут два варианта, – словно настоящий профессор, читающий лекцию перед студентами начал мой собеседник, подпирая сложенными ладонями подбородок, – либо он вам соварал. Но в этом случае, главный вопрос – зачем? Либо он сам не знал правды, и тогда необходимо спросить – почему?

Мне нечего было на это ответить, потому что... Если Хасан жив, то это очень многое меняло. На самом деле, это меняло всё.

– Это вся информация, которую вы хотели мне передать? – я склонила голову, позволяя волосам упасть на моё лицо и скрыть его.

– Я сказал все, что хотел, – твердо ответил человек. – Но как много вы услышали и что из этого поняли – уже другой вопрос. И задавать его нужно не мне.

Он рывком поднялся из кресла и быстро покинул павильон. Так, как будто его здесь и не было. Никто из зрителей,

даже те, что сидели по соседству, не обратили внимания на его уход. Никто даже взглядом не проводил.

«Либо представление невероятно захватывающее, – я рассеянно уставилась на белого пуделька в розовой юбке с оборками, со звонким лаем нарезающего круги по периметру арены, – либо отводящая взгляд магия».

Выждав еще несколько минут, я последовала примеру так и не представившегося мне человека.

Глава 27

Покидать здание цирка я не спешила, так как предполагала, что ничего хорошего на улице меня не ждет. Но нервы шалили, руки тряслись, в голове крутились назойливые мысли одна хуже другой, и вся моя деятельная натура срочно требовала действий. Хоть каких-нибудь. Лучше всего, конечно же, продуктивных. И за неимением других идей я решила позвонить одному своему старому знакомому. Кажется, так теперь было принято называть бывших любовников?

Номер его я знала наизусть. И была уверена в том, что он его не изменил. Он вообще не любил перемен. Со своего телефона я звонить не хотела. Не исключала возможности того, что Седой за мной не только следит, но еще и прослушивает. А потому пришлось подключать фантазию. Я дошла до женского туалета и встала недалеко от двери.

Долго ждать не пришлось. Очень скоро появился подходящий под мои требования объект – девочка в короткой курточке, находящаяся как раз в том замечательном возрасте, когда уже хочется выглядеть взрослой и самостоятельной, но детская наивность и внушаемость еще не растеряны.

Я дождалась пока одинокая невысокая фигурка поравнялась со мной и громко всхлипнула. Девочка вздрогнула, оглянулась в мою сторону и, руководствуясь больше любопытством, чем сопереживанием, спросила:

– С вами все хорошо?

Я закивала, старательно размазывая по лицу обильно текущие слезы.

– Да, просто телефон разбила, – короткий всхлип, – а мне должен парень звонить, мы договорились тут встретиться. У нас сегодня свидание. Я уже полчаса жду, а его нет. И позвонить ему не могу. Вдруг с ним что-то случилось?

– Сильно разбили? – прониклась ко мне девочка. – Совсем не работает?

Я помотала головой, а после выудила из кармана бумажный платочек и начала демонстративно вытирать им лицо.

– Совсем. Что же мне делать теперь?

– А вы возьмите мой, – с готовностью предложила девочка и протянула мне телефон в красочном чехле, щедро украшенном цветочками и висюльками. – Номер знаете?

Я улыбнулась сквозь слезы, с благодарностью кивнула и взяла телефон. Набрать знакомую до боли последовательность цифр было делом двух секунд и вот я уже слушаю длинные гудки, переминаясь с ноги на ногу под сочувствующим взглядом доброго ребенка.

– Да, – ответили мне на десятом по счету гудке.

– Привет, это я, – просто сказала я.

– Какой неожиданный сюрприз, – ответил мне после продолжительного молчания, которое я не нарушала.

– И вряд ли приятный, да? – горько усмехнулась я.

– Сюрпризы вообще редко бывают приятными, – вздохнул

он. – Чего хочешь?

– Поговорить, – я уставилась на носок своего ботинка ощущая себя крайне неудобно.

– Спустия столько времени? – уточнил он и не дождав-шись внятного ответа, сказал: – Ладно, приезжай. Адрес помнишь?

– Да, помню, – подтвердила я.

– Жду, – и в ухо понеслись короткие гудки, которые я еще с полминуты слушала, покусывая губу. А потом все же отня-ла аппарат от уха и вернула владелице.

– Как-то странно вы с ним разговаривали, – с подозрени-ем глядя на меня свела она щедро покрашенные бровки у переносицы.

– Взрослые, – я развела руками, – что с нас взять?

Девчонка согласно хмыкнула и юркнула в открывшуюся дверь клозета.

А я направилась на поиски запасного выхода, так как в центральном появляться было нельзя.

Около десяти минут у меня ушло на блуждание по полутемным пустынным коридорам, пока я наконец не выбра-лась к серой металлической двери с полустертой и от того плохо читаемой надписью «выход». Надавила на ручку, по-том толкнула дверь самой сильной частью своего тела – бед-ром. И под душераздирающий скрежет выпала на залитую асфальтом площадку, которая, очевидно, была предназнаоче-на для подъезда машин и выгрузки багажа.

Недоуменно оглядываясь и пытаясь сориентироваться, еще пару минут я потопталась на месте, а после осторожно выглянула за угол. И увидела узкий извилистый переулок, усеянный рекордным количеством сигаретных бычков. Стало очевидно, что именно здесь коротают свое время артисты и сотрудники цирка – в перерыве между представлениями, с сигареткой и под стаканчик отвратного растворимого кофе. О последнем факте свидетельствовала горка картонных стаканчиков, валяющаяся в грязном углу под стенкой с облупившейся побелкой.

И тут сзади грохнула дверь. Я опрометью обернулась и уже приготовилась к самому плохому, как увидела знакомое лицо.

– Ты? – воскликнула я, спугнув стайку голубей с наддверного козырька. – Как ты здесь оказался?

Седой сунул руки в карманы своих брюк, таких белоснежных, что аж резало глаза, как при взгляде на снег в солнечный морозный полдень, а после окинул меня высокомерным взглядом с непререкаемо начальственным видом. Когда только успел отработать этот навык, вроде в руководителях не так давно, а уже научился смотреть на окружающих как на насекомых, от которых толку никакого, а раздражают знатно.

– Хотя, – не дала я ему и рот раскрыть, – погоди. Кажется, я догадалась.

Вытащила из кармана телефон Крота и помахала им в воздухе.

– Не только прослушка, но и маячок? – я не стала скрывать разочарования.

Сашка вздернул бровь и сообщил:

– В телефоне ничего нет.

Я недоверчиво усмехнулась.

– Как хорошо ты дружишь с современными технологиями? – качнувшись с носка на пятку полюбопытствовал друг.

– Я с ними на «вы», – честно призналась я. – Ты же знаешь, у меня даже телефона нет.

– Потому что тебе просто некому звонить. И тебе никто не звонит, – равнодушно бросил Седой и это еще было бережным отношением по сравнению с его обычной манерой говорить гадости – прямо в лицо, не стесняясь и не страдая мучениями совести.

– Зришь в корень, – мой смех получился почти натуральным. Почти, потому что обманывать Сашку у меня всегда получалось плохо. – Впрочем, как и всегда.

– Специально для такого мамонта как ты, который по уровню развития застрял где-то между 20-ми и 30-ми годами прошлого столетия, сообщаю, – приблизился ко мне Сашка все с тем же небрежно-безразличным видом. – В городе на каждом столбе висит по камере.

Сложив руки на груди, я закатила глаза.

– И что?

– А то, что эти камеры объединены в единую сеть, которая не только транслирует круглосуточно транслирует картинку

в потоковом режиме, но еще и записывает видеофайлы, сохраняя на специальных серверах.

Я покивала с крайне заинтересованным видом, а потом нежным голосом заявила:

– Если ты хотел меня впечатлить, то тебе это удалось, – Сашка криво усмехнулся. – Ага, я впечатлена. Твоим занудством.

– Дура, – вздохнул мой друг и покачал головой так, словно перед ним стоял нерадивый отпрыск, которого он пытался уму разуму научить. Дитё упорно сопротивлялось и впитывать родительскую мудрость не желало. – Камеры с функцией распознавания лиц. И твоё лицо сегодня весь день по городу мелькало.

Это не стало для меня новостью.

– Я хоть и не Крот, но об элементарных вещах имею некоторое понятие.

– Знаю я твои понятия, – разозлился Сашка и резко шагнул вперед. – С тех пор, как Безликий погиб, так ты глаз от рюмки не поднимаешь. Ты хоть понимаешь, что за время своей алкогольной карьеры деградировала настолько, что уже нет сил смотреть!?

– Намекаешь, что я стала хуже соображать? – прищурилась я, тоже шагнув ему навстречу. Теперь мы с Сашкой стояли впритык друг к другу, злобно сверкая глазами и пыхтя как две больные астмой панды.

– Намекаю, – прошипел Седой, склонившись к моему ли-

цу, – что ты в два раза снизила свой потенциал. Ты, видимо, не осознаешь всю опасность ситуации – еще пару лет такой жизни, и ты вообще не сможешь управлять собой.

– Кстати об этом, – зашипела я в ответ. – Как там поживает твой младший братец?

– А как поживает Алтай? – Сашка растянул губы в хищной улыбке. – Поразительно, как это вы так столкнулись?

– Совершенно случайно! – заявила я, а после не выдержала, сделала шаг назад и глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться. Под требовательным взглядом бывшего напарника сделать это было крайне сложно, а потому:

– Мне надо идти. У меня дела.

– Какие у тебя могут быть дела? В кабак опаздываешь? Где-то бесплатно наливают? – он глянул на часы. – Ну да, уже четыре часа дня, а ты все еще трезвая.

– Да пошел ты, – я развернулась и зашагала по переулку, громко топая и со злостью пиная камушки, попадающиеся на дороге.

– Стой, – Сашка догнал меня в мгновение ока, и, схватив за руку, дернул на себя.

– Отпусти, – потребовала я, но вырваться не попыталась. По опыту знала, что процедура освобождения из его стальной хватки болезненная и бесполезная. Сам отпустит, когда держать надоест. А надоест ему обычно быстро. Об этом красноречиво свидетельствует череда Сашкиных любовниц, настолько длинная, что если начать составлять список, то на

третий день устанешь и плюнешь на это зряшное дело.

– Куда ты собралась? – он отпустил мою руку и достал ключи. – Я подвезу.

– В северо-западный район. Но с чего ты взял, что я хочу с тобой куда-то ехать? – воспротивилась я, поправляя рукав куртки.

– С того, что общественный транспорт ты избегаешь сколько я тебя помню, пешком идти часа три, а на такси у тебя нет денег.

Я беспечно дернула плечами.

– Ну, и что? Деньги – вещь наживная. Сегодня есть, завтра нет, – а потом догадалась. – погоди, ты что, проверял мои счета?

– Не я. Крот, – сообщил Сашка и прошел мимо меня.

– Но по твоему указанию! Эй, погоди, ты куда? – крикнула я удаляющейся спине и бросилась за другом, который уже успел скрыться за углом.

Выбежав из переулка, я едва успела затормозить, чтобы не стукнуться коленками о припаркованную тут же белую «Ауди», в которую как раз садился Сашка.

– А ты не отказываешь себе в удовольствиях, да? – и под его мрачным взглядом подошла к двери с противоположной стороны. – Я поеду с тобой. Но имей в виду, что ты останешься ждать в машине и будешь ждать, пока я освобожусь. Как милый преданный песик.

Пассаж про песика не оценили, и едва мое тело опусти-

лось на сидение, как Сашка тут же стартовал. Да так, что зубы мои болезненно клацнули.

– Плохой, – выдохнула я, хватаясь за ремень безопасности, – плохой песик.

Я назвала Сашке нужный мне адрес и некоторое время мы ехали молча. То ли нестабильное Сашкино настроение опять качнулось в сторону презрения и ненависти. То ли парень просто молча пытался смириться с перспективой мучительного ожидания в машине. То ли мысленно проклинал тот день, когда судьба свела его со мной.

– Знаешь, чтобы действительно проклясть человека недостаточно мысленно представлять его мучительную смерть, – не выдержала я и решила первой нарушить тишину, которая повисла в пахнущем дорогим мужским парфюмом салоне.

– Я в курсе, – не отводя глаз от дороги ответил Сашка.

– Да ты у нас вообще всезнайка, – не скрывая обиды, отвернулась я к окну. – Ничем не хочешь поделиться?

– Например? – мы свернули с проспекта и начали петлять по узким улочкам старого города, который под тяжелыми ливневыми облаками выглядели особенно мрачно и неприветливо. Свойственная этой части города готическая архитектура очаровывала и одновременно пугала, наводила на мысли о средневековых религиозных обрядах, магических таинствах и спрятанных в подвалах трупах со следами мучений. Острые шпили, высокие потолочные своды, вытянутые узкие окна, причудливый резной рельеф, двустворчатые де-

ревянные двери с массивными ручками и металлическими вставками – очень атмосферно, но для жизни мало приспособлено. Да и слухи об этом районе ходили самые впечатляющие.

– Например, своей родословной, – предложила я. – Кто там у тебя в роду был водным саганом? Мама? Папа?

– С чего такие мысли? – Сашка продолжал смотреть исключительно вперед и подчеркнуто старательно не смотрел на меня.

– Да так, узнала кое-какую информацию о том, как твой братец получил свою нынешнюю работу. Пристраиваешь на работу безнадежно бестолковых родственников?

– Ты ничего не знаешь, – с явной неохотой процедил Сашка.

– Я знаю, что вы близкие родственники, – прорвало меня. – Как долго ты собирался от меня это скрывать?

– Тебя не касается эта информация, – нелюбезно сообщили мне.

– А о своих способностях ты не желаешь мне поведать? – продолжала допытываться я, ощущая, как на мягких лапах подкрадывается отчаяние.

Сашка сбросил скорость, быстро припарковался возле узенького тротуарного прохода напротив каменного крыльца в три ступеньки и, вынув ключи зажигания, развернулся ко мне.

– Оба.

– Что? – не поняла я.

– И мама, и папа, – поиграв желваками с трудом выговорил Сашка. – Оба были элементарями. Папа обладал магией воды, мама – огня.

Мои глаза пораженно распахнулись, а брови подпрыгнули вверх и запутались где-то в волосах.

– Как это возможно? – наконец, смогла произнести я, старательно подбирая слова.

– Любовь, – вздохнул он. И в этом вздохе мне послышалась какая-то непередаваемая смесь эмоций – сожаление, боль, затаенная обида и что-то еще, что-то большее, чем я могла понять. – Встретились, влюбились и осознали, что жить друг без друга не могут.

– Но магия..., – заговорила я и запнулась под таким тяжелым взглядом друга, словно мне гранитную плиту на плечи взгромоздили.

– Да, их магия вступила в конфликт друг с другом, но они нашли способ разрешить эту проблему при помощи одной знакомой ведьмы, – Сашка вновь отвернулся. – Это обеспечило им долгую совместную жизнь.

– Но последствия все равно были? – догадалась я. Потому что главное правило магии – если где-то убыло, то где-то должно прибыть. И наоборот. Один из законов, который всегда работает.

– Да, – скупое ответил Сашка, а после с восхищающим хладнокровием пояснил: – И эти последствия целиком и пол-

ностью отразились на их детях. Их первенец родился правумом. А второй сын наоборот – получил впечатляющий потенциал, однако без возможности контролировать собственный внутренний источник.

– Первенец – это ты, – догадалась, стараясь говорить ровным бесстрастным голосом, потому что знала – любое проявление жалости с моей стороны будет для него оскорбительным. Хотя сочувствие в подобной ситуации вполне естественно. Пра́вум – ребенок, родившийся в магической семье, но от рождения лишенный способностей. Для многих родителей-магов рождение правума – практически приговор. Ведь это значит, что при отсутствии других, уже магически одаренных наследников, род рискует прерваться.

Конечно, бывают и исключения. Например, если династия очень древняя, то есть возможность воспользоваться магией предков. Как бы подключиться к семейному магическому источнику, если магия прародителей обладает редким свойством накапливаться. Можно сказать, это искусственное обретение силы. И потенциал у такого мага будет минимальный, но он хотя бы будет.

Правумы, по сути, являются магами, но из-за редкого генетического сбоя магия им недоступна. Как это работает и почему так случается – неизвестно. Существуют разные теории, одна из которых весьма радикальна, подразумевающая необходимость убийства лишнего дара ребенка. К счастью, в нашем обществе убивать не принято. Если у па-

ры магов рождается правум, то они просто стараются сделать еще деток, которые с пеленок будут устраивать магические шалости на радость маме с папой. А вот на долю лишнего магии ребенка радости выпадает мало. От них часто отказываются, отправляют в приемные семьи или ссылают к дальним родственникам. И приходится им расти словно сорняк в поле. Чужими в родной семье.

Я закусила губу и украдкой взглянула на Сашку. Он молча глядел куда-то поверх моего плеча и отвечать явно не собирался. Хотя тут и говорить-то ничего не требовалось. И так все было очевидно – родители подумали о себе и пошли на сделку с ведьмой, которая наверняка предупредила их о возможных побочных эффектах. Может быть, она поставила им какие-то условия, которые влюбленные должны были выполнить и не выполнили. Кто знает? И вот они – последствия. Высокие широкоплечие последствия, сидящие рядом со мной.

И тут я подумала о том, что ведьмы никогда ничего не делают просто так.

– А договор был на бумаге или устный? – спросила я.

Сашка едва заметно дернулся от звука моего голоса, а после медленно, словно с трудом, перевел на меня взгляд.

– Что?

– Договор, – повторила я. – Они должны были составить договор. Ведьмы любят повторять, что они не девочки на побегушках, а потому всегда берут за свои услуги плату и

оформляют сделку соответствующим образом.

– Я не знаю, – через пару мгновений проронил мой друг. – А у тебя с Дариной тоже официальный контракт?

– Не совсем так, – я сдержала смехок. – Я ей очень сильно помогла в одном деле. И теперь она передо мной в долгу. А я этим беззастенчиво пользуюсь.

– Что за дело? – потемнел лицом мой бывший напарник. – И почему я не в курсе?

– Потому что это было давно, и я провернула его без твоего участия, – размыто пояснила я. Мне не хотелось углубляться в подробности.

– И все же? – упорствовал друг. – Я хочу знать, что у тебя за дела с ведьмой.

– Ничего незаконного. Просто... решила одну её семейную проблему.

– Какую? – не отставал Сашка, вцепившись в меня словно охотничья борзая.

Я застонала.

– Господи, Саня, я просто помогла ей разобраться с мужем!

– Саня? – в некотором ошеломлении переспросил друг. – Нечасто ты меня так называешь. Точнее, никогда.

– Все когда-либо случается в первый раз, – отмахнулась я и посмотрела на часы.

– Так что там с её мужем? – напомнил Седой, проследив за моим взглядом. А после запоздало воскликнул: – У ведьм

бывают мужья?

– А чему ты удивляешься? – хмыкнула я. – Конечно, бывают. Они ведь женщины, а потому вполне естественно, что ведьмы выходят замуж, создают семьи. А иначе, как ты думаешь, они размножаются? Почкованием?

– Вообще никогда не думал об этом, – подергал себя за ухо Саня и...мне показалось, или это была попытка скрыть смущение? – Ведьмы никогда не казались мне заслуживающими внимания – сидят в своих избушках на краю леса, возятся с травками. Что в этом может быть интересного?

Я едва удержалась, чтобы не хлопнуть себя по лбу в глубочайшем разочаровании стандартно мужским мышлением друга.

– Во-первых, ведьма ведьме рознь. Некоторые из них способны обратить тебя в жабу. Да, да, – закивала я головой в ответ на преисполненный скептицизмом взгляд Сашки. – И оставить квакать на болоте до конца дней твоих. Сила ведьмы в её возрасте – чем старше они становятся, тем могущественнее становятся. А жить они могут очень долго, в том числе, благодаря особому образу жизни. Для них свойственно изолированное существование, они не собираются в группы, как оборотни. Но они негласно объединены своим лидером, Верховной Ведьмой, которая при необходимости созывает их в ковен. В ковене ведьмы объединяются, превращаются в единое целое и сливают свои силы в одну. Поговаривают, что Верховной более пятисот лет. И она была главной

фавориткой французского короля, фактически управляя не только страной, но и дирижируя всей европейской политической ареной того времени. И при этом, не покидая его постели.

– Странно, – с подозрением глянув на меня, задумчиво протянул Седой.

– Почему? – не согласилась я. – Ведьмы умеют сохранять молодость веками, а стать красивой не трудно, если ты достаточно умна. Чтобы проникнуть в королевские покои и задержаться там надолго ничего другого и не требуется. Только сообразительность, внешняя привлекательность и толика везения. И все это с легкостью способная организовать та, что главенствует над всеми ведьмами.

– Все, что ты описала больше свойственно суккубам, а не ведьмам, – пояснил свою мысль Сашка. – Ты уверена, что говоришь не про свою родственницу?

Я раздраженно поджала губы.

– Уверена. Хотя суккубы и ведьмы в чем-то схожи. И у тех, и у других рождаются только девочки. Также, представительницы обеих рас способны жить долго и не стареть. Вот только ведьмы предпочитают человеческих мужчин. Они либо используют их для размножения, либо сочетаются браком, а после всю жизнь скрывают свою истинную сущность. Но дочек ремеслу начинают обучать едва ли не с пеленок. Суккубы же предпочитают видеть рядом с собой сильных мужчин, способных их защитить.

– Король вполне подходит на роль защитника, – с прищуром поисковой собаки пограничника покосился на меня Седой.

– Король королю рознь. И тебе ли не знать, Сашка, что короля королем делает не корона.

– А что же?

Мы обменялись напряженными взглядами и в эту секунду мир словно замер, затаился. Не знаю, что Сашка прочел в моих глазах, но я в его увидела затаенное ожидание.

– Сила воли, – наконец, ответила я. – И стремление к победе.

И что-то хрустальное разбилось в воздухе. Веером разлетелись осколки, сверкая острыми гранями и оседая вниз, словно застывшие на морозном ветру слезы.

Отчего-то стало очень грустно. И тяжело дышать. И думать ни о чем не хотелось, но о чем-то надо было. А потому я произнесла:

– Мужа Дарины обвиняли в убийстве Беты местных волков-оборотней, – и улыбнулась в ответ на промелькнувшее на дне холодных глаз изумление. Всегда, глядя в его глаза, я думала о том, что это и есть те самые тихие омуты, в которых водятся черти. Порой мне даже казалось, что они поднимаются со дна, высовывают свои мордочки над водой и корчат мне рожи.

– И ты спасла его от суда вервольфов? – решил конкретизировать Сашка, стараясь особенно сильно не удивляться.

Его реакция была объяснима. Бета – это что-то вроде почетного звания. Так мохнатые именовали подругу вожака – главную самку в стае, которая в иерархии оборотней также занимала второе место после Альфы. И если за пост главного оборотня претенденты бились насмерть, то Бета выбиралась непосредственно вожаком и считалась неприкасаемой. Ей дозволено было все, даже убивать других членов стаи и за это не следовало никаких наказаний. А вот если кто-то покушался на жизнь Беты, главной собственности Альфы, то тут оборотни начинали мстить. И мстить страшно.

Где муж Дарины познакомился с Бетой одной из крупнейших стай оборотней в стране – неизвестно. Но известно, что ни он, ни она не отличались высокими морально-нравственными принципами. Мохнатые нашли их через двое суток после исчезновения Беты. В номере местной гостиницы, известной в определенных кругах как заведение, где можно было разжиться всем необходимым – от донора почки до наркотиков для не людей. Да-да, некоторые из оборотней и вампов были теми еще торчками. Вот только обычный человеческий наркотик им – как слону дробина. От него они разве что чихали пару раз да чесались как при легкой аллергии. Чтобы словить кайф по-настоящему им требовалось нечто особенное. И вот как раз это – особенное – фасовали в подвалах дома владелицы гостиницы. Правда, сама она вряд ли всем руководила. Скорее всего, просто пешка. А вот за её спиной стоял кто-то повнушительнее да пострашнее. Вот как

раз за этим «дичью», как именовали наркотик разбирающиеся в теме торчки и барыги, и явилась парочка. Да так увлеклась обществом друг друга, что пропала с радаров на сорок восемь часов, позабыв о необходимости сохранять в тайне свои похождения от законных супругов.

По словам одного из мохнатых, с которым мне довелось позднее побеседовать и который, как выяснилось, и донес жожаку о месте нахождения его ненаглядной, Альфа ворвался в номер, выбив дверь с ноги. Ну, оно и не удивительно, створка там была что тряпочка, болталась только для вида. И звукоизоляция, соответственно, никакая, а потому все жильцы гостиницы, чье время пребывания в ней пришлось как раз на те двое суток, имели честь наслаждаться надсадными охами и вздохами загулявшей Беты. Парочка продолжила заниматься своими интимными делами даже тогда, когда в номере уже стоял жожа. Последний от увиденного обалдел так, что остолбенел. Но эта стадия быстро прошла. Мозг вервольфа быстро справился с шоком, а после переключался из фазы удивления в фазу ярости. Специфика ликантропии, а именно это официальное наименование болезни, которой страдают все имеющие второй облик, такова, что под воздействием сильных эмоций оборотни теряют контроль. И несмотря на то, что все они предпочитают думать о себе не как о животных, а как о больных людях, страдающих не смертельной, но неизлечимой болезнью, в момент, когда разум уступает чувствам их животное «я» берет верх над

«я» человеческим. Вот и в тот приснопамятный день Альфа при виде голой и неменяемой супруги в вихре влажных простыней потерял контроль над собой и начал обращаться. Причем столь стремительно, что его охрана не успела среагировать. Хотя лезть под руку, а вернее под лапу в край разозленного вожака – дело глупое и бесперспективное. В стае, а в особенности в стае вервольфов, иерархия строже, чем в тоталитарном строе. Вожак имеет полный и непререкаемый контроль над своими волками – не только физический по праву самого сильного пёсика в загоне, но и ментальный.

В общем, после оборота Альфы от мебели в номере остались только щепки. А от блудницы Беты – туловище с вырванным сердцем. И хотя фактически убил девушку её собственный муж, на деле в гибели любительницы постельных упражнений обвинили мужа Дарины. Вот такие вот у оборотней законы – прав тот, кто сильнее и не лезет на чужих жён.

Ведьма сориентировалась быстро. Буквально в тот же день, когда у неё на пороге объявились натренированные ребята с оранжевым отблеском в глазах. От мужа она быстренько магически отреклась, не менее быстро оформила гражданский развод, часть его вещей раздала бездомным, а из другой части устроила барбекю. Изменника все это время оборотни держали в специальной подземной тюрьме где-то в глубине леса, но про поступок жены он узнал. Вернее, ему помогли узнать. Мужчину это известие сильно расстроило,

ведь он рассчитывал, что супруга сможет договориться с его помиловании. Услуги ведьм пользуются спросом, а стоят недешево. А потому ведьма, оказавшаяся в долгу за помилование мужа – перспектива, от которой мало, кто откажется.

Но Дарина поступила хитрее – в сомнительные соглашения ввязываться не стала, молить обратной отпустить мужа – тоже. Мохнатых это сильно огорчило, они-то уже настроились заполучить ручную ведьму. И даже попытались подтолкнуть её к выгодному для стаи решению. Альфа, который к тому времени по безвременной усопшей подруге грустить уже закончил и осознал все преимущества сложившейся ситуации, лично явился в её дом посреди ночи. Но Дарина стояла на своем. В бывшем муже родственника и в принципе дорогого ей человека упорно не признавала, чем разозлила главного мохнатого. Уходил он от неё разозленный и о чем-то крепко задумавшийся. Ведьму это не могло не насторожить, так как глупой она никогда не была – профессия не позволяла. А потому в ту же ночь она позвонила мне.

За пару часов мы вдвоем нашли несколько возможных вариантов решения сложившейся проблемы и наметили план действий. К тому моменту я как раз сумела выторговать у Хасана свою свободу, а потому находилась не только в свободном плавании, но и в раздумьях, как эту свободу использовать и в какое море свой плавучий состав отправить.

Оглядываясь назад, я могу смело утверждать, что фантазия у меня была убогая и больше, чем на беспорядочные

пьянки в барах и бестолковое бродяжничество воображения у меня не хватило. И как-либо эффективно использовать открывшиеся возможности я тоже не смогла. Но в тот момент мне просто хотелось убрать куда-нибудь подальше. А потому предложение Дарины по схеме «ты мне – я тебе» пришлось как нельзя кстати. Я отправилась к оборотням, а ведьма наоборот – переехала в другую сельскую глушь.

Основная трудность заключалась в том, чтобы найти мохнатых – они ведь с табличками не ходили и в человеческой форме от обычных людей на первый взгляд практически ничем не отличались. Пришлось потратить около недели только на наведение справок. Разузнать, где собираются нужные мне оборотни, оказалось не так трудно. Труднее было устроить наше с Альфой случайное знакомство.

Ввиду освободившегося места Беты, волчицы моему появлению на горизонте вожака не обрадовались. Они-то сами желали привлечь его внимание, а тут дополнительная соперница нарисовалась. И хотя традиционно Альфы выбирали подруг из себе подобных, то есть, из волчиц, фактически, закон и волчье общество не запрещали им брать в спутницы представительниц других биологических видов. Правда с одним условием – если потенциальная подруга сможет выжить.

Пришлось вынести несколько традиционно бабских драк и показать зубастым девушкам, что с моим существованием в этом мире им придется как-то смириться. Смириться они

не смирились, но когти спрятали и лишь продолжили рычать где-то за моей спиной. Посоветовав им рычать чуть пониже, примерно в область моего копчика, я вошла в самую сложную фазу выполнения поставленной задачи. Не то, чтобы я очень переживала за Дарину и всеми силами стремилась ей помочь, нет. Я знала, что со мной или без меня, ведьма справится. Но дело было интересным, необычным и достаточно сложным, а потому хорошо проветривающим мозги. А именно это мне и нужно было.

Трудность также заключалась в том, что Альфа являлась психоэмоционально сильным индивидуумом. И по своей природе привык доминировать, что было вполне естественно – будь он другим, он бы не выдержал битву за место вожака и не удержал бы стаю. Обратни, благодаря своей звериной ипостаси очень тонко чувствовали душевное и моральное состояние человека, и слабых тут же изживали или же отправляли в изножье биологической цепочки. А потому повлиять на вожака даже с моими врожденными талантами было непростой задачей.

Если не углубляться в детали, то реальность такова. В результате моего вмешательства в дела стаи между двумя кланами едва не началась война, но это мелочи. Главную задачу я выполнила – сначала обратни позабыли про ведьму и её незадачливого бывшего супруга. А через время и вовсе решили проблему кардинально, в своем стиле. Однажды ночью вывели на полянку с пятисотлетним дубом в центре и по-

тихому казнили. Все остались довольны. Дарина – тем, что избавилась от назойливого внимания мохнатых и отомстила предателю. Я – тем, что в тот же вечер покинула стаю под бодрое клцанье острых зубов где-то в области моей попы. И даже казненный изменник был рад прекращению своих мучений, так как за то время, что он провел в сырой и темной трехметровой яме мужик слегка обезумел.

– Спасатель из меня всегда был плохой, – ответила я на Сашкин вопрос. – Так что, нет, наоборот. Приблизила и ускорила месть мохнатых.

Насладившись видом широко распахнувшихся Сашкиных глаз, я вышла из машины. После теплого и уютного салона мне тут же стало холодно. Зябко передернув плечами, я уже сделала пару шагов от машины, как сзади окликнули.

– Юстасу привет, – Сашка наполовину высунулся из авто и пожелал: – Надеюсь, встреча пройдет успешно.

Я прикусила язык, выдохнула, а после задала закономерный вопрос:

– Откуда ты знаешь, что я из-за него?

Седой неожиданно злорадно улыбнулся.

– Он переехал сюда три года назад, сразу же после вашего расставания. И ты знаешь этот адрес, потому что за эти три года вы три раза созванивались. Ты набирала его номер каждый год двадцать третьего июля в шесть вечера.

– Как подробно, – пробормотала я, пряча руки в карманы. – У тебя такая сильная паранойя или тебе просто нечем

заняться?

– У меня нет паранойи, – сурово отрезал Сашка.

– Тогда найди себе хобби, – посоветовала я голосом, которым обычно проклинаяют. – Не знаю, попробуй лепить из глины или складывать оригами. Или бальными танцами займись. Тебе пойдет трико. Или начни жонглировать бензопилами.

– Тонко намекаешь, что хотела бы увидеть мою мучительную смерть? – лица я его не видела, так как уже отвернулась и торопливо направилась к одному из двухэтажных домов старой постройки.

– Нет, тонко намекаю, чтобы ты занялся делом, – крикнула я не оборачиваясь. Подойдя к двери, я ухватила за тяжелый дверной молоток в виде орлиной головы и трижды стукнула. Ответа не ждала – знала, что его не будет. А потому, предупредив хозяина о своем появлении смело толкнула створку и шагнула в полумрак, ощущая на своем затылке тяжелый взгляд Сашки. В какой момент между нами все пошло не так?

Глава 28

Дверь с тяжелым грохотом захлопнулась за моей спиной, словно отсекая от городского шума и от всего остального мира в целом. Я всмотрелась во тьму и различила очертания стен, мебели и дверных проемов. Из пустынного холла, в котором я находилась и который изнутри казался намного просторнее, чем можно было бы подумать, глядя на здание снаружи, вели два арочных прохода. Тот, что находился справа вел на кухню – об этом явственно свидетельствовали темные силуэты стульев и обеденного стола, выделяющиеся на фоне белой, не покрытой обоями, стены. Кухня выглядела так, как будто здесь не просто никто никогда не ел – сюда даже не заходили, чтобы протереть пыль.

Дверной проем слева давал возможность пройти в гостиную. Здесь помещение выглядело более обжитым и более приветливым, что ли. Диван в компании двух кресел и пуфика были развернуты в сторону большого встроенного в стену камина с грубой кирпичной кладкой. Огонь не горел, но приняв себя, я уловила витающий в воздухе легкий аромат горящих дров. Я бы сказала, что камин потух примерно пять-шесть часов назад. Помимо камина, единственным источником света было небольшое окно напротив, от которого падал квадрат света на пол.

Помимо гостиной и кухни в доме находилась лестница

да на второй этаж. Судя по расположению окон – этаж мансардный. Ступеньки были узкие, высокие и с крутым винтовым поворотом – идеальные условия для сворачивания шеи.

– Зато удобно не званых гостей отправлять восвояси, – пробормотала я себе под нос и зашагала вперед, предположив, что если на первом этаже меня не встретили, то возможно, встретят хотя бы на втором. При этом продолжала разговаривать с пустотой: – Не то, чтобы я ожидала царского приема с оркестром, раскатыванием красной дорожки и фейерверками, запущенными в небо в мою честь. Но хотелось бы получить хотя бы намек на то, что со мной здесь готовы побеседовать.

Кстати, о ковровых дорожках. Если пол в гостиной был устелен старым, местами истертым, но добротным ковром, то холл радовал покрытием в виде черно-белых прямоугольных плит, гулко отражающих каждый мой шаг. Вместе с давящей тишиной и полутьмой создавалось впечатление, будто я шагаю по склепу.

– Ну, ты же вошла в дверь, – лениво проговорили откуда сверху тоном, откровенно намекающим на очевидность ситуации.

Резко подняв голову, я попыталась отыскать говорящего, но увидела лишь потолок – высокий, местами пошедший трещинами и с облупившейся лепниной по периметру.

Голос точно не мог принадлежать Юстасу – слишком высокий и слишком тягучий. У него никогда не было привычки

манерно растягивать гласные. Можно было заподозрить, что голос женский, если бы не одно «но». Юстас никогда никого не водил в свою берлогу – он всегда спаривался на стороне, а после покидал пассию не попрощавшись, чтобы больше никогда с ней не встречаться. Наши отношения, по сути, являлись новым форматом существования не только для меня, но и для него. Привязаться к кому-то настолько сильно, обрести кого-то, кто стабильно пребывает в твоей жизни на правах эксклюзивности, впустить человека в ближний круг доверия – все это было непросто для нас обоих. И закончилось провалом. То ли потому что он – такой, то ли потому что я – не та.

Правда, с тех пор прошел не один год. Говорят, люди меняются.

Я начала подниматься по лестнице со словами:

– Неужели ты изменил своим привычкам? – а после добавила тихо: – Как когда-то изменил мне.

Преодолела последние три ступеньки и ступила на второй этаж, который выглядел примерно так, как моя голова изнутри – чердак с витающей в воздухе вековой пылью, заваленный разнообразным хламом. Количество ненужных вещей, которым давно уже было выделено специальное место на помойке, можно было перечислять бесконечно.

Вот в углу чудом сохранял вертикальное положение двуногий столик, который когда-то, наверное, считался винтажным. А теперь был просто старым и сломанным. Некогда ла-

кированная столешница зияла черными подпалинами, словно кто-то использовал её во время тренировок по скоростному тушению факелов. Рядом на прибитой к стенке полке красовался сервиз, в котором не хватало несколько предметов и чьему цветовому оформлению позавидовал бы даже Безумный кролик. Проморгавшись от видения синих ежеиков на ярко-алой травке, я увидела сундук. Большой коричневый сундук, который вызывал содрогание и рвотные позывы из-за своеобразной декоративной отделки в виде человеческих черепов. Очень натурально выглядящих черепов, окантовывающих крышку, и среди которых я различила несколько маленьких, похожих на младенческие. Можно было бы потрогать и проверить их подлинность наощупь, однако я решила, что в данном случае неведение – благо.

За сундуком стояла вешалка, которая очень гармонировала с ним, ведь основным материалом для её изготовления послужили человеческие кости. На одном из выступающих вперед «крючков», в качестве которых использовались фаланги пальцев, болталась мантия, выглядящая так, словно в ней ходил еще сам Мэрлин. А после завещал своим потомкам с наставлением никогда не снимать и даже спать в ней. Присмотревшись, я поняла, что мантия слегка покачивается, словно на сквозняке. Однако никакого сквозняка не было. Просто не могло быть – подпирающий невысокий потолок шкаф, похожий на гроб, препятствовал циркуляции воздуха в этой части помещения. Громоздкий шифоньер впечатлял

своими размерами, но еще больше впечатляло то дерево, из которого его выстругали – оно явно было не простым. Деревянный рисунок был словно живой, похожий на воду, постоянно меняющий контуры и очертания. Глядя на это действие словно завороченная, я шагнула вперед и натолкнулась на...

– Рояль? – переспросила я у Юстаса, вальяжно развалившегося в кресле и при моем появлении опустившего старую пожелтевшую газету.

– А что? – невинно взмахнул он длинными ресницами. – Иногда я играю. «Полет Валькирий», например.

Крышка музыкального инструмента, пережившего столкновение с моим бедром, с грохотом захлопнулась, подняв дополнительное облако пыли.

– Да, меня Вагнер тоже бодрит, – пробормотала я, замахав ладонью перед лицом. Не помогло, я начала чихать. На четвертый мой чих Юстас не выдержал, с видом оскорбленной добродетели поднялся с кресла, подошел ко мне и протянул платок.

Я не гордая, платок взяла, а потом с силой швырнула его в Юстаса.

– Развел бардак! – гаркнула я сквозь выступившие от усердного чихания слезы. И снова чихнула.

– Не знал, что суккубы страдают аллергией на пыль, – Юстас небрежно отбросил в сторону пойманный платок.

Я шумно втянула в себя воздух и зло посмотрела на бывшего.

– С чего ты взял, что у меня аллергия на пыль?

Густы брови Юстаса приняли максимально скептическую форму.

– А на что?

– На тебя, коллекционер фигов! – я стукнула кулаком по крышке старого рояля и снова громко чихнула.

– Ты меня заплевала, – сообщил Юстас и вытер лицо рукавом бежевой рубашки.

– Сам виноват, – злорадно зашипела я, а после еще и вытерла грязную от пыли руку о его брюки. И в ответ на опешивший взгляд с улыбкой сообщила: – Постираешь.

– Всегда знал, что от тебя одни неприятности, – покачал головой Юстас и направился обратно к креслу.

– А мне сесть не предложишь? – я оглянулась по сторонам в поисках хотя бы табуретки, но поняла, что если отправлюсь на её поиски, то могу заблудиться.

– Чувствуй себя как дома, – предложил бывший, на что я просто взяла и запрыгнула на рояль. – Но не настолько дома!

– Поздно, я уже настроилась, – не смутилась я и устроилась поудобнее. – Я смотрю, ты себе новое хобби завел. Что, охранный бизнес больше не приносит прежнего дохода?

Юстас был человеком, но не простым – бывший чемпион по смешанным боевым искусствам, который не нашел себе применения в обычной жизни. А потому отправился на её темную сторону. По сути, его работа была полностью противоположна тому, чем занимались мы. Если группу Хасана

нанимали для осуществления самых радикальных действий, то Юстас получал ту же немалую прибыль за противодействие таким, как мы. Его работа заключалась не в устранении проблемы, а в сохранении жизни клиента. Он был охранником, да. Но охранником экстра-класса. И у Юстаса не было ни одного провала – все, кто его нанимал остались живы. В очереди его клиентов значился наркобарон, несколько руководителей крупных мировых концернов, парочка президентов, нефтяной магнат и даже вождь африканского племени. Юстас не зря берет за свои услуги чеки с крупными суммами и своё дело знает. А его знают в определенных кругах – тех, где вертятся такие, как я и Сашка. И насколько мне было известно, некоторые наемники даже отказывались от заказа, узнав, что рядом с клиентом будет Юстас. Естественно, это вымышленное прозвище. Он у нас как Мадонна или Шер. Настоящие имя и фамилия его мне не известны. Оно и понятно, никто в здравом уме при такой работе не афишировать свои настоящие данные.

– Я потихоньку отхожу от дел, – Юстас вновь расслабленно развалился в кресле, но я прекрасно знала, что это расслабленность – показная. А за ней прячется настороженность, недоверие, быстрота реакции и «Глок» под брючным ремнем. Юстас у нас поклонник старой доброй классики.

– Угу, – одобрительно закивала я. – Настолько потихоньку, что даже у себя дома ходишь с пистолетом за поясом.

– Увидела? – спокойно спросил Юстас. В этом он часто

напоминал мне Сашку. И тот, и другой настолько умели держать свои эмоции под контролем и не показывать больше, чем следует, что порой мне хотелось подойти и каждого из них потрясти – а живые ли?

– Нет, ты все-таки профи, – и широко улыбнулась. – Унюхала. Встав, ты спровоцировал движение потока воздуха, который донес до меня запах оружейного масла. Судя по интенсивности запаха, ты чистил оружие день-два назад.

– Вчера, – поправил меня Юстас и на его лице, наконец, проявились истинные эмоции. Он отзеркалил мою улыбку, позволив искоркам смеха и заинтересованности достигнуть глаз. – Я скучал по тебе.

– Я тоже, – и что удивительно, в моих словах не было лжи. Я действительно скучала. Вот только не была уверена – скучала я по нему или по той себе, которой я становилась рядом с ним.

С Юстасом всегда было легко.

Он никогда не давил, не требовал, не указывал, не пытался контролировать и доминировать. Он знал, что, если я с ним, значит, на это есть какие-то причины. А заключаются они в нем или в чем-то другом – ему было не интересно. Он никогда не пытался копаться в моем прошлом, редко задавал вопросы и предпочитал думать о настоящем. Его философия – наша жизнь заключается в том, что мы имеем здесь и сейчас. О завтрашних делах будем думать завтра. О делах прошедшего дня – думать бессмысленно. Мне нравилось это

в нем, мне нравилось ни о чем не думать. В том числе и потому, что он никогда не создавал мне проблем. Более того, и о его проблемах я ничего не знала. Юстас никогда не жаловался, никогда не просил совета, никогда не приходил ко мне за помощью. Впрочем, и моими проблемами он не имел привычки интересоваться. И меня это устраивало, как устраивало и то, что он не считал меня больной и не пытался вылечить от трогательной привязанности к алкоголю.

Мы были как два спутника, случайно встретившихся на орбите и временно следующих в одном направлении. Я знала, что наши отношения – не навсегда. Знал это и он. И все же, застав его в койке с девицей я расстроилась. Вернее, сначала разозлилась и пошвыряла в голую блондинку огнем, а когда она выпрыгнула гольшом из окна, разбив нос, успокоилась. И так же спокойно ушла из его жизни. Мне было больно, но с этой болью я могла жить дальше. Определенную связь мы продолжали поддерживать, но это была скорее дань общему прошлому, воспоминания о котором ощущались как нечто теплое и безмятежное.

– Неужели даже не прокляла ни разу? – светло рассмеялся Юстас.

– Брось, – игриво отмахнулась я. – Если бы я и проклинала, то не тебя, а ту блондинистую выдру, что пригрелась на твоих подушках.

– В наших подушках, ты хотела сказать, – заметил он и приложил палец к подбородку: – Хм, так вот, почему у неё

выросли ослиные уши и хвост.

Я склонила голову набок.

– У тебя явные проблемы с зоологией. Я же сказала выдра, а не ослица.

– Знаешь, по уму она ближе ко второму, чем к первому, – Юстас потянулся к пачке сигарет. – Я, конечно, не имел близкого знакомства с выдрами, но что-то мне подсказывает, что с ослиами у неё больше общего.

– И я даже знаю, что тебе подсказывает, – хмыкнула я. – Твоя ширинка.

– Нет, моя нога, – указал Юстас на свою правую конечность, – на которую она наступила.

– Надо же, – изобразила я удивление, – а все так хорошо начиналось.

– И не говори, – поддержал меня парень, закуривая. – Но закончилось в момент твоего появления.

– Не смогла пережить сломанную переносицу? – я брезгливо поморщилась.

– Скорее я не смог пережить, – серьезно ответил Юстас.

– Да, личико это ей подпортило, – согласилась я. – Но уверена, через две недели все прекрасно зажило.

– Я про твой уход, – оборвал меня Юстас и прикурив, поднял на меня свои светло-карие, как у олененка глаза. Мне стало грустно.

– Воспоминание, безусловно, очень душещипательное, – поводила я плечами, отгоняя непрошенные мысли, – но я

сюда явилась не за тем, чтобы устраивать вечер памяти разбитых сердец.

Юстас затянулся и посмотрел на меня таким пронизательным взглядом, что у меня тут же зачесалось все – от лопаток до кончика носа.

– А зачем ты здесь, Серафима?

– Слышал про взрывы в городе? – ответила я вопросом на вопрос.

Юстас выпустил длинную струю дыма.

– О них мог не слышать только тот, кто последний год не выходил из дома, не смотрел телевизор, не читал газет и не использовал Интернет.

– Кто знает? – округлила я глаза. – Может быть ты решил стать Говардом Хьюзом нашего времени? Эта свалка из магического антиквариата буквально кричит о том, что головой ты все-таки малость повредился.

– Магического? – очень натурально отыграл изумление мой бывший.

– Брось! От этих штук фонит так, что я почувствовала, едва вошла.

– А с улицы не ощущается? – мгновенно заинтересовался Юстас, позабыв о своей прежде отыгрываемой роли.

– Нет, так что можешь не переживать, ведьминские амулеты работают, как часы. А теперь, – я подалась вперед, – когда мы выяснили, что ты занимаешься куплей-продажей краденных магических предметов, про многие свойства ко-

торых ты даже понятия не имеешь, а иначе не хранил бы их словно кучку грязных носков, можешь рассказать мне то, что знаешь о происходящем в столице.

– Какие свойства ты имеешь в виду? – теперь уже неподдельно напрягся Юстас и бросил тревожный взгляд в самый дальний и темный угол, куда не проникал уличный свет из мансардного окна. Света с каждой минутой становилось все меньше. На город опускались сумерки.

Я поцокала языком.

– Сначала ты делишься информацией, потом – я.

– О какой информации ты говоришь? Про взрывы? Я не знаю про них ничего такого, чего не знали бы все остальные. Если ты пришла ко мне с такими вопросами, значит, снова вернулась к прежним делам. А говорили, что ты вышла из игры, – в его голосе слышался укор.

– Вышла, да сквозняком прошлого обратно затянуло, – пробормотала я, отворачиваясь.

– И я даже знаю, что это за «сквозняк», – чуть-ли не сплюнул Юстас презрительно. – Светлые волосы, голубые глаза, наглая рожа, которая так и просит рихтовки.

– Забавные вы ребята, – улыбнулась я, хотя весело мне не было. – Он думает о тебе примерно так же.

– Так, это он тебя сюда послал? – начал злиться Юстас, чуть побледнев. Хотя могло и показаться.

– Нет, я сама пришла. Он ничего об этом не знает, – покривила душой, конечно, но их взаимная неприязнь достала

меня еще в бытность нашего с Юстасом короткого, но яркого любовного романа. – Я пришла, потому что знаю – у тебя есть информатор, услугами которого ты пользуешься не один год. Это благодаря ему у тебя так хорошо шли дела – ты всегда был предупрежден и имел сведения, которых не было у других.

Юстас поджал губы и посверлил меня нехорошим взглядом.

Я отреагировала на это сарказмом:

– Мы оба знаем, что кобр у тебя в роду не было, так что ты можешь сколько угодно пытаться загипнотизировать меня взглядом – и вряд ли это что-то даст. А вот своим «Глоком» проделать в моем лбу отверстие ты можешь за полсекунды. Да и напрягаться так сильно не придется, как сейчас. А то ты то бледнеешь, то краснеешь.

А после с тяжелым вздохом добавила:

– Он мне нужен, Юстас. Мне нужна помощь, потому что на этот раз я не вывезу. Что-то затевается. Что-то крупное, но я не могу понять, что именно. У меня полно обрывочной информации, которую я не могу собрать воедино. Но самое главное... Хасан жив, Юстас.

Глава 29

ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД

После того, как Хасан покинул мою комнату, я долго лежала, глядя в потолок, и думала. Вспоминала. Мыслей было много. Грустных и тяжелых, с трудом выносимых, настолько, что хотелось спрятаться от самой себя. В итоге, я не заметила, как заснула. Не раздеваясь, в наушниках и с плюшевым зайцем в обнимку.

Разбудил меня громогласный стук в дверь. Причем стучавший явно себя не ограничивал – силы приложил столько, что аж захрустели петли.

Я в испуге подхватила да так, что шандарахнулась лодыжкой об угол прикроватной тумбочки. Схватила за ногу и застонала, не сразу поняв, что происходит. А за дверью, тем временем, надрылся мужской голос, о чем-то громко вещая. Прислушавшись, я поняла, что вещают мне, а точнее поторапливают, чтобы быстрее собиралась, так как выезжать через полчаса. И вообще, Сашка ждет меня, поганку малолетнюю, уже двадцать минут как.

Кто такой Сашка и почему он меня ждет я понятия не имела, но пытаясь прогнать остатки сна, я протянула руку и развернула к себе будильник.

– Черт! – это уже заорала я, так как стрелки показывали двадцать пять минут девятого. А Хасан приказал быть в бо-

своей готовности ровно в девять.

Ругаясь сквозь зубы, я слетела с постели и заскакала по комнате. На сборы ушло рекордное количество времени и ровно через двадцать минут я ошпаренной кошкой вылетела из своей комнаты и направилась в столовую. В доме, где мы жили, это было самое большое по площади помещение, а потому там всегда проводили собрания.

Все уже были там и когда я вошла, головы присутствующих синхронно обернулись в мою сторону. Я смущенно откашлялась и поздоровалась, а после поспешно проследовала на свое место – маленький стул-кресло по правую сторону от гордо восседающего за столом Хасана.

Он, кстати, никак не отреагировал на моё опоздание, а лишь загадочно усмехнулся и, также, как и все, проводил взглядом. Как только я села, прерванный с моим появлением разговор возобновился вновь.

То, что обсуждали присутствующие было для меня непонятным потоком слов – они упоминали какие-то названия, имена, цифры. А потому очень быстро я перестала слушать и стала рассматривать находящихся в комнате людей. Среди них было лишь две женщины, остальные восемь человек, не считая Хасана, принадлежали к мужскому полу. Сам Хасан казался самым старшим. Женщинам на вид подкатывало к тридцати, возраст мужчин колебался от двадцати до сорока лет.

Если честно, я понятия не имела сколько лет Хасану. Его

кожа от природы была очень смуглой, что наводило на мысли о том, что где-то в ветвях его генеалогического древа затерялся темнокожий предок. Редкий для наших просторов цвет кожи немного скрадывал глубокие мимические морщины, и они казались не столь заметными. Волосы шефа цвета воронового крыла отличались жесткостью и даже на вид были похожи на проволоку. Но он их не стриг, а завязывал в хвостик на затылке. И если присмотреться, можно было заметить несколько серебряных нитей, затерявшихся в его шевелюре. Бриться Хасан не любил, а может быть, предпочитал стиль удалого пирата, избородившего на своем судне все морские просторы. Потому что именно с пиратом у меня ассоциировался его облик, который существенно дополняла густая и местами уже седая борода. Но не такая, какую можно увидеть у церковных служителей и деревенских жителей – клокастая и торчащая в разные стороны, а ухоженная и старательно подстриженная. В целом, я бы сказала, что Хасану около пятидесяти. Возможно, меньше и его просто жизнь потрепала, а возможно и больше, и мужик просто хорошо сохранился.

Остальные присутствующие мужчины не могли похвастаться столь своеобразной внешностью и выглядели вполне обыденно. Сидящий справа от меня парень напоминал интеллигента в десятом поколении – тонкокостное телосложение, квадратные очки в тяжелой оправе, высокий лоб мыслителя, тонкие слегка поджатые губы и чистый умный взгляд.

Встретишь его на улице и подумаешь, что это аспирант какой-нибудь кафедры ядерной физики, уж больно унылый и слегка припыленный у него был вид. Возможно, это парень, как и я, находился в этом доме не по своей воле.

Рядом с интеллигентом фривольно развалившись на стуле и широко расставив ноги сидел мужчина постарше. И от первого отличался, как день от ночи. Футболка-поло, темно-синие джинсы, дорогой брегет на запястье левой руки. Модная стрижка на темных волосах, выглядящих чуть небрежно, словно их растрепал ветер. И в отличии от Хасана, кожа этого парня была смуглой не от природы, а по причине приобретенного загара, причем очень ровного и красивого. Получить такой оттенок кожи можно искусственно, но что-то мне подсказывало, что последние несколько недель парень аккуратным бревнышком провалялся на пляже. Интересно, почему в то время, как меня гоняли по спортивному залу в буквальном смысле до потери сознания, этот любитель загара наслаждался морскими пейзажами?

Заметив, что я его рассматриваю незнакомец широко улыбнулся и озорно подмигнул. Я смутилась и ощущая, как по щекам разливается румянец, перевела взгляд на сидящего напротив человека. И тут же меня словно окатили ледяной водой.

Он смотрел прямо на меня не таясь, высокомерно и с демонстративной неприязнью. Так, словно я совершила нечто очень плохое персонально ему. Растерявшись и не зная, как

реагировать на этот колючий взгляд, я нервно заерзала в кресле, испытав острое желание быстренько сбежать подальше. Но так как сделать это было невозможно, я решила сосредоточить свое внимание на чем-нибудь другом. Авось, злобному парню надоест сверлить меня своими холодными голубыми глазами.

Некоторых из присутствующих в комнате я уже встречала ранее, ведь все мы жили и тренировались в одном двухэтажном доме. Здание находилось практически в центре Восточной Столицы и этажей на самом деле было четыре – еще два уходили под землю. Но никто из посторонних не знал, что происходило внутри на самом деле. Внешне здание выглядело как простой жилой дом. И на поверку, таковым он и являлся, если не брать в расчет оружейный склад, несколько тренировочных залов и тайный коридор, с помощью которого можно эвакуироваться в экстренной ситуации – войти в помещение, напоминающее винный погреб, а выйти из подсобки продуктового магазина тремя улицами восточнее.

Подняв взгляд от своих сложенных на коленях руках, я вновь наткнулась на неприкрытую ненависть и крепко задумалась, чем же я вызвала такой негатив? Парень был мне незнаком, и я могла поклясться в том, что мы никогда ранее не встречались.

Он был высоким. Очень высоким, особенно по сравнению с такой коротконожкой, как я. Лет ему было около двадцати пяти. Светлые волосы, зачесанные назад. Гладко выбри-

тое лицо с высокими скулами, прямым носом и глубоко посаженными глазами такого цвета, который приобретает ледовая корка, застывшая над поверхностью горного озера.

Мужчину отличала некоторая хищность, присутствовавшая в облике, ярко выделявшая его на фоне присутствующих. И если Хасан казался разбойником с большой дороги, приодевшимся по современной моде, то этот парень воспринимался надменным аристократом, глядящим на всех свысока.

Создавалось впечатление, будто он случайно забрел в компанию людей сомнительной репутации. А потому источая презрение и игнорируя красноречивые взгляды, которые бросали на него те две дамы, что разбавляли собой преимущественно мужской коллектив, всем своим видом показывал скуку и желание превратить меня в горстку пепла.

Да, он был привлекательным. Не глянцевым красавцем, а обладателем той редкой породистой мужественности, перед которой так слабы девушки. Нотки властности угадывались в каждом его движении, каждом повороте головы, каждом слове.

Все это я смогла оценить, когда он заговорил. И мне пришлось перестать бессмысленно пялиться в пространство, и вновь обратить свой взор на молодого человека. Голос у него был также хорош, как и внешность – глубокий, с легкой хрипотцой. О чем он говорил – я понятия не имела. Вместо того, чтобы постигать суть его слов я, словно зачарованная, сле-

дила за тем, как двигались его губы.

– Серафима, – вторгся в мои мысли голос Хасана. Я вздрогнула и словно очнулась от наваждения.

– А? – невнятно отреагировала я.

Хасан с досадой поморщился, словно увидел перед собой нечто мелкое, но доставляющее неудобства, вроде комара или назойливой мухи. А после улыбнулся и ласково переспросил:

– Ты все поняла?

Не понимая, чего от меня хотят, я честно покачала головой в отрицательном жесте. Наверное, надо было все-таки слушать.

Хасан глубоко вздохнул, поиграл челюстными мышцами, от чего его и так не особенно приветливое лицо приобрело какие-то звериные очертания.

– Видимо, наше юное дарование все прослушало, – подал голос тот самый парень напротив. – О чем задумалась, девочка?

Я закусила нижнюю губу и постаралась сохранить невозмутимость, хотя меня задела его слова и тот уничижительный тон, с которым они были сказаны. Боль и обида разлились в груди, хотя разумом я понимала, что глупо обижаться на слова человека, которого я вижу впервые в жизни.

– Что, даже нечего сказать? – продолжил в издевательской манере мужчина, явно наслаждаясь происходящим.

И только я открыла рот, чтоб достойно ответить, как Ха-

сан резко произнес:

– Хватит, – а после добавил, обращаясь к парню: – Займись ею. И в машине еще раз все проговори. Раз кое-кому требуется персональное разъяснение.

А это уже было сказано мне.

– Ты все поняла? Делаешь всё, что он, – Хасан ткнул пальцем в сторону красавчика, – скажет. Создавать проблемы не советую. Иначе я разрешу ему заняться твоим перевоспитанием. И тебе это, поверь, не понравится.

От таких слов у меня по коже побежали мурашки. Захотелось передернуть плечами, а еще заплакать. Но так как в этот момент я была объектом внимания не только разозлившегося Хасана и насмешливого красавчика, но и других присутствующих, то изо всех сил старалась удержать самообладание.

– Всё, по машинам, – распорядился Хасан и хлопнул ладонью по столешнице. Это сработало словно сигнал стартового пистолета. Все тут же поднялись и направились к выходу. Я слегка отстала, не желая толкаться в дверях, и не заметила, как рядом оказался тот самый красавчик.

Сложив руки за спиной со скучающим видом, он встал на шаг позади меня, но так близко, что расстояния между нами практически не осталось. Самым наглым образом вторгаясь в мое личное пространство, он старательно следил за тем, чтобы ни в коем случае не прикоснуться ко мне даже краем одежды. Всем этим он словно желал продемонстрировать не

только свое превосходство, но и то, что может делать все, что захочет и я никак не смогу этому противостоять. Кто он, и кто я?

Ощущая свою уязвимость, я обняла себя руками за плечи и, опустив голову, поторопилась догнать остальных. Почему-то присутствовало острое нежелание оставаться с этим человеком наедине, сопровождавшееся отзвуками подступающей паники. И хотя он позволил мне удалиться, не став преследовать, легче не стало. Сохранилось ощущение, как будто он по-прежнему находился рядом, за моей спиной, только теперь я его не видела.

Пока шла к гаражу, я то и дело оборачивалась и дергалась от каждого громкого звука. А ведь согласно указанию шефа, нам еще предстояло ехать в одной машине. И мне еще что-то там должны были объяснить.

От острого предчувствия чего-то нехорошего я вновь ощутила подкатывающий к горлу ком. Замедлила шаг, размышляя как мне следует себя вести с этим человеком, но так ничего и не придумала. Идти на открытое противостояние не хотелось, а терпеть насмешки не позволяла гордость.

Уже вскоре я миновала последний поворот коридора, спустилась по железной лестнице и вышла в гараж. Там стояли четыре черных джипа с тонированными стеклами и уже заведенными моторами. Все остальные к этому моменту уже по своим местам и только самый крайний автомобиль стоял с распахнутой дверью у переднего пассажирского сидения.

– Может быть, ты поторопишься? – холодно и надменно произнес сидящий в той же машине на месте водителя красавчик. – Ждем только тебя, принцесса.

Я зашагала быстрее, понимая, что так надо, что придется перетерпеть. Однако все мои инстинкты буквально требовали убраться от этого человека подальше.

Но вот я достигла машины, рывком запрыгнула на сидение и захлопнула дверь.

– Пристегнись, – окатив меня презрением, приказал парень.

Я не шелохнулась. Дело в том, что у меня присутствовала некая странная форма клаустрофобии. Мне необходимо было постоянно находиться в таком положении, которое не сковывало свободу передвижения. Например, я никогда не садилась в общественном транспорте у окна – всегда только со стороны прохода, чтобы иметь возможность в любой момент встать и беспрепятственно выйти. В кафе я также всегда выбирала самый ближайший к выходу столик, а при покупке билетов в кинотеатр предпочитала крайние места. Чувство свободы – оно необходимо мне было как воздух, а потому я физически не переносила любые ограничения. И ремень безопасности, хоть он и был рассчитан на защиту пассажира, воспринимался мною как поводок.

– Я сказал, пристегнись, – по слогам повторил парень, угрожающе понизив голос и глядя строго перед собой.

Я вздохнула, пронаблюдала за тем, как его пальцы сжима-

ются вокруг руля до побеления костяшек, поняла, что не хочу наблюдать, как эти же пальцы аналогичным образом впишутся в мой какой-нибудь жизненно важный орган и решила попытаться договориться. Если не о мире, то хотя бы о перемирии.

– Слушай, – заговорила я как можно дружелюбнее. – Понятия не имею, за что ты меня так возненавидел буквально с первого взгляда, ведь я даже не знаю твоего имени, но... Давай договоримся – ты не трогаешь меня, я не трогаю тебя. Каждый живет своей жизнью и не лезет в чужую. Ок? Не хочу затевать ссору, но я ведь и не собачка, чтобы команды выполнять.

Едва я успела договорить, как рука парня молниеносным движением вцепилась в мою футболку и с силой дернула вперед. Мозг даже не успел подумать о сопротивлении, как моя голова с ужасающим треском врезалась в приборную панель. От боли брызнули слезы, отчего окружающие меня предметы обрели размытые очертания. Я схватилась за лоб, судорожно пытаюсь сообразить, за что досталось моей черепушке и будет ли продолжение. Не то, чтобы подобное развитие событий стало для меня неожиданностью. Я предполагала, что непринятие злобным красавчиком моей скромной персоны может трансформироваться в агрессию. Таковым бывает воздействие на обычных людей моей не человеческой натуры.

Опираясь на ту обрывочную информацию, которую мне

удалось собрать о собственном виде, я знала, что под влиянием сильных эмоций суккубы, порой даже неосознанно, начинают секретировать особый тип биологических веществ. Эти вещества по природе своей похожи на некие химические маркеры и попадая в окружающую среду способны влиять на поведенческие реакции людей и животных. Какой именно будет эта реакция – неизвестно, итог всегда строго индивидуален. По большей части все зависит от силы воли человека – морально слабые люди становятся податливыми и сговорчивыми, а вот сильные на подсознательном уровне начинают ощущать угрозу. А дальше по обстоятельствам – одни пытаются просто избежать моего скромного общества, другие – подчиняются, третьи – стремятся продемонстрировать собственную власть. В четвертую группу я отнесла тех, кто пытался меня убить. И все же, я не ожидала, что мое реакция парня проявится именно в такой форме.

Но вот ко мне прикоснулись его руки – одна ладонь легла на затылок, мягко, но твердо поддерживая голову, а другая вцепилась в плечо. Сквозь серые точки, дрожащие перед глазами, проступило мужское лицо. Приблизившись ко мне так близко, что я ощутила его дыхание на своих губах, он прошептал мне на ухо:

– Послушай, девочка, до тех пор, пока ты с нами, твое тело, твой разум, твоя сила и даже твоя душа принадлежат нам. Пока ты – никто, смазливая мордашка, обладающая весьма интересными...особенностями, но не отягощенная ин-

теллектом. Проще говоря, ты дура. Потому что, если бы ты была умной, то поняла бы, насколько опасно мне перечить. Твоя задача – выполнять мои приказы. Любые. Даже если я прикажу тебе прыгнуть под поезд – ты прыгнешь. А не прыгнешь – пожалеешь, потому что есть миллион вещей, которые куда страшнее смерти. И сейчас я приказываю тебе закрыть свой рот и пристегнуть этот чертов ремень безопасности. Ты поняла?

Я все поняла, но сообщить о своем понимании сил уже не хватило, потому как точки перед глазами запрыгали активнее и меня начало мутить.

Скользящее почти ласковое движение вдоль шеи и ниже к груди, отчетливый скрип зубов, а после меня отпустили. Я рухнула на мягкое сидение, и парень сам пристегнул ремень. А после сунул мне в рот что-то, похожее на таблетку и приказал:

– Глотай.

Я проглотила, хотя таблетка была большой и горькой, быстро начав растворяться во рту.

– Через пару минут полегчает. А до тех пор постарайся не испачкать мне салон, – и после минутной заминки, когда тошнота отпустила, а точки начали рассеиваться, добавил: – И кстати... Меня зовут Саша.

Глава 30

Ехали мы недолго, примерно около получаса, но эти тридцать минут показались мне целой вечностью. Потому что провели мы их в гнетущей тишине. Я попыталась проявить скромную инициативу и включить радио, чтобы хоть как-то разрядить давящую на мозг обстановку. Но Саша так глянул в мою сторону, что я тут же выключила передатчик, спрятала руки в карманы и постаралась дышать по тише.

Рано или поздно всё заканчивается – закончилась и наша поездка. Машина заехала на стоянку около четырехэтажного торгового центра и мягко затормозила.

– Значит так, слушай меня внимательно, – начал Саша, едва затих мотор. – Зайдешь сейчас в это здание через боковой вход, повернешь налево и дойдешь до конца торговой галереи. Справа увидишь магазин одежды. Зайдешь туда, обратишься к женщине за кассой, назовешь своё имя и скажешь, что ты пришла забрать заказ. Тебе выдадут пакет. В нем будет одежда. Платить ни за что не надо, все уже оплачено. В том же магазине зайдешь в примерочную кабинку и переоденешься. Свою одежду выкинешь в ближайшую мусорку.

– Что? – начала возмущаться я.

– Затихни, – приказали мне. – Твой наряд, – парень указал на мои старенькие джинсы и простую белую футболку, – оскорбление для моего чувства прекрасного.

Я хотела было сообщить, что его чувство прекрасного – не моя забота, но занывший вдруг лоб напомнил мне, что спорить с некоторыми заносчивыми красавчиками – себя не уважать. То есть, не уважать целостность своего организма.

Не подозревая о моих воинственных устремлениях, па-рень продолжил раздавать ценные указания:

– Далее выйдешь из магазина и поднимешься на второй этаж. Там сразу увидишь вывеску салона красоты «Орион». Зайдешь туда, девушке за стойкой администратора опять же представишься и скажешь, что ты от меня. Тебя проводят внутрь и сделают все необходимые процедуры – укладку, макияж и так далее. Как будешь готова, спустишься обратно вниз и зайдешь в кафе рядом с выходом, называется «Индиго». Я буду ждать тебя там.

Я даже не пыталась спрашивать, зачем все это нужно. И если от меня требовался презентабельный вид, то почему мы не сделали все дома, на базе. К тому времени, я уже сообразила, что с коммуникацией у нас не очень, а потому просто молча покинула машину и не особо радостно направилась куда послали.

Магазин я нашла быстро. Еще быстрее мне без лишних разговоров сунули в руки большой коричневый бумажный пакет, в котором обнаружилось обалденное нижнее белье, платье длиной в пол глубокого сливового цвета и в тон к нему элегантные туфли на таком тонком и высоком каблуке, что его можно было использовать как холодное оружие.

Быстро переодевшись, я сгрэбла в охапку свою старую одежду и под удивленным взглядом продавщицы покинула магазин. Мусорное ведро мне не повстречалось, а бросать вещи просто посреди торгового центра было грубо и невоспитанно. А потому пришлось явиться в явно очень дорогой салон красоты, где всё, включая волосы девушки-администратора были ослепляюще белого цвета, в образе заблудившегося ёжика, у которого всё имущество – в узелке на палочке.

Решив, что так не пойдет, я приняла предельно пафосный вид и на высоченных шпильках гордо доковыляла до стойки. Со вздохом облегчения свалила перед лицом сотрудницы салона свою старую одежду, а после, откинув упавшую на глаза прядь волос, спросила:

– Здравствуйте, у вас есть мусорное ведро?

На меня взглянули так, словно я осквернила священное место – с презрением и бесконечным осуждением. А после лениво ответили:

– Здесь не свалка для отходов.

– Ага, я заметила, – повертев головой по сторонам сообщила я, а после радостно заявила: – Но у меня не отходы. Вот!

Вывхватив из кучи тряпья свою местами сильно поношенную футболку, я сунула её вредной девице под нос. Она тут же шарахнулась назад, отпрянув от меня как от огня, задев локтем выставленные в ряд пластмассовые банки на полке

позади себя. И, под бодрый грохот всего этого косметического добра об пол, взвизгнула:

– Что вы себе позволяете?!

– Всё, – счастливо кивнула я. – Я себе всё позволяю. Потому что мой психиатр советует мне ни в чем себя не ограничивать. Говорит, это плохо сказывается на моей психологической стабильности. Понимаете?

На последнем слове я снизила голос до доверительного шепота и, облокотившись локтями о стойку, подалась вперед. Девушка попыталась сделать еще один шаг назад, но так как отступать уже было некуда, лишь плотнее уперлась своей кормой в стенку. Как-то нервно моргнула пару раз, а после выхватила из-под стойки черное офисное ведро и с опаской протянула мне.

– Ой, спасибочки, – громко обрадовалась я, сунула туда свои вещи и, уже наполненной, вернула урну девушке. Та брезгливо приняла её двумя пальцами, так, словно боялась чем-то заразиться, и сунула обратно на место. – Кстати, я от Александра.

Администраторша медленно подняла голову и также медленно прошла по мне взглядом от макушки до пят, благо стойка была сделана из прозрачного пластика и не закрывала обзор. И чем ниже опускались её глаза, тем больше по размеру они становились, по итогу превратившись в два небольших блюдца. Голубой каемочки только не хватало.

– Вы? – обалдело переспросила дамочка.

– Ага, – все с той же по-идиотски радостной улыбочкой подтвердила я. – А вас что-то не устраивает?

– Нет-нет, – тут же быстро заговорила администраторша, а после с резвостью молодой газели выскочила из-за стойки и поспешила ко мне. – Пройдемте, вас уже ожидают.

Меня бережно подхватили под локоток и повели вглубь салона. На мастеров я произвела впечатление не меньшее, чем на девушку с ресепшена. Но они быстро скрыли своё недоумение за фальшивыми улыбками и принялись за работу.

Через полтора часа я, чувствуя себя основательно отутюженной и отглаженной куклой Барби, осторожно спустилась по лестнице и направилась в кафе «Индиго», куда мне приказали явиться. Шла я долго, потому что с трудом переставляла ноги, обутые в туфли на непривычно высоком каблуке. При этом смотрела в одну точку строго перед собой, так как народ на меня реагировал весьма странно, а некоторые даже оборачивались в след. Когда, наконец, я вошла в зал, где витал умопомрачительный запах свежесваренного кофе, то тут же увидела широкую Сашкину спину и, бодро засеменяя ногами, направилась к нему, по пути краем глаза заметив, как бармен при моем появлении уронил бокал. Под звук разбивающегося стекла я приблизилась к столику и с громким вздохом облегчения рухнула на диванчик.

Сашка отставил чашку, промокнул губы салфеткой и только после этого удосужился одарить меня своим внима-

нием.

– Ничего, – спустя пару минут, в течении которых он со странно выражением лица пялился куда-то в область чуть повыше моего пупка, оценил парень.

– Бармен посуду разбил, – мрачно сообщила я и потянулась к чашке своего надзирателя. – Еще один поскользнулся, другой стукнулся головой о стеклянную дверь, третий получил пощечину от жены, четвертый уронил саквояж прямо себе на ногу. Потом еще долго скакал в позе раненого страуса, пытаясь не заорать от боли. Судя по всему, в саквояже были кирпичи. Ты не против?

И не дожидаясь разрешения, я обхватила его чашку обеими ладонями и сделала глоток.

– Замерзла? – вдруг поинтересовался парень.

Я подняла на него удивленный взгляд.

– Ты греешь руки, передергиваешь плечами и у тебя пупырышки на коже, – с неожиданно теплой улыбкой дали мне разъяснение.

Я растерялась.

– Да... немножко. Это из-за платья. Оно совсем тонкое.

– Потерпи, – вернулся к образу сурового техасского шерифа мой спутник. – Тебе сегодня надо выглядеть именно так, но как только все закончится, сможешь снять платье и надеть то, что захочется. Что тебе больше нравится носить?

– Пижаму, – не раздумывая ответила я. Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Обстановку неожиданного единодушия нарушил официант. Старательно отворачиваясь от меня и подчеркнуто обращаясь только к Сашке, парень спросил:

– Будете еще что-то заказывать?

– Да, еще две чашки кофе, мне и вот этой очаровательно наглой особе, – заказал Сашка, а после обратился ко мне: – Будешь что-то есть?

Я задумалась.

– Лучше всего перекусить сейчас, потому что потом такой возможности не будет, – подтолкнул он меня к очевидному решению, проявляя несвойственную заботу и удивляя уже второй раз за десять минут.

Я кивнула и попросила:

– Вишневый пирог и мороженное с фруктами.

Официант кивнул, не отрывая глаз от своего блокнота и, едва дописав, поспешно удалился.

– Он меня испугался? – изумилась я.

– В какой-то степени, да, – спокойно ответил Сашка. – Испугался, что потеряет сознание от такой красоты.

Я недоверчиво фыркнула, а после решила уточнить:

– Ты действительно считаешь меня красивой?

И почему-то в этот момент что-то сжалось в груди тугим узлом. Я вдруг отчетливо осознала, что хочу узнать ответ и при этом боюсь услышать правду.

Сашка тоже как-то странно замялся и над столом повисло смущенное молчание. Скорее всего, он попытался бы уйти

от моего вопроса, если бы не возвращение официанта.

Парнишка широким шагом приблизился к нашему столу и по-прежнему не глядя на меня быстро поставил перед Сашкой затребованную им чашку кофе, а передо мной тарелку с пирогом, пиалу с мороженным и тоже кофе. После официант низко поклонился, заложив одну руку за спину так, словно мы не рядовые посетители маленького кафе в торговом центре, а как минимум герцогское семейство в собственном родовом поместье. Выпрямившись и ни слова не произнося, парень попятился назад, словно не решаясь повернуться к нам спиной. Так, попой вперед, он и покинул нас, скрывшись за дверью для обслуживающего персонала.

– Что это было? – негромко выдохнула я, позабыв о десерте. И не только потому, что меня ошеломило поведение официанта. А из-за нахлынувшего ощущения дежавю... Словно нечто подобное уже когда-то происходило... Когда-то очень-очень давно...

– Парнишка слегка обезумел от того, какая привлекательная девушка пожаловала в их шаурмечную, – насмешливо, но при этом как-то угрюмо проронил Сашка, пододвигая к себе чашку.

– Это не шаурмечная, – насупившись, вступилась я за это пусть скромное, но достаточно приятное заведение.

Сашка не стал спорить. Вместо этого он со всей возможной увлеченностью, даже слегка преувеличенной, стал пить свой кофе. Причем делал он это так, словно весь окружаю-

ший мир вдруг взял и исчез. И я в том числе.

Ощувив неудобство из-за вновь повисшей тишины, я помедлила, а после тоже принялась за пирог. Аппетит пропал, а потому я по большей части не ела, а просто ковыряла мучное изделие ложечкой.

Когда мой спутник изволил заговорить вновь, я, погружившись в свои мысли и целеустремленно увеличивая количество крошек на тарелке, размышляла на тему того, насколько странные сложились между нами отношения. Как качели – то вверх, то вниз. То он не против поболтать, то вдруг подчеркнута отгораживается от моей персоны. То проявляет участие, то выливает на мою голову ушат ненависти.

– Ты действительно потрясающе прекрасна, – как-то обреченно вздохнул парень, неожиданно стрельнув в меня пронзительным взглядом. Я подавила желание поежиться и прикрыться руками. А после не удержалась от замечания:

– Настолько потрясающе, что порой вызываю острые приливы отвращения.

– Знаешь, – задумчиво начал Сашка, откидываясь на спинку дивана и складывая руки на груди, – от красивых девушек всегда ждешь подвоха.

Я закусила губу, а потом призналась:

– Никогда не считала себя красивой.

Сашкины брови взмыли вверх, демонстрируя крайнюю степень удивления:

– Почему? Ты что, никогда не смотрела на себя в зеркало?

Я замялась, а после с несвойственной мне откровенностью начала рассказывать:

– Смотрела. Первый раз полгода назад, когда Хасан забрал меня к себе из... ну, ты, наверное, знаешь откуда, – выхватив из подставки салфетку, я начала нервно вытирать абсолютно чистые пальцы. – Там, где я жила раньше никогда не было зеркал или других предметов, при помощи которых я могла бы получить представление о собственной внешности. Люди, которые контролировали мою жизнь, не считали, что это нужно.

– Они намеренно так поступали, – уверенно заявил Сашка.

Я тяжело сглотнула, вновь ощущая во рту знакомый кисло-соленый привкус.

– Потому что ты была нужна им. Ты и сейчас им нужна.

Я опустила голову пониже, крепко сжала кулаки и прошептала, скорее самой себе, чем моему собеседнику:

– Я ни за что к ним не вернусь, – подавленный всхлип, а после: – Знаешь, я ненавижу причинять боль другим людям, но я хочу, чтобы кто-то ответил за то, что со мной произошло.

Глава 31

В нашей стране разработка людей со сверхъестественными способностями велась еще со времен последнего Императора – свергнутого и убитого. Имелось при Министерстве внутренних дел такое себе Девятое отделение. Руководил им непосредственно сам Министр, он же и формировал кадровый состав. Принимали в «девятку» исключительно по рекомендациям –

министра или самого монарха. Будущих сотрудников Девятого отдела подвергали самой тщательной и жесткой проверке. Поговаривали, что сотрудники жандармерии даже приходили к претендентам домой по ночам и перетряхивали личные вещи. Но если человека все же брали на работу, то он мог считать, что жизнь его удалась.

Во-первых, сотрудники «девятки» постоянно контактировали с первыми лицами страны, во-вторых, деньги за свою работу они получали такие, что многие даже не представляли на что тратить подобные суммы, и в-третьих, они могли попасть куда угодно и когда угодно. Достаточно было взмахнуть перед жандармами бумажкой с характерной и известной в узких кругах печатью, как с дороги тут же уходили даже самые отчаянные. Никто не хотел связываться со структурой, которая существовала по своим собственным правилам, могла забрать любого человека и просто «потерять» его

в системе.

Правда, были у этой работы и свои недостатки. Например, из Девятого отдела невозможно было уволиться. То есть, поступая на работу в министерство, человек должен был смириться с мыслью, что трудиться ему на тайную структуру до конца своих дней. Пока его не настигнет смерть по естественным причинам, или же пока родственники не обнаружат его с дыркой в затылке и предсмертной запиской в руке.

Чем же занимались в «девятке»? Изысканиями – как научными, так и ненаучными. В полном объеме вся информация по работе отдела имела лишь у двух людей – Министра и Императора. Для всех остальных сотрудников министерского аппарата загадочные серые папки помечались грифом «секретно» и скрупулёзно складировались в специально отведенном для этого охраняемом помещении. Даже те, кто работал в «девятке» до конца не знали, что в этих папках. Все сотрудники отдела были поделены на группы. И каждая группа имела доступ лишь к тем сведениям, которые касались непосредственно её проекта.

Простые обыватели не знали о «девятке» ничего. Структуры под номер девять для всего остального мира не существовало в принципе. И даже если где-то что-то всплывало, то люди, посмеявшись об этом заговорить либо очень быстро отказывались от своих слов, ссылаясь на вдруг обострившиеся проблемы со здоровьем, либо просто скоропостижно и совершенно случайно прощались с этим грешным миром.

Несмотря на все пертурбации, которые пережила страна, в особенности за последнюю сотню лет, «девятый отдел» сохранился. И работал не хуже, чем старой власти. Новая власть, поменяв систему политико-правовых отношений в стране, распускать такое полезное формирование не стала, а лишь реорганизовала его, переведя в подчинение новому правителю. Руководил структурой по-прежнему Министр, вот только правила назначения на эту должность поменялись. Как и основная идея самого «девятого отдела». Если раньше он функционировал на благо Императора и его семьи, то после государственного переворота была дана новая установка – сохранить жизнь и благополучнее лидера Партии.

При нем, как и при остальных правителях, пришедших после него и сменявших друг друга едва ли не каждое десятилетие, «девятке» жилось неплохо. Хуже, чем при Императоре, но лучше, чем всему остальному народу, которому долгие годы внушалось, что жить бедно и плохо – это хорошо. И вообще, на самом деле живут они хорошо, просто думают плохо. А думать плохо было нельзя. Вообще выделяться из серой массы было опасно – для жизни и для здоровья не только своего собственного, но и своих близких.

Несмотря на то, что количество тюремных лагерей росло с каждым годом, а люди успешно впитали мысль, что всех, кто смеет жить лучше, чем его соседи, можно отправить в ссылку, народ лидера любил. Любили его и сотрудники «де-

вятки». Не могли не любить, а потому всеми силами старались выполнить все, даже самые бредовые указания. А таких у человека, чьи старческие заболевания прогрессировали буквально на глазах, имелось не мало. Самые жестокие и самые радикальные проекты приводились в жизнь именно при нем. Те, кто занял место главного руководителя страны после его не совсем обычной смерти, немного сбавили градус давления. Отдельные идеи были отвергнуты и забыты, другие отложили в долгий ящик со словами «пока не время». Но вот, что не менялось никогда – в основе всей деятельности Девятого отдела всегда лежало изучение людей со способностями.

На самом деле нас всегда было достаточно много. Просто это скрывалось – теми, кто хотел использовать нас в своих как правило далеко не благих целях, и самим нашим разобщенным и противоречивым обществом. Именно для того, чтобы не быть использованными.

За нами шла охота, нас выискивали, отлавливали, сажали в клетки и изучали. Жизнь людей, по воле судьбы одаренных магией, всегда развивалась по одному из двух возможных сценариев – вечный побег или вечная изоляция.

Жизнь тех, кто попадал в руки таких, как ученые Девятого отдела была безрадостной. И заканчивалась смертью – либо в процессе бесконечных опытов и эксплуатации на грани возможностей, либо в результате попытки побега.

Именно в лабораторию Девятого отдела меня привезли из

детского дома люди в масках.

***

Саша проявил удивительное добродушие. Он не стал презрительно морщиться из-за проявленной мною слабости. Как не стал и утешать, произнося какие-то банальные слова, которые так любят говорить друг другу люди под видом проявления участия. Мне жаль, всё будет хорошо, всё обязательно наладится – всё это ложь. На самом деле, людям плевать, что у тебя в жизни происходит. Они произносят эти дежурные фразы, потому что так принято. Потому что таковы морально-этические нормы человеческого общества. Потому что люди на подсознательном уровне стремятся выглядеть в глазах окружающих и своих собственных добрыми и воспитанными. Но это участие и сочувствие насквозь фальшивые, лицемерные. А потому лучше всего, когда никто не знает о том, какие монстры пожирают тебя изнутри.

Но Сашка поступил наилучшим образом. Протянув руку, он вытер подушечками пальцем дорожки слез с моих щек, а после достал папку и положил передо мной.

– Это твоё первое дело. Справишься – останешься с нами и сможешь победить самого дьявола. А потом, если захочешь, найдешь тех, кто мучил тебя столько лет и повесишь их на собственных кишках.

Он сказал это легко и непринужденно, так, словно сообщал мне прогноз погоды на завтра. Но почему-то именно после его слов я ощутила уверенность. Уверенность в себе, в

своих силах, в том, что всё смогу. Именно в тот день Сашке удалось зажечь во мне надежду, что однажды, когда-нибудь в будущем, тьма все-таки рассеется. И я наконец смогу встретить рассвет без удушающей тоски и выедающего душу ужаса.

Почему люди не летают как птицы?

Потому что боятся разбиться.

Пора было перестать бояться.

Я очень хотела научиться не бояться.

– Что от меня требуется? – спросила я, расправляя плечи и стирая с лица остатки слез.

– В папке, – указал глазами Сашка, – фотографии человека с которым ты сегодня должна встретиться.

– Где и когда? – коротко спросила я, доставая стопочку аккуратно подшитых друг к другу листов бумаги и прикрепленные к ним фотографии. Всего снимков было пять. На каждом в разных локациях и с разных ракурсов были запечатлены пять мужчин.

Седовласый старик в белых пляжных шортах и такой же футболке позирует с поднятым бокалом шампанского на фоне средиземноморского пейзажа.

Молодой парень не старше двадцати лет, придерживая одной рукой доску для сёрфинга, пытается ослепить своей белозубой улыбкой какую-то загорелую красотку.

Невысокий, делового вида мужчина сосредоточенно беседует с такими же деловыми людьми на каком-то официаль-

ном приеме, где дамам положено быть в вечерних платьях в пол, а мужчинам при бабочках и смокингах.

Еще один представитель сильного пола, облаченный в бежевые брюки и серую рубашку с непринужденно закатанными до локтей рукавами, выходит из ресторана. Лица его практически не разглядеть из-за широких солнцезащитных очков и склоненной вниз головы.

И последнее фото – лощенный красавчик за рулем дорогой спортивной машины.

– Через час человек на фото будет открывать свою первую выставку в арт-галерее в двух кварталах отсюда. Ты должна прийти на мероприятие и привлечь к себе внимание хозяина вечера.

– Которого из них? – помахала я сложенными веером фотграфиями разных мужчин.

– Каждого.

– Ээээ..., – озадаченно протянула я и переспросила: – Что?

Сашка скривился, как будто лимон надкусил.

– Ты же знаешь, что ты в этом мире не единственная с магическими способностями?

Я кивнула. Конечно же, знала. И даже с некоторыми встречалась. Не очень хорошие впечатления остались, так как по большей части, все мы были одиночками. Каждый сам по себе и каждый сам за себя. И чем меньше людей знали о твоей особенности, тем больше у тебя было шансов выжить.

Так как всегда найдутся те, кто захочет на тебе пожить. И если даже такие, как я, имеющие активную силу, попадали в клетки, то что говорить о людях с пассивными способностями – ясновидящих, кинестетиках, эмпатах?

– Так вот, он – один из таких. Мы зовем его Безликим.

– Безликим? – удивилась я. – А почему так? У него что, имени нет?

– Имя, возможно, и есть. Просто мы его не знаем. Все, что нам известно – он способен превращаться в кого угодно.

Я нервно сглотнула. Это было уже что-то новенькое. Что-то новенькое и что-то очень страшенькое.

– Я никогда прежде о таком не слышала.

Сашка кивнул, но не мне, а каким-то своим мыслям.

– Его дар – результат уникального стечения обстоятельств и редкой биологической аномалии. Ты знаешь, что такое Химера?

– Мммм, – неопределенно промычала я, а после дала неуверенный ответ: – Персонаж из греческой мифологии?

– Нет, – сдержанно усмехнулся Сашка. – Речь идет о генетическом феномене, обмене клетками, приводящем к тому, что в одном организме присутствует сразу несколько разных наборов ДНК. Химеризм случается при оплодотворении двух отдельных яйцеклеток. В процессе развития две разные зиготы сливаются в одну и формируют общий эмбрион. Также обмен клетками может произойти у близнецов, когда они находятся в утробе матери. Случается химеризм и

при трансплантации органов. В этом случае клетки донора, так сказать, встраиваются в организм реципиента.

– И с каким вариантом имеем дело мы? – начала я потихоньку соображать.

– Мы точно не знаем. Существует предположение, что с последним. Восемь лет назад легковушка лоб в лоб столкнулась с грузовиком, водитель которого уснул за рулем. В машине находилась семья из четырех человек, мать с отцом и двое подростков – парнишка и девчонка. Родители и дочь погибли на месте, а сын дотянул до больницы и скончался в приемнике скорой помощи. Но почку его удалось спасти, и она отправилась другому подростку, мальчишке с острой почечной недостаточностью. Шансов на успешное завершение операции было немного, так как пересадка происходила в экстренных условиях. Накануне шестнадцатилетний парнишка поступил в больницу с тяжелым отравлением. Через несколько часов его почки отказали и встала острая необходимость в трансплантации. По итогу все закончилось хорошо, орган прижился и вскоре ребенок вернулся к привычной жизни. Через два года он сбежал из дома, перед этим убив мать и покалечив бабушку. А после просто исчез. Куда он подался и как жил дальше – неизвестно.

– И вы считаете, что этот мальчик и человек, которого вы называете Безликим – одно и то же лицо? – с сомнением спросила я.

Сашка пожал плечами.

– Под своим истинным обликом Безликий на людях никогда не появлялся. Мы до конца не уверены, является ли он тем самым парнишкой с пересаженной почкой. Но все же, есть большое подозрение.

– Даже если это и так, то какой у вас к нему интерес?

– Несколько лет назад то тут, то там начали появляться разные люди. На первый взгляд они не вызывали подозрений и казались совершенно обычными в условиях своей среды обитания, – и Сашка начала перечислять, одновременно указывая на соответствующие фото, разложенные на столе:

– Профессор почтенного возраста, который вышел на пенсию и начал писать книги в своем небольшом домике на берегу греческого острова Санторини. Сын дипломата, чья жизнь – это покорение волн и красивые девушки. Влиятельный торговец нефтью, который вхож в самые закрытые дома Европы. Всех этих людей, которые, казалось бы, совершенно разные, объединяет один очень важный момент. Если покопаться в их биографиях, то выяснится, что профессор, который преподавал в Миланском университете, пропал три года назад. Семья сёрфингиста не видела его уже три года. А владелец крупного нефтяного бизнеса до прошлой осени проживал в глухой убогой деревне, где благополучно пропивал свою пенсию по инвалидности. Совершенно внезапно ему предложили высокооплачиваемую работу в столице, он собрал свои небогатые пожитки, сел на поезд и больше в родную деревню не возвращался.

– Любопытно, – сдержанно прокомментировала я. – Но ничего не понятно.

Сашка провел рукой по волосам, приводя в беспорядок свою идеальную укладку. Но хуже выглядеть от этого не стал – наоборот, появилась легкая хулиганская нотка, которая слегка разбавила ореол высокомерия и патологического желания всем приказывать.

– Мы предполагаем, что выступивший донором парень, и тот, кому пересадили его почку были одаренными. Оба.

– В смысле, талантливыми? – не поняла я.

– В смысле, владеющими способностями, – снизошел до объяснения парень, но с явным раздражением.

– Как я, – наконец дошло до меня.

– Да, как ты, – со странной интонацией произнес Сашка, мазнув взглядом по моей груди.

Я занервничала и попыталась подтянуть декольте платья повыше. Из этого ничего хорошего не вышло, кусок ткани упорно возвращался на прежнее место дислокации.

– Оставь платье в покое, – с досадой поморщился мой спутник и допил кофе. Я вспомнила про свою чашку, хотя напиток уже остыл. Но кофе – это кофе, даже когда холодный.

– Так, что там с этим парнем? – я кивнула на лежащие сбоку от меня документы, в которые я еще не успела заглянуть. – У него были способности. Это я уже поняла, но какие?

– Нам не удалось этого установить.

– А у того, первого, который скончался после аварии?

– Здесь тоже все строится на догадках. Насколько удалось выяснить нашим специалистам, магические способности передаются по наследству, следовательно, у кого-то из близких родственников должен был быть аналогичный или близкий по свойствам дар. После долгих исследований архивных документов мы нашли сведения о том, что прадед погибшего парня по имени Григорий Королёв подозревался в убийстве своего сводного брата. Не буду долго объяснять. Но если суммировать все детали, то самый очевидный вывод – мужчина был вампиром.

Я тихонько присвистнула. Вампиров в нашем мире было немного и это радовало. Они были не особенно приятными ребятами и многие из них подрабатывали наемными убийствами. Благодаря своей физической силе, скорости и острому обонянию они могли выслеживать своих жертв месяцами, а выносливость позволяла преследовать несчастных без остановки едва ли не сутками. Кроме того, поговаривали, будто отдельные вампиры обладали даром гипноза, внушая людям самые разные установки, вплоть до самоубийства. Но информация эта на уровне дворовых сплетен.

Из-за повышенной регенерацией тканей, вампиров было очень трудно убить – сработать мог либо выстрел прямо в сердце пулей с зарядом взрывчатого вещества, либо отсечение головы. Как первое, так и второе сделать крайне труд-

но, так как вампиры были способны передвигаться со скоростью, превышающей скорость полета пули. Конечно, все зависело от типа оружия из которого производился выстрел, но никогда не знаешь, насколько быстр конкретный вампир.

Лично я с вампирами никогда не встречалась, и надеялась, что никогда и не доведется познакомиться. Существовало мнение, будто суккубы и вампиры произошли от одного предка. Между нами действительно есть что-то общее – вампирам, чтобы выжить необходимо регулярно пить человеческую кровь. А основа существования суккубов – человеческая энергия. Вот только мы не убивали людей. При желании, конечно, могли бы. Бывали случаи, когда обезумевшие от голода суккубы после длительного воздержания не удерживались и «выпивали» человека до дна. Но это редкость. Большинство из нас прекрасно себя контролировало, зная, когда необходимо остановиться. Для кормления суккубу необходим человек, с которым удалось установить ментальный контакт. Проще всего это сделать во время секса. Человек находится под влиянием эндорфинов и не замечает вторжения в свое биополе. А последующую усталость списывает на бурную ночь. Несколько дней отдыха – и человек как новый. А вот вампиры чаще всего, если нападали, то убивали свою жертву. Так что, по сравнению с ними мы были просто зайками пушистыми.

– То есть, вы предполагаете, что тот парень, у которого позаимствовали печень тоже был вампиром? – озадаченно

поинтересовалась я. – Но ведь это невозможно. Его семья тогда тоже была бы вампирской расы, и они бы не погибли в обычной аварии.

– Ты права, – согласился со мной Сашка, отчего на душе вдруг потеплело. – Мы тоже пришли к такому выводу. И вновь начали копать в истории этой семьи. Возвращаясь к предку-вампиру – нам изначально показалось странным, что кровосос позволил людям не только застать себя на месте преступления, но еще схватить и бросить за решетку.

– Может быть, он раскаивался за содеянное и таким образом решил себя наказать? – выдвинула я предположение.

Парень снисходительно глянул на меня.

– Это реальная жизнь, а не один из тех любовных романчиков, которые ты прячешь под матрасом.

Я обиженно надула губы.

– Не сопи, – одернул меня Саша, – а то такое ощущение, будто я сижу за столом не с прекрасной девушкой, а с престарелым больным сусликом.

И я сделала то, чего, наверное, не делала... да никогда!

Я показала ему язык.

Сашка отреагировал еще более нестандартно – закатил глаза. Но я успела увидеть мелькнувший в его зрачках дурашливый огонек.

– Ты пойми, – вернул себе серьезный вид парень. – Ни один вампир не позволит посадить себя за решетку. Потому что ни один вампир не сможет прожить больше месяца без

человеческой крови. А напасть на кого-то в настолько изолированном месте, как тюрьма, означает выдать себя. И перед людьми, и перед охотниками.

Ах, да. Охотники за головами – так называли тех, кто отлавливал вампиров. Да и не только вампиров. Очень опасная работа, а потому охотниками становились только, так сказать, энтузиасты. Те, кто верили, что таким образом делают мир чище. Может быть, они были правы. Может быть, без таких, как мы, без таких, как я, будет лучше?

Мы помолчали. Не знаю, о чем думал Сашка, а я размышляла до какого возраста мне удастся дожить, прежде, чем придут за мной? До двадцати? Тридцати? Сорока?

Суккубы не стареют. Мы способны сохранять молодой вид на протяжении сотен лет. Но душа... Душа меняется. На неё неизгладимыми рубцами ложатся боль, страх, ненависть, злость, обида. Лицо суккуба не меняется, на нем не появляются морщины, не проступают к старости самые неприглядные черты характера. Но глаза... глаза выдают все. И с лица молодой очаровательной девушки смотрят глаза старухи не единожды заглянувшей за изнанку жизни. Мы можем прятать это от посторонних, но мы не можем спрятать это от самих себя. Мы знаем, какие мы на самом деле.

– Так он не был вампиром? – резко спросила я, не желая дальше ковыряться в собственных мыслях.

– Был, – ответил Сашка и взглянул на наручные часы. – Но он не родился таким. Его обратили.

Я округлила глаза.

– Но это же запрещено.

– Да, потому что молодые вампиры не контролируются в первые месяцы своего, так скажем, нового существования. Для того, чтобы сдерживать одного новообращенного требуется от пяти до десяти взрослых вампиров. А они не собираются настолько обширными группами.

– Для того, чтобы не напали охотники. По одиночке вампиров выследить сложнее, – с пониманием дела закивала я.

– Выследить сложнее, но убить проще, – хмыкнул Сашка. – А потому они по сути уходят от одного капкана и попадают в другой.

– Но тот парень выжил, значит, ему кто-то помог, – сделала я самый очевидный вывод. – А вы точно уверены, что он обращенный?

– Да, мы нашли людей, которые в детстве жили по соседству с ним и его семьей, – почесал бровь Сашка. – Они рассказали, что это была обычная, ничем не примечательная семья. Григорий рос простым деревенским пацаном, без особых талантов. Работящий, трудолюбивый, ответственный, всегда готовый прийти на помощь. Так парня характеризовали те, кто его знал. Никаких аномалий, никаких странностей в поведении. А ты знаешь, в тесном деревенском сообществе трудно что-то утаить – люди знают друг про друга все, вплоть до того, какое белье носят соседи и что они едят на ужин.

Я понимающе улыбнулась.

Ну, да. В деревне вся твоя жизнь двадцать четыре часа в сутки как будто находится под увеличительным стеклом. И вампиров там бы сразу вычислили, тем более, что в те времена люди отличались суеверностью и существование различных нечеловеческих существ не отрицали. Так что, если бы кто-то из соседей выходил из дома только в ночное и сумеречное время, выглядел болезненно бледным и не участвовал в массовых мероприятиях, это не осталось бы незамеченным. А еще в округе должны были пропадать или умирать подозрительной смертью люди, или хотя бы скот. Вампиры терпеть не могут животную кровь, считают аморальным питаться от живности, а потому прибегают к такому варианту в самых исключительных случаях. Но все же они могут некоторое время перебиться, так сказать, подножным кормом. Раз соседи ничего такого не помнят, значит, семья действительно была самой обычной.

– А потом грянула война, – продолжил Сашка, проводив неприветливым взглядом небольшую студенческую компанию, которая несмотря на практически пустой зал решила устроиться по соседству с нами. – Отца Гриши призвали на фронт, а парня, которому в тот год исполнилось тринадцать, вместе с матерью эвакуировали. Все годы сражений они проработали в тылу. Войну старший Королёв не пережил – сгинул без вести. Его жена и сын после объявления победы вернулись в родное село. Через какое-то время вдова познакомилась с мужчиной, который потерял супругу во время бое-

вых действий. Вскорости после знакомства они поженились. Нового «папу» уже взрослый Гриша невзлюбил буквально с первого взгляда. Еще больше ему не понравился внезапно обретенный брат. Сын вдовца, Михаил, кстати, также не пришел в восторг от новых родственников. Так они и жили в условиях постоянного семейного конфликта. А потом Михаила нашли мертвым у сельской дороги. И те же люди рассказали, что видели Григория, убегающего с места преступления. Парня вскорости нашли. В поле, среди подсолнухов, окровавленного и без сознания. Его привели в чувства, арестовали и кинули в застенок. Вскоре он признался в том, что убил сводного брата. Сказал, что сделал это в приступе неконтролируемой ярости. Его осудили на двадцать пять лет. Пять месяцев он провел в тюрьме недалеко от дома, а потом его начали готовить к отправлению в место постоянного отбывания наказания. Путь предполагался не близкий, заключенный под конвоем должен был преодолеть две тысячи километров. И где-то на середине намеченного маршрута группа из десяти человек пропала. До пункта назначения преступник и его конвоиры не добрались. Куда они делись и что произошло по дороге такого, с чем не смогли справиться девять вооруженных и опытных охранников – неизвестно.

– Но ты что-то знаешь, – догадалась я.

– Григория обратили, а стража скорее всего пошла на корм тем, кто следил за новообращенным. Если это так, то смерть ребята обрели мучительную. Их утащили в логово и

день за днем понемногу высасывали жизнь. В буквальном смысле. Убивали одного за другим, потому что вампирам требовались значительные силы для ментального и физического подавления нового члена своего кровососущего сообщества. Чем так Григорий заинтересовал вампиров, что они пошли на такой риск – непонятно. Охотники уже в те времена имели в своем распоряжении отлично налаженную сеть осведомителей. Информация оперативно стекалась к их координаторам со всей страны. А потому я уверен, что они очень быстро узнали о случившемся. Потом сложили два и два, получили четыре и рванули по следу. Вампиры также не могли не предусмотреть подобное развитие событий и должны были подготовить очень качественное укрытие, где целая толпа кровососов вместе со своей «едой» смогла пересидеть опасность.

– Знаешь, – задумчиво начала я, стараясь подбирать слова, чтобы не сказать лишнего и не вызывать ненужных подозрений со стороны парня, про которого я уже поняла, что он привык решать все проблемы при помощи физического воздействия. – Я немало времени провела в окружении людей, долгие годы занимавшихся изучением таких, как я. Они настолько привыкли к моему присутствию, что перестали его замечать. Знаешь, так относятся к картине на стене или к вазе. Когда она есть – никто не обращает на неё внимания, но как только она пропадает, возникает ощущение некоторого диссонанса из-за того, что чего-то не хватает. Те люди

многое обсуждали в моем присутствии позабыв, что я нахожусь на чуть более высоком уровне развития, чем фикус в кадке. И то, что они обсуждали всегда пугало меня до дрожи в коленках. Потому что каждый раз я задавалась вопросом, а какими методами они получили ту или иную информацию? Кого замучили до смерти на этот раз? Кому не повезло стать главным участником очередного эксперимента? Я искала ответы на эти вопросы, находила и они мне не нравились, потому что каждый раз следующей могла стать я. Меня не пустили в расход только потому, что на тот момент я-живая была полезнее, чем я-мертвая. И я это знала. Но я слушала. Всегда слушала, о чем они говорят. И запоминала, – нервно облизнув губы, я продолжила: – Они говорили, что не все вампиры одинаковые. Есть так называемые белокровные вампиры. В лаборатории так называли тех, у кого состав крови отличался отсутствием какого-то белка. Будь они людьми, это бы стало причиной серьезного и даже смертельного заболевания. Но они были вампирами и этот дефицит вызывал у них совсем другие последствия.

– Какие? – Сашка нетерпеливо подался вперед и впился взглядом в мое лицо неожиданной алчностью. Переход к ней от безразлично-холодного состояния был настолько резким и неожиданным, словно кто-то швырнул спичку в облитые бензином дрова посреди заснеженного леса.

У меня пересохло во рту. Я схватила чашку с остатками кофе и одним глотком допила. На язык попали частички ко-

фейной гущи. Поморщившись, я подавила желание выплюнуть их обратно.

– Ну? – поторопил меня парень, все с тем же видом жадной заинтересованности.

– Насколько я поняла из обрывков разговоров, те вампиры, что страдали белокровием могли временно приобрести способности тех существ, чью кровь выпивали. Эффект недолговечен – от трех часов до трех суток, все зависит от уровня магии того, чью кровь употребил кровосос.

Лицо парня обрело беспристрастное выражение и с минуту оставалось таковым, а после он тихо выдохнул:

– Они проводили эксперименты с вампирами? – я кивнула. – И ты тоже в них участвовала.

Он не спрашивал. Утверждал.

Я закусила губу и отвернулась, сосредоточив свое внимание на пейзаже за окном, недалеко от которого мы сидели. Смотреть особо было не на что, кроме проезжавших мимо машин. Но этот отвлекающий маневр сработал – слезы я сдержала.

– И как долго он обладал твоими способностями? – с видом естествоиспытателя, вдруг наткнувшегося на невероятно редкое явление, поинтересовался Сашка.

– Сто сорок четыре часа, – ровно, без эмоций, ответила я. Парень негромко присвистнул.

– То есть, шесть дней, – быстро подсчитал он. – Я так понимаю, это рекорд.

Я грустно усмехнулась.

– Они тоже удивились. Удивились и обрадовались.

– Конечно, имея парочку могущественных магов и с десятков таких чудо-кровопийц он получали оружие впечатляющей мощности.

– Оружие, которое может самостоятельно ходит, думать, действовать. Которому надо пить, есть, спать, – я начала загибать пальцы, перечисляя, – такое себе тактическое преимущество.

– Да, – рассмеялся Сашка с подозрительным облегчением, – но если увеличить количество бойцов и количество доноров до суммы, исчисляемой тысячами, то можно побороться.

– Побороться за что? – прищурилась я.

– За власть, – легко ответил Сашка и широко усмехнулся, разведя руками. – А за что еще можно бороться?

– Не знаю, – я пожала плечами и скромно предположила: – За любовь?

– У вас, у баб, одна розовая ересь в башке, – презрительно скривил он губы. – Выкинь эту дребедень из головы. В ближайшем будущем тебе будет не до любовных интересов.

– Почему? – искренне удивилась я.

– Потому что я понял, что не так с Безликим, – самодовольно возвестил парень, а после вытащил из кармана бумажник, бросил на стол пару купюр, схватил меня за запястье и поволок к выходу.

До его машины мы добрались практически бегом, а в салон он меня буквально втолкнул, не особенно церемонясь.

– Зачем такая спешка? – воскликнула я, отбрасывая с лица выбившуюся из прически прядь.

– Потому что надо успеть многое тебе объяснить, а времени мало. Я собирался вызвать для тебя такси, но теперь думаю, будет лучше, если я буду находиться поблизости с тобой в этот вечер.

– Какая очаровательная забота, – проворчала я, поправляя подол платья.

– Не налей, – легко одернул он меня и завел мотор. – И слушай.

Глава 32

Когда я вошла в ярко освещенный выставочный зал он был уже заполнен людьми. Красивые женщины в длинных вечерних платьях сверкали драгоценностями и улыбками. Ухоженные мужчины в идеально сидящих костюмах и при галстуках снисходительно посматривали друг на друга и заинтересованно – на чужих спутниц. В воздухе витала смесь ароматов - дорогого парфюма, изысканных закусок, игристого вина и денег. Я не знаю, как пахнут деньги, но тем памятным вечером воздух ощущался отчетливо тяжелее и тягучее. Наверное, от количества нулей на один метр квадратный.

Едва переступив порог, я тут же почувствовала себя чужой на этом празднике тщеславия и высокомерия, потому что это был именно тот мир роскоши и шика, доступ к которому имелся лишь у избранных. И я явно была тут не к месту. Но показывать это было нельзя, а потому пришлось принять максимально надменный вид и гордо прошествовала от входа к центру зала.

Я шла и многие взгляды были прикованы ко мне, отчего мои плечи непроизвольно передернуло, и я попыталась скрыть этот жест за легким кашлем.

– Вина? – прозвучал сбоку чуть напевный мужской голос. От неожиданности я резко развернулась и чуть не выбила бокалы из рук стоящего рядом мужчины.

– Ох, простите, – спохватилась я, когда незнакомец рефлекторно шарахнулся назад, избегая столкновения с моим плечом.

– Ничего, – легко рассмеялся он, сумев все-таки сохранить бокалы наполненными. – Составите мне компанию?

И протянул один из бокалов, чуть желтоватая жидкость в котором задорно пузырилась.

– Возможно, – в игривой улыбке изогнула я свои щедро накрашенные красной помадой губы и взяла протянутый мне бокал. Подавила желание принюхаться, так как по опыту знала – принимать питье от незнакомцев опасно, а мое достаточно острое обоняние позволяло выявить наличие посторонних примесей в напитке. Но вряд окружающие по достоинству оценили бы девушку, сунувшую свой нос в фужер с шампанским. А потому я просто взялась двумя пальцами за хрустальную ножку и присмотрелась к неожиданному собеседнику.

Он был красив той экзотичной красотой, которая характерна для детей межэтнических пар. Смуглая кожа, полные губы, высокий лоб, густая черная шевелюра, картинно выходящая крупными кольцами – все это, скорее всего, было свидетельством наличия предков, родом с самого жаркого континента на земле. И очень неожиданно смотрелись на таком лице ярко-синие, словно небо над Лазурным морем, глаза в обрамлении длинных кукольно изогнутых ресниц. Его прекрасный облик немного разбавлял крупноватый нос и

небольшая полнота, которая с учетом достаточно высокого роста и широких плеч, тем не менее, его не портила. Однако находилась на той критической отметке, когда еще пару килограмм – и наличие лишнего веса станет очевидным.

– Не нравлюсь? – продолжал источать дружелюбие и приветливость мой случайный знакомый.

– Почему? – искренне удивилась я и без стеснения отметила: – Вы чертовски хороши собой и наверняка знаете об этом.

– Да, я просто божественен, – убрав улыбку с совершенно серьезным видом подтвердил мужчина, а после расхохотался так непринужденно и заразительно, что я не смогла не поддержать его. – А вы – самая очаровательная девушка на этом вечере.

Отсалютовав мне бокалом, он пригубил напиток. Я последовала его примеру и также поднесла свой бокал к губам. Нос уловил приятный цветочный аромат с фруктовыми нотками и мимолетным оттенком поджаренного хлеба.

– «Салон Лё Мениль», – мягко и чуть насмешливо склонив голову к плечу произнес мужчина, заметив, что я принохиваюсь. – Лучшее, что можно сделать из винограда сорта Шардоне. Само воплощение элегантности.

Я сдержанно улыбнулась и сделала маленький глоток. На вкус это было как нечто среднее между белым вином и шампанским, хотя я не была особенным знатоком в элитных алкогольных напитках.

– Неплохо, – оценила я, улыбнувшись в ответ на пристальное наблюдение за дегустацией.

– Не любите брют? – предположил мужчина.

– Не люблю алкоголь, – откровенно призналась я.

– Почему же? Алкоголь раскрепощает человека, позволяет ему быть собой.

Я приподнялась на носочки туфель, потянулась к лицу мужчины и, легонько прикоснувшись к его плечу для сохранения равновесия, проникновенно прошептала на ухо:

– И выпускает из клетки всех тех монстров, которых трезвый мозг держит под замком. И которым следует оставаться надежно запертыми.

Мужчина с неподдельным удивлением взглянул на меня.

– Разбираетесь в замках?

Я убрала руку и словно невзначай скользнула кончиками пальцев по тыльной стороне его ладони. Краем глаза заметив, как он вздрогнул, шагнула назад и, загадочно улыбаясь, произнесла:

– Разбираюсь в монстрах. И в клетках, – а после чуть склонила голову и добавила: – Прощу прощения, мне пора.

– Стойте! – он схватил меня за запястье, когда я уже повернулась к нему спиной и собралась уходить. – Подождите.

Я обернулась и взглянула на него из-под дрогнувших ресниц.

– Вы здесь одна?

Опустив ресницы, я чуть отодвинулась в сторону и, рас-

терянно оглянувшись, пробежала взглядом по незнакомым лицам окружающих.

– А это важно? – мой голос с легкой долей печали прозвучал чуть слышно.

Теплые пальцы незнакомца скользнули вниз по запястью и ласково, но крепко переплелись с моими.

– Конечно, важно, – мягко произнес он, склонившись к моему оголенному плечу. Его губы замерли в паре сантиметров над моей кожей. – Если такая красавица одна, то у меня есть все шансы на продолжение нашего общения.

Я попыталась как можно невозмутимее ответить:

– А если я ожидаю спутника?

– О, тогда мне придется сражаться за вас, моя очаровательная незнакомка, – к его тону добавилась игривость, словно мы находились на сцене. И все происходящее – лишь акт из пьесы. И только пальцы, крепко сжавшие мои, выдали его истинные эмоции. – Потому как я не намерен отпускать вас.

– Сегодня? – смущенно уточнила я.

Он выпрямился, очертив взглядом линию моей шеи и подбородка, уделив особенно пристальное внимание губам. А после уверенно заявил:

– Всегда.

– Очень смелое заявление, – оценила я и попробовала забрать свою руку. Но мне не позволили, продолжив держать крепко и уверенно. Внешне он сохранял спокойствие и лишь в глубине ярко-синих глаз я уловила тот характерный блеск,

что мне уже доводилось видеть у мужчин.

– Не хотите осмотреть выставку? – предложил он с ласковой улыбкой.

– Хотела бы, – ответила я, – ведь именно за этим приходят в картинную галерею, разве нет?

– О, совсем нет, – мужчина, не отрывая от меня пристального взгляда переместил мою руку на свой согнутый локоть и накрыл другой ладонью. Он как будто боялся, что я вдруг истаю, словно призрак. Исчезну, растворившись в воздухе, а потому ему требовался неразрывный физический контакт со мной. Мужчина как будто хотел быть уверенным, что я все еще здесь, все еще рядом с ним. – Большинство присутствующих здесь пришли посмотреть вовсе не на картины. На самом деле, на таких мероприятиях нет места искусству, оно выступает лишь фоном, красивым интерьером. А по факту здесь обсуждаются финансовые сделки, налаживаются контакты, назначаются встречи. Все эти толстосумы и их холеные курочки явились сюда только с одной целью.

Говоря так, он двинулся вперед, мягко рассекая толпу и увлекая меня за собой.

– Померяться, у кого бриллианты больше, – предположила я, ощущая себя крайне неудобно. Мы проходили мимо людей, и они с оборачивались с изумлением глядя сначала на меня, потом на моего спутника, а после снова на меня, но уже оценивающе и словно не веря своим глазам. Легкий шепоток пробежал от одного человека к другому и усиливался

за нашими спинами.

Но мужчина не обращал на все это никакого внимания. Казалось, наоборот, он наслаждался ситуаций. И после моих слов лишь громко рассмеялся, слегка запрокинув голову назад.

– А вы остроумны, – сказал он, отсмеявшись. – Люблю остроумных женщин, а если они еще и так божественно красивы, как вы, то это просто мой идеал.

Я скромно улыбнулась.

– Нет, все эти крокодилы в дорогих пиджаках пришли сюда ради автора выставленных сегодня картин, – продолжил незнакомец, все также не замечая всеобщего оживления, явно вызванного нашей парой и тем демонстративным безразличием к присутствующим, которое откровенно транслировал мой спутник.

– Они хотят им пообедать? – снова выдвинула я свою гипотезу, за неловкой шуткой постаравшись скрыть смущение и желание покинуть сие мероприятие прямо сейчас. Потому что все происходящее напоминало ярмарочный фарс, а себе я виделась главным развлечением сегодняшнего вечера. Эдаким шутком, которого обрядили в пестрые одежды и повесили колокольчик на шею. И нарастающая с каждой минутой тревога подсказывала, а точнее откровенно вопила, что в конце вечера шута могут и казнить.

– Нет, – покачал головой мужчина, – они хотят получить его деньги.

Я удивленно выгнула брови.

– Он так богат?

– Он чертовски богат, – подтвердил мой спутник и с заговорческим видом подмигнул мне. – И с каждым годом становится только богаче, что не может радовать тех, кто хочет занять его место. А этого хотят все.

– А еще он очевидно страдает тягой к живописи, – негромко проговорила я, не рассчитывая, что кто-нибудь услышит. Но услышали.

– Он воображает себя великим художником, – легко рассмеявшись, уверенно заявил мужчина так, словно знал автора выставки лично. – И с завидной плодотворностью ваяет свои картинки. Сегодня мы имеем честь лицезреть лучшее из того, на что он способен.

И широким движением руки мужчина обвел рукой зал, в котором мы находились и стены которого были увешаны полотнами. Не успев их еще как следует рассмотреть, а потому с большой заинтересованностью я устремила взгляд вперед – мы как раз подходили к основному стенду, где были выставлены три большие картины. Современное искусство редко, когда достойно внимания. Но то, что было изображено на холстах – поражало.

Обезобразенный и обугленный манекен, ползущий вверх по горе, состоящей из человеческих костей и черепов с гниющими глазницами и ртами. Вот, что изобразил автор на первой с левого края картине. На втором полотне, что на-

ходилось посередине, художник создал еще более гнетущий образ. Шахматная доска, по клеткам которой разбросаны фрагменты человеческих тел. На заднем плане отчетливо, до мельчайших деталей, вырисован фрагмент из кукольного спектакля с жуткими куклами-актерами. Их лица отвратительно гиперболизированы, а движения подчинены кукловоду, чья загадочная фигура прячется в тени. Третья картина пугала новым сценарием – гигантский человек с крыльями как у летучей мыши лежит в грязной луже. Нижняя часть его тела словно собрана из осыпающихся кубиков, верхняя словно разъедена какой-то кислотой, а в утопающие в грязи крылья воткнуты заржавевшие иглы.

– Ох, – поражено выдохнула я.

– Вам нравится? – оживился мой спутник, который молчал все то время, пока я изучала творения неизвестного мне художника.

– Необычно, – наконец, смогла выдавать из себя я, после некоторого замешательства. Я подбирала слова, не зная, как реагировать на столь пугающее искусство. Картины выглядели откровенно зловеще и кроме того, было в них что-то, отчего глядя на полотна появлялось чувство гнетущей тоски и подавленности. Как будто на грудь уложили тяжелый камень, не дающий вздохнуть полными лёгкими.

– Всего лишь необычно? – мужчина, казалось, расстроился.

Я постаралась исправить положение.

– Необычно в смысле оригинально, – я взмахнула руками, пытаясь передать жестами то, что не смогла сформулировать словами, – мне кажется, автор обладает большой фантазией.

– Да, он такой, – мигом повеселел мужчина. – Большой оригинал и весельчак. Никогда не знаешь, чего от него ждать. Каждый день он словно другой человек.

– Вы знакомы? – как бы между делом поинтересовалась я, ставя на поднос проходящего мимо официанта бокал с недопитым шампанским.

– Очень близко, – с притворным огорчением сообщил собеседник. – Даже ближе, чем хотелось бы.

– А меня познакомите? – взмахнула я длинными ресницами, которыми меня наделил не бог, а визажисты в салоне красоты. Так-то у меня от природы не густые опухала, а три пучка на пожухлой полянке. Что, как выяснилось, тоже было неплохо, ведь с наклеенными ресницами мои веки ощущались просто неподъемными. Я с трудом удерживала глаза открытыми, а они так и норовили закрыться. Казалось, еще немного и мне придется как в мультике вставлять в них спички.

Но вместо того, чтобы идти искать подставки для век, я бросила на мужчину проникновенный взгляд, и надеясь, что он действительно проникновенный, а не вымученно-расчетливый, чуть капризно добавила: – Никогда не встречалась с настоящими художниками, мне кажется, это очень необычные люди.

С минуту он молчал, отвернувшись от меня и глядя пустым взглядом в пространство. А после тяжело выдохнул, словно принял непростое для себя решение, и, снова обернувшись ко мне, улыбнулся.

– Конечно, прекрасная незнакомка, я познакомлю вас с автором этих шедевров.

– А когда? – мы продолжали зеркально отображать уже чуть натянутые улыбки друг друга. Я всеми силами старалась не выдать свою заинтересованность, а мужчина, казалось, начал тяготиться моим присутствием. Но вежливость и воспитанность не позволяли ему дать волю эмоциям.

– Когда вам будет удобно, – мой собеседник чуть склонил голову, как бы давая понять, что все зависит от моего решения. Но я заметила, как напряглись его плечи и вздулись вены на правой руке, пальцы которой с силой сжали бокал.

– Мне удобно сейчас, – я понимала, что веду себя слишком настойчиво и практически иду напролом. Но окружающая обстановка с каждой секундой все сильнее действовала мне на нервы. Раздражало практически все – лак на волосах, от которого нещадно чесалась кожа головы, линзы, с помощью которых изменили мой родной зеленый цвет глаз на светло-карий, высокие каблуки, из-за которых ноги отзываясь лютой болью на каждый шаг. Да что там шаг! Даже просто стоять было едва выносимой пыткой. Хотелось скинуть с себя неудобные туфли и тесное платье, залезть в большую ванную с горячей водой и просто забыть обо всем.

А вместо этого я стояла и обменивалась любезностями с человеком, не вызывающим у меня никаких положительных эмоций. Одаривая его столь широкими улыбками, что уже скулы сводило в нервно-болезненной гримасе, которая могла привести на мысль о случившемся у меня припадке. И все это под пристально-осуждающими взглядами толпы снобов, за версту чужавших, что я – чужая. Недостойная быть среди них.

Я искренне старалась держать под контролем свою взрывную натуру, так как по опыту знала – стоит отпустить вожжи и все вокруг меня вспыхнет тем самым синим пламенем, которое так часто поминают люди, теряющие надежду. Только вот если в их случае костер метафорический, то у меня все по-настоящему – аж искры во все стороны летят. Но времени на это не было.

Сашка так и не смог внятно объяснить мне, что с человеком по прозвищу Безликий не так и зачем мы за ним охотимся. Кажется, он и не сам до конца разобрался в ситуации. Но зато поставил по-военному чёткую задачу – любыми способами добиться личной встречи и сделать так, чтобы мужчина заинтересовался моей скромной персоной. Причем заинтересовался до такой степени, что назначил встречу.

– Будет приглашать к себе домой – не соглашайся ни в каком случае, – дал мне последние напутствия Сашка. Он остановил машину в конце параллельной улицы, не желая рисковать и подъезжать близко к галерее. – Назначай встречу на нейтральной территории, но так, чтобы там было поменьше

людей.

– Это где? – скривилась я, не ощущая особо восторга от возложенной на меня миссии. – В общественном туалете?

– В гостинице, – рыкнул на меня напарник. – Или на крайний случай в VIP-кабинете в ресторане.

– Ты думаешь, он расщедрится на такие изыски? – засомневалась я. – Все-таки, я лишь очередная девица, вешающаяся ему на шею. Скорее всего, у него таких, как я – вагон и три тележки.

В ответ на мои слова Сашка резким движением повернул в мою сторону зеркало заднего вида.

– Что ты видишь?

Я недовольно покосилась на свою отразившуюся в зеркале недовольную мордаху и пожала плечами:

– Себя.

– Чаще в него смотри, может увидишь кое-что больше, – Сашка вернул зеркало в изначальное положение и отвернулся. Когда он заговорил вновь, голос его звучал глухо. – Не думаю, что тебе придется вешаться ему на шею.

– Почему? – заморгала я.

– Он сам на тебя повесится.

Я громко расхохоталась, представив себе эту картину, но тут Сашка повернулся ко мне лицом. Увидев его сведенные у переносицы брови и напряженные скулы веселиться тут же перехотелось.

Я резко оборвала смех, мгновенно почувствовав себя

крайне неудобно. Моя интуиция очнулась ото сна, протерла заспанные глаза, оценила обстановку и тут же начала махать у меня перед носом красным флажком, настойчиво сигналила об опасности.

– Ладно, – заторопилась я, – мне пора.

И быстренько сбежала от парня, чей неустойчивый эмоциональный фон ввергал меня в недоумение и начинал потихоньку нервировать.

Позже, уже стоя посреди зала, залитого ярким холодным светом и не менее холодным презрением, я осознала, что общество Сашки не так уж и плохо. Да, у меня от него мурашки по коже, но он ощущался своим, близким по духу. В отличии от так и не представившегося собеседника, чье размышление над моими последними словами порядком затянулось. Как результат – мы просто стояли друг напротив друга, нацепив на лица приветливые выражения. Я из последних сил удерживала эту маску, в которой сочеталась сдержанная грусть, легкая придурь и капелька любопытства. Стараясь произвести впечатление девочки-незабудки – милой, безобидной, игривой и немного недалекой. Которая по чистой случайности заполучила билет на закрытое мероприятие, стащив его у какой-нибудь знакомой, и теперь стремилась узнать побольше об этом богатом и скрытом от посторонних глаз мире богачей.

– Конечно, – наконец соизволил ответить незнакомец и вновь предложил мне свой локоть, в который я тут же бла-

годарно вцепилась. Он не вызывал у меня светлых чувств, зато на него можно было облокотиться, снизив нагрузку на несчастные, убитые каблуками ноги. И это безмерно радовало, и даже вызывало прилив благодарности. Небольшой такой прилив. Я бы даже сказала, совсем маленький.

Мы вновь величественно и не торопясь прошествовали по залу, но уже в обратную сторону, туда, где за углом скрывалась шахта лифта.

Мой спутник ткнул в белоснежную кнопку и послышался шум отправившейся к нам кабины. А я позволила себе расслабить лицо и перестать улыбаться. Мышцы лица уже начали ныть, так как я в жизни столько не улыбалась, как за этот вечер.

Шум усилился и тут же затих. Двери лифта с легким шипением разошлись в стороны. И мы с моим спутником чинно и синхронно ступили в кабину. Ехали в полном молчании, даже не глядя друг на друга. Я следила за сменяющимися на табло красными цифрами и когда мы миновали десятый этаж, напряглась.

Выставка проходила на первом этаже бизнес-центра. Но я знала, что в этом здании двадцать этажей, и начиная с десятого располагались частные апартаменты. Скорее всего, загадочный художник проживал в том же здании, где и организовал выставку. И в данный конкретный момент меня вели в его квартиру.

Мысли лихорадочно заметались в поисках решения, ведь

ситуация развивалась совсем не по тому сценарию, который мы запланировали. Но отступить уже было некуда. И когда лифт прибыл по месту назначения, а именно на пятнадцатый этаж, без колебаний шагнула в холл. А вот мой новый знакомый примеру не последовал. Натянуто улыбнувшись, он пожелал:

– Приятного вечера, – и буквально сделал ручкой. Не успела я открыть рот, как лифт уже стартанул в обратный путь.

Я растерянно оглянулась по сторонам. Вправо и влево от лифта уходили длинные коридоры. Просторные, освещенные мягким, чуть приглушенным светом немногочисленных ламп, и судя по всему, очень длинные, так как конца коридоров видно не было. Возможно они обрывались тупиком, а возможно заворачивали за угол.

Я нерешительно потопталась на месте, а после решила плюнуть на все и вызвать лифт, чтобы спуститься обратно в галерею. Нажав на кнопку, я ожидала услышать характерный гул оживших механизмов грузоподъемной машины, но оглушительная тишина, нарушаемая лишь моим чуть учатившимся дыханием, осталась ненарушенной. Я вновь ткнула в кнопку, а после начала жать снова и снова, понимая, что еще немного и я сорвусь на истерику. Паника подкатывала к горлу и с каждой секундой все настойчивее хотелось вырваться на свободу, так как осознание того, что я попала в клетку становилось все очевиднее.

Отдернув руку, я прекратила беспорядочно бить по несчастной кнопке и, опершись рукой о стену, закрыла глаза. Дыхание сбилось окончательно, ноги мелко тряслись, в висках застучали молоточки, на шее выступил холодный пот, а ладони начало печь. Это состояние было мне уже знакомо, более того, я знала, что обычно следовало за ним – срыв.

Срываться я не хотела, тем более, в месте, созданном из стекла, бетона и пластика. Ведь если я не сдержусь, беды не избежать. А потому, я постаралась успокоиться и плавно вздохнуть. Получилось плохо. Попробовала еще раз, а после снова и снова, набирая полную грудь воздуха и тут же до конца выдыхая. Я целиком сосредоточилась на данном занятии. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Не знаю, сколько на это ушло времени – может быть пятнадцать минут, а может быть и час. Но в конце концов, мне стало легче. Боль в голове перестала нарастать, а после и вовсе утихла. Руки и спина были мокрыми от пота, а ладони болели от того, что я впивалась в них собственными ногтями. Но я справилась. Немножко даже загордилась собой и улыбнулась.

– У вас неплохо получается, – прозвучало за спиной.

Вскрикнув, я в ужасе распахнула глаза и тут же развернулась на звук, выставив перед ладони.

Передо мной широко расставив ноги и сложив руки за спиной стоял высокий парень, одетый в облегающую стройное тело майку и черные спортивные штаны. В лице его угадывались восточные черты. Темные волосы, стянутые в ту-

гой хвост на затылке, подчеркивали остроту скул и подбородка. Полные губы изгибались в легкой ироничной улыбке.

– Вам не кажется, – вновь заговорил он глубоким грудным голосом, который, казалось, проникал сквозь грудь к самому сердцу, – что пытаться убить хозяина, заявляясь в гости без приглашения, немного невоспитанно?

– Что? – оторопела я.

– Ваши руки, – указал парень глазами на мои выставленные в оборонительно жесте ладони. – Вы не могли бы их убрать?

И только в этот момент я поняла, что над моими пальцами потрескивают огоньки желто-оранжевого пламени.

Я тут же опустила руки вниз и попыталась стряхнуть огонь. И вновь неудача – огонь лишь разгорелся сильнее, угрожающе шипя. Я начала неистово трясти руками, пытаюсь остановить это.

– Постойте, не стоит так делать, – в один шаг парень оказался рядышком и обхватил мои запястья. Его приятно прохладные пальцы легли на кожу, словно мягкая вуаль. Я замерла, как олененок в свете фар, никогда прежде не ощущая настолько бережного и успокаивающего касания. – Вы нанесли себе травму. Позвольте мне.

Я, совершенно обескураженная, подняла голову. В этот же момент его правая рука скользнула вверх по моему животу, достигла грудной клетки и уверенно легла поверх того места, где неистово билось сердце.

Удар, еще один удар, и еще один.

И быстрый стук начал замедляться. Моя душа успокаивалась, словно дикое животное, которое удалось приручить. Я с удивлением расширила глаза отдаленным уголком сознания поняв, что не могу оторвать взгляд от его лица. И что мои ладони перестали гореть и болеть. И что на самом деле я вообще больше ничего не чувствую. Словно кто-то задернул шторку, отгородив меня от всего остального мира. Или весь остальной мир отгородили от меня. Не знаю, мне было все равно. Небо могло упасть на землю, мог наступить конец света, могло потухнуть солнце – ни что из этого не заставило бы меня даже вздрогнуть. Потому что мою душу, мой ум, моё сознание охватило такое упоительное и всеобъемлющее спокойствие, что хотелось просто замереть и остаться в этом состоянии навсегда. Я бы отдала все, чтобы это состояние никогда меня не покидало. Чтобы шторка никогда больше не отодвигалась, и чтобы мир никогда более не возвращался.

Как никогда ясно я ощущала саму себя, словно смотрела на все происходящее со стороны. Я видела маленькую напуганную девочку, которая изо всех сил старалась быть сильной и смелой. Которая хотела выглядеть как взрослая, но её душа безмолвно вопила, как вопит младенец, требуя материнской ласки и тепла. Она не понимала себя, она отвергла себя, она не любила себя и не верила, что кто-то другой мог полюбить её. Больше всего на свете она боялась людей, боялась боли, которую они м, боялась быть отвергнутой. А

потому всеми силами избегала того, что несло в себе потенциальную опасность – привязанностей, любви, доверия.

– Какая ты сильная, – прошептал мужчина, легонько прикоснулся большим пальцем к щеке и от этого почему-то заныло внизу живота. – И при этом такая хрупкая, такая... беззащитная.

Он склонился надо мной и, зарывшись лицом в мои волосы, шумно втянул в себя воздух.

– Господи, как же ты восхитительно пахнешь, – практически простонал он. – Твой аромат будоражит, заставляет кровь бурлить.

Его пальцы коснулись моей шеи. Сначала легонько, ласково, а после он усилил нажим. Еще чуть-чуть и я бы уже не могла вздохнуть. Но он не перешел эту черту, не посягнул на мою возможность дышать. Лишь практически полностью обхватил раскрытой ладонью мою шею, словно примеряясь, насколько удобно она лежит в его руке. Его большой палец нащупал яремную вену и лег поверх точки, где ощущался пульс.

В нормальном состоянии я бы отдернула его руку, оттолкнула его, попыталась бы сопротивляться или закричать. На крайний случай, применить свою силу, хоть и старалась всеми силами избегать этого. Но каким-то загадочным, невероятным, непостижимым образом этот мужчина умудрился лишить меня воли, стремления к сопротивлению и даже инстинкта выживания. И где-то там, в самом темном и далеком

уголке мозга билась в панических судорогах моя интуиция, требуя немедленно сбросить с себя эти теплые мягкие руки, и бежать так быстро и далеко, как только можно.

Но я продолжила стоять с буддийским спокойствием понимая, что убежать не смогу, да и не хочу. Этот штиль, наступивший внутри под чужим воздействием, мне нравился. Мне нравилось ничего не чувствовать.

– Ты прекрасна, – я кожей ощутила его улыбку. – А твоя сила – она восхитительна.

Он чуть отстранился от меня, а после взял в свои ладони моё лицо и заглянул в него.

– Почему ты ею не пользуешься? – он казался удивленным и даже возмущенным.

– Я пользуюсь, – шевелиться не хотелось, но все же я указала кивком головы на свои руки.

– Нет, я не про эту силу, – покачал он головой. – А про другую, та, что на вкус как цветочный нектар. Как запах розы в солнечный день. Почему ты так истово её отвергаешь?

– Я боюсь, – свой ровный голос я слышала так, как будто говорил кто-то другой.

– Чего? – его красивое лицо исказило легкое презрение.

– Её, – едва слышно прошептала я.

– Сладкая моя, – он убрал прядки волос, выбившиеся из прически. – Ты уникальна. Как редкий цветок, распустившийся посреди пустыни.

Заглянув в моё застывшее лицо, он удрученно покачал го-

ловой, а после быстро нагнулся и подхватил меня на руки. Я даже не вздрогнула, а лишь теснее прижалась к его твердому телу и закрыла глаза, уложив голову ему на плечо.

Видимо, какие-то остатки моей порванной на клочки силы воли еще остались, потому что я, ощущая навалившееся и усиливающееся с каждым вдохом желание спать, спросила:

– Куда мы идем?

– Домой.

Я зевнула.

– Зачем?

Его губы коснулись моего виска в легком поцелуе.

– Я уложу тебя спать.

– А потом?

– А потом, моя сладкая, я узнаю, так ли ты хороша на вкус, как и на запах.

Его ответ мне не понравился, очень сильно не понравился. Я хотела было вырваться, освободиться из его рук, но желание спать было сильнее. И я нырнула в благословенную тьму. Последнее, что я услышала, было:

– Спи, моя сладость, у нас будет еще много времени впереди. А сейчас, спи. Ты устала.

Глава 33

Юстас вытащил сигарету изо рта, аккуратно её потушил, а после не торопясь поднялся со своего места, приблизился ко мне вплотную и тихо спросил:

– Что?

– Для меня это тоже новая информация, – мне было тяжело говорить, но я постаралась все объяснить. – Я не знаю, как это произошло. И вообще не знаю, что происходило в этом городе в мое отсутствие. А от того, что происходит сейчас вообще голова кругом. Но что я знаю точно – Хасан жив, а нас всех очень умело водят за нос.

– Откуда информация? – Юстас не отрывал взгляда от моего лица, словно очень старательно пытался что-то на нем рассмотреть.

– Рассказывать долго, потому что цепочка длинная и не совсем понятная.

– А мы никуда не торопимся, – демонстративно сложил руки на груди Юстас с таким видом, словно готов маячить столбом перед моим носом ближайшие лет сорок.

– Я понимаю, что ты никуда не торопишься, – на меня стала накатывать злорада, – но мне все это не нравится. Есть отчетливое ощущение, что меня кто-то использует. И мне это не нравится.

Юстас молчал, а я решила поразмышлять вслух.

– Очевидно, что такой человек, как Хасан мог существовать в таком мире, как этот, только если кому-то это было очень выгодно. Если честно, когда Сашка сообщил мне, что босс отправился в лучший из миров, я решила, что билетик ему туда оформил кто-то из влиятельных друзей. Как в классике: «он слишком много знал».

– Намекаешь на власть имущую верхушку? – догадался Юстас и уверенно добавил. – Они бы не стали убивать Хасана. Хасан и был основной причиной, почему там, – он выразительно указал глазами на потолок, – десятилетиями не происходит смена власти.

Видимо моё лицо вытянулось от удивления, потому что Юстас посмотрел на меня как на ребенка, копошащегося в песочнице и пытающегося вылепить куличик, а после вернулся на свое место и вновь потянулся к сигаретам.

В течении следующим нескольких минут он молча курил, а я молча отмахивалась от едкого дыма, так как Юстас предпочитал все крепкое – крепкие сигареты, крепкий алкоголь, крепких женщин. Он хоть и был бывшим спортсменом, но тот образ, который он для себя выбрал обязывал выбирать – либо получать от жизни все и сейчас, либо не получать ничего. Юстас предпочитал все и сейчас.

– Что ты хочешь знать?

Я почувствовала себя ребенком, которого родители привели в кондитерский магазин и разрешили взять все, что захочется. Ведь эти слова Юстаса фактически были обещани-

ем ответить на любой вопрос.

Нервно поерзав, я решила начать сначала:

– Что ты знаешь про Хасана?

– Сколько у тебя есть времени? – подумав, спросил Юстас.

– А сколько понадобится? – в свою очередь поинтересовалась я.

– Много, – странно усмехнулся бывший и предложил: – Устраивайся поудобнее.

И едва он это произнес, как ко мне с жутким грохотом подлетело кресло, до этого мирно стоявшее у стенки напротив, и замерло рядом. Прямая жесткая спинка, короткие изогнутые ножки, потертая обивка, явно знавшая лучшие времена – это кресло напоминало элемент мебелировки викторианской эпохи. Присмотревшись внимательнее, я едва не закричала.

– Юстас!

Бывший лишь вопросительно развел руками.

– Оно зачарованное! – не унималась я.

– Да, магически настроено на создание максимального комфорта для сидящего, – спокойно пояснил Юстас. Но меня его слова не успокоили, о чем я сообщила откровенно злым взглядом. – Да садись уже, не съест оно тебя!

Вот в этом я откровенно сомневалась. Нет, Юстасу я доверяла. Меньше, чем Сашке, но больше, чем всем остальным. А вот в его способности считывать магическую ауру с предметов я не верила. Он – человек, а потому в магии смыслит

не больше младенца. И этот младенец приволок в свой дом множество магических вещей, о возможностях которых он и не подозревает. А потому его уверенность в том, что кресло не сожрет мое бестолковое тельце подействовала на меня совершенно обратным образом. Я еще пристальнее присмотрела к креслу и через пару мгновений мрачно сообщила:

– А ты в курсе, что у него под обивкой находятся ядовитые шипы?

Юстас широко улыбнулся с самым довольным видом.

– Ага.

– Чему ты радуешься?

– Хотел проверить, – продолжал демонстрировать мне свои коренные зубы Юстас.

– Меня или кресло?

– Обоих, – хмыкнул он. – Кресло старинное, а шипы заговорены ведьмой, которая родилась еще во времена Инквизиции. Крепкая была старушка. Мне эту табуретку один знакомый перепродал. Убеждал, что внутри специальный механизм, который срабатывает, когда на кресло усаживается человек, имеющий злые намерения против хозяина. Шипы отравленные, смерть наступает практически мгновенно.

– Я что-то упустила? – старая обида, которую я считала уже благополучно пережеванной и забытой, начала подниматься из глубины души. – Когда это мы успели стать врагами?

– Я знал, что ты заметишь, – перестал улыбаться Юстас.

Я вздохнула, провела рукой по волосам, а после легко прыгнула с рояля и с размаху плюхнулась на кресло, которое лишь заскрипело подо мной, но плевать ядом не спешило.

– А и правда, очень удобно, – согласилась я и провела ладонями по подлокотникам, которые, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, были обтянуты бархатом. Впитавшим килограмм пыли, с проплешинами, но все-таки бархатом. – А теперь, когда ты выяснил, что у меня отсутствует кирпич за пазухой, ты мне поможешь.

– Да, – отрывисто произнес Юстас, отводя взгляд и закуривая новую сигарету. – Итак, Хасан. Он у нас «золотой» мальчик, который потерял все. Родился в Венгрии, в очень непростой семье. Его отец был высокопоставленным военным командиром. Мать – управленцем из госаппарата. В семье имелось еще двое младших сестер. Одна из них пропала, еще будучи школьницей. С этого все и началось.

– Что именно? – не поняла я.

– Превращение избалованного мальчика-мажора в одного из самых опасных людей не только в этой стране. Он прокладывал себе дорогу на вершину самыми разными методами. Кровью, чаще всего, чужой. Деньгами, заработанными на криминале. И страхом, который он научился наводить на людей одним только своим именем.

– У меня такое ощущение, как будто мы говорим о чудовище из сказки, – не впечатлили меня слова Юстаса. – Что

за туманные словесные выверты?

– Ты можешь мне поверить. И дослушать до конца, – жестко произнес Юстас и лицо его исказилось от гнева. – Или не слушать, а встать и свалить отсюда. В конце концов, это ты пришла ко мне с вопросами, а не я к тебе. Не забывай об этом.

Я подняла руки вверх в примирительном жесте, демонстрируя капитуляцию моих сарказма и иронии.

– Мне рассказывали, что Хасан был одержим поиском своей пропавшей сестры. Искал её не один год. Но так и не нашел. Исчезновение Элизы изменило жизнь всех членов семьи. Отец запил, а после его поймали на крупном коррупционном сговоре и отправили в тюрьму. Мать сняли с должности в связи с громким скандалом, которым сопровождалось рассмотрение дела в суде. В стране тогда активно менялась власть и те, кто ранее стоял у руля, новой политической элите были не нужны. Семья лишилась практически всех своих денег из-за конфискации имущества. Старшему сыну пришлось покинуть престижное учебное заведение, до окончания которого ему оставалось семь месяцев. Обязанности кормильца семьи внезапно легли на плечи двадцатилетнего парня, который не умел ничего, кроме как устраивать вечеринки и заливаться по уши коктейлями. Но подсевшая на сильнейшие обезболивающие мать и малолетняя сестра не могли отправиться зарабатывать деньги, а потому это пришлось делать Хасану. В первое время он попытал-

ся воспользоваться имевшимися когда-то у семьи связями. Однако с сыном опального генерала никто не хотел связываться. Фамилия, которая когда-то открывала перед ним все двери, после посадки родителя стала срабатывать наоборот – болезненно щелкать по носу и захлопываться с оглушительной силой.

– И что он сделал? – закусила я губу с такой силой, что во рту появился привкус крови.

– То, что от него требовалось, – равнодушно ответил Юстас. – Отправился в армию, а после вступил в частное военное формирование. Слышала про Фобос?

Я отрицательно покачала головой.

– Кто такие?

– Изначально группа создавалась для охраны торговых судов. Позже их отправили охранять нефтяные месторождения на Ближнем Востоке. Вскоре там развернулась широкомасштабная гражданская война, в которой пришлось участвовать наемникам. Знаешь, чем дело кончилось?

Мне опять пришлось качать головой с видом полного непонимания.

– Четыре ближневосточных государства перестали существовать. Часть их бывших территорий превратились в безлюдные мертвые зоны. Другие контролировались сомнительными организациями с не менее сомнительными целями. Еще часть оказалась захвачена многочисленными бандитскими формированиями, постоянно конфликтующими

друг с другом. И лишь на малой части удалось сформировать некое шаткое подобие нового государства, объединившего то, что осталось от четырех прежних. Там собрались те, кому не хотелось бегать наперевес с автоматом, жить в земляной норе и умирать за чужие денежные интересы в этой части земного шара. Те, кто устал от войны и просто хотел просыпаться по утрам от звона будильника, а не от содрогания стекол в результате обстрела. Хасан был одним из немногих, кто дожил до этого момента. Группа была большой, из почти трехсот наемников выжило всего одиннадцать. Среди этих одиннадцати трое остались инвалидами. Еще четверо сошли с ума, не сумев справиться с тем, что пришлось пережить. Один пропал без вести по пути домой.

– По итогу, трое, – сделала я вывод после нехитрых математических вычислений. – Только трое вернулись домой?

– Да. Трое человек, которые уехали из дома наивными ребятами, а вернулись поломанными и пережеванными войной мужчинами. За годы войны успевшими забыть, что это такое – мирная жизнь. Как это – работать пять дней в неделю с девяти до шести, встречаться с друзьями вечером в пятницу, ходить в магазины за продуктами, выгуливать собаку. Все те простые вещи, которые сотни миллионов людей делают ежедневно по всему миру практически не задумываясь. А для них, вернувшихся из ада, это было как заново учиться ходить после трехлетней комы.

– Они не справились, – догадалась я.

– Да, так часто бывает. Человек возвращается с войны, но война его не отпускает. И в то время, как другие видят спокойную мирную жизнь, они видят поле боя, где необходимо сражаться, чтобы выжить. Каждый бывший боец поступает по-разному. Кто-то учится мимикрировать, притворятся, что все хорошо. И со временем эта маска буквально врастает в их лицо, в их душу. Кто-то находит островок безопасности, за который можно ухватиться – оборудуют тайное убежище на чердаке, заводят экстремальные увлечения, селятся в отдаленных местах. Но Хасан и его друзья решили пойти по другому пути. Они решили не бежать от войны, а превратить весь мир – в войну. Потому что только в битве они ощущали себя живыми, настоящими, нужными.

Юстас замолчал. Молчала и я, пытаюсь как-то уложить в голове новую информацию. То, что Хасан прошел суровую школу жизни меня не удивило. Его повадки, его образ мышления ярко свидетельствовал о том, что стрелять он учился не в тире по пластмассовым мишеням, а по живым.

– Не буду утомлять тебя деталями, тем более, что все подробности мне не известны. Но описываемая троица имела амбициозные планы и не менее амбициозно взялась претворять их в жизнь. Прошло восемь лет. За это время им удалось не только создать широкомасштабную структуру, но и взять под свой контроль несколько организаций, способных влиять на крупные денежные потоки.

– Законные потоки? – решила уточнить я.

– Относительно, – уклончиво ответил Юстас. – Один из моих клиентов, на которого я работал, был партнером Хасана и его сотоварищей.

Я наморщила лоб.

– Это случайно не тот, который владел наркокартелями в Мексике?

– Нет, – криво усмехнулся Юстас, закидывая ногу на ногу. – Это случайно тот, который работал в министерстве обороны США. Он был двойным агентом, работал и на них, и на нас. А после решил, что продаваться двоим не выгодно, и начал сливать информацию еще и Хасану. За это и поплатился. Парня едва не поймали, успел удрать в самый последний момент, прихватив лишь пару носков и зубную щетку. На родине его заочно приговорили к смертной казни. У нас его тоже не особенно желали видеть, чтобы не скомпрометировать репутацию страны в глазах мировой общественности. А Хасану он перестал быть нужен, как только покинул здание национальной разведки через окно вентиляционной шахты в архиве. Но надо отдать Хасану должное – тех, кого считает своими он никогда не бросал. А потому нанял меня, чтобы я помог незадачливому шпиону выбраться из страны и укрыться в безопасном месте.

– И как? – заинтересовалась я, потому что это был первый случай, когда Юстас решил поделиться подробностями своей работы. – Получилось?

– Да, – вздохнул Юстас, уставившись взглядом куда-то ми-

мо меня, – сидит сейчас в соломенной хижине в одной тропической стране где-то на задворках вселенной с перспективой никогда больше оттуда не выбраться. У нет ни компьютера, ни телефона. Он не общается с родными и скорее всего, никогда их не увидит и не услышит.

– Серьезно? Чем же он занимается?

– Пялится в маленький старый телевизор, рыбачит, читает книги. И, судя по всему, скоро свихнется.

Кое-что в словах Юстаса мне не понравилось.

– А они с Хасаном были лично знакомы?

– Это мне неизвестно, – пожал он плечами. – А что?

– Я так поняла, что парень живет один, вдали от цивилизации, контактов ни с кем не поддерживает и при этом он очень обязан Хасану, так?

– Ммм, – неопределенно промычал Юстас. – И что?

– А то, что если Хасан не умер от сердечного приступа, а имитировал свою смерть, то он вполне мог на время зайти у своего бывшего информатора. А что? Это идеальное убежище! И это значит, что парень может знать, где наш бывший босс.

– В твоих словах есть смысл, – медленно согласился Юстас, – но... с чего ты решила, что Хасан скончался от сердечного приступа?

Я растерянно моргнула. Раз. Другой. Третий.

– Мне сказал Сашка, – наконец, выдавила из себя я. И по удрученному взгляду Юстаса поняла – что-то не так.

– Сердечного приступа не было, Фима. Хасан попал в аварию. Это произошло поздно вечером. Днем прошел дождь, а после обеда температура резко опустилась до нуля. Трасса была мокрой и скользкой. Его «Вольво» занесло на повороте. Машина слетела с трассы, перевернулась и упала в канаву. Бензобак повредился и произошел взрыв.

– А что с телом?

– На водительском сидении нашли человеческие останки, но они были в ужасном состоянии. И это не удивительно. Машина выгорела так, что остался лишь металлический остов. Труп опознавали по стоматологической карте.

– И она подтвердила, что это Хасан, – я не спрашивала, утверждала.

Юстас кивнул.

– Через неделю прошли похороны, но в землю зарыли пустой гроб. То, что осталось от водителя «Вольво» поместилось бы в коробку из-под обуви. Но теперь мы знаем, что Хасан жив. Следовательно, в машине был не он.

– Но..., – я поежилась, – почему Сашка мне соврал?

– Он пытался тебя защитить, – сдержанно пояснил Юстас и наши глаза встретились. – Тебя пытались подставить, малышка.

Я отвела взгляд и потеряла переносицу.

– Кто?

– Не знаю, – коротко ответил Юстас и потянулся снова наполнить свой стакан. – Но у той аварии нашлись свидетели.

ли. Сразу несколько человек заявили, что видели машину на шоссе. И что якобы ДТП произошло не случайно. За серебристым «Вольво» Хасана настойчиво следовал мотоцикл ярко-красного цвета. Водитель пытался оторваться от преследования, прибавив скорости. И на некоторое время ему это удалось. Но на повороте мотоциклист догнал и жестко подрезал машину. Из-за чего та и слетела в кювет. Кроме того, те же свидетели смогли описать того, кто управлял мотоциклом. По их словам, это сто процентов была девушка. Об этом свидетельствовала тонкость и хрупкость маленькой, одетой во все черное фигурки. Лицо её рассмотреть не удалось, голову закрывал черный шлем с рисунком в виде пламени.

Я рывком поднялась с кресла и лихорадочно забегала из угла в угол, спотыкаясь о собственные ноги и натыкаясь на мебель. Каждое мое движение сопровождалось грохотом и стуком, но я отмечала это лишь краем сознания. Ведь моим в мозгу болезненно пульсировала одна единственная мысль. Мысль о том, что именно у меня был красный байк и точь-точь такой шлем, как описал Юстас.

Не добежав в очередной раз до противоположной стенки, я замерла на полпути и медленно обернулась к бывшему любовнику.

– Набегалась? – иронично поинтересовался он.

– Я этого не делала, Юстас, – прошептала я.

– Конечно, нет, – легко согласился он.

Я облегченно выдохнула и вернулась обратно в кресло.

Даже сама не ожидала, насколько для меня было важно, чтобы мне хоть кто-то поверил.

– Куда дела свой байк помнишь?

– Я его как-то разбила по пьяной лавочке. В столб влетела. Да так, что колеса в разные стороны выгнулись. Отдала в сервис, но так и не забрала. Где байк сейчас – понятия не имею. Скорее всего, продали как вторичку на авторынке, – предположила я. – Кроме того, мотоцикл хоть и дорогой, но не эксклюзивный. Найти такую модель – не проблема.

– А шлем? – напомнил Юстас. – Такой был только у тебя.

– Рисунок обычный – просто пламя, – пояснила я. – Нанести его на черный мотошлем проще простого.

– Получается, что изобразить тебя на трассе могла любая девчонка похожей комплекции, – безрадостно подытожил Юстас.

– Выходит, что так, – согласилась я. – Но зачем? В то время я уже ушла от Хасана и находилась далеко отсюда.

– Может быть, именно поэтому? – задался вопросом Юстас. – В городе тебя не было, о случившемся ты не знала, связей с прежними знакомыми не поддерживала. А о том, что у вас с Хасаном были сложности в общении знали все, кому надо и не надо. Так что, ты являлась идеальной кандидатурой, чтобы свалить на тебя смерть бывшего нелюбимого босса.

– Вот только босс не умер, – напомнила я и снова вскочила. – Где его теперь искать?

– А зачем его искать? – безмятежно спросил Юстас. – Все считают его мертвым, так пусть все так и остается.

– Ты не понимаешь! – схватилась я за голову. – Мне кажется, что взрывы в городе – его рук дело.

– С чего вдруг ты так решила? Хасан, скорее всего, сидит сейчас где-то на берегу моря под пальмой и кокос грызет.

Я остановилась напротив бывшего, чтобы посмотреть на него зло и требовательно.

– Кто-то стягивает сюда армию, Юстас. Кто-то готовится к войне.

– А может быть все проще? В городе произошло уже три взрыва. Естественно, что наши спецслужбы зашевелились. И решили усилить оборону.

– Вот именно, – я склонилась над бывшим, уперев ладони в подлокотники его кресла. – Уже произошло три взрыва. Почему все так спокойны? Никто не паникует, никто не обсуждает это, никто не боится. Как будто... как будто на город опустили полог молчания и безразличия.

Но у Юстаса и на это нашлось объяснение.

– Ты же знаешь, что наши люди привыкли верить средствам массовой информации. А они просто замалчивают ситуацию. И все. Если медиа не сообщило о каком-то событии, значит, его не было.

– Невозможно контролировать все каналы коммуникации, которыми пользуются современные люди.

– Не будь наивной, всё можно контролировать. И это уже

делается. Не первый год, и весьма успешно. Население существует в информационном вакууме, который был создан правящими кругами, и получает ту информацию, которую одобрили свыше. Это огромная система с отлаженными механизмами воздействия и против неё сложно бороться. Иллюзия свободы выбора – вот, как это называется и с этим практически невозможно бороться, если ты – обычный человек.

– Если не придет кто-то, кто все изменит, – пробормотала я, отступая назад.

– В смысле? – нахмурился Юстас, приподнимаясь со своего места.

– В прямом, – ответила я, после недолгих раздумий. – Больше всего на свете Хасан всегда хотел только одного – власти.

– Все этого хотят, – уверенно заявил Юстас.

– Нет, я этого не хочу, – мои слова были искренними. Мне действительно не нужна была власть, и я не особенно понимала, почему вес вокруг так к ней стремились.

– Потому что ты – странная, – разоткровенничался вдруг Юстас. – Всегда была странной.

Я скептически изогнула бровь. А бывший поспешил уточнить:

– Это не плохо. И не хорошо. Это просто факт. У тебя как будто мозги по-другому работают.

И вот эти слова Юстаса заставили меня кое-что вспом-

нить.

– Юстас, – позвала я, – а что ты знаешь о девятом отделе?

В первую секунду его глаза растерянно расширились и тут же напряженно сузились.

– Я не думаю, что тебе стоит лезть в это, детка.

– Я влезла в это уже очень давно, – с горьким смехом, рвущим душу на клочья, проговорила я. – И не по своей воле.

И по тому, как исказилось его лицо стало понятно – он догадался. Не мог не догадаться. Напряженность сменилась растерянностью, за ней явилась жалость, финальной эмоцией стала злость.

– Как? – только и смог выдать он.

Мне стало тошно.

– Там работал один человек, – ответила я, отворачиваясь. – Он был уже пожилым и годился мне в дедушки. Собственно, так я к нему и относилась – как к дедушке, которого у меня никогда не было. А может быть и был, я не знаю. Не помню. Он заботился обо мне. Приносил фрукты, сладости и книги. Несколько раз даже смог пронести маленький портативный телевизор, и мы вместе смотрели фильмы. Техника был старенькой, показывала плохо, звук был тоже с помехами, но я так радовалась возможности увидеть мир за пределами четырех белых стен. Возможности почувствовать себя обычной. А когда я не могла уснуть он напевал колыбельные. В последние несколько месяцев он старался оставаться на ночные дежурства, чтобы вывести меня в маленький

дворик, где я дышала свежим воздухом и смотрела на звездное небо. Он очень рисковал этим. Ведь мне запрещено было покидать комнату. В одно из таких дежурств он явился странно оживленным...

Глава 34

Дядя Миша протянул мне пакет, в котором оказалась теплая одежда и попросил переодеться. Когда я была готова, мы вышли во дворик и дядя Миша уверенно направился к высокой стене, которая по периметру окружала здание лаборатории и возле которой уже стояла складная лестница. Мне приказали забираться наверх, а на мой изумленный взгляд ответили:

– Сигнализация и камеры видеонаблюдения отключены. Как переберешься через стену – беги к ограде. Ничего не бойся. Собаки спят, а ворота открыты специально для тебя. Когда выйдешь за территорию, поверни направо и беги прямо. Бежать придется долго, несколько километров. Но тебе нужно добраться до большого перекрестка. Там справа от тебя будет лес, а слева – дорога в город. До утра твое отсутствие не обнаружат, но за это время тебе необходимо добраться до города. Следуй вдоль трассы, но по обочине. Так, чтобы из проезжающих мимо машин тебя не было видно. И далеко не уходи – заблудишься.

И мне, ошарашенной и сбитой с толку, сунули что-то в карман.

– Это деньги, – прошептал дядя Миша, в страхе оглядываясь. – В городе возьмешь такси и отправишься по адресу, записанному на бумажке. Там тебя встретят и спрячут. В

ближайшие пару месяцев сиди там и не высовывайся. Тебя будут искать и искать настойчиво.

– А как же вы? – выдохнула я, уже ставя ногу на первую ступеньку.

Дядя Миша поправил усы, а после как-то растерянно спрятал руки в карманы. И на очень короткий миг мне показалась, что эту часть плана по моему спасению он не продумал. Уже не молодой мужчина приложил огромные усилия, чтобы вытащить меня из этого ада экспериментов и исследований, но о себе подумать забыл.

На меня нахлынули эмоции, и я со всего разбегу бросилась дяде Мише на шею.

– Все будет хорошо, милая, – я услышала улыбку в его голосе, – ты справишься, главное – не останавливайся.

Я отстранилась от него и заглянула в испещрённое глубокими морщинами умное лицо. В уголках бесконечно добрых глаз блеснули слезы. Дядя Миша успокаивающе погладил меня по голове, как ребенка, которому приснился страшный сон. Как своего ребенка.

Я всхлипнула, сдерживая рыдания.

– Мы ведь еще увидимся, правда? – мне до крика, до отчаянного воя не хотелось уходить. Не хотелось снова оставаться одной. Но при этом я понимала, что не имею права пренебречь тем сказочным даром, который преподнес мне этот человек и просто обязана на свободу.

– Конечно, – прошептал дядя Миша, ловя сорвавшуюся с

ресниц слезинку. – Мы обязательно увидимся.

И подтолкнул меня к лестнице. Пока я как неуклюжая маленькая мартышка карабкалась наверх, он оставался внизу, придерживая лестницу и страхуя меня. Я старательно не смотрела вниз, потому что знала – посмотрю на дядю Мишу и не смогу уйти. А уходить надо было. Быстро и тихо.

Перекинув ногу через основательную, почти в полметра ширину стену, я заняла более-менее устойчивое положение и начала подтягивать к себе лестницу. В принципе, можно было просто спрыгнуть вниз. В высоту забор был не выше трех метров. Но из-за практически полного отсутствия физических нагрузок мои мышцы ослабли, стали дряблыми и ненадежными. Мое тело подводило меня. И я боялась, что просто переломаю себе обе конечности, если рискну спрыгнуть. А потому, громко пыхтя и периодически сдувая с потного лица пряди волос, что упрямо падали на глаза, я тащила лестницу наверх, а дядя Миша всеми силами мне помогал, подталкивая снизу. Но когда до конца оставалось совсем чуть-чуть вдруг послышался лай собак. Я вздрогнула всем телом так, что едва не потеряла равновесие и не сверзилась вниз.

Здание, где я безвылазно провела несколько лет, находилось на территории бывшего военного госпиталя. Из обрывков где-то случайно, а где-то намеренно подслушанных разговоров мне удалось понять, что по официальным данным это строение признали непригодным к эксплуатации и при-

няли решение о сносе. Но это все было только на бумагах. На самом же деле, в трехэтажном доме столетней постройки сделали капитальный ремонт, завезли оборудование, наняли штат сотрудников, а после отгородили эту территорию двумя заборами – кирпичным, через который карабкалась я, и кованным, который мне еще предстояло преодолеть. Между первым и вторым заборами по ночам бегали собаки – здоровенные озлобленные псины, которых специально готовили для охраны секретного объекта. И вот с ними мне встречаться совсем не хотелось. По опыту, к счастью не своему, я уже знала, если одна из таких собачек в тебя вцепится, то уже не отпустит. Подчинялись прелестные создания только начальнику охраны.

– Что происходит? – спросила я, напряженно всматриваясь в темноту, откуда раздавался заливиственный лай. В тишине ночи он казался оглушительным.

– Они должны глубоко спать, – громко прошептал дядя Миша, чтобы я услышала его, сидя наверху. – Я подсыпал им на ужин снотворного в корм.

– Судя по звуку, песики уже проснулись, – ответила я, свешиваясь вниз. – Что мне делать?

– Перебирайся на ту сторону, – решительно приказал дядя Миша. – Собак я беру на себя.

– Но как ты собираешься..., – в ужасе начала я, представив, как дядя Миша бросается на четверку откормленных псин, уже не раз отведавших человеческой крови.

И тут в свете полной луны, озаряющей небо, блеснула отполированная рукоять пистолета. Мое сердце на мгновение замерло, а после испуганно затрепетало где-то в горле.

– Откуда у тебя оружие? – спросила я, с трудом делая вдох.

– У знакомого взял, – поделился дядя Миша, неумело передергивая затвор.

– Отдай мне, – потребовала я и выжидающе протянула вниз руку. – А сам беги обратно и изобрази все так, словно я на тебя напала, забрала ключи и сбежала.

Лицо дяди Миши резко побледнело. Настолько, что даже в условиях полутьмы это было заметно.

– Ты и так сделал для меня очень многое, – мой голос задрожал. – Дальше мне нужно идти одной. Так будет правильно, – и добавила: – Но надо торопиться.

Мои последние слова словно вывели пожилого мужчину из ступора. Он испуганно оглянулся назад, а после шагнул вперед, подходя вплотную к стене, вставая на цыпочки и вытягивая руку как можно выше. Я в свою очередь распласталась на верхушке стены, одной рукой удерживаясь за край, а другую протягивая на встречу дяде Мише.

Из-за того, что пришлось уткнуться лицом в шершавую кирпичную кладку я практически ничего не видела, но вот кончики пальцев ощутили что-то металлическое и холодное, а после теплое и родное. Это была рука моего дорого друга, держащая оружие. В последнем прощальном жесте я крепко

стиснула его пальцы, а после подхватила пистолет и потянула на себя.

– Прощай, – порыв ветра донес до меня последние слова дяди Миши, а сразу за ними быстро удаляющиеся шаги.

Я перевернулась на спину и глядя в звездное небо прошептала ответное:

– Надеюсь, когда-нибудь встретимся.

Но этому не суждено было случиться.

– Я сделала все именно так, как сказал дядя Миша. Выбежала за ворота, успев скрыться за надежными железными створками раньше, чем среагировали собаки, почему-то проснувшиеся раньше времени и появившиеся со стороны сторожки охранников. Повернула направо и долго-долго бежала в указанном дядей Мишей направлении. За всю ночь я практически ни разу не остановилась. И к утру, шатаясь от изнеможения, грязная и потная, добралась до города. Поймала попутку, наплела водителю какую-то сказку про то, что злой отчим выгнал меня из дома и теперь я пытаюсь добраться до родителей почившей матушки. Приехала по указанному адресу и свалилась без сил прямо у порога. Очнулась уже в кровати, под мягким теплым одеялом и со стаканом молока у изголовья. Через пару минут после моего пробуждения в залитую солнечным светом комнатку вошла полная женщина со знакомыми чертами лица, в которых я узнала дядю Мишу. Она сказала, что её зовут Еленой. И что я могу жить у неё столько, сколько понадобится. Что в её доме без-

опасно и можно ничего не бояться. Прошло немного времени, я освоилась в доме этой доброй женщины, начала помогать ей по хозяйству и потихоньку привыкать к этой новой, спокойной и абсолютно предсказуемой жизни. Жизни, в которой новый день не несет очередную порцию боли и мучений. Где ты ощущаешь себя личностью, а не объектом чьих-то научных интересов и болезненно завышенных амбиций. Где кошмары существуют лишь ночью, во сне, но не воплощаются в реальность. И прогнать их можно очень просто – проснувшись и выпив мятного чаю, кружка с которым всегда заботливо оставлялась на тумбочке у моей кровати. Каждый вечер. Всегда.

Я прикусила губу до боли. И эта боль помогла встряхнуться, вспомнить, что я еще жива, что нахожусь в доме Юстаса, человека, пусть и не самого лучшего, но не врага.

– Единственное, что омрачало нашу с Еленой жизнь – отсутствие новостей от дяди Миши. После моего побега он больше не выходил на связь, не позвонил и не написал. Елена меня успокаивала, говорила, что её брат и ранее пропал, такая уж у него работа. Но где-то в глубине души с каждым новым рассветом в моей душе зрела страшная догадка, подтверждение которой я обнаружила уже когда работала на Хасана. А потом, в один из обычных солнечных дней случилось то, что должно было случиться. К Елене приехал племянник. Он пожил у неё несколько дней, с подозрением поглядывая на хлопчущую по хозяйству меня и пытаюсь рас-

спрашивать тетку, откуда в её доме взялась худая, бледная девчонка, вздрагивающая от каждого резкого звука. Елена отмахивалась от родственника и старалась держать его от меня подальше. Но это не помогло. Однажды хозяйка дома отправилась на рынок, а через два часа этот невзрачный парнишка с черным взглядом прибежал с криками о том, что его тетушке стало плохо и ей требуется моя помощь. Ни о чем не задумываясь я рванула на улицу вслед за ним и поплатилась за свою доверчивость. Стараясь не отставать от бегущего впереди парня, я завернула вслед за ним за обшарпанный угол какого-то странного дома и в мою шею воткнулось что-то острое. Это был шприц с транквилизатором. Я не потеряла сознание, а наоборот – всё видела и слышала, но помешать не смогла. И оказалась в руках чужих людей, плохих людей, торговцев живым товаром. Я еще давно слышала о существовании целой сети притонов, так называемых, зверинцев, распространившихся по всей стране. Но никогда не подозревала, что окажусь в одном из таких паршивых мест. Потом я встретила Хасана, а вместе с ним пришла и новая жизнь...

Глава 35

– Почему ты мне раньше об этом не рассказывала? – с неподдельной печалью спросил Юстас.

– А зачем? – горько откликнулась я. – Это прошлое, и оно уже прошло.

– Но не для тебя, – уверенно заявил Юстас. – Я же вижу. А еще... кажется, я понял, почему ты с такой настойчивостью пытаешься во всем этом разобраться.

– Да? – всколыхнулось мое ехидство. – Знаешь? Так, может просветишь меня, гений?

– Ты хочешь разобраться с призраками своего прошлого, – сообщил мне Юстас. А после быстро добавил: – Но ты ошибаешься.

– В чем?

– В том, что прошлое прошло. Это не так. Ты готова меня выслушать?

Я кивнула уже понимая, что не услышу ничего хорошего. Так и оказалось.

– Девятый отдел был создан группой людей, которые преследовали одну четкую цель – найти то, что они называют Ярость Солнца, – Юстас умолк, а после задал совершенно неожиданный вопрос: – Что ты знаешь об императорской семье?

– Да не особо много, – растерянно протянула я. – Знаю,

что их расстреляли во время гражданского переворота. Лидеры революции сомневались в устойчивости нового государственного строя и боялись возвращения монархии. Что было очень вероятно, ведь очень скоро Партия начала закручивать гайки и многие пожалели о своем участии в свержении императорского режима.

– Якобы боялись возвращения монархии, – с нажимом произнес Юстас, многозначительно подняв указательный палец. – На самом деле, императора и его семью никто не собирался убивать. Был заключен договор, по которому свергнутый правитель обещал передать все свое имущество в распоряжение революционеров, включая некие несметные сокровища, которые по слухам у него имелись. А те в свою очередь должны были помочь семье скрыться за границей у родовитых родственников. После отъезда венценосных особ из страны, Лидеры объявили бы о том, что не смогли воспрепятствовать бегству отрекшегося от трона императора...

...Но в какой-то момент все пошло не так. Ночью в скромный домик, где временно проживал отрекшийся император, его жена, трое сыновей, дочь и несколько человек из прежней прислуги, ворвались вооруженные люди. Угрожая, они подняли спящих людей с постелей и, размахивая наганами и саблями, заставили их выйти на улицу. Громко переговариваясь на странном гортанном наречии, чужаки даже не дали женщинам накинуть на плечи пуховые платки, а буквально в одних ночных сорочках вытолкали на снег, под ледяной ян-

варский ветер. Подталкивая в спину, они выстроили людей в цепочку по одному и приказали идти за дом, туда, где располагался сад.

Люди шли, утопая по колени в сугробах и обнимая себя за плечи руками в попытках хоть как-то согреться. Император пытался заговорить с незнакомцами и узнать, кто они такие и зачем пожаловали. Хотя в глубине души он уже догадывался, чем закончится сегодняшняя холодная безлунная ночь. Но с бывшим правителем самого крупного и влиятельного в мире государства не захотели разговаривать, а лишь огрели беззащитного и уже не молодо мужчину прикладом по спине.

Выйдя в сад, незнакомцы жестами и знаками указали семье и её прислуге выстроиться вдоль стены лицом к стене. И когда за их спинами раздались первые выстрелы, стало очевидно – будут убивать. Громко закричала молоденькая горничная, чья преданность не позволила ей покинуть любимую императрицу. Застонал мудрый доктор, рухнувший на колени. Успела позвать маму десятилетняя принцесса, прижимая к груди старую куклу. А воздух продолжала прорезать череда летящих со свистом пуль.

Через пару минут все было кончено. Итогом стал десяток тел беззащитно рухнувших на обгаренный снег. К дому подъехала телега, запряженная двойкой лошадей и незнакомцы начали быстро заматывать трупы в старые тряпки и грузить на повозку. Через час их скинули в местное болото, которое много лет спустя из-за аномально жаркого лета

иссохло, и братская могила вскрылась. Но широкая общественность об этом так и не узнала. Трупы просто оперативно перепрятали.

– А причем здесь девятый отдел и та проблема, с которой я к тебе пришла – взрывы? – оборвала я хоть и приятную, но малопонятную речь Юстаса.

– Когда ты уже научишься дослушивать? – закатил он глаза с самым удрученным видом.

– Никогда, – с самой милой улыбкой ответила я. И тут же перестала улыбаться: – Поторопись, пожалуйста, я планирую закончить этот разговор раньше, чем наступит рассвет.

– В связи с тем, что осуществившие государственный переворот люди не планировали убивать императорскую семью, закономерно возникает вопрос – кто же их тогда убил?

– Кто? – эхом откликнулась я и проследила за тем, как Юстас поднялся с кресла, пересек комнату и замер ко мне спиной возле старого письменного стола, ножки которого выглядели как огромные кошачьи лапы. И эти лапы мягко переступали на месте, периодически выпуска устрашающе острые когти. Задержав вздох, я постаралась не поддаваться злости и надвигающемуся страху. Ну, подумаешь, одушевленная мебель с когтями, похожими на нож для разделки мяса. Что может случиться плохого?

– Существует легенда, что издревле возле членов правящего дома, история которого насчитывает более тысячи лет, всегда находились люди, входящие в так называемый Орден

Пурпурного Дракона.

– Чего? – не удержавшись, расхохоталась я.

Но мой смех оборвался так же резко, как и возник, утихнув под жестким взглядом подошедшего Юстаса. В руках он держал старую черно-белую фотографию, местами покрывшуюся выцветшими пятнами. На ней были запечатлены хмурые не улыбочивые люди, стоящие в два ряда и сурово глядящие прямо в объектив камеры. Одеты они были по моде начала двадцатого века. Женщины в практически одинаковых платьях до пола с длинными рукавами и воротниками, заканчивающимися под самым подбородком. Никаких украшений, никакого разнообразия расцветок, никакого намека на жизнь. Все степенно, скучно и до боли одинаково. Даже волосы у всех были уложены в одну и ту же прическу – просто зачесаны наверх и собраны в пучок на макушке. Одежания мужчин также не отличались разнообразием и выглядели не менее консервативно, чем наряды женщин – галстуки-бабочки, костюмы-тройки, шляпы-котелки и плотные, скорее всего, шерстяные, пальто.

– Даже при всем желании, трудно выглядеть более уныло, чем они, – вынесла я свой вердикт, обращаясь к Юстасу.

– Перед тобой последний состав Ордена Пурпурного Дракона.

– Что за Орден, при чем тут драконы и почему они пурпурные? – поморщилась я, продолжая рассматривать лица на фото.

– По поводу цвета – все просто, – заявил Юстас, возвращаясь к своему креслу и остатку алкоголя на дне бутылки. – Пурпурный оттенок издавна считался королевским. В давние времена краску такого цвета было очень сложно и, естественно, дорого создавать. А потому позволить себе пурпурную одежду могли только представители правящего сословия. Прошли годы, производство краски значительно удешевилось, но привилегия носить пурпурный к тому времени прочно закрепилась за королевской семьей. Вряд ли им так сильно нравился этот цвет, скорее просто вошло в привычку. Поэтому неудивительно, что тайный орден, главная задача которого сводилась к охране королевского рода, в своем обозначении упоминает этот цвет.

– Ничего не понятно, – обреченно простонала я, хватаясь за голову.

– Потому что из некоторых хороших спортсменов так и не получилось хороших рассказчиков, – с ленцой протянул холодный надменный голос. Настолько холодный, что в тот же миг по моей спине потянуло таким сквозняком, словно кто-то забыл захлопнуть дверь, ведущую в Антарктиду.

Гулко сглотнув, я медленно повернула голову на звук и...

– Твою же мать! – мой крик взвился к потолку и следом за ним едва не последовало кресло, которое я отшвырнула от себя вскакивая с места и образуя перед собой защитную полосу огня.

В полуметре от меня висел призрак. И не просто призрак,

а темный дух, который, судя по интенсивности свечения, при жизни был сильнейшим черным магом. Не то, чтобы я была большим специалистом по призракам. Если честно, за всю свою жизнь я встречалась с привидениями лишь единожды. И эта встреча оставила такое неизгладимое впечатление, что у меня еще спустя месяц дергалась правая нога и левый глаз. А еще болели почки и не хотелось выпускать из рук сковородку. Я тогда как раз въехала в свою первую собственную квартиру и из всего оружия под рукой оказалась лишь столовая утварь, которой и пришлось отбиваться. Я неделю прожила на кухне, окопавшись под обеденным столом, так как остальную квартиру захватили призраки. Они почему-то решили, что мои апартаменты – отличное место для массового собрания взбесившихся призрачных существ. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы Сашке вдруг не пришло в голову поздравить меня с новосельем. Он-то и помог мне избавиться от нежеланных квартирантов. Процесс избавления оказался болезненным, а несчастная соседка, не вовремя заглянувшая в гости, так и вовсе малость тронулась умом. Но больше всех досталось коту... Ветеринар смог вылечить сформировавшуюся у него привычку делать кучку при каждом громком звуке, а вот с внезапно образовавшимся косоглазием ничего поделать не смог. В принципе, это даже неплохо. Разбежавшиеся по разным сторонам морды глаза немного отвлекали внимание от усов, завернувшихся штопором.

Поэтому моя реакция на возникший непонятно откуда дух получилась настолько бурной. Да и выглядел призрак весьма пугающе. Я бы даже сказала, очень плачевно он выглядел. Скорее всего, его жизнь оборвали насильственным способом. Что лишь усугубило и так не самую привлекательную внешность. Долговязая фигура была слишком худой, отчего мантия как-то бестолково болталась на худых плечах, и в целом напоминала мешок, брошенный на черенок от швабры. Лицо с длинным носом и тонкими, брезгливо поджатыми губами отливало болезненно-серым оттенком. словно его кожа при жизни никогда не видела солнца, отчего стала похожа на помятый пергамент. Маленькие, глубоко посаженные глаза были водянистыми и смотрели на мир зло, как бы намекая на полное отсутствие человеколюбия.

– Эммм, – раздался голос Юстаса откуда-то из темного угла. – Фима, ты бы погасила свой костер, а то потолок уже немного дымится.

Я машинально глянула наверх, увидела дым и тут же убрала барьер, схлопнув магию ладонями.

– Какие симпатичные фокусы, – все в той же ленивой манере произнес призрак после презрительного смешка. – Тебе бы только в цирке выступать, деточка.

– Только что оттуда, – огрызнулась я. – Не особо интересно.

– Я в курсе, – колыхнулся призрак, сложив руки на гру-

ди. – От тебя за версту разит попкорном. И детьми.

Последнее слово он исторг из себя с таким отвращением, словно вступил в нечто омерзительное и не достойное существования в одном с ним мире.

С полминуты я бессмысленно пялилась на призрака, а после обернулась в сторону угла, где окопался Юстас.

– Что за хрень тут происходит?

Заскрипели половицы, зашуршало что-то, подозрительно похожее на крылья летучих мышей и на свет ступил Юстас. Прихрамывая, поддерживая левую руку под локоть и болезненно морщась от обожженного подбородка.

– Ой, – закрыла я рот ладошкой. – Это я, да?

– Нет, это я решил устроить внутри деревянной мансарды барбекю, – вступил в разговор призрак.

– Юстас, – обратилась я к бывшему, – утешь меня, скажи, что это не то, о чем я думаю?

Юстас пощупал подбородок, проверил наличие ресниц, бровей, а также своей ранее блестящей и ухоженной, а ныне слегка взъерошенной и присыпанной пылью шевелюры, и лишь затем ответил:

– Если ты хочешь спросить, не привиделся ли тебе болтающийся по центру комнаты призрак, то я тебе отвечу – нет, – Юстас прохромал к креслу и устало плюхнулся на сидение.

– Призрака я вижу, – и в подтверждение своих слов оглянулась на упомянутого гостя с того света. Вернее, так до него и не добравшегося.

В ответ на мое подчеркнутое внимание призрак разомкнул полупрозрачные губы и выдал то, что, по его мнению, было улыбкой. Хотя на самом деле больше напоминало оскал дикого животного, в котором обнажились мелкие, желтые, словно специально остро заточенные как у пирании зубки.

– Ты ими что, мышей ловишь? – передернуло от отвращения меня.

– Нет, наглых полукровок, – не оценило мою шутку мрачное и откровенно пугающее привидение.

Но, как выяснилось, самое страшное ждало впереди.

Потому что призрак решил испугать меня еще сильнее и стремительно рванул на меня. Будь я человеком, то вообще не заметила бы его движения. А так, я увидела его прыжок в мою сторону одним смазанным движением. Словно большая чернильная клякса ожила и решила побегать.

Пытаясь уйти от столкновения с озлобленной призрачной сущностью, я, припав на одно колено, присела и выставила вперед раскрытые ладони, атаковав противника струёй огня.

Те призраки, с которыми я встречалась ранее не особенно впечатлились моими способностями. Они насмешливо называли меня искоркой и лишь щурились, когда я пыталась отогнать их снопами огня. Поэтому я не ждала, что на взбесившегося мертвого мага подействует мой прием, но рассчитывала хотя бы на изменение траектории. И последующий полет куда-нибудь в стенку, вместо попытки завладеть моим телом, а именно с этой целью он и решил поразмяться.

Те, другие, тоже пытались, но не настолько агрессивно. Скорее, для них это было веселое развлечение. Но они при жизни были обычными людьми, которые просто не захотели уходить в мир духов. А остались здесь, выбрав существование в виде бесплотных и постепенно теряющих свою прижизненную личность сущностей. Этот же был иным, не знаю, как и почему, но ощущался он иначе. От него веяло не просто легким холодком с привкусом зимней свежести. От него разило затхлым запахом старого склепа и могильным сквозняком, гуляющим меж древних надгробных плит.

– Что, испугалась? – со злым смешком зашипели мне в затылок.

Крутанувшись на одном месте, я оказалась лицом к лицу с черным магом. И поняла, что умер он очень давно. Не знаю, откуда пришли эти мысли, но я вдруг отчетливо осознала – ему, как привидению, очень много лет. Он жил в те времена, когда мелькнувшая среди длинных шуршащих юбок женская ножка считалась верхом эротизма. Когда воины давали клятву верности, присягая своему сюзерену стоя на коленях. Когда за честь умирали... И когда люди гадили прямо на улицах, не знали о существовании пенициллина и в двадцать шесть считались стариками. Мда, не самое лучшее было время, о чем явственно свидетельствовали глубокие борозды, навеки отпечатавшиеся на лице призрака. Выглядело это так, как будто кто-то при жизни пропахал его кожу плугом.

– А ты? – упрямо вскинула я подбородок и ехидно глянула призраку в глаза. – Не испугался, когда впервые увидел телевизор? Или тебя призвали до его изобретения?

– Как ты догадалась, что его призвали? – повернулся ко мне Юстас, оторвавшись от увлекательного занятия – прикладывания холодного компресса к пострадавшей физиономии.

Я встала в деловитую позу, приняла гордый вид, а после ткнула пальцем в посверкивающие на запястьях призрака тонкие, простые и практические незаметные браслеты. Если не знать, что это такое, то можно подумать, будто видишь не особо выразительную средневековую бижутерию.

Испокон веков маги были склонны к драматизации. А черные маги – особенно. Они устраивали из магических обрядов целые представления, любили впечатлять голодную до зрелищ публику своим выделяющимся внешним видом – подводили глаза черным, наряжались в развевающиеся за спиной плащи с капюшонами, вырабатывали особые мистические интонации в голосе, размахивали руками там, где необходимо было лишь произнести пару слов на латыни. В общем, актерствовали, всеми силами привлекая к себе внимание. Ага, ровно до тех пор, пока мир не скатился из свободной античности в мрачную религиозную одержимость. А власть не захватили церковники, объявившие войну всем, кто мешал им руководить и стричь дань с доверчивых приверженцев новой религии. То есть, всем тем, кто имел маги-

ческие способности. Ведь именно их во времена язычества почитали как богов. Подумать только, тех, кто мог влиять на природу, управлять стихиями, подчинять себе смерть, развязывать и прекращать войны перехитрили жадные людишки в рясах!

Но это все лирика давно минувших дней. А в реальности мы имели браслеты подчинения на больше, чем пятисотлетнем призраке. И они означали лишь одно – его призвали, насильно вырвав из забытья, подчинили и с тех пор он находился под чьим-то полным контролем. Хозяина можно было вычислить лишь по одному признаку – наличию чего-то, с чем неразрывно связан призрак. Владелец этого предмета должен его старательно прятать, если не идиот, конечно. Но идиоты, даже если каким-то чудом умудряются вызывать могущественного и опасного призрака – долго не живут. Призракам не особо нравится кому-то служить, и когда их вырывают из посмертного сна тоже. А кому понравится?

И тут мой взгляд упал на шею Юстаса, где из-под футболки, обтягивающей идеально спортивный торс, выглядывала часть серебряной цепочки с крупными грубыми звеньями.

– Ты идиот, – по слогам выдохнула я, а после, чтобы не заорать от отчаяния, сцепила зубы так крепко, что заломило в челюсти.

Бывший не стал ничего отрицать, а просто повинно уронил голову, закрывая лицо ладонями.

– Я не хотел, чтобы ты узнала об этом так, – глухо про-

бормотал он.

– Да, встреча получилась запоминающейся, – согласилась я. А после пришло страшное понимание: – Так, это он помогал тебе все это время?!

Юстас поднял на меня бледное лицо и утвердительно кивнул.

– Да, он вроде моего ангела-хранителя.

Я оглянулась на застывшего в надменно-презрительной позе призрака, вспомнила про его жуткие зубы и, не сдержавшись, передернула плечами.

– Скорее, уж демон-хранитель.

– Думай, что вылетает из твоего маленького рта, девочка, если хочешь пожить подольше, – рявкнул призрак, а его рот и глаза полыхнули зеленым пламенем.

– Юстас, – сделала я шаг поближе к бывшему, стараясь не сильно демонстрировать своё едва сдерживаемое желание сбежать с воплями и истерикой, – а ты в курсе, что твой ангел-хранитель при жизни был некромантом?

– Да, – тяжело вздохнул Юстас. – Бабушка рассказала мне, перед тем, как передать медальон подчинения.

– Бабушка? – переспросила я, пошатнувшись. – В смысле, твоя бабушка?

– Ну да, – Юстас пожал широкими плечами, а после вытянул из-под футболки указанный медальон и продемонстрировал мне. – Она правда была мне не родной бабушкой. Моя умерла сразу после рождения второго ребенка. Дедуш-

ка остался один с двумя малыши детьми на руках. Через два года он встретил другую женщину и женился на ней. Она приняла его детей, как родных, и родила еще двоих. В нашей семье не принято вспоминать, что она двум старшим детям, моей маме и её брату, не родная.

– Занимательная жизненная история, – не очень вежливо отозвалась я, – но хотелось бы узнать, как в твое семейство затесалась призрачная некромантская морда! – и совсем уж невежливо ткнула пальцем в указанную морду.

– Какая невоспитанная барышня, – фыркнул благополучно скончавшийся несколько сот лет тому назад некромант с интонациями благовоспитанной старушки. – Варенька бы не оценила.

– Дай угадаю, – зыркнула я на Юстас, – Варенька – это твоя бабуля?

– Ну да, – удрученно почесал затылок Юстас. – Понимаешь, она увлекалась спиритизмом и умела разговаривать с призраками. В нашей семье об этом мало, кто знал. Она старалась не распространяться на эту тему. Боялась, что слишком консервативное общество, которое её окружало, не поймет. И её просто сочтут сумасшедшей, а после упекут в психушку. Но меня она очень любила и частенько брала с собой на встречи с подругами.

– Они были такие же, как и она? – заинтересовалась я.

– Нет, они просто верили во все это и любили собираться каждую неделю для проведения спиритических сеансов.

– Ммм, женский кружок по интересам, – покивала я, не скрывая скепсиса.

– Вроде того, – не стал спорить Юстас. – Они периодически вызывали духов каких-нибудь известных людей и спрашивали их о былой жизни. Остальные думали, что бабуля в это время пьет чай и вяжет шарфики в окружении таких же почтенных дам, как и она.

– А бабуля в это время интервьюировала Элвиса Пресли, – сыронизировала я.

– Её не особенно интересовали поп-певцы, она больше стремилась к общению с политиками и государственными деятелями. Она любила изучать историю, сверять факты. Даже планировала написать книгу про свое общение с призраками известных людей. Я был единственным из всех родственников, кому она открыла правду. Бабуля говорила, что я очень похож на неё по характеру.

– Интересно, что она имела в виду? – пробормотала я, пристраиваясь на подлокотник кресла Юстаса.

– Во время одного из сеансов, – продолжал рассказывать бывший, никак не реагируя на мои слова, – что-то пошло не так. И вместо одного из вызываемых умерших явился он.

Юстас кивнул в сторону некроманта, а тот лишь высокомерно вздернул свой длинный нос и отвернулся. Но исподтишка продолжал посматривать в нашу сторону.

– Бабушка попыталась прогнать его, но он не хотел уходить. А вместо этого начал мстить. В течении месяца погиб-

ли две её подруги. Он, – повторный кивок на призрака, – их убил. И практически добрался до третьей, но к тому моменту бабуля уже сообразила, что происходит.

– И до меня, кажется, тоже дошло, – пробормотала я, а после обратилась к умершему магу. – Достаточно сильный призрак способен вселиться в чужое тело и взять его под контроль. По сути, это как обрести вторую жизнь, да?

Призрак одарил меня ненавидящим взглядом, но вопрос оставил без ответа.

– Значит, я права. Сослать призрака обратно способен лишь тот, кто его вызвал. В данном случае, – я оглянулась на Юстаса, – в ритуале участвовали четверо.

– Не знаю, как, – вновь заговорил бывший, – но бабуля смогла наложить на него связующие чары, привязав Магнуса к медальону. Всю оставшуюся жизнь она носила его, не снимая. А Магнус стал... ну, практически членом семьи.

Я зло фыркнула.

– Давно почивший черный маг, мечтающий свернуть шею твоей бабуле, наверняка, отлично смотрелся за столом во время воскресных семейных обедов.

– О его присутствии знали только двое – бабушка и я. Перед своей смертью она сняла медальон со своей шеи и одела на мою, взяв с меня обещание никогда не снимать его. С тех пор мы с ним остались вдвоем. Я не знаю, как это работает, но он слушается меня и всегда помогает.

– В нормальных семьях передают в наследство ювелирные

украшения, столовое серебро или недвижимость. На худой конец – породистых домашних питомцев. А у вас призрак – главная родовая ценность, – продолжала я злорадствовать, пытаясь как-то уложить в голове информацию о том, что у моего бывшего любовника все то время, которое мы провели вместе был собственный ручной призрак. Прямо как домашний котик, только вот клыки побольше. И котик не вырвет тебе кишки во сне.

– Пойми, Магнус – он..., – эмоционально начал Юстас и запнулся.

– Тот, кто был рядом с тобой всю твою сознательную жизнь, – закончился я за него. – Я поняла. Только мне не кажется, что это, – я повела глазами вбок, указывая на все еще имитирующего полную глухоту призрака, – здоровые отношения.

– Кто бы говорил про здоровые отношения, – вспылил Юстас, вскакивая на ноги. – Тебе-то что известно об этом?

Я насупилась и сложила руки на груди. А после не выдержала и закричала:

– Хотя бы то, что отношения нужно выстраивать с живыми! В твоём случае с психически здоровыми и эмоционально стабильными женщинами, способными закрывать глаза на твою страсть таскаться за всем, что носит юбку и хоть чуть-чуть привлекательнее Магнуса!

Юстас медленно набрал в грудь побольше воздуха, открыл рот и... не успел произнести ни слова, как безвольно свалил-

ся на пол.

В первые несколько мгновений я лишь оторопело моргала, а после бросилась к бесчувственному телу.

– Юстас, – позвала я, начав тормошить его за плечо. – Юстас!

– С ним все нормально, – протянул надменный голос, – просто спит.

Мне даже не нужно было оглядываться, чтобы понять – призрак сейчас болтается в воздухе прямо за моей спиной.

– Тебе не кажется, что это уже слишком? – разъяренно зашипела я, подсовываю Юстасу под голову подушку, взятую с кресла.

– Мне так не казалось, даже когда я вас развел, – рассмеялись мне в ответ.

Я замерла в той же позе, в которой находилась – нависнув на Юстасом и держа его за руку.

– Ты дыши, дыши, – посоветовали мне и добавили с насмешкой: – Дышать это вообще очень приятно. Тебе еще предстоит оценить эту чудную возможность – свободно дышать.

– Угрожаешь? – сдержанно поинтересовалась я, чуть поворачивая голову.

– Не бойся, я не собираюсь на тебя нападать, – хмыкнул призрак. – И без меня желающих навалом, так что я просто отойду в сторонку и понаблюдаю.

Я медленно, стараясь не делать резких движений, чтобы

не спровоцировать явно очень озлобленное привидение, выпрямилась и развернулась. Приятнее стоять к тому, кто желает тебе смерти лицом, а не тем местом, на котором сидят.

– Так меня ненавидишь? – удивилась я. – За что?

– Ты причиняла ему боль, – помедлив, ответил призрак, глянув на Юстаса.

– И это всё? Все твои претензии сводятся к тому, что я посмела причинить ему боль? – не удержалась я от горького смеха. – Как и он мне! Как и все люди на земле друг другу! Они ежедневно причиняют боль и страдания. Но это окупается! Краткосрочными минутами счастья, проведенными вместе – в любви и гармонии!

– У вас не было ни любви, ни гармонии! – прорычал призрак и по его призрачной сущности пробежала крупная рябь, словно круги по воде. – Вы постоянно ругались и орали, вымещая друг на друге злость и обиду!

– Оралли? – уточнила я, складывая руки на груди. – Прямо как ты сейчас? Интересно, это заразное или у хозяина научился? А может быть, он у тебя?

Призрак дернулся, как от удара, а потом приблизился вплотную ко мне и зашипел, разбрызгивая призрачную слюну:

– Он мне не хозяин. Я помню его еще маленьким мальчиком, испуганно хватающимся за юбку бабушки. Я помню, как он прибежал к ней в кровать во время грозы и пытался спрятаться под одеялом. Я помню его первый день в школе

и как он тайком утирал слезы, потому что не хотел расставаться со своими игрушками. Я его вырастил. Я был рядом с ним всю его жизнь, даже тогда, когда он сидя на горшке пускал пузыри из соплей.

– Вот последняя информация явно была лишней, – брезгливо поморщилась я. – Теперь эта картинка никогда не покинет мой мозг.

А после тяжело вздохнула:

– Слушай, я понимаю. Ты меня ненавидишь за то, что я не смогла сделать счастливым твоего... Юстаса. За то, что мы не смогли с ним поладить. Но, пойми, так часто бывает. Я не знаю, как было принято строить отношения в твои времена. Но мы с ним... Мы были как дикобразы. Понимаешь?

– В смысле, спаривались как животные? – поморщился призрак с отвращением. – За этим я не наблюдал. Как в вас просыпались инстинкты к продолжению рода, я отворачивался и покидал вас.

Я не стала скрывать облегчения.

– Приятно знать, что ты за нами не подсматривал хотя бы в такие минуты. Но под дикобразами я имела в виду совсем другое. Я хотела сказать, что у нас обоих есть иголки. Юстас и я – мы через многое прошли в жизни. Ощувив на себе в полной мере весь холод этого мира, мы пытались согреться в тепле друг друга, но чем сильнее мы прижимались, тем сильнее кололись об иголки. Понимаешь? – с надежной спросила я. Мне хотелось, чтобы он меня понял. Не знаю почему. Не

знаю, почему я решилась открыть душу этому странному и явно не горящему ко мне любовью призраку, но почему-то в этот момент было важно, чтобы он меня понял. В груди тлело ощущение, что от этого очень многое зависит.

– Не совсем, – поджал тонкие губы призрак, от чего его лицо стало еще более неприветливым. – Но я всегда знал, что вы не пара. Поэтому и подсунил ему ту девицу. И сделал так, чтобы ты застала их вместе.

– Так это твоих рук дело, – сообразила я. Боли уже не было, а вот печаль осталась. Так горюют по кому-то очень близкому, но давно умершему. По человеку, которого ты почти не помнишь, но о котором ты знаешь, что он был и хотел бы, чтобы судьба отмерила вам чуть больше времени. Но ничего изменить уже нельзя, а потому осталась лишь тихая грусть по тому, что могло бы быть у вас вместе, но так и не случилось.

Именно так я теперь относилась к Юстасу – как к давно ушедшему в мир иной родственнику.

– Так было лучше, – заявил призрак, отводя взгляд. – В первую очередь, для него.

– И что же со мной не так? – спросила я, ожидая жалоб на мой отвратительный характер – безответственная, легкомысленная, глупая, несобранная и все в таком духе.

Но того, что я услышала в ответ я никак не ждала:

– Вокруг тебя тьма, Серафима. И эта тьма сгущается.

Глава 36

Я не знала, что ответить. А потому просто молча стояла, уставившись в призрачное блеклое лицо, пытаюсь сообразить – это такой красивый эвфемизм или дословное описание реальности?

Магнус тем временем подплыл к Юстасу, проверил его дыхание, удовлетворенно кивнул каким-то своим мыслям и лишь потом вновь обратился ко мне:

– Я хотел поговорить с тобой наедине. Мне нужно кое-что тебе рассказать, но сперва пообещай мне, что ты не станешь втягивать во все это Юстаса. Это не его война.

– Договорились, – быстро согласилась я, – оставлю его и дальше бесполезно прозябать в этом сверхъестественном бардаке, который он тут устроил. Только предупреди его, когда проснется, что вот тот комод скоро нападет на вот тот патефон. И вообще, превращать свой дом в склад магических вещей было не самой лучшей идеей. Я бы даже сказала – откровенно паршивой и смертельно опасной. Потому что в любую секунду вся эта мебель может зажить своей собственной жизнью, а затем устроить у Юстаса на чердаке бунт и гражданскую войну.

– Я его предупреждал, но Юстас бредит поиском... а ладно, – начал рассказывать призрак, а после прервал сам себя и безнадежно махнул рукой.

– Так, что ты там хотел мне рассказать? – напомнила я. – Если про какой-то малопонятный орден имеющий малопонятное отношение к царской семье, сложную историю которой взялся пересказывать мне Юстас, то попытайся зайти не настолько издалека, потому что я устала, уже поздно и у меня не так много времени.

– Я слышал, – закатил глаза Магнус. – Действительно, объяснять парень так и не научился.

– Вот, вот, – согласно закивала я. – Итак?

Призрак взметнулся к потолку, а после приземлился на очень вовремя подъехавшую коричневую софу, застывшую прямо напротив меня. Я постаралась не морщиться слишком очевидно, но живые табуретки и думающие карнизы начинали здорово действовать не нервы.

– Орден Пурпурного Дракона был создан очень давно, около тысячи лет назад. Цели, которые преследовали его члены периодически менялись, порой, даже очень кардинально. И в основном они зависели от тех, кто стоял во главе Ордена. Традиционно это была тройка архимагов, которые собирали под своим началом наиболее выдающихся обладателей магии. В разное время в Орден входили и маги, и некроманты, и вампиры, и даже оборотни. О деятельности Ордена известно немного – они тщательно хранили свой тайны. Но если покопаться в истории человечества, то непременно наткнешься на их следы. Просто надо знать, что искать и куда смотреть. Руководители Ордена старались осо-

бенно не высовываться и следили за тем, что их интересовало как бы из-за кулис. И когда надо было – вмешивались, но действовали всегда чужими руками. До тех пор, пока одному из архимагов не захотелось большего. Борион, так звали этого человека. И он захотел получить абсолютную власть.

Власть – вот, что всегда прельщало людей. Власть дает многое, но и забирает немало. Не зря существует поговорка – хочешь узнать человека, дай ему право управлять людьми. Даже небольшое возвышение над остальными некоторым людям способно так ударить в голову, что осколков прежней личности уже не собрать. Власть развращает? Всегда и всех. А абсолютная власть меняет абсолютно. И именно к ней всеми силами стремился Борион – молодой, даже слишком молодой, чтобы быть архимагом. Но незаурядный ум, железная сила воли и неудержимые амбиции позволили ему достигнуть этой планки. Но ему было мало.

– Ему всегда всего было мало, – тяжело и как-то обреченно вздохнул Магнус, потупив взгляд. – Все, что он имел было недостаточно хорошим для него, понимаешь? Он сумел разработать целый план и красивыми речами о господстве затуманить разум Игнатио и Сильвира.

– Это, как я понимаю, коллеги по должности? – вмешалась я.

Магнус кивнул.

– Да, Сильвир был старшим, ему было немало лет, и он помнил еще как возводилась первая пирамида. Если у него

и были какие-то стремления, то это стремление к покою. Он по-прежнему оставался одним из величайших магов современности, но моральных сил противостоять Бориону у него уже не было. И он просто пустил все на самотек. Игнатио был вторым в иерархии Ордена. Его желания также отличались от желаний главного в Триумvirате. Он видел роль Ордена не просто как наблюдающего и регулирующего независимого органа, а как законодательную и судебную власть.

– Иными словами, он хотел создавать правила и карать тех, кто этим правилам отказывался бы подчиняться, – констатировала я.

– Да, тот период отметился несколькими масштабными войнами. Не только человеческими, но и магическими. Как результат – многие цивилизации попросту погибли. Мир был на распутье. И этим сложным периодом воспользовался Борион. Он провел реорганизацию Ордена, активно внедряя новую идеологию. Поддерживающих его он награждал, сомневающихся – убеждал, несогласных – уничтожал. Орден превратился в его личную армию, готовую следовать за своим лидером даже к черту в пасть. В принципе, так и произошло.

– Дай угадаю, эта самая пасть находилась на территории страны, где сейчас живем мы? – быстро догадалась я.

– Сообразительная, – похвалил Магнус с таким выражением лица, с которым обычно проклинаят. Ну, или животом мучаются. – Это была сильная и грозная держава, во гла-

ве которой стоял очень мудрый правитель, любимый своим народом. Правда, было одно «но». У правителя не было детей. К тому моменту он трижды сочетался браком и все три его супруги трагически погибали, не прожив и года после свадьбы. Первая супруга упала с вдруг обезумевшей лошади. Вторая слегла с горячкой и «сгорела» за неделю. Третья просто исчезла во время прогулки. Как ты понимаешь, обзавестись наследниками в таких условиях довольно трудно. У короля были бастарды, но он прекрасно понимал, что на трон взойти им не дадут. И вдруг, во время одного из весенних балов, он встретил прекрасную незнакомку. Они успели перекинуться лишь парой слов, после чего она исчезла также внезапно, как и появилась. После они сталкивались еще несколько раз – в самых неожиданных местах. То во время зимней прогулки, то на ярмарке в честь летнего солнцестояния, то при поисках любимого кречета короля, потерявшегося в момент охоты. Кречета, кстати, нашли. И именно прекрасная незнакомка смогла оказать птице, у которой по непонятным причинам оказалось сломано крыло, необходимую помощь. Тогда-то они и посмотрели друг другу в глаза при свете дня – над подрагивающим телом издающего жалобный звуки кречета. Кажется, он пытался что-то сказать своему хозяину, но тот его не слышал. Весь мир ему затмили зеленые, как первая трава по весне, глаза девушки настолько красивой, что сердце замирало от столь близкого её присутствия.

Он хотел удержать её, узнать имя, спросить кто она и когда они смогут увидеться в следующий раз, но она лишь ласково улыбнулась и, взметнув золотистыми локонами, исчезла за деревьями. Король бросился за ней, но никого не обнаружил. Лишь с ближайшей ветки вспорхнула изящная иволга и скрылась в кроне.

Он потом еще несколько раз возвращался на это место. Он изучил его со всех сторон и запомнил расположение каждого даже самого маленького кустика, но понять, куда и как так быстро пропала незнакомка не смог.

– Чудеса, – восхищенно прошептал он, поправляя меч.

Через неделю после описываемых событий королю необходимо было явиться на торжественный прием во дворце правителя соседнего государства. Это была маленькая, но очень гордая страна. Гордой она была по причине своей неприступности, вызванной крайне удачным расположением. С трех сторон её окружали горы, остальная территория граничила с морем, известным своим переменчивым настроением и обманчивым спокойствием. Не одно захватническое судно разбилось о те негостеприимные скальные берега. Но нашего короля маленькая и гордая страна интересовала по другим причинам. Ему нужна была руда, в больших объемах добываемая жителями этой страны. Именно поэтому он и согласился поучаствовать в мероприятии, которое само по себе мало его интересовало – планировал договориться о бесперебойных поставках так необходимых его государству по-

лезных ископаемых. Хотя он прекрасно осознавал, что пригласили его для другого – живущий по соседству сюзерен выводил в свет свою единственную дочь, наследную принцессу. Все знали – тот, кто женится на принцессе взойдет на трон вместе с ней. А потому кандидатам предстоял очень жесткий отбор. Помимо заманчивого приданного у девушки имелось еще кое-что. Ходили слухи, будто красоты она такой, что ни один художник не смог в полной мере передать это на холсте. Но наш король слухам не верил. Знал, молва любит приукрашать да преувеличивать. А потому готовился увидеть обычную, ничем не примечательную и слегка симпатичную девицу.

А увидел Её.

Она сидела на троне по правую руку от своего отца – правителя страны. Гордая, величественная, сдержанная. Облаченная в длинное зеленое платье в тон к огромным глазам с чистым лучистым взглядом. Он никогда ранее не видел таких глаз, в которых доброта и ум сочетались бы в равной степени. В отличии от предыдущих их встреч, в этот раз её похожие на ожившее золото густые волосы были собраны в высокую прическу, открывающую прекрасный вид на длинную изящную шею. В волосы была аккуратно вдета тиара, украшенная россыпью бриллиантов и изумрудов. Они сверкали и переливались в лучах солнца, проникающего сквозь высокие оконные проемы в зал королевских приемов, но все равно не могли затмить красоты её волос, которые искрились

не хуже драгоценных камней.

Король застыл, как вкопанный, ощущая на себе удивленные взгляды не только своей свиты, но и местных придворных и даже прислуги, разносившей по залу кувшины с напитками и тарелки с угощениями. Даже, казалось, музыканты вдруг стали играть тише. И церемониймейстер как-то смущенно закашлялся. Ведь король со своими сопровождающими продолжал стоять в дверях, в то время, как всё еще прибывающие гости образовали позади него значительную очередь. Те из них, кто застряли в самом конце и не знали об истинных причинах затора начали громко проявлять недовольство. И именно это вывело короля из ступора. Он скуповкивнул правителю, тем самым показывая, что они равны. А после перевел взгляд на чуть покрасневшую, но ничуть ни удивленную принцессу и послал ей дерзкую улыбку. В ситуации, когда больше двухсот человек стали свидетелями его безоговорочной капитуляции перед красотой и очарованием королевской наследницы глупо было делать вид, как будто ничего не случилось. Он и не делал. Вместо этого еще достаточно молодой и крепкий король приступил к переговорам и уже к вечеру добился от своего соседа руки его дочери. Не забыл он и о государственных интересах.

Этот брак оказался выгодным для всех – безнадежно влюбленного короля, скромно потупившей глазки покрасневшей принцессы, её отца, который больше всего на свете боялся, что ради благополучия королевства придется отдать

единственную дочь в руки противного ей человека и, конечно же, обеих стран. Маленькое гордое государство, временно попросившееся со своей принцессой, чтобы встретить её уже в статусе королевы, получало поддержку более сильного соседа. А держава короля могла больше не беспокоиться на счет бесперебойных поставок единственного металла, из которого производилось качественное оружие.

Король подхватил свою любимую принцессу, посадил в седло позади себя и...

– И они ускакали в закат, – закончила я, уставшим и недовольным голосом. – Навстречу своему семейному счастью в виде грязных пеленок и перспективы лицезреть голые задницы друг друга до скончания жизни. Давай ты не будешь описывать мне их первую брачную ночь, ладно? Средневековая порнушка в исполнении наводящего жуть призрака – это не самая лучшая сказка на ночь.

– Хорошо, – с настораживающей покорностью согласился Магнус. – Начну ближе к делу.

– Было бы замечательно, – сложила я ладони у груди в умоляющем жесте.

– Знаешь, иногда мне кажется, что ты забавная, – Магнус окинул меня оценивающим взглядом и даже чуть скривился, что при большой натяжке можно было принять за улыбку. – А потом появляется неконтролируемое желание тебя придушить.

– А мне иногда кажется, что ты все-таки умеешь улыбаться.

ся, – хмыкнула я.

– Когда-то умел, – отвернулся призрак, оставив меня лицемереть его полупрозрачную сутулую спину. – В те времена, когда мой названный брат еще не привез в свой дом четвертую и последнюю супругу. Последнюю не потому, что они жили долго и счастливо, а потому, что он таинственно пропал через шесть месяцев после свадьбы.

Мне понадобилось ровно полторы минуты, чтобы сложить два и два, получить четыре и воскликнуть:

– Тот король, про которого ты рассказывал, был твоим названным братом?

– Да, – впервые на лице призрака отразилось что-то помимо злости, презрения и ненависти. – Мы росли вместе. Мой отец служил его отцу личным советником на протяжении многих лет. Они близко дружили. Ближе, чем это возможно было в те времена. И когда у королевы родился первенец, наследник престола и будущий правитель, наши отцы решили, что мы должны расти вместе. Меня назначили пажем принца. Несмотря на то, то у нас была разница в возрасте почти три года, мы очень быстро сдружились. Каждый день мы проводили вместе. Играли, ели, спали, тренировались – все и всегда вместе. И чем старше мы становились, тем крепче была наша дружба. До тех пор, пока не появилась она...

– Она – это, я так понимаю, та самая красотка с золотыми волосами, – проявила я чудеса сообразительности.

– Да, – призрак стиснул челюсти, – Джалита. Она изменила всё.

– Вы перестали дружить? – осторожно поинтересовалась я, оглядываясь назад и просчитывая, насколько далеко я смогу отскочить, если Магнус вдруг взбесится.

– Нет, – меланхолично ответил призрак, – но мой друг стал другим. Я видел, как день за днем он меняется под её влиянием. Это были постепенные изменения, а потому их замечал только я. Тот, кто долгие годы был ему ближе всех. Если бы я мог вернуться назад и все изменить! – вскричал вдруг призрак, хватаясь за голову. – Если бы все можно было исправить! Но нет, уже поздно... Слишком поздно для всех...

А потом он вдруг резко вскинул голову и посмотрел на меня горящим злобой взглядом:

– В день, когда он прикоснулся к ней, стал началом конца его жизни. Джалита не была королевской крови. Она не была принцессой по рождению. Тогда я этого не знал, но после исчезновения её мужа начал разбираться. Выяснилось много интересных подробностей, но сейчас я уверен – она не была дочерью Тахира, правителя соседней страны. Она была дочерью Бориона, и что также немало важно – сильным магом по праву рождения.

Я округлила глаза.

– Как это произошло?

– Борион принял вид Тахира. И в один из дней, когда ис-

тинный Тахир отсутствовал в столице, явился к королеве под личиной её мужа. Впрочем, обман вскрылся очень быстро. Борион сам продемонстрировал несчастной женщине, что он не является её супругом. Но было уже поздно – семя упало в плодотворную почву. И королеве пришлось молчать о случившемся. Ведь если бы она призналась – все кончилось плохо. В первую очередь для неё самой и ребенка. Никто бы не поверил в ошибку и что она приняла за своего мужа совершенно постороннего мужчину. В ту же знаменательную ночь Борион сказал, что он вернется, когда дочь подрастет. Он уже тогда знал, что будет девочка. И что эта девочка будет сильнейшим магом. А он будет рядом для того, чтобы обучить её и рассказать о выпавшем на её судьбу предназначении. Приказав беречь ребенка пуще всего на свете, Борион исчез. И вернулся, когда девочке исполнилось тринадцать.

Я быстренько припомнила все, что знаю о магах и тихонько присвистнула:

– То есть, когда началось половое созревание. Именно в этот период маги начинают проявлять свои первые способности. И именно в этом возрасте они нуждаются в максимальном контроле, так как гормональный ураган, бушующий в теле подростков, подстегивает силу юного мага. А неконтролируемый всплеск магии способен привести к ужасающим последствиям.

– Именно, – удовлетворенно кивнул Магнус и, словно преподаватель на лекции строго поинтересовался: – Ты знаешь,

чем элементарии отличаются от магов? И чем маги отличаются от ведьм?

Я растерянно прикусила губу.

– Ведьмы – это всегда женщины, – неуверенно проговорила я.

Магнус раздраженно вздохнул.

– О, Боги! Ваше поколение – безнадежно! – а после важно поглядел на меня сверху вниз, как на нерадивого ребенка. – Если честно, вы еще долго продержались. Я думал, что этой цивилизации придет конец еще после объединения Англии и Шотландии, но вам удалось продержаться значительно дольше.

– Приму это за комплимент, – сдержанно пробормотала я, не понимая, то ли меня похвалили, то ли надо мной посмеялись. – Так, что ты хотел мне объяснить?

– Особенность магов в том, что они черпают энергию из своего внутреннего источника. И только. Ведьмы прибегают к природной магии, именно поэтому они селятся вдали от крупных индустриальных центров и в принципе избегают городов. Они – часть природы, и лишь в единении с ней получают доступ к ведьмовской магии. Элементарии же особенны тем, что имеют и внутренний источник, и доступ к магии, которая кроется вокруг вас. Ведь на самом деле, магия – она повсюду. Это и отличает элементариев от всех остальных – они «видят» магию рядом с собой, чувствуют её и при желании могут к ней обратиться. Даже исчерпав внутренние

резервы, элементарны способны выжить.

– А что ты знаешь... – я замялась, но потом все же спросила: – Что ты знаешь про суккубов?

– То, что они являются порождением зла! – с неподдельной ненавистью заявил Магнус, свирепо сжимая кулаки и лишаясь своей маски всезнающего превосходства. – Дочь Сильвира, его первенец, понесла от высшего демона. Их еще называли...

– Иффритами, – едва выдохнула я.

– Да, – подтвердил призрак. – Но этот ифрит был не рядовым солдатом, прибывшим к нам поохотиться и позабавиться с женщинами. Он был их командиром, предводителем высших. Солхат, дочь Сильвира, демон полюбил с первого взгляда. И любил больной, одержимой любовью. Это было темное, извращенное, но все же огромное чувство, которое сметало все на своём пути. Смело оно и Сильвира, когда маг попытался встать на пути у иффрита, пожелавшего забрать в свой мир любимую женщину и дочь, которая к тому моменту уже появилась на свет, но об этом мало, кто знал. Сильвиру не удалось спасти Солхат, а вот спрятать внучку он всё-таки смог. И раненный удалился на поиски знаний, которые смогут помочь ему одолеть высших, когда они вернуться. А Сильвир знал, что они вернуться.

– Эта девочка, – медленно начала я, пытаюсь оформить спутанные мысли в одно связное предложение. – Внучка Сильвира. Она была суккубом?

– Да, – злость Магнуса можно было ощутить на вкус, такой неистойвой она была. – Девчонка была суккубом. Сильвир отдал внучку одинокой женщине, которая встретила его в одном из горных поселений. А когда вернулся за Мирой ни той женщины, ни поселения уже не было.

– И он её не искал?

– Хотел найти, но не успел. Началась война. Ифриты вернулись, и маги, собранные под началом Сильвира, ринулись бой. Сильвир жил мыслями о мести, а потому один вступил в схватку с Азраилем, приказав другим магам не вмешиваться. Он победил, погрузив предводителя высших в сон, а его солдат изгнав из нашего мира. Ифриты проиграли, не помогли даже дракайны, которых они прихватили с собой. А потом, после победы, Сильвир смирился с потерей дочери и внучки, женился на одной из своих помощниц, тоже маге, и у них родился сын, Борион.

– Борион – сын Сильвира? Но погоди, – всё моё внимание захватила лишь одна мысль: – Этот главный высший, он жив? Мне говорили, что ифриты были убиты!

– Как говорили великие, историю всегда пишут победители. И всегда лгут. Погибли не все ифриты, некоторым удалось сбежать. Но из-за того, что Сильвир запечатал проходы, они оказались запертыми здесь, без возможности вернуться домой. А по поводу Азраила... Жив ли он? Смотря, что понимать под жизнью, – с отчетливой долей злой насмешки протянул Магнус. – Он не погиб, это точно. Но где его, спя-

щего беспробудным магическим сном, похоронил Сильвир – знает только обладатель Ярости Солнца. Предваряя очередную волну твоих вопросов отвечу, Ярость Солнца – это книга, написанная Сильвиром, где по легендам в подробностях описывается, как он победил ифритов. Долгие годы книга хранилась у потомков мага, передаваясь из поколения в поколение. Главной задачей стоявшей перед потомками великого мага было защитить Ярость от тех, кто вот уже не одно столетие рыщут по миру в поисках книги.

– Зачем она им? Почитать захотелось?

– Они хотят найти и пробудить Азраиля.

Я поперхнулась.

– И что будет, если он проснется?

– Не знаю, – пожал плечами призрак. – Может быть, конец?

Глава 37

Рано утром, едва первые лучи солнца коснулись земли, я вышла из дома Юстаса. Поеживаясь от прохладного воздуха, еще не успевшего прогреться после холодной ночи и растирая быстро заледеневшие ладони, я достала телефон и набрала номер Крота. Юстас на момент моего ухода продолжал мирно похрапывать на полу, усыпленный своим заботливым ручным призраком. Его не разбудили даже наши с Магнусом вопли. А вопили мы знатно. По очереди и всю ночь.

– Шлушаю, – прочавкали мне в ухо.

– Приятного аппетита, – недовольно пожелала я, а после вспомнила, что уже давно ничего не ела.

– Самому мало, – довольно заявили мне и уже нормально спросили: – Ты что-то хотела?

– Да, подкинуть тебе работу, – сообщила я, поплотнее запахивая куртку, которая все равно ни черта не грела. – А то что-то ты слишком много бездельничаешь.

– Я не бездельничаю! – громко и очень искренне возмутился парень. – Я ем!

– Это одно и то же, – отмахнулась я, перепрыгивая через мутную и подозрительно вонючую лужу, проистекающую из-под крыльца дома, что была напротив жилища Юстаса. – Мне нужно, чтобы ты нашел одного человека.

– Имя, фамилия, год рождения, – деловито перечислил

Крот и одновременно, судя по звукам, роясь рукой в упаковке с чипсами.

– Если бы я все это знала, то за каким лешим мне был бы нужен ты? – раздраженно поинтересовалась я, бодро шагая вниз по улице. Хотелось побыстрее выбраться из старого города, где обосновался Юстас и попасть туда, где есть горячий кофе, еда и централизованная канализация.

– Не знаю, например, чтобы получить адрес или телефон, – безмятежно предположил Крот.

– В гости к нему я не собираюсь, звонить тоже без надобности.

– Тогда что ты хочешь, Фима? – вздохнул Крот.

– Чтобы ты нашел человека, который родился в Венгрии примерно сорок пять – пятьдесят пять лет назад.

– Это мужчина? – я услышала, как забегали пальцы компьютерщика по клавиатуре.

– Нет, блин, африканский носорог! – начала злиться я. В принципе, это было моим перманентным состоянием, но, когда я голодная, все становится еще хуже.

– Извини, с носорогом не получится – я не зоолог, – невозможно хрустел чипсами цифровой гений.

– А еще ты, по-видимому, хреново понимаешь сарказм, – едва не зарычала я, с удовольствием пиная попавшийся на пути камушек и вымещая на нем своё недовольство. Камушек прилетел прямо в металлическую уличную мусорницу, спровоцировав грохот, разлетевшийся по пустынному пеше-

ходному проспекту. Я с нехорошим удовольствием улыbnулась и продолжила: – Крот, просто найди мужчину-венгра, которому сейчас примерно от сорока до шестидесяти лет и который служил во внутренних войсках Венгрии. Участвовал в военных конфликтах и боевых действиях, происходивших на лет двадцать тому назад восточных территориях. Последнее десятилетие провел в нашей стране, только непонятно в каком статусе.

– Ты понимаешь, что это очень слабое описание? По таким параметрам можно искать человека очень долго. Сведения о военнослужащих во всех странах относятся к категории засекреченных. И даже, если мне удастся до них добраться, я не говорю по-венгерски.

– То есть, ты оцениваешь шансы на поиск как «бесперспективные»? – я остановилась посреди улицы и, закрыв глаза, устало запрокинув голову назад. Нестерпимо хотелось спать, мозг от переизбытка информации бунтовал и отказывался работать, а мышцы ломило от злоупотребления собственными силами. За прошлую ночь я пыталась сжечь Магнуса раза четыре. А сколько еще раз швырялась в него различными предметами! Использовала все, что только попадало под руку – от старинных талмудов с непонятными каракулями до комода, который в приступе ярости пыталась поднять. Не подняла, он оказался приколот к полу гвоздями толщиной с моё запястье. Уже когда я немного успокоилась, Магнус пояснил мне, что Юстас, решивший начать бизнес

по купле-продаже старинных магических вещей, приобрел этот комод у какого-то араба. Араб изъяснялся в основном жестами, лицо своё скрывал и был рад избавиться от старой дряхлой мебели. В ту же ночь Магнус с Юстасом поняли почему – комод любил плясать канкан.

– Я оцениваю шансы на успешное завершение поиска, как «маловероятные», – заявил Крот.

– Он из богатой семьи, – вспомнила я. – И еще...у него есть татуировка на шее. Скот. Набит плохо и синими чернилами.

– Эмм, Фима, – замялся Крот.

Но я не дала ему договорить:

– Я все знаю. Давай под мою ответственность, ладно? И никому не говори.

– Не нравится мне все это, – услышала я, уже собираясь отключиться.

– Мне тоже, – честно ответила я и сбросила вызов, хотя в последний момент мне показалось, что слова Крота адресовались не мне. А, следовательно, вероятность того, что мне удастся скрыть поиски Хасана от Сашки равны...ну, не знаю, какая там температура сейчас на Северном полюсе?

Я сунула трубку в карман, распахнула глаза и уже собралась, источая привычное презрение к окружающему миру, отправиться дальше, как в конце улицы увидела небольшой торговый павильончик. Сооруженный из стекла и пластика, он радовал глаз не столько своим достаточно однообразным

видом, сколько табличкой на стеклянном окошке с надписью «Открыто». И что самое главное – там наливали кофе.

Ощувив небывалый для столь раннего утра, а также очень злой и уставшей меня душевный подъем, я поторопилась стать первой посетительницей в этом заведении.

Едва я переступила порог, как над головой звякнул колокольчик, а из-под прилавка высунулась взъерошенная голова какого-то мальчишки, которому на вид было не больше пятнадцати.

– Эм, привет, – поздоровалась я и только хотела спросить, где продавец или какой-нибудь другой персонал, который мог бы меня обслужить, как парнишка выпрямился во весь свой немалый рост, и я увидела на нем фирменный фартук. – Ты здесь работаешь?

– А что, непохоже? – хмыкнул мальчишка и начал разбирать упаковки с картонными стаканчиками.

– Не очень, если только это не какая-нибудь школьная практика, – я приблизилась к стойке и аккуратно осмотрелась. Кое-что показалось мне странным, когда я вошла. – Почему ты здесь, а не в школе?

– Школы в такое время не работают, – со снисхождением ответил парень, кивнув на настенные часы в форме кофейного зерна. – Половина шестого утра.

– Тогда почему ты не дома, как все нормальные подростки? – продолжала допытываться я, наблюдая за движениями парня, который в этот момент как раз направился заправлять

кофе-машину. Он работал быстро, уверенно и так, как будто делал это миллион раз.

– Семейный бизнес, – ответил парнишка, окидывая взглядом помещение. Собственно, оно было маленьким, кроме небольшой барной стойки, внутри поместилось лишь три четырехместных столика и вешалка для верхней одежды посетителей. Но расположение было удачным и благодаря прозрачным стеклянным стенкам открывался красивый вид. С одной стороны – на проспект, куда каждую ночь стягивалась молодежь, привлеченная яркими неоновыми огнями местных значных заведений. А с другой – на набережную, залив и бывший царский дворец, который ныне был заполнен различными госучреждениями. – Это кафе – наш единственный источник дохода.

– Большая семья? – спросила я, как бы между прочим и одновременно изучая меню, выведенное мелом на грифельной доске, что была подвешена над баром.

– Много детей, один родитель, – сжато перечислил парнишка, стоя ко мне спиной и роясь в стенном шкафчике. Чем он там занимался – мне было не видно, обзор перегородила его широкая спина.

Я внимательно присмотрелась к фигуре мальчишки, пройдясь взглядом сверху вниз. Лицо с ярко-выраженными детскими чертами, которые еще не успела подкорректировать суровая взрослая жизнь, диссонировало с уже сформировавшимся взрослым телом. Со спины его можно было при-

нять за мужчину, но никак не за мальчишку – по сути, еще ребенка. Широкие плечи, длинные ноги, мощная стать.

– Ты спортсмен? – спросила я невпопад, как раз в тот момент, когда меня начали просвещать на тему, чем экспрессо отличается от американо.

– Что? – оглянулся парень на меня через плечо.

– Просто интересно, каким видом спорта ты занимаешься? – улыбнулась я, стараясь выглядеть мило и безобидно.

– Никаким, – хмуро ответил парнишка, не оценив мою жизнерадостность. – На это нет времени. Если я не в школе, то помогаю здесь или сижу с младшими братом и сестрой.

– Да, трудно, наверное, – растерянно пробормотала я, делая глоток из поставленного передо мной высокого пластикового стакана.

– Тебе-то уж точно не понять, – вдруг с ненавистью произнес парень, посмотрев в мои глаза прямым и таким злым взглядом, что я невольно отшатнулась.

И вместе со мной пошатнулся весь мир, что по ощущениям напомнило мне стычку с Русланом. Когда младший братишка Седого соревновался со мной в силе, стремясь продемонстрировать собственное могущество и превосходство. На самом деле, я и до него знала, что в мире полно людей, которые лучше, сильнее и круче меня.

Это было почти, как тогда, словно кто-то медленно выкачивает из тебя весь воздух. Почти, но все же не так. В этот раз вместе с удушьем появилось ощущение медленного воз-

горания. А потом я подняла взгляд, увидела свое отражение в стеклянной стене и поняла, что действительно горю.

– Счастливой дороги в ад, тварь, – пожелали мне и толкнули в спину.

Не владея своим телом и более того, не владея собственной силой, я полетела напрямик в стеклянную стену. Послышался оглушительный треск и звон разлетающихся осколков и через секунду я рухнула напрямик в их острые объятия.

Каким-то отдаленным участком сознания отслеживая происходящее, я перевернулась на спину. И, безвольно раскинув руки и ноги, уставилась в ослепительно голубое и необычайно чистое небо, погрузившись в оглушительный ступор, который показался мне знакомым и даже в каком-то смысле приятным. А кожа моя, тем временем, продолжала гореть. Но страха не было. На самом деле, не было ничего – ни мыслей, ни эмоций, ни желания остановить огонь, чтобы выжить. Мозг окутал белый шум. А сама я словно погружалась в длинный темный колодец, где реальность сужалась до одной единственной маленькой точки.

А потом пришла боль. И я закричала. Закричала так, как никогда в жизни не кричала, срывая голосовые связки, вопя до хрипоты. Но это не помогало. Крик не спасал от боли. Я кричала, и кричала, и кричала.

Вдруг из тьмы вынырнуло лицо Магнуса. Оно было смешным, каким-то перекошенным. Словно подправленным карикатуристом. Следом рядом с лицом Магнуса проступила

Сашкина физиономия. Она показалась мне слишком бледной, даже рядом с Магнусом, что с учетом смертельной тусклости последнего уже было поводом для тревоги. Мне захотелось рассмеяться и в этот момент я поняла, что боли уже нет. Зато есть такое сильное жжение внутри груди, словно там только что пылал костер. Я вспомнила свое горящее отражение в стекле. Закашлялась. И села.

– С возвращением, – устало поприветствовал меня бестелесный голос.

– Откуда? – хотела спросить я, но вместо этого из горла вырвался лишь хрип.

– Не пытайся разговаривать, по крайней мере, ближайšie пару часов. Ты сорвала голос. У тебя, конечно, регенерация быстрая, но даже тебе понадобится время, чтобы снова иметь возможность раздражать окружающих своим сарказмом и насмешками.

А потом я поняла, что у голоса все-таки есть носитель.

И это никто иной, как...

– Да твою же мать! – попыталась закричать я, но вышло лишь хриплое стенание. И без сил повалилась обратно.

– И я рад тебя видеть, Серафима, – благодушно улыбнулся непривычно чисто выбритый Хасан. – Наверное, стоит увеличить дозу лекарства.

И он потянулся к стоящей рядом капельнице. Только в этот момент я заметила тонкую иглу, воткнутую в мою правую руку. От неё отходила длинная прозрачная трубка с мут-

новатой жидкостью, поступающей прямо в вену.

– Не дергайся, – посоветовал Хасан, – все равно ничего не получится. Здесь большая доза снотворного. Оно тебе, кстати, должно быть хорошо знакомо. Один наш общий знакомый любил его использовать.

Я тяжело закашлялась.

– Тихо, тихо, – прошептал Хасан, кладя свою широкую ладонь на мой лоб. – Все будет хорошо.

Глава 38

Когда я раскрыла глаза в следующий раз он по-прежнему был рядом. Сидел в придвинутом к моей постели кресле и мирно читал. В очках, без бороды, с заметно отросшими и аккуратно зачесанными назад волосами, в простом тонком свитере и белых брюках. И заметно похудевший. Он походил на доброго дядюшку из детской сказки. И от этого становилось еще более жутко, чем от осознания того, что несостоявшийся покойничек решил заявиться ко мне вот так. Открыто. И как раз в тот момент, когда я вдруг вспылала желанием узнать о нём побольше.

– О, боги, надеюсь, это просто галлюцинации от удара головой, – обратилась я к высшим силам, с трудом разлепив рот. Внутри все пересохло так, как будто я пешком из Африки притопала. Но вернувшийся голос, пусть и в весьма охрипшем состоянии, радовал не на шутку. Всё-такие безмолвие – это не моё.

– Ну, головой ты действительно ударилась, – Хасан снял очки и отложил их в сторону вместе с книгой. Я обратила внимание на обложку. Это был какой-то бульварный детектив в мягкой красочной обложке. – Когда падала.

Он легко поднялся, шагнул ко мне и в момент, когда я уже решила, что меня сейчас начнут убивать, а вернее, добивать, склонился, просунул мне под спину свои ладони и заботливо

помог приподняться. После мне перед моим носом появился стакан с водой, а когда я осушила его едва ли не одним глотком, наполнили доверху еще раз.

– Ты помнишь, что с тобой произошло? – спросил Хасан усаживаясь обратно.

– Да, – осторожно ответила я, рассматривая человека, чей цветущий вид наводил на определенные размышления. – Хорошо выглядишь. А для покойника так вообще прекрасно.

– Да ладно, ты прекрасно осведомлена, что я жив, – отмахнулся Хасан. – Иначе не стала бы меня искать.

– Крот? – коротко выдохнула я.

Хасан ухмыльнулся и неопределенно пожал плечами, мол, думай, что хочешь.

– Где я? И как здесь оказался ты? – я оглянулась вокруг. Качественный ремонт, кожаные кресла, постельное белье из натуральных тканей, дорогой алкоголь в баре. Сдержанно, скромно и очень дорого. – Это что, гостиница?

– С чего ты взяла? – притворно удивился Хасан.

– Обезличенная обстановка, никаких личных вещей и даже мусора нет, – начала перечислять я, словно прилежная ученица. – А еще, я бывала во «Флоренции». И их фирменный стиль везде узнаю.

– Ах, да, – хлопнул себя по лбу Хасан, сделав вид, как будто только что вспомнил, – с...

– Не надо! – прошипела я, подхватываясь. – Не смей произносить его имя.

– Ладно, ладно, не буду, – замахал руками Хасан. – Но тебе не стоит так дергаться, ты еще не оправилась до конца.

Я и правда чувствовала себя ужасно. Осторожно опустившись обратно на подушку, с нескрываемым облечением ослабила уже начавшие подрагивать мышцы.

– Итак, мы в гостинице, – сказала я, потому что молчать в присутствии Хасана казалось невыносимым. – Ты и я.

– Да, никто не знает, что я здесь. И никто не знает, что ты здесь, – плотоядно заулыбался во весь рот Хасан.

– Похоже на начало фильма про маньяка, – фыркнула я, – собираешься меня убить и расчленишь?

– Если бы я хотел тебя убить, моя дорогая, то не стал бы спасать.

Моё лицо непроизвольно скривилось, и я даже сама не поняла, что хотела этим выразить – изумление или скепсис.

– Да, да, я тебя спас. Та дрянь, которую тебе подсунули под видом кофе и которую ты так опрометчиво выпила, не имела ничего общего с кофе. Это была отравка. А в основе – неопалимая купина.

– Неопалимая купина? – недоверчиво переспросила я. – Ты про горящий, но не сгорающий куст, в котором Моисей увидел Бога возле горы Синай?

– Надо же, какие познания, – хмыкнул Хасан. – Не думал, что ты знакома с Библией.

– С Ветхим Заветом, если говорить точнее, – поправила его я. – Случайно ознакомилась.

– Тебе было настолько скучно?

– Ну, ты же знаешь, меня хлебом не корми, дай Святое Писание почитать, – сухо ответила я, вновь утыкаясь носом в стакан.

– Забавно, но я имел ввиду не горящий куст, а травяное растение. Также оно известно, как огонь-трава. Это довольно редкий и очень изящный цветок с крупными сиреневыми лепестками, произрастающий высоко в горах. Для большинства встреча с ним не опасна. Неприятна, но не опасна.

– Неприятна? – вскинула я бровь.

Хасан пару мгновений многозначительно помолчал, сопроводив безмолвие загадочной полуулыбкой, а после пояснил:

– Оно жжется, Фима. После контакта цветка с кожей на ней остаются заметные и доставляющие боль ожоги.

– Чувствую, что где-то притаилось «но», – проворчала я, поправляя одеяло.

Хасан вдруг громко рассмеялся. А отсмеявшись, на что ему потребовалось пару минут, уточнил, потирая глаза:

– Задницей?

Я пожалала плечами с тревогой наблюдая за человеком, которого боялась большую часть своей сознательной жизни.

– Самое чувствительное место.

– Я скучал за тобой, моя дорогая, – вдруг заявил Хасан.

– Не могу похвастаться тем же, – честно ответила я и напрыглась еще больше.

– Тебя хотели убить, Фима, – резко оборвал он меня, буквально пригвоздив к постели тяжелым мрачным взглядом. – Огонь-травя не смертельна для людей, но для таких, как ты, это яд. Даже больше того, мы все имели возможность наблюдать результат использования огонь-травы.

– Таких, как я?

– Огненных магов, Фима, – с легким оттенком раздражения вздохнул Хасан.

И вот тут паззл начал складываться.

– Эти парни...они были не террористами, – прошептала я, чувствуя, как леденеют руки, – они были огненными элементами.

– Почти, – подтвердил мою ужасающую догадку Хасан. – Вот только между ними и тобой есть существенное различие.

– Какое? – спросила я, едва шевеля пересохшими губами.

– Так же, как и ты они были полукровками. Вот только если ты – плод любви суккуба и мага огня, то смертники были лишь наполовину магами, да еще и лишенными силы. Кровь – огненная, а вот доступа к магии не было. И в отличии от тебя, они не знали о своем истинном происхождении. Как ты уже наверняка догадалась, воспитывавшие парней мужчины не приходились им родными отцами.

– Да, – я приложила холодные пальцы к вискам и начала массировать. – Был некий богач, который, по сути, использовал Крылову и Глушко как инкубаторы по производству и возвращению детей.

– Но он ведь не забрал детей, – резонно заметил Хасан. – А оставил матерям, доверив воспитание своих сыновей чужим женщинам. И при этом регулярно снабжал семьи деньгами, чтобы они ни в чем не нуждались.

– Да я в курсе, что ты шовинист и поклонник сурового патриархата, – мне стало противно. – Но не стоит посвящать меня во все детали твоего однобокого домостроевского мышления.

– Я просто перечисляю факты, – мирно улыбнулся Хасан. – И не моя вина, что эти факты тебе не по нраву.

– То есть, – я надавила еще сильнее на виски, пытаясь сосредоточиться. – Они были братьями по отцу, но управлять огнем не умел ни один из них.

– Нет, – покачал головой Хасан. – Они понятия не имели, кем являются. И их родные не знали.

– Но как так? Это ведь невозможно, – уверенно заявила я. – Если ты огненный элементаль, то огонь просто течет в твоих жилах. Он... пламя просто прорывается на поверхность не зависимо от твоего желания. Оно присутствует внутри тебя, и ты не можешь его не замечать, не можешь игнорировать. Уж поверь мне, у меня пятидесятипроцентная скидка в магазине матрасов.

– Верю, – с готовностью подтвердил Хасан и его лицо накрыла тень снисходительной ухмылки. – Но, несмотря на то, что твоя жизнь была, скажем так, непростой...

– Непростой? – горько рассмеялась я. – По-твоему пять

лет, прожитые в секретной лаборатории в качестве подопытного кролика, которого исследовали со всех сторон в попытках понять, откуда берется магия и как её синтезировать для использования людьми – это всего лишь непростая жизнь?

– Никто не спорит с тем, что это было дерьмово. Но твои способности никто не связывал при помощи сильнейшего заклятья.

– Что? – медленно моргнула я.

– Они были практически обычными людьми, за исключением того, что им нельзя было пить отвар из огонь-травы, который в буквальном смысле взорвал их изнутри. А периодический интерес биологического отца к жизни сыновей, особенно в последние годы, был вызван желанием удостовериться в том, что сил у них нет.

Едва сдерживаясь от желания вскочить с постели и забежать по комнате, я вздохнула и попыталась не дать моей излишне эмоциональной натуре взять верх.

– Но есть кое-что другое, что ты должна знать, – заявил Хасан. – И именно по этой причине я здесь.

– То есть, ты прервал свой «загробный» отпуск и приехал сюда, ради беседы со мной? – не смогла не скривиться я. – В следующий раз позвони по телефону.

– По телефону я бы смог тебя спасти, – посуровел Хасан.

– Ты меня не спасал. Меня спас..., – и вот тут перед моим мысленным взором всплыло искаженное испугом лицо Магнуса. – ...Магнус.

– Ты про привидение, которое болталось над твоим пламенеющим, словно утренняя заря, тельцем? – взгляд Хасан стал откровенно нехорошим. – Он самоустранился при моем появлении. Так что, кем бы ни был твой призрачный приятель, он не так уж хорошо сумел позаботиться о тебе.

– А что насчет тебя? – с вызовом спросила я. – Ты обо мне позаботился?

– Конечно, – так, словно это было очевиднее некуда, вымолвил тот, кто некогда не давал мне забыть о своем «праве белого господина». – Я подобрал тебя, Фима, окровавленную и горящую. Влил противоядие, которое временно заблокировало твои силы, а после уложил в свою машину и привез сюда.

Он развел руками, демонстрируя окружающую нас обстановку.

– Значит, никто не знает, что мы здесь, – с грустью подвела я неутешительный итог. – А я мало того, что едва могу пошевелиться, так еще и лишена магии.

– Это временно, сила скоро начнет возвращаться, – попытался утешить меня Хасан, но с учетом его жуткой физиономии и моих знаний, относительно тех зверств, на которые он способен, получилось откровенно паршиво. – А пока, слушай меня. Тебе надо уехать.

– Что? – не поняла я.

– Тебя вообще здесь не должно было быть, – покачал головой Хасан и вдруг стало очевидно, насколько он вымотан.

И как сильно постарел. – Седой не должен был тебя привлекать. Я был против. Но он пошел против моего решения. Он считал, что ты имеешь право знать.

– Что знать?

– У нас с тобой было много плохих периодов, Фима, – он словно говорил сам с собой. – Но вот, что ты должна знать – я никогда не желал тебе зла. Я хотел сделать тебя сильнее. Хотел перековать тебя заново, по своему образу и подобию. Но ты продолжала оставаться собой. И чем сильнее я давил, тем яростнее ты сопротивлялась и тем быстрее превращалась в себя нынешнюю. Когда мы встретились впервые – я видел перед собой слабую беспомощную девчонку. Потерянную и надломленную. Сейчас я вижу красивую девушку, почти женщину, у которой так много возможностей на лучшую жизнь. Но которую стремительно затягивает в пропасть тьма, клубящаяся внутри.

– Поэтично, – огорошено выдала я.

– Молчи и слушай, – скомандовал Хасан, став таким, каким я привыкла его видеть – злым, надменным, отстраненным. – Погибшие ребята были элементами огня. Что из этого следует, если всё завязано на генетическом наследовании?

– Это же очевидно, – я пожала плечами. – Либо один, либо оба родителя имели способности управления стихией. В данном случае, мы уже выяснили, что это отец.

– Правильно, отец, – одобрительно кивнул Хасан. – А от-

куда у тебя твои способности мага огня?

– От отца, – скривилась я, потому что само это слово вызвало у меня такие же ощущения, как если бы я съела килограмм лимонов. – Хотя и понятия не имею, кто он такой.

– Ты понимаешь, что это значит? – я заметила, как напряглись плечи Хасана под простой белой футболкой, не скрывающей обильной растительности и темно-карамельного загара на теле босса.

– Что ты не плохо провел последние несколько недель, – я указала на его кожу. – Как погодка на французской Ривьере? Радовала?

– Ты всегда так делаешь, – тяжело выдохнул Хасан и поправил часы на запястье, мимолетом взглянув на циферблат. – Когда чувствуешь себя в опасности – начинаешь язвить и менять тему разговора.

– Да ничего я не меняю, – буркнула я, поглубже закапываясь в одеяло. – И вообще, спать хочу.

– Они твои братья, Серафима! – громко провозгласил Хасан, почему-то обращаясь к потолку. – Ты сама это уже поняла! Так что, хватит изображать из себя страуса, страдающего анэнцефалией и признай очевидное!

Я резко откинула одеяло и села. Голова мгновенно закружилась, а к горлу подкатила горечь, но это было не так важно.

– Откуда ты знаешь, что их отец и мой отец – это один и тот же человек? – мой голос задрожал. То ли от прикладываемых усилий не заорать, то ли от едва сдерживаемых слез. –

У тебя есть тест ДНК? Или может быть, у тебя есть признание этого человека? Возможно, он притаился за дверью, а сейчас зайдет и поведаст мне правду о моем появлении на свет?

Хасан молча и терпеливо выслушал меня, а потом также молча потянулся к детективу, который он читал пока я спала, и раскрыл книжку на середине. Там, между страниц лежала бумажная фотография. Он вынул её и протянул мне.

Это была старая, местами помятая черно-белая фотокарточка с истрепавшимися уголками. Такие делали лет тридцать – сорок назад. На ней – трое мальчишек десяти-двенадцати лет, стоящие на берегу реки. Короткие шорты, открывающие вид на тощие и разбитые коленки, и местами порванные майки позволяли предположить, что фотографировались они летом. То ли во время какого-то похода, то ли просто во время вылазки к реке. Мальчишки позировали как взрослые – не в обнимку, а положив друг другу руки на плечи. И весело улыбались, смело глядя в камеру.

– Что это? – недовольно поинтересовалась я, помахав карточкой в воздухе.

– То, что ты искала, – хмыкнул Хасан и встал, направившись к бару. – Выпить хочешь?

Я оторопело помотала головой.

– Уверена? Насколько мне известно от Игната, после ухода из группы твоя основная карьера – алкогольная.

– От Игната? – машинально повторила я, а потом взвизг-

нула: – Так вот как Сашка меня нашел!

– А ты не знала? – криво усмехнулся Хасан, откупоривая запотевшую бутылку с пивом. – Твоё местонахождение не было для него тайной с тех пор, как... да вообще никогда.

Мы замолчали. Я пыталась уложить в своей голове информацию о тотальном преследовании, а Хасан пил. Но продолжалось это недолго. Вскоре он вновь подошел ко мне, забрал фотографию, которую я все еще зажимала в руке и, взглянув на снимок, с ностальгией улыбнулся.

– Это было лучшее время в моей жизни. Вот это я, – он ткнул пальцем в стоящего по середине смуглого парнишку с забавно торчащей кверху прядкой волос надо лбом. – Никогда не мог усмирить эту прядь. Чтобы я не делал – она все равно топорщилась вверх, словно гребень у петуха. Но повзрослев, я все-таки нашел способ её победить, – и он довольно провел ладонью по своей коротко-стриженной макушке. – А это братья Димитровы, – он указал на стоящих рядом ребят. – Тот, что справа Тамир, а справа – Гаспар.

– Какое-то знакомое имя, – припомнила я. – Кто это?

– С братьями Димитровыми мы знакомы с самого детства, – Хасан поправил трубку капельницы и устроился на краю моей постели. Почему-то вдруг показалось, что ему требовалось быть поближе ко мне. – Я даже не помню, когда именно мы познакомились. В большинстве моих детских воспоминаний присутствуют Тамир и Гаспар. Родные братья с разницей в два года. Из них двоих Тамир – старший. Они

жили по соседству от нас. Буквально напротив, только улицу перейти. Наши матери очень близко общались. Да и все мы были как одна семья. Все праздники проводили вместе, все дни рождения и даже именины. А потом что-то произошло. И семья Димитровых в одну ночь просто собрала свои вещи и уехала. Они не оставили ни адреса, ни телефона. Ничего. Наше общение оборвалось в одну секунду. Для меня, семнадцатилетнего пацана, это стало большим потрясением. Потерять двух лучших друзей сразу, почти братьев. Я стал допытываться у матери, что случилось и когда они вернутся. Но каждый раз, когда я заговаривал о своих друзьях, на её глаза наворачивались слезы и она стремительно отворачивалась, а после и вовсе запиралась в спальне. Когда ситуация повторилась несколько раз, ко мне подошел отец, отвел меня в сад, посадил на скамейку у старой яблони и попросил никогда больше не заговаривать об этих людях. Он сказал, что они начали новую жизнь. И нам больше в ней нет места, а потому надо просто идти дальше. Это стало первым болезненным жизненным уроком, который мне пришлось усвоить – люди всегда уходят.

Он помолчал, глядя в пустоту. А после так же отрешенно продолжил:

– Но жизнь – забавная штука, Фима. Через пять лет мы встретились. На войне. Мы были в разных отрядах. Я – в штурмовом. Гаспар и Тамир оказались участниками разведывательного формирования. Во время выполнения одного

из боевых заданий они попали в западню к противнику, и нас отправили их вызволять.

Взгляд Хасана, устремленный куда-то сквозь меня, затуманился.

– Это был страшный день. В засаде оказалось больше боевиков, чем предполагалось ранее. Боезапасы быстро закончились. И когда пуль больше не осталось пришлось идти в рукопашную. Мы потеряли больше половины своих бойцов. Шестеро из оставшихся в живых десятерых человек были ранены. Я был уверен, что тоже не переживу тот день. Но пришел в себя в госпитале. Без одной почки, которую пришлось удалить после ножевого ранения. А на соседней со мной койке лежал Гаспар – бледный, осунувшийся, с затравленным взглядом, но живой. Его голова была перебинтована, а правая рука время от времени дергалась...

– О, Боги..., – прошептала я и тут же прикрыв рот рукой. И в этот раз я была уверена зачем – чтобы не завопить от понимания ужасной правды. – Так это же...

– Да, ты все правильно поняла, – жестко промолвил Хасан, подтверждая ужасную догадку. – Гаспар, которого знал с детства я и с которыми в свое время познакомилась ты – один и тот же человек. Он стоит слева на фотографии. А вот это, – Хасан берет с тумбочки газету и швыряет мне на колени. – Его старший брат.

Я опускаю взгляд и вижу на передовице большое количество текста, сопровождаемого не менее большой фото-

графией. На ней крупным планом был запечатлен высокий крупный мужчина в дорогом костюме сидящий за красивым письменным столом в кабинете. За его спиной флаг страны и герб.

Глава 39

– Глава? – одними губами шепчу я, словно пребывая в оцепенении.

Хасан кивает. А затем снова встает и отходит к окну, застывая у него.

– Мы вернулись домой вместе. Наши контракты закончились, но мы так долго пробыли на войне, что понятия не имели, как жить на гражданке. Это было странно – просыпаться каждое утро в своей спальне под звон будильника, а не под привычную команду к подъему. Спускаться в пустынную кухню, включать чайник и, в ожидании пока закипит вода, готовить себе завтрак. А потом есть в одиночестве, тупо уставившись в беспрестанно болтающий телевизор. Приходилось опять учиться всем тем социальным навыкам, которыми обладают обыкновенные люди. Делать заурядные вещи – покупать продукты в супермаркете, сдавать вещи в прачечную, выносить мусор, здороваться с соседями, ходить на работу к восьми и возвращаться домой к семи. Да, – насмешливо хохотнул Хасан, – ты представляешь? Я устроился на обычную отупляющую гражданскую службу! Работал охранником в частной школе. Каждый день смотрел на этих избалованных богатых деток, похожих на меня в детстве, и вспоминал тех де-

тей, которых видел на войне. Похожих на зверьков – тихих, собранных, осторожных. И с пугающе взрослыми осознанными взглядами. Именно их глаза пугали меня больше всего. Потому что дети не должны смотреть на этот мир так – глазами хорошо поживших стариков. С усталостью, пониманием и болью.

А потом Хасан вдруг резко повернулся ко мне и сказал:

– Именно это привлекло меня в тебе. Когда мы встретились в первый раз у тебя был точно такой же взгляд.

Я открыла рот, чтобы что-то ответить, но не смогла произнести ни слова. Но Хасану и не требовался мой ответ. Он вновь отвернулся.

– Мне было тошно от той работы. Мне было тошно от мира, который слишком сильно изменился. А может быть, слишком сильно изменился я. Родителей к тому времени уже не стало. Вернее, отец скончался в тюрьме за полгода до моего возвращения, а мама так и не смогла справиться со своей душевной болезнью, вызванной сначала посадкой отца в тюрьму, а после, его смертью.

Эту историю я уже слышала, а потому не стала задавать вопросов.

– Они были вместе сорок лет. Встретились, когда ей было шестнадцать, а ему двадцать. Через два года поженились. Через полтора года на свет появился Элиза, через три года – я, а еще через пару лет родители решились на третьего ребенка. После суда над отцом мама просто... замкнулась в се-

бе. Она словно отгородилась от всего мира, спрятавшись где-то внутри собственной головой. Я пытался достучаться до неё. Я разговаривал с ней, пытался растормошить и как-то вернуть к миру. Ко мне. Но она не реагировала. Просто сидела сутками возле окна, прижав к груди отцовский шарф и уставившись в одну точку. Я даже кричал на неё. Но она меня не слышала. В итоге пришлось отправить её в больницу, потому что я не знал, как с этим справиться. Как справиться с ней. Да и с собой тоже.

– И где она сейчас? – с замирающим в груди сердцем спросила я. Мне вдруг стало так плохо. К глазам подкатили жгучие слезы, а под ребрами закололо острой болью. Я знала это ощущение потери. Я жила с ним. На самом деле, я семь лет пыталась с ним справиться. С переменным успехом. Бывали дни дерьмовые, когда хотелось просто сунуть голову в петлю. А иногда... не такие хреновые, и вновь казалось, что возможно когда-нибудь всё будет хорошо. Это как на качелях – день плохой, день терпимый, день плохой, день терпимый. Вверх – вниз, вверх – вниз...

– Там же, – устало дернул щекой Хасан, – в больницу. Она по-прежнему ни с кем не разговаривает, ни на что не обращает внимание, и не узнаёт меня. Это практически невыносимо, когда ты смотришь в лицо близкого человека, а видишь в лишь стеклянное безразличие.

Молчание и непривычно приглушенный голос Хасана начинает звучит вновь:

– А потому, когда Тамир появился на моем пороге я даже обрадовался ему. Видеть друга детства, которого вдруг встретил через много лет и обрел в нем боевого товарища было странно. Но эта неожиданная встреча странным образом воодушевила меня. Мы посидели, выпили, вспомнили прежние времена. А потом, оглядев родительский дом, который я заметно запустил, он вдруг предложил мне уехать вместе с ним и Гаспаром. Причем не всего лишь в другой город, а в другую страну. И не просто жить, а заниматься... Ну, скажем так, определенного рода деятельностью.

Хасан покосился на меня. Я ответила хмурым взглядом.

– Ладно, скажу прямо. У Тамира был знакомый, который занимался сбытом краденных машин. Наша задача заключалась в том, чтобы перегонять эти машины после перекраски для перепродажи. Знаю, звучит не очень увлекательно.

– Звучит так, как будто твой друг подписал тебя на совершение преступления по предварительному сговору лиц, – отозвалась я, не отводя взгляда от Хасана. Того Хасана, который вдруг начал открываться мне с неожиданной стороны. С человеческой стороны. Как выяснилось, она у него имелась. Это было неожиданно. Все равно, как если бы с тобой вдруг заговорил крокодил и сообщил, что у него депрессия. – Кажется, так это формулируется в судебных приговорах.

– Я знаю, но в тот момент мы было все равно, чем заниматься. Главное, чтобы ушла эта невыносимая, отчаянная тоска. Знаешь, иногда я задумываюсь, а что было бы, если

бы в тот день сказал «нет» Тамиру? Кем бы я был сейчас? Была ли у меня семья? Дети? Был бы у нас дом с видом на сад? Завели бы мы собаку или кошку?

– Так размышлять можно долго, – раздраженного оборвала я неожиданный поток душевных страданий Хасана.

– А ты никогда не думала о том, чтобы стать другим человеком? – обернулся ко мне Хасан. – Начать новую жизнь. Другую. Полностью противоположную нынешней?

Я недовольно поморщилась, так как терпеть не могла, когда меня вот таким топорным образом пытались развести на моральный стриптиз.

– Нет. Потому что люди не меняются, Хасан. И ты это знаешь лучше меня. Даже если им хочется поменяться – они не меняются. И даже если им кажется, что они поменялись – нет. Все остаётся по-прежнему. Некоторое время им может казаться, будто они и вправду смогли стать другими. Обманывать себя, своих близких, Вселенную в целом. Но потом наступает момент и – щёлк, – я щелкнула пальцами для наглядной демонстрации, – прежние привычки, характер, мотивации возвращаются. И оказывается, что на самом деле человек не менялся. Он просто взял свою личность, упаковал в герметичную коробку и закинул на дно того темного колодца, который есть внутри каждого из нас. Единственный способ по-настоящему перекрыть свое сознание – глубокие эмоциональные потрясения, которые выворачивают человека наизнанку, вытряхивают все, что он знал и умел до этого,

а после швыряют в грязную лужу под названием «жизнь».

Я замолчала, чтобы выпить немного воды. И сделала это под пристальным оценивающим взглядом Хасана.

– Знаешь, чем старше ты становишься, тем отчетливее я вижу в тебе тень твоего отца, – он шумно выпустил воздух из груди, склонив голову и улыбнувшись насмешливо и печально. – Ты так на него похожа. И становишься похожей все больше и больше. Та же жесткость, упрямство, желание пойти до конца несмотря ни на что.

– И кто же? – хмыкнула я, но в душе чувствуя, как начинаю тонуть в той самой луже. – Кто мой отец?

– А разве не очевидно? – хмыкнул Хасан. – Его фотография перед тобой.

Я опустила взгляд вниз и только в этот момент поняла, что все еще держу на коленях газету, со страницы которой на меня смотрел глава нашей страны.

– Он? – едва слышно выдыхаю я. Кажется, еще чуть-чуть и я вообще перестану дышать.

– Удивительно, правда? – расхохотался Хасан, только вот я не могла поддержать его веселье. – Внешне не похожи, но это не главное. Внешность зачастую является отражением внутреннего содержания. А от моего друга детства в этом человеке осталось немного. Говорят, война меняет людей. Так вот его война изменила кардинально.

– погоди, – я в растерянность потрясла головой. – Но он ведь не только мой отец, да?

Я в надежде подняла глаза на Хасана, надеясь, что он сейчас опровергнет мою догадку. Надеюсь, что сейчас бывший босс скажет, что все не так, как мне подсказывает интуиция. Хотя разумом понимала, что именно за этим он здесь – сказать:

– Да. Он не только тебе приходится родителем. Но и твоим единокровным братьям – тем самым парнишкам, которых убили. Ты ведь уже догадалась, правда? Ты поняла, что на самом деле все эти взрывы, которые власти так упорно выдают то за случайный взрыв газа, то за пожар в результате электрического замыкания не более, чем...

– ...жертвоприношения, – закончила я за него.

– Да, – удовлетворенно кивнул Хасан.

– Но погоди, – схватила я за голову, – мы поговорили с отцом одного из парней. Он рассказал, что встречался с биологическим отцом своего сына. И описание того мужчины, совершенно не совпадает с этим, – я подняла газету и ткнула пальцем в фото, на котором был запечатлен невысокий коренастый мужчина с короткой стрижкой и уже начавшими сидеть висками. На лице, которое несмотря на солидный возраст сохранило природную породистость, уже успели образоваться глубокие мимические морщины, свидетельствующие о том, что их обладателю свойственны раздражительность и хмурость. А вот улыбается он крайне редко.

– Глушко сказал, что к нему домой заявился высокий статный темноволосый мужчина лет тридцати, – уверенно

заявила я, так как могла похвастаться отличной памятью. – Не сходится.

– Потому что и не должно сходиться, – заверил меня Хасан и решил прибегнуть к тонким намекам: – Даже у дьявола есть помощники.

И вот тут моя стратегия по сохранению спокойствия, базирующаяся на глубоких вдохах и выдохах с треском рухнула в пропасть. Ту самую пропасть из которой начали выглядывать все первородные страхи, доставшиеся от предков. Сердце забило быстрее, а потом еще быстрее и еще, пока не достигло того ритма, когда кажется, будто внутри сейчас что-то сломается.

– Твою мать! – громко выругался Хасан, а после добавил еще парочку крепких слов, но уже в процессе поиска чего-то в тумбочке возле кровати. А мне становилось все хуже и хуже, в груди разбухало что-то упругое и обдающее едва терпимым жаром. Все звуки начали отдаляться, а мир – сужаться.

А потом все разом прекратилось.

– Что... что это было? – с трудом и не с первой попытки смогла вздохнуть я.

– Результат твоей паники в сочетании с ядом, который тебе подлили в кофе, так как желали сделать четвертой жертвенной коровой, – пояснил Хасан, вытягивая иглу шприца из моего предплечья.

– Сам ты корова, – беззлобно отозвалась я, заваливаясь на бок. Бывший босс не обиделся, поддержал мою безвольную

тушку и помог устроиться в постели так, чтобы голова не болталась над полом. – Что ты мне вколол?

– Успокоительное, – Хасан продемонстрировал мне ампулу.

– Ааа, тогда понятно, почему такое ощущение, будто внутри меня вата, – с трудом ворочая языком, сообщила я.

Хасан зло сжал в кулаке стекляшку, а после отшвырнул в сторону. И там, где-то там в углу она разбилась.

– Опоздай я утром хотя бы на пять минут – тебя было бы уже не спасти.

– Знаешь, было так странно... словно я вот-вот взорвусь изнутри, – поделилась я только что пережитыми чувствами.

– Так бы и было, – без доли сомнения прикрикнул вдруг Хасан. – Потому что тебя едва не превратили в живую бомбу!

Я вздрогнула. С трудом приподнялась на локтях, переворачиваясь на спину, а после уставилась в потолок. Потолок ничем интересным порадовать не мог, а вот возникшая догадка начала расставлять имеющиеся факты по своим местам.

– Так вот, как это было, – обращаясь одновременно и к потолку, и к Хасану. – Именно так они себя чувствовали в момент гибели.

Потолок оставался безмолвным в ответ на мои речи, а вот Хасан сдержанно произнес:

– Каждому из мальчишек ввели адский в прямом смыс-

ле этого слова коктейль, главными ингредиентами которых были огонь-трава и адреналин. Та самая смесь, от которой тебя сейчас откачиваю я, – Хасан демонстративно указал на капельницу.

– Но зачем? – задала я, как мне казалось, главный вопрос. Потолок по-прежнему вступать в диалог не желал, а потому я повернула голову и выжидающе уставилась на Хасана.

Мужчина провел рукой по макушке, попытавшись взъерошить короткий ежик волос, к которому, как мне показалось, еще сам не успел привыкнуть, а затем вернулся к так приглянувшемуся ему окну. В голове мелькнула мысль, что босс кого-то там высматривает, но тут он заговорил и я полностью сконцентрировалась на его словах:

– Знаешь, Серафима, память очень ненадежный и избирательный механизм. Нам кажется, что мы помним пережитые события именно такими, каковыми они были. Но на самом деле, мы запоминаем лишь то, что хотим запомнить и в том объеме, в котором способны. Наши воспоминания – лишь вариация на тему произошедшего, спроектированная нашим мозгом и со временем искаженная. А потому, памяти нельзя доверять в той мере, в которой мы привыкли.

– Это и правда, и неправда одновременно, – не согласилась я с теорией Хасана. – Большинство людей не способны запоминать правду. Потому что где-то в глубине души они прекрасно осознают, что не смогут с этой правдой жить. А потому подсознание видоизменяет картинку, подстраивая её

под требуемые параметры. Но есть и те, которым не нужно ничего, кроме правды.

– Ко вторым ты относишь себя, – небрежно усмехнулся Хасан.

– Моя голова изнутри похожа пыльный заброшенный библиотечный склад. Это не всегда весело, но иногда очень удобно.

– Тамир, – босс кивнул головой в сторону газеты, – таковой же. Умник. С детства любил сыпать датами, делиться интересными фактами, напоминать людям о забытых делах и обещаниях. Так сказать, тыкал носом в собственные ошибки и указывал на оплошности.

– Просто душа компании, – мрачно сыронизировала я.

– Да, его мало кто любил еще в те времена, когда мы гоняли по улицам на старых великах, поднимая в воздух пыль. Но мне это его свойство характера даже нравилось, казалось забавным. Наверное, потому что я сам зачастую многое забывал. Но есть один день, который я запомнил с точностью до каждой секунды. Потому что тот день изменил все.

Глава 40

Хасан помолчал, явно собираясь с силами и начал:

– Все случилось через четыре года после того, как я, Тамир и Гаспар приехали в эту страну. Мы занимались разными делами, как ты понимаешь, редко законными. Начали с перекраски и сбыта украденных авто, затем начали брать заказы на конкретные модели. Поднакопив денег, решили выстроить собственное дело. Машины и автосервисы к тому времени уже порядком надоели, а потому мы прикупили ночной клуб. Вскоре эта покупка трансформировалась в целую сеть клубов. И это были уже не просто ночные заведения для танцулек, выпивки и потрахушек. Нет, мы предлагали новый формат – полный сервис. В наших клубах любой, даже самый специфический запрос клиента исполнялся максимально быстро и предельно качественно. Естественно, за очень большие деньги. К нам ходили такие клиенты, которых можно было увидеть на центральных телеканалах в прайм-тайм. Депутаты, чиновники высшего звена, крупные бизнесмены, актеры и даже те, кто со скорбным лицом любил вещать с трибун о добродетели и чистоте души. Мы росли, обрастали денежным «жирком» и запасались компроматами. Именно с помощью этих сведений, аккуратно хранящихся, Тамир и пришел вскорости к власти. Вначале это была незначительная должность в столичной мэрии. Вскоре он начал

заведовать государственными закупками. Через два года Тамир уже был первым советником Министра Юстиции.

Хасан болезненно выдохнул и продолжил, старательно не глядя в мою сторону:

– В тот день я приехал к Тамиру, чтобы как раз отметить его повышение по службе. Он сидел на кухне за барной стойкой и в одиночестве попивал коньяк. Судя по полупустой бутылке, стоящей рядом, старый друг уже давно приступил к потчеванию собственных заслуг. Его круглое лицо имело нездоровый красноватый румянец, а глаза собрались у переносицы и глядели на мир осоловело. Мы поприветствовали друг друга, выпили за встречу, закусили и приступили к обсуждению насущных дел. Из нашего клубного бизнеса Тамир не вышел, просто передав мне основное управление. А сам ринулся исполнять свою давнюю мечту – пробиться к такой заветной и сладкой власти, пуская на это все имеющиеся ресурсы. Я был не против, хотя видел, что Тамир во многих ситуациях перегибает палку. Слишком давит там, где можно было бы договориться по-хорошему. Тратит огромные суммы на взятки и задабривание. Рискует не только собой, но и всеми нами, часто используя компроматы. Я видел, но ничего не пытался сделать. Несмотря на приобретенное им реноме молодого, но дерзкого и сообразительного политика с большими перспективами, а также внешнее преображение Тамира – дорогую стрижку, сшитый на заказ костюм, начищенные до зеркального блеска ботинки, в которых он

теперь гордо, словно павлин вышагивал по Дому Правительства, для меня он оставался все тем же. Тощим пареньком, который забежал домой к моим родителям за стаканом компота в жаркий полдень. С которым мы жарили картошку на костре и по ночам пробирались тайком в соседний сад за яблоками. И это было моей ошибкой.

Мой бывший босс нервно сглотнул, поморщился и стремительно развернувшись, направился к стоящему на баре стеклянному кувшину с водой. Плеснув в стакан прозрачной жидкости, часть из которой пролилась мимо, Хасан дрогнувшей рукой поднес его ко рту и стал жадно пить.

Наверное, будь моё состояние чуточку получше – я бы удивилась. Возможно, будь у меня чуть больше сил – я бы даже выдала какую-нибудь фирменно несмешную шутку. Но у меня было слишком мало сил. А потому я просто смотрела и медленно, как если бы мой мозг вдруг превратился в кисель пыталась сообразить – а что происходит? Мой нестигаемый жесткий и жестокий начальник, еще какие-то семь лет назад пугавший меня до такой степени, что от внушаемого ужаса сотрясались даже внутренние органы, выглядел слабым и... потерянным. Да. Именно. Потерянным. Выбитым из колеи, как будто... как будто грядет что-то настолько безнадежно жуткое, что даже бывший босс не мог справиться с собой.

– В какой-то момент, – отдышавшись, вернулся к разговору Хасан, вытирая тыльной стороной ладони губы, – я услышал странный шум наверху. Мы находились в доме Тамира,

который он только недавно выстроил. Первый этаж уже был жилым, обустроены кухня, столовая, гостиная и подсобные помещения, а вот на втором строители еще не закончили отделку. Тамир желал оформить там спальню, большой рабочий кабинет и бильярдную.

...Доносившиеся со второго этажа звуки были странными. Нехарактерными. Словно кто-то бил железной цепью по такой же железной трубе. Хасан, который в этот момент как раз рассказывал другу о возможности приобрести новое помещение для открытия еще одного развлекательного заведения, оборвал сам себя на полуслове и прислушался.

– Что это? – спросил он, когда звуки повторились.

Тамир как-то неискренне рассмеялся и махнул рукой, чуть не свалив на пол тарелку с мясной нарезкой.

– Да это у соседей, – пояснил молодой мужчина, отворачиваясь. – Тебе еще подлить?

– Что-то не очень похоже, – не поверил Хасан, отодвигая свой еще почти полный стакан. – Если только ты не пустил соседей пожить на втором этаже своего дома.

– Просто слышимость хорошая, – избегая взгляда друга, Тамир направился к холодильнику. – Соседний дом еще не достроен, вот местные детишки и резвятся. Мы тоже любили бегать по заброшенным стройкам, помнишь?

– Я все помню, – пробормотал Хасан, наблюдая за тем, как друг суетливо что-то перекладывает с полки на полку в холодильнике. Постороннему человеку могло бы показаться, что

хозяин дома просто что-то ищет в огромном белоснежном и тихо урчащем агрегате. Но от внимательного взгляда гостя не укрылась та не свойственная спокойному и чуть вальяжному Тамиру порывистость движений. А еще пот, проступивший сквозь белую футболку на спине друга свидетельствовал о том, что в доме происходит нечто странное.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать? – осторожно поинтересовался Хасан.

– А? – растерянно оглянулся Тамир. Взгляд его был мутным и рассредоточенным. – Не, ничего. А что?

– Да так, – негромко ответил Хасан. Потянувшись за хлебом, он быстро соорудил себе нехитрый бутерброд и принялся лениво жевать. – Мы пить будем или тебе в холодильнике интереснее?

– Да, да, – торопливо отозвался Тамир и, думая, что Хасан в этот момент на него не смотрит, украдкой вытер проступившие капельки пота на лице. После прихватил горсть зелени с дверцы и вернулся за стол, сразу же схватившись за выпивку.

– Я не корова, – сдержанно сообщил Хасан, наблюдая, как друг сперва жадно глотает алкоголь, а после недовольно морщится, закусывая коньяк здоровенной долькой лимона.

– Што? – невнятно прошипел Тамир, кривя губы и еле ворочая языком, который сковало кислотой.

– Говорю, – повысил голос Хасан, – я не корова, чтобы грязную траву жевать!

Он подхватил двумя пальцами зелень, которую приволок из холодильника Тамир и брезгливо отбросил обратно.

– Захотелось чего-то свеженького, – пояснил Тамир, задумчиво наблюдая за спланировавшим на пол стеблем петрушки.

– Раз принес, так хоть помой, – проворчал Хасан и потянулся за колбасой, чтобы соорудить себе еще закуски, как вдруг раздался грохот.

Инстинкты солдата, побывавшего в самом аду боевых действий сработали раньше мозга. Кусок хлеба, который так и не украсился аппетитными розовыми кругляшами колбасы, отлетел в сторону, а сам Хасан вскочил и, выхватив из наплечной кобуры верный браунинг, направил ствол пистолета в потолок. Туда, где, судя по звуку, кто-то обронил что-то очень тяжелое и железное.

– Что это было? – одними губами прошептал Хасан в такой оглушительной тишине, что участвовавшие в биении собственного сердца воспринимались словной бой в набат.

Меньше всего в этот момент Хасан ожидал услышать невнятное бормотание Тамира. Но услышал:

– Да это...наверное...строители...

– Что строители? – хмуро поинтересовался Хасан и отвел взгляд от безмолвного потолка, чтобы посмотреть на друга. Который в этот момент выглядел так, словно готовился с минуты на минуту свалиться от сердечного приступа. Кожа болезненно-бледная, укрытая бисеринками пота, губы отлива-

ли синевой, руки тряслись, а глаза затравленно бегали из стороны в сторону в отчаянной попытке не встретиться с суровым взглядом гостя.

– Так это... забыли...

– Что забыли? – теряя остатки терпения и кожей ощущая грядущие крупные неприятности вновь переспросил Хасан. – Что происходит, Тамир?

– Дверь! – вдруг подскочил хозяин дома. – Строители плохо закрепили дверь. Она и свалилась!

– Дверь? – уточнил Хасан, всматриваясь в настолько расширенные зрачки друга, что радужки просто не было видно. И сомнений в происходящем уже не осталось: – Ты что, под наркотой?

Тамир испуганно отшатнулся, сделав шаг назад, наткнулся на стул, с которого только что встал и о существовании которого забыл в ту же секунду, а после потерял равновесие и со всего размаху грохнулся на пол.

В первое мгновение Хасан хотел прийти на помощь другу и уже протянул руку, чтобы поднять находящегося в неадекватном состоянии друга, как вдруг невероятная и ужасающая догадка заставила его буквально застыть. Хасан вспомнил, какие слухи ходили о Тамире в определенных кругах. А именно в кругах женских. Там, где большие деньги и сильные мужчины, всегда много женщин. Красивых и не очень, строптивых и покладистых, распутных и скованных, умных и идиоток. Какими они не были – их было всегда много и на

любой вкус. И всех, кто оказывался с Тамиром в одной постели объединяло одно – абсолютное нежелание оказаться с ним наедине еще раз. Рассказывали разное, но, если отбросить красочные подробности и обобщить – Тамир отличался весьма извращенными сексуальными предпочтениями.

Сам Хасан свечку не держал, но пару раз видел одноразовых любовниц Тамира, выходящих от него на утро после бурной ночи. И надо сказать, ночь для женщин действительно была бурной, запечатленная на коже несчастных огромными синяками. Одна знакомая Хасана, также успевшая побывать в объятиях Тамира, как-то обмолвилась, что тот – любитель связывания и подчинения. Причем, чем сильнее сопротивляется партнерша, тем в больший восторг приходит Тамир. Тогда Хасан не придал женской болтовне особого значения. Во-первых, он и сам не особенно привык считаться с мнением подружек, что так легко прыгали в его кровать, стоило только взглядом поманить. А во-вторых, женщины, особенно отвергнутые, способны на многое. И вранье в том числе.

Но в тот момент, услышав подозрительный и показавшийся смутно знакомым шум, Хасан вдруг подумал – а что если все правда? И что, если Тамир решил пойти дальше?

Что если...

И Хасан рванул к лестнице. То, что он увидел, буквально ворвавшись на второй этаж – повергло в шок и одновременно утвердило его в давно зревшей где-то там, на краю созна-

ния, мысли. Тамир – все. Спекся. Он стал не просто лишним звеном в цепочке. Он стал угрозой для всего, что они так долго строили.

В центре, посреди большой комнаты с незаконченными ремонтом и сваленным в углу строительными материалами стояла клетка. Большая железная клетка с толстыми прутьями, похожая на те, что используют для усмирения и транспортировки диких животных. В верхушку клетки была вделана внушительная цепь, на другом конце которой болтался крюк. Хасан поднял голову и увидел дырку в потолке. А куски штукатурки на полу явственно указали на причину грохота – клетка была подвешена к потолку, но перекрытие не выдержало нагрузки и железное сооружение сорвалось на пол.

Но более всего удивило на это. А красивая и абсолютно голая девушка, сидящая внутри клетки.

– Помогите, – простонала она, протянув руку в сторону Хасана, которая тут же обессилена упала.

Не раздумывая над своими действиями, Хасан ринулся к клетке и попытался открыть её, но дверца была надёжна заперта на огромный амбарный замок.

Ощущая едва сдерживаемую ярость, Хасан изо всех сил дернул прутья на себя, но ничего не изменилось. Железо было крепче его кулаков. И неистово завопив, он грохнул этим самым кулаком по не поддавшейся конструкции. Едва улеглась поднятая пыль, как сзади взвели курок и раздался спокойный голос Тамира:

– На твоём месте, я бы отошел от клетки.

Хасан медленно обернулся, увидел направленный на него пистолет и бессмысленные, абсолютно пустые глаза друга.

– Что ты творишь? – с расстановкой и стараясь хотя бы внешне успокоиться спросил Хасан.

– Ты тоже это ощутил, да? – спросил Тамир и начал медленно двигаться, обходя по широкой дуге клетку и сидящего рядом с ней Хасана, не сводя с последнего пристального взгляда. – Невероятное желание помочь её. Спасти хрупкую слабую девушку. Вот только она не девушка. И не слабая.

– О чем ты? – непонимающе выдохнул Хасан, покосившись в сторону бессознательной пленницы. Сейчас, находясь ближе, он увидел глубокие алые борозды, которыми было исполосовано её тело.

– Она не человек! – не своим голосом завопил Тамир. – Она демон!

– Что? – невольно отшатнулся Хасан, но не от девушки. От мужчины, которого считал своим названным братом. Которому был готов простить все. Но не это. Почему-то только не это. Вид заточенной в клетку незнакомки словно что-то перевернул в его душе. Её глубокие темно-синие глаза, опалившие Хасана кратким, но западающим в душу взглядом еще долгие годы стояли перед его мысленным взором и заставляли сердце биться быстрее. Не от страха, не от выброшенного в кровь адреналина. А от... замирающего восторга. Никогда в жизни он не ощущали ничего подобного.

– Эта тварь – демон! – еще сильнее заорал Тамир и неуверенно зашатался, но смог устоять и лишь сильнее стиснул оружие в руке, которая уже начала подрагивать от перенапряжения. – Именно поэтому я запер её в клетку!

– Ты не в себе, – пытаюсь говорить спокойно и уверенно, заявил Хасан. – Тебе надо проспать, чтобы эта дрянь, которой ты накачался, ушла из твоего организма. И ты снова смог мыслить рационально.

– Думаешь, я сумасшедший? – нервно захихикал Тамир.

– Думаю, ты под кайфом, – спокойно ответил Хасан, мысленно начав продумывать способы спасения незнакомки. И видимо, что-то все-таки отобразилось на его лице, потому что Тамир вдруг резко рванул вперед и громко взвел курок.

– Даже не думай об этом, – зло зашипел он, – она не покинет клетку.

– Ты не в себе, понимаешь? – медленно заговорил Хасан, глядя в бешенные глаза друга и стараясь не совершать резких движений. – Ты всегда отличался... нестандартным отношением к женщинам. И я закрывал на это глаза. На это... Это уже за гранью. Ты выпустишь её. И дашь мне оказать этой несчастной первую помощь. А потом мы поедем в больницу и...

Хасан не смог договорить. Громкий издевательский смех прервал его попытку достучаться до тех остатков разума, что еще, как он надеялся, сохранились в Тамире.

– Ты идиот, – отсмеявшись, презрительно заявил Тамир. –

Ты не проживешь и пяти минут после того, как эта тварь вырвется на свободу.

– Хватит! – заорал Хасан, не выдержав. – Ты просто псих, у которого началось обострение из-за наркоты!

– Псих? Я псих? – Тамир несколько раз облизнул губы. – Ладно, я расскажу тебе кое-что. Чего ты не знаешь. Но будь готов.

– К чему? – с легким отвращением глядя на лихорадочно топчущегося на месте друга. Глаза Тамира округлились еще сильнее, отчего казались непропорционально большими. А ноздри нервно раздувались словно у загнанной лошади. Периодически он вцеплялся в собственные волосы и начинал рычать, будто дикий зверь, угодивший в капкан. «Для полноты картины не хватает только пены изо рта», – в какой-то момент подумал Хасан.

– К тому, что весь твой мир изменится, – прошептал Тамир и его лицо исказила болезненная гримаса. Со стоном потерев лицо, мужчина отошел к стенке и с громким уставшим выдохом упал на пол, словно подломленный.

– Ты знаешь, что наши мамы были знакомы практически всю жизнь? – задал неожиданный вопрос Тамир, уставившись невидящим взглядом в одну точку.

Хасан неуверенно кивнул, а после, поняв, что друг не видел его жеста, произнес:

– Да, с детства.

– А тебя никогда не интересовало, где две женщины, у

которых разница в возрасте почти семь лет, могли познакомиться? – с кривой усмешкой поинтересовался Тамир.

– Это не такая уж большая разница, – пожал плечами Хасан и незаметно придвинулся поближе к клетке, чтобы иметь возможность поглядывать на пленницу, все еще находящуюся в бессознательном состоянии. Он переживал, что ей плохо, что она умирает и ей срочно нужна помощь, в то время, как он тратит драгоценные минуты на пространные диалоги с полубезумным хозяином дома.

– В детстве – огромная, – не согласился Тамир. – Практически непреодолимая. Но для наших мам это не было проблемой. Знаешь, почему?

– Нет, но очевидно сейчас узнаю, – не удержался от сарказма Хасан.

– Твоя мама работала на нас, на мою мать и её семью, – прохрипел Тамир.

– Что значит, работала? – в замешательстве замер Хасан от новой и столь неожиданной информации. Даже перестал рассматривал замок на клетке.

– Настоящее имя моей матери – Августа Сюзанна Лувенская, – одарив друга тяжелым и чуть надменным взглядом заявил Тамир со значимостью, сопровождавшей каждое произнесенное им слово.

Несколько минут понадобилось Хасану чтобы осмыслить услышанное. Усомниться в адекватности Тамира. Прийти к выводу, что у того мозги окончательно свернулись, превра-

тившись в скисшее молоко. И с сочувствием произнести:

– Тебе нужно квалифицированная помощь.

– Не веришь мне, – скривился Тамир, явно не удивившись подобному ответу. – Я тебе докажу.

Он рывком содрал с себя черную футболку, едва не порвав ткань в процессе. Отбросил одежду в сторону и, подняв левую руку, продемонстрировал гладко выбритую подмышечную впадину. Вернее, не её, а место на два сантиметра выше.

– Видишь? – его палец уткнулся в небольшой, успевший основательно зарубцеваться, а потому явно старый шрам. Который по форме своей напоминал... тройную лилию. Символ трех главных человеческих добродетелей – веры, надежды и милосердия. А еще...

– Символ королевской власти, – пробормотал Хасан, не веря своим глазам. Он знал. Знал про эту традицию, тщательно соблюдавшуюся бывшим правящим родом – ставить клеймо всем, в ком текла королевская кровь. И рассказывала ему об этом... мама. Его дорогая и отчаянно любимая мама.

– Ты понял, – с усмешкой победителя кивнул Тамир. – Да, моя мама – младшая из пяти расстрелянных Принцесс. Ей удалось выжить. Благодаря твоей матери, которая была её горничной и няней в одном лице. В итоге, только им двоим удалось пережить ту ночь, в которую была похоронена не только королевская семья, но и будущее этой страны. Знаешь, почему? Потому что в ту ночь история сделала крутой

выраж и пошла по-другому пути развития.

Хасану нечего было ответить. Он молчал, глядя на друга детства, которого уже заметно трясло, словно в горячечном бреду.

– Не смотри на меня так! – вдруг закричал Тамир, ударив кулаком в пол и подняв небольшое серое облачко пыли. – Я не свихнувшийся от дури псих!

– Как скажешь, – покладисто кивнул Хасан, – я тебе верю.

– Нет, не веришь, – остервенело замотал головой Тамир. – Я вижу это по твоим глазам. Я поэтому ничего не рассказывал тебе. Знал, что ты решишь, будто я спятил. Но это уже не важно. Главное, что я поймал её.

Тмир с такой жгучей ненавистью глянул на обитательницу клетки, что Хасан не выдержал:

– Кто она?

– Все еще надеешься аки рыцарь спасти прекрасную невольницу? – громко, запрокинув голову назад, расхохотался Тамир. – Не выйдет. Знаешь, почему?

– Да, потому что я – не рыцарь.

– И она на самом деле не так прекрасна, – выразительно прошептал Тамир. – То, что ты видишь – всего лишь оболочка, которую использует эта тварь. Знаешь, сколько таких «одёжек» она сменила за свою более, чем долгую жизнь? Сотни! Сотни загубленных несчастных женщин, в которых эта тварь вселялась, вытесняя, вытравливая их души из собственных тел!

– Зачем она тебе? – ощущая, будто погружается в ночной кошмар, спросил Хасан.

– Лучше спроси, зачем я ей. Она охотится за мной не первый год. Да и не только она. Другие, её дружки, тоже приходили. Но она самая сильная, самая опасная из них всех. И теперь она в моей власти.

– Если она, как ты говоришь... демон, – с трудом выговорил Хасан, не веря, что вообще ведет подобные разговоры, – то что ей от тебя нужно? Ты кто?

– Я наследник рода, – просто ответил Тамир и развел руками так, словно эта информация говорила сама за себя. Но, очевидно, увидев растерянность в глазах Хасана, раздраженно вздохнул и снизошел до пояснения: – Тварь думает, что я знаю, где книга.

– Что еще за книга? – начал было Хасан, но его оборвал вопль Тамира.

– Я не знаю! Понимаешь? Я понятия не имею, что эти твари ищут! Но одно я знаю точно – они преследуют меня всю мою жизнь!

Тамир остервенело потер лоб словно пытаясь успокоиться. Пытаясь взять под контроль свои чувства. Но Хасан видел – что-то раздирает его изнутри. Что-то темное, страшное, чужое. Что-то, что способно напасть со спины и вонзить даже в самого близкого человека кинжал по самую рукоять, а потом стоять и наслаждаться запахом свежей растекающейся крови.

– И все-таки, неужели ты за все эти годы не попытался узнать, чего от тебя хотят? – осторожно, но твердо поинтересовался Хасан. – Это могло бы помочь решить проблему.

– У меня есть лишь обрывочная информация, – уже чуть спокойнее ответил Тамир. – Основанная по большей части на семейных легендах и сказках, которые рассказывала мне в детстве мама.

И не дожидаясь, пока Хасан задаст очередной вопрос, с тяжелым вздохом продолжил:

– Якобы когда-то давно наш предок король Листарг влюбился в девушку, принцессу из соседнего королевства. Вот только девушка была не просто дочерью правителя небольшой страны, но еще и владела магией.

– Магией? – подавился смешком Хасан.

– Да, магией, – хмуро подтвердил Тамир, а после устало вытянул ноги и уперся спиной в стенку, устремляя взгляд вверх.

– Это типа как в сказке – волшебные палочки, летающие кони, говорящие собаки? – Хасан не хотел злить неадекватного друга своими насмешками еще больше, но происходящее уже попросту начинало вызывать смех. Устойчивым было и ощущение, будто он участвует в какой-то плохо срежиссированной театральной постановке.

– Нет, – зло глянул на него Тамир, презрительно искривляя губы, – это когда ты выпускаешь из клетки демона, а он одним движением когтистых пальцев вспарывает тебе киш-

ки.

Сказанные Тамиром слова вызвали в голове Хасана картинку настолько живую, что он сглотнул образовавшийся в горле густой ком и непроизвольно отодвинулся от клетки по-дальше. Что не укрылось от взгляда Тамира.

– Правильное решение, – ухмыльнулся он. – Магия существует, только в нашем мире она существует в каком-то извращенном, неправильном виде. Нет добра! И нет зла! Не существует ангелов! И Бога! И Рая тоже нет! А вот демоны есть – пришельцы из другой реальности, застрявшие в нашей, – Тамир нервно оттер слюну, выступившую в уголке губ и продолжил: – Именно поэтому им нужна книга, которая якобы принадлежала жене короля Листарга и передавалась в нашей семье из поколения в поколение. Как правило, от матери к дочери. В ней – какая-то информация, которая нужна демонам. Вот только для чего – не знаю. И где книга – не знаю. Моей маме было десять, когда твоя мама вытащи-ла её из-под груды окровавленных тел, которые везли в телеге в глубь леса, чтобы свалить в болото и таким вот мерзким способом уничтожить последнее, что осталось от пра-вящей семьи. Среди тех, кто провернул революцию в стра-не и свергнул законного монарха с трона были демоны. И именно демоны выпустили сотню пуль той проклятой ночью в тела моих родственников. Все произошло быстро. Но же-лаемого убийцы не получили. Насколько мне удалось узнать, они обыскали трупы и все вещи, принадлежавшие убитым.

Но книги не нашли. И отправились искать в других местах – они обшарили все имеющиеся в стране дворцы, все парки, в которых когда-либо бывала королевская семья. Но ничего не нашли. И уже практически смирились с неизбежным, как вдруг узнали, что самой младшей принцессе удалось выжить. И решили, что книга у неё. Так началась охота на мою семью. Вот только моя мама никогда даже в руках не держала книгу, которую передала своей старшей дочери принцесса из маленькой горной страны. Согласно традиции, её должна была получить старшая сестра моей мамы – Марго, в день своего двадцатилетия.

– Получила? – вдруг заинтересовался Хасан.

– Не знаю, – помотал головой Тамир. – Даже если и так, мы этого уже никогда не узнаем.

Он хотел сказать что-то еще, но в этот момент что-то подхватило его и отшвырнуло к стенке.

Глава 41

Основательно приложившись головой, Хасан потерял сознание. А когда пришел в себя, едва мог пошевелить ушибленными конечностями. В углу комнаты валялась развороченная клетка, а в полу зияла огромная дыра, сквозь которую просматривался первый этаж, где кто-то устроил основательный погром.

– Она сбежала, – простонал кто-то сбоку. – Эта тварь сбежала и теперь всем нам конец...

– Почему мой внутренний голос подсказывает мне, что заканчивается эта история плохо? – проворчала я, поднимаясь с кровати и с удовольствием потягиваясь. За то время, что Хасан вспоминал события давно минувших дней, я успела немного очухаться и даже почувствовать себя практически живой, а не кожаным мешком, набитым хрупкими костями.

– Потому что так и было, – снисходительно усмехнулся Хасан, наблюдая за моими попытками натянуть одежду одновременно прикрываясь куском одеяла. Не то, чтобы я смущалась своего тела. Совсем нет. Просто рядом с Хасаном я всегда чувствовала себя... уязвимой. Слабой. И мне не нравилось это чувство ни тогда, когда мы жили и работали под одной крышей, ни сейчас, когда он вдруг притопал с кладбища, где никогда и не находился, а после самым наглым образом вторгся в мой маленький, ненадежный и ломкий мир с

непонятными откровениями. И почему все так рвались побеседовать со мной по душам?

– После тех событий в доме Тамира я месяц беспробудно пил. Сначала я пытался убедить себя, что все произошедшее – дурной сон. Потом долго доказывал своему отражению в зеркале, что душевная болезнь – не приговор и в наше время все лечится. А потом пришлось смириться, принять новую реальность и попытаться как-то ужиться с ней.

– И как? – иронично поинтересовалась я, одновременно просовывая ногу в штанину джинсов, которые так заботливо кто-то оставил в изножье кровати. – Получилось?

– Получилось, – сухо вымолвил Хасан, вновь отворачивая от меня свое лицо. – Но, когда я, наконец, выбрался из своей квартиры, заваленной пустыми бутылками и коробками из-под пиццы, которые одновременно использовал как пепельницы, оказалось... что мир не ждал, пока я приду в себя. Тамир, воспользовавшись моей временной недееспособностью, отобрал себе практически весь наш общий бизнес. Бывший друг оставил мне лишь несколько активов, приносящих весьма скромный доход. А когда я попытался поговорить с ним, спустил на меня своих цепных псов. И знаешь, когда ко мне домой ночью ввалились хмурые ребята весьма неприметного вида и отмутузили так, что рассвет я встречал в луже крови, едва не блюя собственными внутренностями и зажимая в кулаке горсть выбитых зубов, меня посетила одна очень интересная догадка. И в дальнейшем я нашел ей под-

тверждение.

– Что за догадка? – тут же напряглась я, замирая на краю кровати и сжимая в руке правый кроссовок. Левый я уже успела натянуть и даже зашнуровать.

– Когда дела пошли в гору, – с готовностью начал рассказывать Хасан, – мы стали видеть Гаспара все реже и реже. Он отлично нам помог на первых порах, голова у него хорошо соображает, этого не отнять. Но потом он с головой ушел в какие-то там свои схемы и чертежи. Настолько, что на какое-то время я вообще забыл о его существовании. Своих проблем хватало. В один из дней я спросил у Тамира, где братец. А тот ответил, что пристроил родственника в одно очень хорошее место, где брат сможет воплотить все свои мечты. Я тогда не придал внимания этим словам и не стал уточнять, что именно наш гений собрался там воплощать. Подумал, может, теплицу решил построить, ботаник хренов, и выращивать там редкие пальмы в кадках. Или забился в какую-нибудь исландскую нору для изучения Северного сияния? Что там еще наш гений контуженный мог придумать? В любом случае, мне было не до него, а потому я просто принял к сведению, что он больше не участвует в наших делах.

Мне показалось или на загоревшем и немного округлившемся лице Хасана и правда отразилась вина? Вина и... страх?

– Так, – с нехорошим предчувствием протянула я, – и что дальше?

– Повстречавшись с ребятами Тамира, я сразу понял – с ними что-то не так, – удрученно вздохнул Хасан и потер шею, как будто пытаюсь освободиться от чего-то. Слишком быстрые, слишком сильные, мгновенно реагирующие на опасность и восстанавливающиеся с рекордной скоростью. И вот, в момент, когда один из них отправил меня в полет через всю комнату, одновременно сломав челюсть, я вспомнил. Вспомнил, как однажды, в один из редких случаев, когда Гаспар выпивал с нами, захмелев, он начал рассказывать о своей мечте – создать сверхчеловека.

От удивления я выпучила глаза, словно лягушка, оказавшаяся в пустыне.

– Эээээ... что?

– Как у Ницше, – терпеливо пояснил Хасан, хотя его лицо в этот момент пренебрежительно исказилось.

– Существо, по своему могуществу превосходящее современно человека настолько, насколько последний превосходит обезьяну, – задумчиво пробормотала я, припоминая содержание знаменитого романа. – Да, я читала Ницше. Не надо так глаза пучить.

– Да я просто..., – невнятно начала Хасан, но замолчал на полуслове. – Просто удивлен. Думал, ты только этикетки на пивных бутылках читаешь.

– Я не люблю пиво, – поморщилась я и вскочив с кровати, начала расхаживать взад-вперед, размышляя вслух: – По Ницше, сверхчеловек – это человек радикальный, эго-

центричный, стремящийся познать жизнь в наиболее экстремальных её проявлениях. Истребитель морали, как устаревшей и ненужной социальной единицы, и одновременно – творец нового мира.

Я замолчала, замерла, а после сказала Хасану:

– И ничто из этого не дает понимания, какая связь между нежной привязанностью этого... как ты там его назвал?... Гаспара? Вот, между привязанностью Гаспара к философским трактатам и тем, что ты не мог победить в драке превосходящего по количеству противника?

– Ладно, намеков ты очевидно не понимаешь, потому скажу, как есть, – словно обращаясь к самому себе пробубнил Хасан. – Гаспар стал заниматься незаконными научными экспериментами. С людьми и... не только.

– Что? – с трудом выдохнула я, хватаясь за шею, потому что комната, в которой мы находились вдруг стала странной маленькой. И воздух в ней закончился.

– Ты слышала, – спокойно поднял на меня взгляд Хасан. – Ты знакома с Гаспаром лично, поэтому его имя показалось тебе знакомым.

Я закрыла глаза и передо мной из тьмы выросла высокая худошавая фигура, облаченная в отвратительно белый халат. Такие же белые перчатки на руках, одна из которых время от времени периодически подергивается. Лицо закрывает белая плотная маска. И мне остается смотреть только в его глаза. Пустые холодные серые глаза, в которых плещется инте-

рес с примесью непонятного мне желания. Так, наверное, энтомолог смотрит на трепещущую в его пальцах бабочку, которую он вот-вот пришьит иголками за крылышки к доске и добавить в свою коллекцию редких созданий.

– Доктор Цвет, – застонала я, закрывая лицо ладонями. Крепко сжала лицо, пытаясь выдавить его образ из своей головы, но ничего не получалось. Прошел не один год, а я до сих пор не могла забыть.

– Кто?

Я открыла лицо и попыталась глубоко вздохнуть. Получилось плохо – не вздох, а рваный всхлип.

– Я называла его Доктор Цвет, – тихо пояснила я, прилагая огромные усилия, чтобы голос звучал ровно. – Про себя. Потому что он всегда носил одну и ту же белую медицинскую одежду. Даже обувь у него была белой – такие тонкие тряпичные мокасины. И волосы...его волосы были коротко подстрижены и отливали серебром. Глядя на них, я всегда задавалась вопросом – это седые волосы или...

– Седые, – обрывает мою путанную речь Хасан. – Он стал белым как снег еще в армии. Мало, кто знает об этом. Все думают, что он просто блондин с редким серебряным отливом.

На последних словах Хасан забавно фыркнул, словно недовольная лошадь у водопоя. Такое непосредственное выражение эмоций было настолько неожиданным, что я невольно прыснула со смеху. И что самое удивительное –

бывший босс поддержал мой слегка истеричный смешок. А потом вдруг резко помрачнел. Два широких порывистых шага и вот он уже присаживается передо мной на корточки, берет мои ладони и крепко сжимает в своих пальцах.

– Я понимаю, – просто, но емко произнес он.

– Что? – растерялась я, пытаюсь удержать слезы, готовые вот-вот сорваться с ресниц.

– Ты сбита с толку. Растеряна. Одинока, – начал перечислять бывший босс, с каждым словом перемещая свои руки вдоль мои все выше и выше, от чего по коже пробежала волна дрожи. Я сжалась в комок, не поспевая за своими ощущениями. Что происходит? – Но ты должна меня выслушать. Я должен рассказать тебе все до конца. От этого зависит слишком многое, чтобы я дал тебе время передохнуть от той лавины информации, которая на тебя обрушилась.

Я заглянула в глаза Хасана и увидела два темных омута, похожих на черные масляные болотца. А в груди гремел барабанный бой.

– Я не понимаю, – попыталась проговорить я, но получилось лишь прошептать, едва разлепив вдруг пересохшие губы.

Хасан вдруг резко оттолкнулся, выпрямился во весь свой немалый рост и глядя поверх моей головы заговорил:

– Тамир нашел меня спустя восемь лет. К этому времени у меня было все – авторитет в определенных кругах, деньги, команда, которая пойдет за мной даже в ад и... смешная ры-

жая девчонка, которая умеет быть одновременно такой милой, что щемит сердце и такой занозой в заднице, что хочется её пристрелить.

Он медленно поднял руку, прикоснулся к моему подбородку и едва касаясь кожи провел большим пальцем вдоль лица. Затаив дыхание, я наблюдала за лицом Хасана, оставшимся беспристрастным, а потом осторожно, буквально двумя пальцами прикоснувшись к его запястью, отвела его руку от своего лица. Я ненавидела его большую часть того времени, что мы были знакомы. Но знала, если у меня и были шансы выбраться из всей этой истории, то только с его помощью.

– Неприятен? – криво усмехнулся Хасан, и я услышала за этими словами нарастающую злость.

– Ты не понимаешь, что делаешь, – я тяжело сглотнула.

– А ты понимала, что делала, когда предала нас ради какого-то смазливового мужика? – откинув голову, нехорошо рассмеялся Хасан. – Как оно было с Безликим?

Я отдернулась, как от удара, и с нарастающим беспокойством спросила:

– Что? При чем тут он?

Хасан нетерпеливо сунул руки в карманы брюк, словно пытаясь удержаться от чего-то плохого. Например, от удара.

– А при том, дорогая моя, что ты даже не подозреваешь, кем он был на самом деле.

– Подозреваю, – я вскочила и моё лицо оказалось в па-

ре сантиметров от груди Хасана. Он все еще стоял слишком близко, несмотря на то, что теперь смотрел на меня с нескрываемым отвращением. – Он был объектом. Очередной целью, под которую вы с Сашкой, не стесняясь, меня подложили!

Я стиснула кулаки с такой силой, что уже заметно отросшие ногти больно впились в кожу ладоней.

– Но в его койку ты прыгнула с удовольствием. – Хасан склонился к моему лицу и буквально выдохнул в губы: – И какого тебе было с этим парнем, хорошо?

Меня охватила такая лютая злость, что внутри все задрожало.

– Лучше, чем с кем бы то ни было, – четко выговаривая каждую буквы выдохнула я, глядя Хасану прямо в глаза. – А знаешь, почему? Потому что я любила его. Любила того, кого ты потом у меня отнял!

Несколько мгновений Хасан сверлил меня странным взглядом, в котором, казалось преобладала злость, зеркальная моей. Но было что-то еще, что-то неуловимое, но знакомое. Возможно, грусть?

– Он был не тем, кем ты себе вообразила, – проговорил он, отступая от меня. – Он не прекрасный принц из волшебной сказки. Он монстр.

Прыснув со смеху, я удивила даже саму себя.

– Монстр? Да все мы монстры! – закричала я.

– Ты правда так думаешь? – удивленно вскидывает бровь

Хасан.

Я отступила, забралась с ногами на постель и, прижимая к груди колени, сообщила Хасану:

– Я думаю, что человек, убивший того единственного, ко-го я любила в этой жизни, не имеет права называть кого-ли-бо монстром.

– Я убил его, чтобы не потерять тебя, – вдруг тихо прого-ворил Хасан, склоняя голову к плечу. Его глаза заблестели от влаги, а губы дрогнули, когда он произнес после недолгого молчания: – Я видел, насколько сильно тебя захватили чув-ства к нему. Да и не я один видел. Сашка... этот парень все-ми силами пытался скрыть, насколько сильно запала ему в душу странная безымянная девчонка, выбравшая себе биб-лейское имя. Девочка, которая не помнила своего прошлого, не строила планов на будущее и плохо умела жить в насто-ящем. Которая постоянно попадала в передряги из-за сво-ей притягательности и несносного упрямого характера. Ко-торая могла поставить перед собой на колени любого муж-чину – от короля до старого солдата. И которая совершен-но не понимала, что делать со всем этим. С каждым новым днем, с каждым новым докладом, поступавшим как от тебя, так и от тех, кто за вами наблюдал, ему становилось все хуже и хуже. Как и мне...

– За нами наблюдали? – возмущенно вскрикнула я, вска-кивая с кровати. Из всего услышанного меня заинтересо-вало только это.

– Конечно, – легко пожимает плечами Хасан, как будто это нечто само собой разумеющееся. – Ты думаешь, телепат в нашей команде недавно? Он появился примерно тогда же, когда и ты. Просто я принял решение держать его подальше от всех. Так было...целесообразнее.

– И что...он...видел? – запинаясь спросила я, одновременно и боясь услышать ответ, и не в силах не спросить.

– Всё, – хмыкнул Хасан. – Ну, или практически все. Все-таки Игнат тоже человек, ему надо иногда есть и спать. А в это время наблюдать за вами было достаточно сложно.

Я постаралась тихонько выдохнуть, не демонстрируя свое облегчение. Значит, он ничего не знает. Хасан ничего не знает. А это значит, что Риган в безопасности.

– Но читать его доклады было..., – Хасан пощелкал пальцами, словно подбирая нужное слово. – Невыносимо. Ты ускользала от меня. А я не мог этого допустить.

Я горько рассмеялась, обхватывая себя за плечи из-за острого ощущения незащитности.

– И поэтому ты заставил меня выстрелить в него, заснять все на скрытую камеру, а после шантажировать меня компроматом? – я не поверила ни одному слову Хасана. Ни сказанным в начале, ни тем, что касались самого дорого для меня.

– В тот момент меня съедала такая злость – на себя, на тебя, на него. Я едва мог контролировать себя, – простонал Хасан и потянулся к карману. Я испуганно дернулась и за-

мерла, ожидая, что сейчас он достанет оружие. И, возможно, ту самую беретту, из которой я стреляла в Ригана. Но вот он вынул из кармана всего лишь смятую сигаретную пачку. Слегка подрагивающими пальцами, он выщелкнул себе на ладонь сигарету, щелкнул появившейся оттуда же зажигалкой и с наслаждением затянулся.

– Ты не мог бы курить возле окна? – сдержанно спросила я, пытаясь сообразить, что происходит – разворачивается у меня на глазах хороший спектакль или всё взаправду?

– Ладно, – легко согласился Хасан, отошел к окну и одним поворотом ручки распахнул створку. В комнату тут же ворвался поток свежего воздуха, и я с наслаждением вдохнула полной грудью.

– Ты должна знать кое-что, – Хасан глубоко затянулся, а после выпустил струю густого дыма в раскрытое настежь окно. – Риган – это не имя. Это тит...

И недоговорив, он резко дернулся, пошатнулся, выронил сигарету и побледнел, схватившись за грудь. В первое мгновение мне показалось, что у него случился сердечный приступ, но вскоре под его прижатой к телу ладонью стало растекаться кровавое пятно.

– Хасан! – заорала я и бросилась к нему. А он уже медленно сползал по стенке на пол. Я подросла как раз вовремя, чтобы не дать его голове удариться об пол. Опустив взгляд ниже, я увидела маленькую дырочку в его тонком свитере, вокруг которой алела кровь, распространяя отчетливый за-

пах мокрого металла. – Хасан... не умирай.

Хотелось кричать, но получилось выдавить из себя лишь сдавленный шепот. При всей моей ненависти к нему, изначальной и нынешней, я вдруг ощутила себя маленькой потерянной девочкой, упустившей руку отца в толпе и теперь испуганно озирающейся по сторонам в надежде увидеть знакомое лицо.

– Сейчас, – всхлипнула я и ринулась к кровати в поисках телефона. Первыми я перетряхнула свои испачканные вещи, ведь Хасан принес мне новую чистую одежду. Ничего не найдя, я рывком сдернула постельное белье и отбросила его на пол. Следом полетел матрас, и какая-то мелочевка из прикроватной тумбочки.

– Он должен быть где-то здесь, должен быть, – приговаривала я, пытаюсь то ли успокоить, то ли убедить саму себя в том, что сейчас телефон найдется, я позову на помощь и все будет хорошо. Но когда за моей спиной раздался булькающий хрип, я обессиленно рухнула на пол, хватаясь за лицо и стискивая рот ладонь. Изо всех сил стараясь не разрыдаться, я сжалась в комок, пытаюсь не слушать раздающиеся по близости звуки, свидетельствующие о приближающейся агонии.

И все же, я должна была что-то сделать. Должна. И тут мой взгляд упал на рассыпанные вокруг предметы – одноразовые упаковки влажных салфеток, одноразовые тюбики с кремами, дезинфицирующий спрей, какие-то таблетки в блистере. И тут я сообразила – мы же в гостиничном номере.

Подскочив на ноги, я быстро собрала свои вещи. Их оказалось не так уж много. Смотав в один скомканный узел свои небогатые пожитки, я подбежала к Хасану. Его глаза были закрыты, лицо осунулось и словно утратило прежние черты, а кожа обрела пугающий серо-бледный оттенок. Я понимала, что мне нужно убираться отсюда и как можно быстрее, но не могла оставить его вот так, умирать в одиночестве.

– Хасан, – тихо позвала я, не надеясь, что он услышит.

Но он отреагировал. Его веки задрожали и приоткрылись.

– Хасан, – повторила я, сдерживая рвущиеся наружу слезы отчаяния. Рациональная часть меня подсказывала, что ему уже мало, чем можно было помочь. И все же, что-то не давало мне уйти.

– Умирает..., – слабо выдохнул Хасан и в его груди при этом вновь что-то страшно забулькало. – Он... умирает...

– Ты не умрешь, – я попыталась сказать это уверенно, но получилось лишь жалко пропищать. – Все будет хорошо.

Я взяла его за руку, прикрыла глаза и...начала убирать свою ментальную защиту. Этому научил меня Риган.

«Ты такая сильная и при этом поразительно беззащитная, – шептал он мне, покрывая шею легкими поцелуями, словно бабочка порхала по коже. – Эта смесь бьет в голову сильнее самого крепкого алкоголя. С тобой хочется всего и сразу – и сдаться в твою власть, и победить тебя, получить в свое полное распоряжение. Ты прелестна, любовь моя. Но тебе надо научиться защищаться. И в первую очередь, защи-

щаться от таких, как я».

Несколько дней интенсивных тренировок, после которых у меня по полчаса шла носом кровь. Кровавые последствия от перенапряжения бережно вытирал с моего лица Риган. У него, как у настоящего джентльмена, всегда были при себе белоснежные платки и иногда я думала, что где-то в его огромном доме есть комната с годовым запасом этих самых платков. И вот я, наконец, смогла выставить защиту. Визуализируя, я представляла, что вокруг меня – крепчайшие стены из белого камня, холодного и шершавого на ощупь. А я – внутри этих стен, неусыпно берегущих меня. В дальнейшем, получив от Ригана еще несколько уроков, я научилась удерживать защиту бессознательно, просто постоянно ощущая, что она – есть.

И вот сейчас я выбиралась из своего мысленного укрытия для того, чтобы помочь Хасану. Как только последний кирпич из разрушенной мысленным ударом стены рухнул вниз, я открыла глаза, протянула руку и осторожно, одним пальцем, прикоснулась к руке Хасана. Следовало быть осторожной, очень осторожной... И медленно, по капле начала вливать в него силу.

Хасан резко и шумно вдохнул, а после дернулся и страшно выгнулся над полом, словно невидимый крюк подцепил его за грудную клетку и дернул вверх.

Я не могла разорвать контакт и лишь наблюдала за его мучениями, глотая слезы и надеясь, что моё вмешательство

сможет помочь, а не добьет окончательно. Но вот прошло еще несколько мгновений, он обессиленно выдохнул и безвольно распластался по полу, напоминая большую тряпичную куклу.

Сделав последнее усилие, я убрала руку и ощущая такой упадок сил, что хоть сейчас ложись и засыпай, тронула бывшего босса за плечо. Его грудь была по-прежнему разворочена пулей. Но кровь уже не сочилась, а дыхание выровнялось и углубилось.

– Хасан, – осторожно позвала я.

– Тебе надо уходить, – прошептал Хасан и разлепил веки, осмысленно глянув на меня.

И он указал глазами на окно. Я помотала головой в ответ.

– Я не подходила к нему.

– Стреляли с крыши здания напротив, – прохрипел Хасан и страшно закашлялся.

– Думаю, там уже никого нет.

– Уходи, – и он с трудом подняв руку толкнул меня в бок. – Уходи сейчас же.

Он вновь тяжело закашлялся и устало прикрыл веки, словно засыпая.

– Хасан! – вскрикнула я.

– Найди серые камни, – едва уловимо вымолвил Хасан. – И берегись тьмы... в глазах. Уходи...

Поддавшись секундному порыву, я наклонилась к Хасану и приложила губами к его лбу. А после вскочила и рину-

лась к двери.

Глава 42

Я сидела на лавочке в парке. Сняв обувь и забравшись с ногами, рассеянно наблюдала за людьми. За молодыми мамочками, толкающими перед собой разноцветные коляски. За ребятней, пытающейся догнать голубей, возмущенных таким поворотом. За благообразными старушками, чинно восседающими на скамейках напротив. Последние были примечательны тем, что с явным неодобрением посматривали на меня. Пожилых женщин, очевидно, возмутил не только способ, с которым я широко устроилась на лавке, но и тот факт, что самым бессовестным образом мной была занята единственная скамейка, расположенная спиной к послеобеденному солнцу. И мне, в отличие от них, не приходилось усиленно щуриться от слепящих глаза лучей.

Сделав вид, что не замечаю красноречивых взглядов, брошенных в мою сторону, я прикрыла глаза рукой и полностью улеглась на скрепленные между собой деревянные планки, из которых была изготовлена уличная мебель. Лежать было неудобно, уже через пару минут начала затекать спина, и я искренне посочувствовала бродяжкам, вынужденным жить на улице.

Но мысли о нелегкой доле лишенных крова людей очень быстро вытеснили размышления о сказанных Хасаном словах. Отель я покинула через черный ход, предварительно со-

общив администратору, что в номере на пятом этаже вот-вот образуется не очень маленький и не очень симпатичный, но уже холодеющий труп. С лица девушки за административной стойкой тут же сползла искусственная улыбка, а её напарник стал похож на сереющую лягушку. Причем преобразование произошло так быстро, что я испугалась, как бы не пришлось оказывать первую помощь и ему. Прикрикнув на растерявшийся персонал, я проследила за тем, как они вызвали экстренную медицинскую помощь, а после по-тихому ретировалась.

Идти было особо некуда, а подумать в тишине хотелось. С учетом того, что в моём присутствии подстрелили человека, сидеть в парке на виду у всех было не самым лучшим решением. И не то, чтобы я боялась стать следующей. Нет, я была уверена, что стрелять в меня никто не будет. А вот составить мой словесный портрет со слов работников гостиницы не так уж и сложно. А это значило, что, если Хасан не выживет – меня будут искать.

– Надеюсь, ты не умрешь, – тихо, только для самой себя, прошептала я.

– Кто не умрет? – проговорил рядом знакомый голос.

Я подхватила и резко села, сонно потирая глаза. Когда наконец удалось продаться сквозь накатившую слабость и разлепить веки, я увидела рядом с собой невзрачную мордашку.

– Моль? – имя девицы, остановившейся возле меня долго

вспоминать не пришлось. Такие, как она врезаются в память – прочно и надолго. Моли была немного странной, но тот факт, что сама она этого не стеснялась, делал её странности очаровательными.

В этот раз она вырядилась в ярко-розовый комбинезон с подкатанными до колен штанинами. На болезненно-остром плече болталась большая клетчатая сумка, Пальцы были унизаны тонкими колечками. На ногах черные армейские ботинки с толстой подошвой. В руках Моль держала огромный шар сахарной ваты, который был больше её головы раза в три. И не смотря на весь свой необычный вид, еще большую эксцентричность которому придавали выкрашенные в неожиданно салатовый цвет редкие волосы, торчащие в разные стороны словно иголки взбесившегося ежа, смотрела она на меня серьезно и как-то очень по-взрослому. Под этим внимательным взглядом я неуютно заёрзала.

– Что ты здесь делаешь? – спросила, поправляя волосы и надеясь, что выглядят они все же лучше, чем у Моли.

– То же, что и ты, – не совсем чистыми пальцами она оторвала кусок сладкой ваты и сунула себе в рот. – Гуляю.

– Одна? – я оглянулась по сторонам.

– Мне не нужно сопровождение, – хмыкнула Моль и протянула мне вату: – Хочешь?

Я отрицательно качнула головой.

– А где твой брат?

– Тухнет на базе, ковыряясь в своих «железках», где же

еще? – она сунула в рот еще один кусок сладости и едва ворочая языком спросила: – Так, кто не должен умереть?

– Так...один знакомый, – неопределенно ответила я, наблюдая за тем, как Моль сосредоточенно ковыряется в зубах. Непроизвольно поморщившись от полного отсутствия каких-либо манер, я вдруг задумалась: – А как вы с братом оказались среди...ну, таких, как мы?

– Мы? – переспросила Моль, сведя белесые брови к переносице.

– Я, Седой, – много имен назвать не получилось и после второго имени перечисление переросло в невнятное «ээээ».

– И Хасан? – Моль прямо взглянула на меня.

– Ты с ним знакома? – воскликнула я.

– Конечно, – она вновь обратила все свое внимание на комок растопленного сахара у себя в руках. – Он сам меня нашел.

Едва не поперхнувшись от того, как ласково и затаенно нежно Моль произнесла имя Хасана, я ухватилась за новую информацию.

– Где нашел?

– В полиции, – ответила Моль так тихо, что я едва слышала её за воплями мимо пробежавшей стайки детей. – После ограбления.

– Какого ограбления?

– Я попала в плохую компанию, – просто объяснила Моль. – Которая год назад попыталась ограбить банк. У них

не получилось, потому что они все были идиотами. Но тогда я еще не знала, что они идиоты и помогала им в подготовке. Когда всех повязали и начали допрашивать, мои друзья меня сдали. И за мной приехали. Потом появился Хасан, сказал, что я особенная и предложил работу. Сначала мне, брата я уже потом подтянула. А согласилась на сотрудничество и Хасан сделал так, что моё имя исчезло из дела о вооруженном ограблении по предварительному сговору лиц.

– Сколько тебе лет? – с подозрением скосила я глаза на детское щуплое лицо.

– Пятнадцать, – безразлично пожала плечами та, которую я приняла едва ли не за ученицу младших классов. – Просто я мелкая и тощая, а лицо наоборот – кругло и щекастое, – подумав, она добавила: – Хасан сказал, что я особенная.

– Особенная? – тоже самое Хасан однажды сказал мне.

– У меня есть дар, – она взглянула на меня из-под ресниц и хитро улыбнулась. – Так же, как и у тебя.

– У меня есть только один-единственный дар, называется «зря тратить время», – проворчала я.

– Ты суккуб, – вдруг уверенно заявила Моль, – и огненный элементаль. Я знаю.

– Откуда? – пытаюсь скрыть нарастающее раздражение, спросила я.

– Я это чувствую, – тень печали вдруг легла на её еще по-детски округлое лицо. – Вот здесь, – и Моль приложила руку к груди, чуть пониже горла.

– Интересная особенность, – пробормотала я, не зная, как реагировать на подобные заявления.

Откинув голову назад, девчонка вдруг начала хохотать – громко и с явным удовольствием.

– Хасан был прав, ты забавная, – сквозь смех, сказала она, едва не хватаясь за живот. – Ты бы видела сейчас свое лицо.

Я недовольно скривилась:

– Как зверушка в зоопарке?

– Да ладно, не обижайся, – отсмеявшись, Моль запихнула в рот остатки сладкой ваты и зашвырнула в рядом стоящую железную мусорку деревянную палочку. – Просто ты очень милая, даже, как пытаешься злиться.

– Если бы я злилась – ты бы это заметила, – проворчала я, скрещивая руки на груди.

– Я заметила, и почувствовала, – с улыбкой кивнула Молли и начала вытирать липкие руки о брюки. – В этом и заключается мой дар – я чувствую то, что чувствуют другие.

– То есть, ты считаешь чужие эмоции, как...компьютер информацию с внешнего носителя? – попыталась я разобраться.

– Не совсем так, – вздохнула Моль. – Скорее, это как тактильные прикосновения, но на ментальном уровне. К кому-то прикоснуться совсем просто, такие люди – как открытая книга. Другие более закрытые, с ними сложнее. А есть такие, к которым не пробиться. Но их совсем мало. Как правило, это высшие маги, намеренно закрывающиеся от любо-

го воздействия извне.

– И к какой группе отношусь я? – мне вдруг стало очень любопытно. Девчонка, скорее всего, эмпат. Про эмпатов я слышала, но очень давно и очень мало. Вроде как, это обычные люди, которые из-за каких-то сильных моральных потрясений приобрели определенные способности. В них – больше сопереживания и врожденной способности понимать других, чем магии. И при этом, эмпаты – очень редки, а их умения – весьма высоко ценятся. Не удивительно, что Хасан обратил на девчонку внимание.

– Первый, – хохотнула Молли. – Ты знала, что Хасан называл тебя девочка-чернобыль?

Я широко распахнула глаза, демонстрируя полное непонимание.

– Ты как ураган, переполнена эмоциями и совершенно не умеешь их сдерживать. Да что там сдерживать, ты их даже понимать не умеешь!

– Что там понимать, – насупилась я. – Злость – это злость, а радость – это радость.

– А трактор – это трактор, – поддакнула Моль.

– При чем тут сельскохозяйственная техника? – возмутилась я.

Она пожала плечами.

– Ни при чем, я просто подумала, что мы перечисляем очевидные вещи, вот и сказала первое, что пришло в голову.

– Хорошая стратегия, – состряпала я милую улыбку на ли-

це. – Тоже так делаю, когда не знаю, что сказать.

– Так, почему ты здесь сидишь? – посерьезнела Моль. – На базе тебя уже все заждались.

– Я не дед Мороз, чтобы меня ждать, – зло ответила я, а после уже более спокойно пояснила: – Я думаю.

– О чем?

– О серых камнях.

– О чем? – прыснула в грязный кулачок несносная девчонка. – Зачем о них думать?

– Затем, что понятия не имею, что это такое.

– Это вроде загадки, что ли? – догадалась Моль.

– Типа того, – огорченно вздохнула я. – Только мне её очевидно не разгадать.

– Помощь нужна? – предложила она. – Я не особый спец по разгадыванию шарад, но могу братца пригрузить. Все равно сейчас бездельничает – по форумам ползает, да людей провоцирует.

– Зачем? – не поняла я.

– В его понимании, так выглядит веселье, – фыркнула Моль и полезла в свою безразмерную сумку, чтобы вытащить большую бутылку воды.

Быстро открутив крышку и сделав глоток, она поморщилась, а после, вытерев губы тыльной стороной ладони, спросила:

– Так что, помощь нужна?

– Спасибо, но я попробую справиться сама, – отказалась

я, так как не была абсолютно уверена в надежности Крота. Да и личность Моли тоже вызывала недоверие.

– Ну, как знаешь, – легко приняла отказ Моль и спрыгнула со скамейки. – Раз компаньон тебе не нужен, я пошла.

Она уже сделала пару шагов, как вдруг остановилась и обернулась ко мне с таким сияющим видом, что я невольно дернулась назад.

– Что?

– Я разгадала твою загадку, – хитро ухмыльнулась она и подняв руку, указала куда-то вправо от меня. Я в недоумении приподняла бровь, а после, повернув голову, взглянула туда, куда указывал не совсем чистый палец.

На противоположной стороне парка, через две аллеи от того места, где находилась я, стоял большой красочный стенд. Подобные конструкции часто можно было встретить в крупных туристических центрах. На них указывается информация о различных экскурсиях, прогулочных направлениях и местах, которые могут представлять особый интерес для туристов. На стенде, который большим картонным домиком возвышался посреди городского парка, были развешены буклеты с живописными видами.

– Это реклама какого-то дома отдыха, – присмотревшись, проговорила я. – Для тех, у кого нет средств отправится к морю или океану.

– Во-первых, не дома отдыха, а санатория, – деловито поправив волосы, заметила Моль. – А во-вторых, санаторий на-

зывается «Серые камни».

И с торжествующим видом взглянула на меня.

Но наглая девчонка перестала меня интересовать в тот же момент, как зарыла рот, договорив предложение.

– Серые камни, – прошептала я и вскочив на ноги, ринулась к стенду, позабыв обо всем. Моль еще что-то кричала мне в спину, но я уже не слышала. Оказавшись у картонного сооружения, я начала судорожно всматриваться в развешенные рекламные проспекты. Все они относились к одному и тому же месту – санаторию «Серые камни», предлагающему широкий спектр услуг всем любителям загородного отдыха на природе. Но перечисление оздоровительных процедур и нахваливание местного косметолога меня не интересовало, я искала адрес. И нашла в самом низу мелкими буквами приписку о расположении пансионата «Серые камни».

Дорога заняла больше двух часов. По большей части из-за того, что на выезде из города образовалась приличная пробка. Водитель вызванного мной такси оказался непомерно разговорчив. И к концу поездки у меня уже болела голова, от постоянного стискивания челюстей ныли зубы и страдала полностью отсиженная попа.

А потому, добравшись, наконец, до места я чувствовала себя так, словно разваливалась на куски. К тому же, отчаянно хотелось пить, а еще лучше – выпить. Но я лишь сухо поблагодарила водителя, расплатилась и выбралась из машины, оказавшись перед четырехэтажным зданием. Невзрач-

ный серый фасад, старенькие деревянные рамы с местами облупившейся краской и три ступеньки крыльца перед узкими двухстворчатыми дверьми, выкрашенными коричневой краской.

– Что-то не похоже это на пансионат, – с сомнением пробормотала я, обращаясь к самой себе. Но упрямо направилась ко входу.

Дверь поддалась очень тяжело. Я с трудом потянула её на себя обеими руками и, покраснев от натуги, едва смогла протиснуться в образовавшуюся щель. Ввалившись в темный маленький коридор, я оглянулась на захлопнувшуюся с грохотом створку и увидела, что изнутри её держат три крупные тугие пружины, прикрепленные сверху, снизу и посередине.

– Не званым гостям тут явно не рады, – пробормотала я в слух и, стараясь ступать как можно осторожнее, двинулась вперед, в полумрак, отдающий отчетливым запахом пыли и лежалых вещей. Запах почему-то ассоциировался со старостью, вызывая со дна души тоску и ощущение беспросветной безнадежности.

И как я ни старалась минимизировать шум, каждое моё движение, каждый шаг отдавался скрипом или шорохом, которые эхом разлетались по очевидно пустому и кажется даже заброшенному зданию. Хотя снаружи, при взгляде на дом со стороны, он не выглядел необитаемым.

А я все шла и шла по коридору, который казался бесконечным и в какой-то момент мне показалось, что он начал

сужаться. Или же у меня случился очередной приступ клаустрофобии, потому что потолок вдруг тоже стал ближе к моей голове.

– Что-то здесь не так, – простонала я, опираясь о стенку и отирая пот со лба, потому что дышать стало тяжелее. Воздух словно превратился в кисель.

Уже решив, что надо возвращаться обратно, я подняла взгляд как раз в тот момент, когда впереди вспыхнул яркий белый свет, ослепив меня.

Закричав, я рухнула на колени, хватаясь за глаза. Пекло так, словно кто-то швырнул в лицо горсть перца. Под ладонями, которые я неистово прижимала к лицу, тут же потекли обильные слезы.

– Вам помочь? – звонким колокольчиком прозвучал за моей спиной голос и на плечо легла чья-то рука.

Действуя инстинктивно и при этом мало что видя, я подскочила, развернулась и попыталась нанести удар.

Не знаю, что меня остановило. Наверное, тот факт, что мне не оказали никакого сопротивления. Более того, на меня с сочувствием и какой-то скрытой болью сквозь белесую дымку смотрят внимательные светло-голубые глаза, чистые, словно весеннее небо поутру. А вокруг витает запах свежих простыней и горячего хлеба.

– Простите, – встревоженно произнесла высокая стройная женщина в длинном белом платье в пол. Её голос был высок и звонок, словно весенняя капель. И вся она была такая

изящная и легкая, похожая на сошедшего с небес ангел. – Вам помочь?

– Нет, то есть, не знаю...то есть, – сбивчиво начала я. Остановилась, замолчала, потеряла глаза и всмотрелась в лицо женщины. Оно было невероятно прекрасным, идеально пропорциональным, словно написанным неведомым художником на белом холсте. – А вы кто?

Женщина склонила голову к плечу и одарила меня мягкой и очень светлой улыбкой, словно маленькое солнышко нырнуло в распахнутое окно и засияло над головой, озаряя и согревая теплом. Наверное, именно ради такой улыбки красивой женщины рыцари сражались на турнирах.

Стоп! Что? Распахнутое окно?

Я оглянулась по сторонам и поняла, что нахожусь по-прежнему внутри здания, куда вошла пару минут назад. Вот только теперь коридор был совсем другим – широким, чистым и светлым. Пол, застланный деревянными панелями, выкрашенные в светло-голубой оттенок стены, высокие потолки, цветочные кадки с распустившимися розами по углам. И окна, которых еще минуту назад здесь не было. Распахнутые створки открывали вид на большую зеленую поляну, в центре которой рос огромный дуб, явно очень старый. Для того, чтобы обхватить его неровный изогнутый ствол понадобилось бы человек пять, а густая зеленая крона отбрасывала непробиваемую солнечными лучами тень. Но больше всего меня удивило не дерево, от которого так фонило

магией, что аж подташнивало, и не резвящиеся около него дети, а тот факт, что за окном во всю бушевало лето.

– Так не бывает, – прошептала я себе под нос, метнувшись к подоконнику и высунувшись наружу, чтобы вдохнуть свежего воздуха. К запаху вкусной домашней еды примешался чуть сладковатый цветочный аромат.

– А ты можешь развести костер без спичек, – засмеялась красавица, приближаясь к окну следом за мной. – Разве так бывает?

– Кто вы? – вновь повторила я, нахмурившись. Мимолетное опьянение окружающим миром, стремительно накатившее на меня, начало проходить. Стало тревожно. Очень тревожно.

– Пойдем со мной, – женщина протянула мне свою руку. – Я тебе все покажу.

– Знаете, когда я в прошлый раз вот так согласилась с кем-то куда-то пойти все закончилось плохо на следующие семь лет, – я сложила руки на груди и даже сделала пару шагов назад, чтобы даже случайно не прикоснуться к незнакомке.

– Я не опасна для тебя, – она без страха и угрозы заглянула мне в глаза. – И никто не причинит тебе зла в Доме Света.

– Дом Света? – брезгливо поморщилась я. – Секта какая-то, что ли?

– Нет, – не обиделась красавица. – Это дом для потерянных душ. Потерянных и одаренных. Таких, как ты. К нам приходят те, кому больше некуда идти. У кого нет крова, нет

семьи, нет надежды на будущее.

– Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, – я еще раз осмотрелась вокруг.

– Раз ты смогла войти, значит, достойна, – многозначительно заявила незнакомка. – Значит, ты должна быть здесь.

– Да, – кивнула я, – дверь и правду у вас открывается с трудом.

– Я не про дверь, – ласковая снисходительность промелькнула в её негаснущей улыбке. – Этот дом – он живой, как ты и как я. Он мыслит, чувствует, понимает. И не пропускает посторонних.

– То есть, я не посторонняя, – уточнила я, все еще пребывающая в растерянных чувствах.

– По его мнению, нет, – рассмеялась красавица, потряхнув шикарную гривой густых темных волос, сверкнувших глянецом. – Иди за мной.

И грациозно развернувшись она направилась к окну. Подошла, коснулась изящной рукой с удивительно тонким запястьем, и пол под нами содрогнулся, как и все здание.

В первую секунду мне показалось, что началось землетрясение и сейчас на голову посыплется штукатурка вместе с крышей, а потому я, поддавшись бессознательному порыву тут же присела и прикрыла руками свою слабенькую черепашку, защищая самое ценное. Но глаза закрыть не успела, а потому стала свидетельницей того, как окно вдруг начало меняться – сужаться в ширину и вытягиваться в высоту.

Стекла в распахнутых рамах затряслись и словно втянулись в стену. Стоящий на подоконнике горшок с геранью плавно славировал вниз и притулился в уголке. Через пару мгновений на месте окна красовался дверной проем с гостеприимной распахнутой наружу дверью.

– Странное поведение для человека твоего рода деятельности, – произнесла красавица, когда дом затих.

Мы обменялись взглядами. В моем была неприкрытая злость и досада, в её – неприкрытое оценивание. А я терпеть не могла, когда меня оценивали. Выпрямившись, стряхнула пыль с рук, которой не было и хмуро глянула на женщину.

– Вы умеете читать мысли? – что-то слишком много телепатов развелось в последнее время. На особой ферме их, что ли, выращивают?

Женщина выдала довольную улыбку и откинула волосы назад, открывая вид на длинную тонкую шею.

– Не я, – сказала она, развернулась ко мне спиной и в один широкий шаг переступила порог. – Дом.

– Этот дом начинает меня здорово раздражать, – пробормотала я и поспешила следом за женщиной в белом.

Глава 43

Едва мои ноги коснулись полянки, как мир опять дрогнул, словно раскрываясь передо мной, становясь объемнее и одновременно полнее. Запахи усилились, краски заиграли ярче, звуки дополнились пением птиц, шорохом листьев, шумом играющего с высокой травой ветра. Душу охватила радость, стало спокойно и тепло. Ощущение тепла шло не снаружи, не от солнца, которое казалось было больше и ближе обычного, а изнутри. Словно ты сам стал негаснущим лучом, неумирающей надеждой.

– Здесь так прекрасно, что от этого становится больно, – прошептала я, прикладывая руку к груди.

Красотка наградила меня ободряющей улыбкой, в которой кажется скопилась вся мудрость этого мира. Для одной недолгой человеческой жизни она была слишком понимающей. И это навело на некоторые вопросы.

– Ты не человек? – спросила я в лоб, понимая, насколько невежливо прозвучали мои слова.

– Так же, как и ты, – мягко ответила она и обвела взглядом детишек, резвящихся на полянке словно стайка диких котят, не замечая никого и ничего вокруг.

– Я не знаю, что это за место и кто вы все такие, – начала я, решительно собравшись с силами. – Меня сюда отправил умирающий друг, чтобы найти ответы на мои вопросы.

– И ты их получишь, – не стала спорить со мной незнакомка, не выходя из роли понимающего смирения. – Если не испугаешься.

Я громко фыркнула.

– Не испугаюсь. А если и испугаюсь, то ненадолго.

– Твой выбор, – как-то слишком торжественно произнесла красотка и вновь молча пошла вперед.

Мы пересекли полянку, осторожно огибая притаившихся в траве мелких зверюшек, похожих на белок, вот только черных и очень пушистых. И старательно избегая столкновения с мальчишками лет десяти-двенадцати, пытающимися догнать большую ярко-изумрудную бабочку.

– Здесь каждый получает то, чего желает больше всего на свете, – ответила на мой немой вопрос красавица. – Можно сказать, Дом Света исполняет самое сокровенное желание человека, но только одно. Эти дети хотели иметь семью.

– Интересно, а чего хотела эта бабочка? – пробормотала я, испытывая смешанные чувства.

– Она, как и я, является частью этого мира, – ответила мне красотка, подходя к высокой, буквально упирающейся в небо белой стене, увитой плющом. Стена огибала полянку полукругом с противоположной от дома стороны. Местами она была покрыта трещинами, идущими словно изнутри. Как будто эти разрушения являлись следствием каких-то внутренних процессов, а не внешнего воздействия на сооружение.

– Дом живой, и он живет вместе с нами, – заметив мой внимательный взгляд, изучающий рисунок из трещин. – И как любое живое существо, он болеет, страдает и умирает.

– Дом умирает? – изумилась я, не поверив собственным ушам.

– Нет, – тряхнула гривой незнакомка. – Дом жив, пока жива его Хранительница. А я не собираюсь умирать. Трещины, которые ты видела – лишь результат некоторого...недопонимания сторон.

– Кто-то слишком давит снаружи? – предположила я, наклонившись поближе к стене. По неровной поверхности ползло какое-то незнакомое мне насекомое, похожее на большого переливающегося розовым перламутром жука-носорога, но с очень длинными лапками. Он двигался вверх по стене, но как-то очень неловко, переваливаясь с лапки на лапку, словно они стали такими длинными недавно, и он еще не привык.

– Нет, скорее, кто-то не может смириться с тем, что внутри него, – задумчиво пробормотала женщина, вместе со мной рассматривая жука. Договорив, она протянула вперед руку и прикоснулась к спинке насекомого, легонько прижав его пальцами к стене. Жук задрожал, затрепыхался, явно пытаясь вырваться. Но что-то его не пускало и это что-то однозначно было магией. Я уже собралась вмешаться, как жучок вздрогнул последний раз и безвольно расслабил лапки. Его окрас сменился, побледнел и превратился в черный. Теперь

это был обычный мертвый черный жук.

– Не очень гуманно, – заметила я, покосившись на красотку, которая в этот момент убрала руку, и жук свалился вниз, затерявшись в высокой зеленой траве.

– Гуманность не является залогом выживания, – заявила женщина. Она уверенно выпрямила спину, сложила свои ладони вместе на уровне груди и прикрыв глаза, что-то быстро пробормотала. Это был набор маловразумительных звуков, которые не походили ни на один знакомый мне современный язык. Более того, что-то мне подсказывало, что произнесенная незнакомкой фраза вообще не имела отношения к современности.

Но едва она договорила, как трещины в стене вспыхнули ярко-фиолетовым светом, а сама стена начала меняться. На моих глазах сооружение принялось перестраивать само себя. И ощущения от наблюдения за процессом были далекими от приятных, я бы даже сказала, жуткими. Как будто что-то живое ломает себя у тебя на глазах, а после вновь сращивает кости, мышцы и суставы. И звуковое сопровождение было соответствующим, от него разом заныло... все! Захотелось отойти подальше, но едва я попыталась сделать шаг, как незнакомка, стоящая рядом, вцепилась в мою руку мертвой хваткой. Сила, столь неожиданная в таком хрупком теле, заставила меня забеспокоиться. Я опустила взгляд на держащую меня руку и... постаралась не выдать свои истинные эмоции. На запястье женщины, таком белокожем, что про-

свечивались голубые вены, был изображен символ. И этот символ я уже видела. В том кинотеатре, где произошел второй взрыв.

Некоторое время я рассматривала татуировку, а когда поняла, что жутких звуков больше нет, подняла глаза и увидела на месте стены большую арку, выполненную из крупного белого камня. За аркой следовал широкий проход, по таким же белокаменным стенам которого плелось растение с многочисленными маленькими зелеными листьями и крупными бутонами красных цветов.

Женщина отпустила мою руку, деловито поправила рукава и жестом пригласила следовать за собой. Я была не против. На самом деле, в этот момент я была готова пойти за ней хоть на край вселенной, хоть к черту на личный прием.

Мы двинулись по открывшейся галерее, женщина впереди, я – следом, активно вертя головой в попытке все рассмотреть. А посмотреть было на что. Овальные своды высоких потолков подпирали тонкие колонны, спирально украшенные замысловатой лепниной. Изящные каменные статуи, изображающие людей и животных в различных позах, были расставлены через каждые два-три метра. Вот прекрасная юная девушка в коротком платье и головном уборе, напоминающем корону, держит у хрупкого плеча большое плоское блюдо с фруктами. Напротив неё возвышается высокий и грузный мужчина, облаченный во что-то похожее на древнегреческий хитон. Он грозно и даже как-то осужда-

юще глядит на мир из-под широких густых бровей. В руке его зажат длинный посох, больше похожий на кривую палку. Через несколько колон от неприветливого человека расположилась статуя женщины. Невысокая, но складная, с манящими изгибами тела, укрытая легким плащом, который больше подчеркивал фигуру, чем скрывал её. Лицо прекрасной дамы было уже не молодым, но далеко и не старым. Автор подарил ей тот самый облик, который свидетельствует о приобретенной за годы жизни мудрости, гармонично сочетающийся с созревшей, сложившейся красотой. У босых ног женщины прилегли двое – маленький ребенок со смышленным личиком, любопытно взирающий на мир, и щенок, игриво припавший на передние лапы и задорно задравший кверху длинный хвостик.

Скульптур было очень много. Словно кто-то специально запечатлел различных людей в камне, чтобы украсить эту длинную галерею. Вот невысокий парнишка склоняется к полу, чтобы поднять большую, в половину его самого, амфору. Чуть в отдалении – двое кудрявых детишек, мальчик и девочка, прижимают к себе двух котят, похожих на них самих. А еще была пожилая женщина, присевшая на большой валун и с грустью положив подбородок на иссохшую костлявую руку, глядя куда-то в даль. То ли вспоминала юность, то ли высматривала смерть.

Было в этих каменных изваяниях что-то, наталкивающее на мысль – они здесь не просто так. Определенный порядок

угадывался и в расположении скульптур. Статуи стояли поодиночке, разделенные чередой колонн. Но в тоже время, если взглянуть на них общим взглядом, то появлялось ощущение, что они образуют общую картину. Единый взаимосвязанный мир, существующий по своим законам.

Увлеченно рассматривая склонившегося в полупоклоне старца, я не заметила, как моя спутница покинула меня, буквально растворившись в воздухе.

Тихонько выругавшись сквозь зубы, потому что громко ругаться мне не позволило какое-то внутреннее ощущение святости этого места, я заторопилась догнать ту, что меня сюда привела.

Я быстро зашагала по галерее, уже едва замечая её красоту. Но вот не заметить постепенно гаснущее освещение было невозможно. И дело было не в том, что источник света отсутствовал в принципе – сам белый гладкий камень, являющийся частью стен, пола и потолка, светился. А в том, что проход резко устремился вниз, словно уходя под землю. На стенах появились факелы, рассеивающие постепенно сгущающуюся тьму. Идти стало труднее, я то и дело спотыкалась о каменные выступы. Приглядевшись, поняла, что иду по грубому брусчатому основанию, выполненному из плохо обработанных крупных кусков базальта. Стены тоже постепенно трансформировались, как будто огрубевали, обретая черты первобытной пещеры.

Откуда-то спереди потянуло холодным и сырым воздухом,

словно кто-то открыл давно не используемое нежилое помещение. Моя бурная фантазия тут же подсунула мне картинку склепа на кладбище.

Поежившись, я обхватила себя руками за плечи, но шага не замедлила. Мне не было страшно, присутствовало некое ощущение правильности происходящего. Словно маленькая и скрытая от сознания частичка меня твердила, что именно так все и должно быть. Но в то же время я беспокойно оглядывалась, боясь пропустить выход и забрести куда-то не туда.

Как выяснилось, переживала я зря. Обойдя здоровенный валун подозрительного черного цвета, который не пойми за-чем грозным истуканом возвышался посредине прохода, я вышла к лестнице.

И растерялась.

Лестница находилась внутри подземелья, по сути, являлась тупиком и казалась весьма посредственной, не имея ни перил, ни других ограждений. Череда ступенек серого цвета очевидно была вытесана каким-то мастером из того же грубого камня, которым я любовалась уже минут десять, в гордом одиночестве спускаясь вниз по проходу.

Мне захотелось продолжить путь, потому что появился уже какой-то азарт, подпитываемый простой мыслью – а есть ли у этого прохода конец? Или может быть, это какие-то древние катакомбы, по бесконечным туннелям которых можно добраться до Старой Европы. Но какое-то отчет-

ливое внутреннее сопротивление не давало ступить и шагу. Как будто, мне требовалось разрешение. И вот, стоя лицом перед лестницей, ведущей куда-то наверх, в неизвестность, я начала понимать – это не мои мысли, не мои эмоции, и не мои чувства. «Я – настоящая» будто осталась где-то за кадром. А всем руководил неизвестный мне кукловод.

– Я жду тебя, – раздался уже знакомый напевный голос, отразившийся от каменных стен и испуганной птицей взметнувшийся вверх, туда, где высокий потолочный свод терялся во тьме.

И вот, я послушно подняла ногу и поставила на первую ступень. Оттолкнулась и подняла вторую. И так до самого верха, пока не заболели ноги, не заныли мышцы, не закружилась от быстрого восхождения голова. Пока я не прекратила подъем. Уже там, стоя на вершине лестницы я оглянулась...и не увидела ничего кроме уходящих вниз ступенек. Бесконечных ступенек.

– Тут немного выше, чем кажется на первый взгляд, – проговорил голос совсем рядом.

Я перестала вытягивать шею в попытке хоть что-то рассмотреть и увидела мою проводницу прямо перед собой. Даже ближе, чем этого хотелось бы.

– Вы очень быстро ходите, – пробормотала я, почесывая переносицу и испытывая кране острое желание отступить назад. Но сделать это и не улететь вниз, не представлялось возможным. – Вернее, очень быстро уходите.

Я выразительно округлила глаза, выделив интонацией последнее слова. Женщина лишь мило улыбнулась, как-то слишком спокойно встретив моё негодование.

– Дом Света является частью меня, – заявила она таким тоном, как будто это объясняло все на свете: от глобального потепления до проблем освоения космоса. – А я – часть его. Вот и все.

И меня облагодетельствовали самой безмятежной улыбкой из всех, что я когда-либо видела. Немного ненормальной такой улыбкой. Нормальные люди так не улыбаются. У них невыносимые дети-подростки с пенопластом вместо мозгов, квартира в ипотеку, огуречные грядки на даче и лишние двадцать килограмм на заднице. Не до безмятежности, знаете ли.

– В вашем Доме Света, который не во всех местах светлый, слишком много коридоров, – не выдержала я.

– Как и в нашей жизни, – красавица стремительно развернулась, взмахнув подолом платья. – Наша жизнь – это сплошные коридоры, по которым мы блуждаем в поисках выхода.

– Хотелось бы найти выход отсюда, – пробурчала я и только в этот момент удосужилась внимательно осмотреться.

Обстановка...вызывала интерес. Я ожидала увидеть, что угодно. Магические колбы и пробирки, с кипящими и дымящимися зельями. Алтарь, усыпанный пучками трав. Обезображенные трупы, повисшие на потолке. Да хоть трехголо-

вые псы, прямиком из Адского подземелья! Но не обычный письменный стол, два больших кожаных кресла перед ним и стену позади, которую подпирала софа и где были развешали фотографии в рамках разных размеров и форм. Ах, да, еще канделябры с зажженными тающими свечками, расставленные повсюду.

Хотя с обычным столом это я погорячилась. По виду это был здоровенный деревянный монстр на толстых коротких ножках-подставках, которому место в антикварном магазине, а не внутри...чего? Кабинета? Вот только почему он был обустроен в месте, напоминавшем выдолбленную внутри скалы пещеру?

И кажется, последний вопрос я произнесла вслух, потому что мне тут же ответили:

– Сегодня у Дома Света не самое приятное настроение, – сказала так красавица и с хозяйским видом проследовала к столу. – Думаю, это связано с тобой.

– Со мной? – опешила я и не спрашивая разрешения, плюхнулась в ближайшее ко мне кресло. С него как раз очень удобно было рассматривать фотографии за спиной красотки.

– Ты сломана, – вдруг тихо произнесла женщина, чем привлекла к себе всё моё внимание. – Как игрушка, которой поиграли, а потом, когда надоела, зашвырнули в самый дальний темный угол. И вот сидишь ты в этом углу, смотришь на другие игрушки, те, которое еще не выбросили, которые еще не успели надоесть и думаешь, как их спасти. Ты всех

пытаешься спасти. Но кто спасет тебя, когда придет время?

Молча выслушав, я скептически вздернула бровь. Мне никогда не нравились попытки посторонних людей рассказать мне, какая я есть на самом деле. Я живу с собой уже больше двух десятков лет. Сама себя хвалю, сама себя утешаю. Самой себе даю невыполнимые обещания и иллюзорные надежды. Сама с собой обсуждаю недостижимые мечты, и сама с собой спорю до хрипоты. Привожу аргументы и опровергаю их, выдвигаю гипотезы и выстраиваю теории. И сама крушу песчаные замки в своей голове.

– Вы даже не знаете моего имени и при этом делаете вид, будто успели в душу заглянуть.

– В этом ты права, – кивнула незнакомка, взяла со стола очки в тонкой золотой оправе и, надев их, сразу стала похожа на учительницу младших классов. Очень красивую и очень строгую. – Давай представимся друг другу. Меня зовут Илая, я – верховная хранительница Дома Света.

– Верховная? Это вроде, как главная? – уточнила я, ухватившись за новую информацию. – То есть, имеются еще и не главные?

– В Доме постоянно присутствуют тринадцать хранительниц, включая верховную. Все вместе мы образуем круг силы. Как только одна из хранительниц выбывает, на её место встанет другая. Новую хранительницу находит сам Дом. Он посылает зов достойной, и она приходит к нам. С момента обретения статуса хранительницы и вступления в круг ни одна из

нас не может более покидать Дом. Весь наш мир сосредоточен здесь. Наша задача – следить за Домом и его обитателями, подпитывать его нашими силами.

– Как-то не очень весело, – от рассказа Илии мне стало грустно. Молодые красивые женщины, запертые внутри четырех стен потому что... Ну, просто потому что кто-то более могущественный так решил.

– Мы – служители, – грустно улыбнулась женщина, очевидно поняв мои мысли. – Наша жизнь строится на отречении от личных потребностей во благо высшей цели.

– И что это за высшая цель?

– Вернуться домой, – отведя взгляд, сдержанно ответила Илая.

– Домой – понятие растяжимое, – отметила я, наблюдая за женщиной.

– Что дом значит для тебя? – спросила вдруг она.

Я закусила губу, размышляя, а после искренне ответила:

– Для меня дом – это там, где ждут. Но... бывает так, что уже никто и нигде не ждет.

– И что тогда? – с нетерпением спросила Илая, сжимая пальцы до отчетливого хруста в суставах.

– Тогда дом – это там, где ты сам, – закончила я свою мысль.

– Если бы все было так просто, – с каким-то внутренним надрывом проговорила Илая, судорожно выдохнув. Я успела заметить, как она невзначай дотронулась до черного симво-

ла, вытатуированного на её запястье. Роза ветров, заключенная в круг спиралевидной линией. Неправильная Роза ветров, словно намеренной невзначай измененная. И опять в душе колыхнулось неприятное ощущение от взгляда на этот символ. Что-то было с ним не так, что-то неправильное, но что именно?

– Ты так и не назвала своё имя, – вежливо напомнила женщина, прекратив вздыхать и убрав из глаз горестное выражение, запрятав поглубже свои истинные эмоции.

– Серафима, – кашлянув в кулачок, представилась я. – Для друзей просто Фима.

И вот впервые мое имя вызвало сногшибательный эффект. То есть, женщина резко вскочила, отчего кресло старинное деревянное кресло с резной овальной спинкой покачнулось и опрокинулось назад. А сама Илая слабо пошатнулась и, скорее всего, удержалась на ногах только потому, что успела опереться обеими руками в столешницу, едва не рухнув на неё.

Моё тело среагировало быстрее, чем мозг – я подбежала в Илае и подхватила её под руки, не дав сползти на пол, в направлении которого она уже начала движение.

– Эй, ты чего? – растерянно спросила я, неосознанно перейдя на «ты». Но мне не ответили. Судя по полуприкрытым векам из-под которых были видны только белки, дама упала в обморок. Легонько встряхнув её, я встала в более устойчивое положение и попыталась поднять худосочное тело. Кото-

рое на поверку оказалось не таким легким, каким казалось со стороны. Илая была весьма тяжелой, значительно тяжелее, чем я ожидала. Быстро просчитав ситуацию, я опустила болтающееся на моих согнутых руках бесчувственное тело и волоком потащила к притаившемуся позади нас диванчику.

Диванчик был под стать всей остальной мебелировке – старинный, деревянный и всем своим видом навевающий мысли о неудобстве. Словно автор намеренно создал его таким, чтобы рискнувшему отдохнуть человеку было предельно неуютно.

Пока я тащила Илаю к дивану, стараясь нанести её телу как можно меньше вреда, мозг усиленно соображал, что делать. Дышала женщина тяжело. Красивые чуть припухлые и четко очерченные губы приоткрылись. Периодически изо рта вырывались болезненные стоны. Лицо красотки и до обморока не отличалось разнообразием красок. Теперь же оно стало и вовсе словно нарисованным белым мелом на асфальте.

Женщине несомненно было плохо, но вот, что со всем этим было делать, я не знала. Похлестать Илаю по щекам? Облить водой? Но где в таком случае взять воды, ведь в этом подземелье не было ничего, что имело бы свойство проливаться. Позвать на помощь? Но как и кого? Ведь за все время своего пребывания здесь, кроме Илаи я не видела других людей. Дети, резвящиеся на полянке, не в счет.

И только я уже решила пробежаться по лабиринтам это-

го Дома Света в попытке найти хоть кого-нибудь, как Илая зашевелилась. Веки приоткрылись, явив мутный взгляд и покрасневшие белки глаз. И едва глаза сфокусировались на мне, как зрачки тут же расширились.

– Все нормально? – спросила я как можно спокойнее, потому что реакции женщины мне не нравились все больше и больше.

– Да, – слабо прошептала она и поморщилась, предприняв попытку отодвинуться от меня подальше. Но подальше не получилось, да и вообще никак не получилось, кроме того, что она едва не рухнула на пол. Вот её так и тянуло повалиться, да пособирать на себя всю местную грязь!

– Плохо в это верится, – заметила я. И, не взирая на брошенный в мою сторону испуганно-растерянный взгляд, приблизилась, чтобы помочь женщине сесть. Она отчетливо вздрогнула от моего прикосновения, но спорить и сопротивляться не стала.

Едва Илая села, я примостилась рядом, сложила руки на коленях и от незнания, как вести себя дальше стала рассматривать ближайšie к нам фотографии, развешенные на стене. С того места, где я сидела до этого, их было плохо видно из-за особенности освещения. А потому, оказавшись рядом, я не преминула воспользоваться моментом и изучить все как следует.

Вот черно-белая фотография двух женщин и мужчины на фоне деревянной избы. Одна из женщин сидит, а другая сто-

ит рядом. Обе одеты в простые строгие платья прямого покроя с длинными рукавами и ажурными воротничками-стойкой. На мужчине костюм, поверх которого небрежно наброшено короткое пальто.

Рядом большое кругло фото женщины, сидящей в кресле. Из-под длинного подола виднеются маленькие туфельки на небольшом квадратном каблучке. Позади неё окно с присобранными в углу тяжелыми гардинами, чуть наискосок стоит небольшой столик, где лежат как будто только что собранные полевые цветы.

Следом было вывешено изображение молодых женщин, сидящих на полянке в красивых нарядных платьях. В хрупких белоснежных ручках зажаты веера, а на аккуратно причесанных головках красуются изящные шляпки, украшенные лентами и цветами. Компания в количестве пяти человек задорно улыбается в камеру и, судя по общему радостному настроению, которое так и лилось с фото, женщины находились то ли на прогулке, то ли на пикнике.

Чуть поодаль стену украшала прямоугольная фотокарточка милого ребенка в коротких брючках, светлой рубашке и сандалиях. На голове мальчика бурно вихрится копна волос. Рядышком примостился кот. Мохнатый, большой и хорошо откормленный, о чем свидетельствовало не только наглое выражение умной морды, но и объемная филейная часть. Парочка сидит на краю невысокой кирпичной стены и весело глядит друг на друга.

Переведя взгляд на следующий снимок, я замерла. Опять стремительно накатила тревога, в последние дни ставшая моей постоянной спутницей.

Поднявшись, я подошла ближе, чтобы рассмотреть привлекший моё внимание снимок. Небольшой, прямоугольный, более новый, чем все остальные, но все же обладающий блеклостью красок и резкой контрастностью тонов.

– Кто это? – сипло спросила я, ткнув пальцем в фотографию, на которой были запечатлены две девочки, стоящие лицом друг к другу и держащиеся за руки. Длинные черные волосы подвязаны сзади белыми бантами. Стройные фигурки затянуты в черные платье с белыми вставками на широких рукавах, застегивающихся на манжеты. Ножки обуты в белые туфли с поперечными застёжками и на едва заметных каблучках. Смотрели девчушки строго, немного исподлобья и с затаенной грустью. Такой, что проникала в сердце и заземляла болью.

– Девочки? – переспросила не своим голосом Илая и закашлялась. Но я даже не обернулась на женщину, а продолжила изучать снимок. У одной из девочек, та, что стояла справа, на руку был надет браслет. Достаточно простой, без каких-либо излишеств, но приметный. Через каждые три скрепленных между собой звена цепочки был вставлен металлический шарик. И так по кругу. На фото этого не было видно, но я знала, что внутри каждого металлического шарика находилась черная бусинка. И при движении браслет

издавал негромкое позвякивание. И знала я этого потому, что уже видела его.

– Да, – когда Илая приблизилась ко мне со спины, я сделала шаг в сторону, чтобы она могла стать рядом. Но женщина этого не сделала, а продолжила стоять позади. Я плечом чувствовала её дыхание, которое было слишком неравномерным для спокойного человека. – Они сестры?

– Ритана и Радомира, – произнесла Илая на выдохе, отчетливо у меня волосы на затылке зашевелились. – Да, они были сестрами.

– Были? – я почувствовала подвох.

– Нам лучше присесть, – настоятельно предложила Илая, – история эта не из коротких. А ты, как я поняла, очень ими заинтересовалась.

Она отошла и только тогда я развернулась.

– Да, хотелось бы узнать о них подробнее.

Илая с видом непорочной благовоспитанности присела на краешек дивана, аккуратно подобрав под себя ноги. Я последовала её примеру, правда уместилась не на краешек, а полностью. С таким видом, будто диван мой и мне он безмерно рад, а значит скромничать не стоит. И даже решила пойти дальше, двумя ловкими движениями сбросила обувь, забравшись с ногами.

На мою наглость Илая никак не отреагировала, но сама стала выглядеть чуть расслабленнее, очевидно предполагая, что от человека, сидящего перед тобой с голыми пятками

подвоха ждать не стоит. Я вознесла себе мысленную похвалу и всем своим видом дала понять, что готова слушать.

– Много лет тому назад, – Илая провела руками по своим коленям, разглаживая складки платья, – к нам попали две девочки. Две сестры.

– К нам?

– В Дом Света, – кивнула Илая. – Я тогда едва только стала младшей хранительницей. Младшими называют тех, кто последними вступили в круг и замкнули его. Мне едва-едва исполнилось шестнадцать, когда я услышала зов Дома. Долгое время мне казалось, что я просто схожу с ума. И поэтому боялась признаться близким. Но однажды ночью я не выдержала, и поддалась призыву. Никому ничего не сказав, я просто вышла из дома...и больше не вернулась. Как я узнала позже, меня долго искали. Но не нашли никаких следов. Вскоре отец начал сильно пить и умер через два года. А мама...мама дожила до глубокой старости и умерла в полном одиночестве.

– Грустная история, – искренне шмыгнула я носом.

– Да, – улыбнулась женщина, грустно и при это глубоко смиренно. – За все в этой жизни надо платить. К сожалению, за меня заплатили родители. Вступая в круг, я не думала о них. Я ни о ком и не о чем не думала, а только о своем долге как хранительницы. Но на самом деле, история моя не самая печальная. Раде и Рите пришлось намного труднее.

Глава 44

Хранительница помолчала немного, словно размышляя с чего лучше начать, а потом заговорила:

– Элю, мать девочек, изнасиловали. Как-то вечером она вместе с подружкой возвращалась с танцев. Так как идти было достаточно далеко, а у девушек за вечер устали ноги, они решили срезать путь домой через пустырь. В какой-то момент Эля заметила, что у неё расстегнулся ремешок туфельки. Она наклонилась, чтобы застегнуть его, а когда поднялась, подруги уже рядом не было. Оглянувшись по сторонам и не увидев знакомой фигуры, она быстро побежала вперед, предполагая, что та просто не заметила, как Эля остановилась и сейчас находится где-то совсем рядом. В тревожном одиночестве девушка прошла практически половину пути, но подруги по-прежнему не было видно. Ощущая нарастающий страх, Эля пошла быстрее, как вдруг услышала стон, а после – едва разборчивый шепот. Девушка замерла, затаила дыхание и прислушалась. Звуки шли из-за забора, которым с одной стороны заканчивался пустырь. То была территория заброшенной ткацкой фабрики, остановившей свою работу больше пяти лет назад. До дома Эли оставалось совсем немного. Следовало обогнуть тонувшее во мраке бывшее промышленное здание с левой стороны, пройти вдоль невысокого забора около пятисот метров и выйти уже на

свою улицу.

...Превратившаяся в статую девушка минут пять напрягала как слух, так и зрение, пытаясь понять, слышались ли ей эти странные звуки или же там, за металлическим штакетником действительно кто-то находился. Но вокруг стояла тишина. Ночное равновесие лишь изредка нарушали шум летнего ветра и пение сверчков. Эля собралась уже двигаться дальше, как вдруг стон опять повторился. На этот раз гораздо громче прежнего, благодаря чему Эля узнала в нем голос подруги. Уже ни о чем не думая, она рванула на звук. Добежав до забора, хрупкая, но отважная девушка протиснулась между прутьями, пробралась на территорию фабрики и практически тут же увидела очертания тела, лежащего на земле. В ту ночь светила полная луна и небо было практически безоблачным. А потому девушка практически мгновенно узнала приметный наряд подруги – белое платье с пышной юбкой, украшенное красными маками. Не задумываясь об опасности, Эля подбежала к несчастной. Та лежала животом вниз и не реагировала на громкий шепот испуганной девушки, пытающейся привести подругу в чувство. Поняв, что так она ничего не добьется, Эля с большим усилием перевернула подругу на спину. И закричала от ужаса. Глаза подруги были распахнуты и стеклянным взором глядели в бесконечность. Некогда красивое платье было залито кровью. Подол задран, бесстыдно демонстрируя верхнюю часть бледных бедер и разорванные чулки, также окровавленные. Живот де-

вушки был раскурочен, а внутренности торчали наружу. За те пару мгновений, в течении которых Эля смотрела на труп подруги, её глаза успели выхватить ужасающие подробности, навеки оставшиеся в памяти – рваные лоскуты кожи, вывалившийся на землю кишечник, торчащий осколок ребра.

Не успела девушка в полной мере осознать произошедшее, как кто-то схватил её сзади, сильно сжав горло. Меньше минуты бесполезной борьбы и девушка сникла, потеряв сознание. Очнулась она в комнате, где не было ни окон, ни дверей. Источником света служила лишь одна небольшая лампадка, подвешенная к потолку и болтавшаяся по середине комнаты...

– Огонь в ней зажигали редко, – размеренно и без каких-либо интонаций рассказывала Илая, словно читала по написанному. – Эля не знала, кто это делал. Но это всегда происходило, когда она спала. Просыпалась, а в лампадке уже дрожало маленькое желтое пламя. В такие моменты девушке становилось немного легче. Свет рассеивал плотную тьму, в которой она находилось большую часть времени, и это помогало не сойти с ума окончательно. Хотя положение её было очень плачевным. Девушка не знала, как долго уже находится в плену. Ощущение времени было полностью утрачено. Иногда ей казалось, что она провела взаперти не больше недели. А иногда – что минуло уже несколько месяцев. В редкие мгновения просветления от наполнявшего сознание тумана она думала о родителях. Вспоминала убитую

подругу. Плакала. И молилась, чтобы бог забрал её к себе и избавил от мучений. И от Него...

...Так она про себя называла человека, который приходил к ней. Просто «он». Она не знала его имени. И не видела лица, потому что этот человек приходил только тогда, когда комната погружалась в беспросветную тьму. Но совершенно точно это был молодой мужчина. Его кожа была мягкой и гладкой. А еще от него приятно пахло чуть сладковатой мятой. Он заходил, останавливался у двери и долго там стоял. В эти минуты Лола лежала, не шевелясь и практически не дыша, каждой клеточкой своего тело ощущая не себе его взгляд. Мысленно она убеждала себя в том, что это невозможно. Что он не может видеть в такой кромешной темноте, даже кошка ничего бы не увидела. И все же, она знала – он смотрит на неё. Потом он подходил к кровати, всегда медленно, словно не желая этого. Останавливался, как будто давая девушке немного времени смириться с его появлением, а после ложился рядом и брал её за руку. Так они могли лежать долго, часами. Лола отсчитывала каждый удар сердца, надеясь, что вот-вот оно ударит в последний раз. А мужчина держал её за ладонь, то рассеянно водя большим пальцем по тыльной стороне, то нежно царапая ногтем ладонь. Лоле казалось, что человек чего-то ждет от неё, но она никак не могла понять, чего именно. Да и не хотела понимать, наверное. Она просто надеялась, что он больше не придет. Или придет, но хотя бы не тронет её. На освобождение Эля уже не рас-

считывала. Она сама не могла понять, почему смирилась со своей судьбой, почему не пыталась сопротивляться, не пыталась напасть, а после сбежать. Не то, чтобы такие мысли не посещали её голову. Просто она всегда отвергала их, как что-то неправильное и даже кощунственное. Она смирилась и безропотно ждала конца. Любого.

Как выяснилось в дальнейшем, убивать её никто не соби-рался. Появившийся в очередной раз человек вопреки обыкновению не стал долго изображать статую у порога. Вместо этого он вошел стремительно и быстро, взял Элю за руку и заставил обхватить пальцами нечто круглое и холодное.

– Пей, – приказали ей. И это был первый раз, когда он с ней заговорил. Когда она услышала его голос.

Пощупав другой рукой то, что ей вручили, Эля поняла, что это кувшин. Большой и, скорее всего, глиняный, стоявший где-то в холоде, потому что её пальцы быстро замерзли.

Ослушаться прямого приказа было невозможно, Эля поднесла к губам кувшин и пригубила содержимое. Внутри оказалась достаточно вязкая и терпкая жидкость на вкус напомнившая ей какой-то фрукт.

– Оно холодное, – тихо пожаловалась Эля, когда глоток ледяной жидкости обжог ей гортань и, отзываясь болью в груди, спустился по пищеводу.

Человек на её слова никак не отреагировал, а лишь аккуратно, но настойчиво подтолкнул кувшин ко рту. Девушке пришлось подчиниться и выпить все до дна. Едва за челове-

ком закрылась дверь, как Эля ощутила невыносимое желание спать. Рухнув на подушки, она закрыла глаза. А когда открыла их, оказалось, что она уже не лежит в темной комнате, а сидит на каменном порожке родительского дома...

– Выяснилось, что Эля отсутствовала две недели. К этому моменту подруг всё еще продолжали искать практически всем городом. Немного придя в себя Лола рассказала все, что с ней случилось, – все еще в состоянии некой отстраненности продолжала говорить Илая. – Полиция отправилась туда, где по заверениям Эли она нашла видела труп подруги. Территория бывшей ткацкой фабрики были исследована вдоль и поперек, однако ни трупов, ни следов крови обнаружено не было. Так как в отличии от Эли, её подруга домой не вернулась, было начато расследование, которое вскоре основательно заглохло. Она твердила, что её подругу убили, а самую Элю похитили, но ей уже мало кто верил. Появились какие-то странные свидетели, которые указывали на то, что видели девушек после ухода с танцев в компании мужчин. По городу поползли неприятные слухи. Общественность быстро настроилась против жертвы, решив, что если её и держали где-то взаперти, то она сама в этом виновата. Вскоре даже родители Эли отвернулись от неё, поверив в то, что дочь загуляла с кавалером. А после просто побоялась вернуться домой и признаться родителям. Когда же они узнали, что она беременна, то и вовсе выгнали на улицу.

Илая вдруг дернулась и схватилась за край платья.

– А что было дальше?

– А? – женщина вздрогнула, все еще пребывая в каком-то непонятном мне состоянии. – Потом?... Потом она долго бродила по городу...

...Одинокая и всеми отвергнутая Эля думала, что ей делать дальше. Податься в монастырь или уехать в другой город? Другая бы на её месте сломалась, попыталась покончить с собой. Но Эля была не такой. В её характере всегда преобладали стойкость и рациональность. Она умела все раскладывать все по полочкам, так сказать, на составляющие. К тому же, по признанию самой девушки, сделанному уже значительно позже, в ней словно отсутствовали эмоции. Как будто их кто-то отключил и забыл включить. Рассказывая о своем прошлом, она призналась, что всё не может соотнести те события с собой. Будто бы они случились с кем-то другим, а она была лишь сторонним наблюдателем...

– Как бы ни было, в тяжелую для неё ситуацию Дом Света пришел ей на помощь, посчитав достойной. И позволил ей войти.

– Как это случилось? – спросила я, так как Илая вдруг умолкла, уставившись в пространство и явно прислушиваясь к чему-то, что мне было не доступно. На самом деле, мы было все равно, что она там пыталась услышать. Я хотела знать, как так получилось, что у хранительницы на стене висит фотография двух девушек, одна из которой просто копия Мולי. Только несколько старше той, кем девчонка прикидыва-

лась сейчас.

Илая вновь вздрогнула, словно отпрянув от плохого сна, и произнесла:

– Мы нашли Элю во внутреннем дворике. Ты его видела.

– Это там, где детишки бабочку ловили? – припомнила я.

Хранительница кивнула, все еще выглядя слегка пришибленной. Но по крайней мере, уже не вздрагивала:

– Да, там. Она спала под деревом, свернувшись в клубочек. Живот уже был достаточно заметным, а потому мы сразу поняли, что наша гостя на сносях. Но если Дом пустил её, значит, здесь её место. Мы разбудили незнакомку, провели в пустующую комнату, накормили и дали чистую одежду. Никто из нас ни о чем её не спрашивал – все было понятно без слов.

– А сама Эля? Неужели она не удивилась этому месту?

– Удивилась, – подтвердила мою догадку хранительница с кривой улыбкой, в которой таилась какая-то сдержанная насмешка. – Но не особо. Я же говорила, она не отличалась эмоциональностью. Но идти ей было некуда, а потому верховная разрешила девушке остаться жить с нами. С её стороны требовалась лишь небольшая помощь по дому, по мере сил и возможностей беременной женщины. Эля согласилась, но все мы видели, что она с нами ненадолго. Чувствовалось в ней какое-то томление, словно она чего-то выжидала. Пять месяцев прошли очень быстро и вот уже подошел срок рожать. Как-то под вечер мы слышали крики – у Эли нача-

лись схватки. Роды приняла одна из хранительниц, вскоре радостно сообщив, что у нас пополнение в виде двух вполне здоровых девочек. После того, как Эля разродилась двойней, наша жизнь вернулась в привычное русло. А спустя месяц проснувшись по утру выяснилось, что девушка ушла.

– Как ушла? – подпрыгнула я на месте.

Илая иронично пожала плечами:

– Вот так, просто ушла, оставив двух своих дочек, Ритану и Радомиру, здесь, с нами.

– Вы не пытались её найти? – спросила я, ощутив легкое омерзение.

– А зачем? – взглянула на меня Илая. – Она приняла решение и поступила так, как считала нужным. И сейчас, оглядываясь назад, я допускаю, что Эля поступила правильно. Она всегда поступала правильно, даже тогда, когда окружающим казалось, что она допускает ошибку.

Вот тут я окончательно запуталась.

– В смысле?

– Девочки оказались...непростыми, – хранительница явно пыталась тщательно подбирать слова.

– Рога у них на голове росли, что ли? – вспыхнула я.

– Нет, – спокойно отреагировала Илая. – Но было в них что-то, что страшило даже главную хранительницу. Была в них какая-то инаковость, что-то...чужое. Неправильное. Какая-то тьма, что клубилась на дне их детских душ. Даже будучи совсем малышками, они порой смотрели так внима-

тельно. Слишком внимательно, слишком пристально. Иногда мне казалось, будто они рассматривают мои внутренние органы и как бы... примеряются. Знаешь, так лев, затаившийся у водооя, рассматривает ничего не подозревающую лань, выжидает, чтобы напасть. В особенности, меня пугала Рита. Рада была... попроще, что ли. Хотя и у неё порой проскакивало нечто странное в поведении. Нечто хищное.

Я почесала затылок, пытаюсь собрать полученную информацию в одну связную схему. Получалось плохо.

– Где сестры сейчас?

– Я не знаю, – словно бы через силу признала Илая. И вообще, в последние минуты казалось, что она все делает через силу. Даже дышит. – Девочки покинули Дом Света, как только им исполнилось по восемнадцать. Они даже не попрощались. Просто утром на следующий день после их совершеннолетия мы обнаружили две аккуратно застеленные кровати и пустые полки шкафов. У сестер было не много вещей, но те, что имелись, они все забрали.

– Фотография, – указала я на стену, – когда была сделана?

– Накануне их ухода, – поведала Илая. – Сестры не хотели фотографироваться. Но после долгих уговоров согласились.

– У одной из них на руке браслет, – продолжала я допытываться.

– У Риты, да, – Илая потерла шею, словно ей не хватало воздуха. – Когда-то он принадлежал их матери. Это единственное, что она оставила своим дочерям перед уходом. Ри-

та носила его по праву старшей, она появилась на свет раньше Рады на пятнадцать минут.

Хранительница отвернулась и замолчала. Я же задумчиво обрисовала взглядом линию её профиля, размышляя о том, как так получилось, что с каждой минутой выглядит она все хуже и хуже. Кожа стала похожа на пергамент, местами отчетливо проявились морщины, уголки губ словно уехали вниз вместе с щеками. Теперь она уже не казалась красивой. Более того, она стала напоминать оживший труп. Товарищи в морге пободрее выглядят.

– Что еще вы должны мне передать? – задала я вопрос, который был очевиден с момента, как хранительница стала проявлять первые симптомы одержимости.

Люди ошибочно полагают, что одержимость – это что-то из области призраков и бесов, которые вселяются в тело и берут его под свой контроль. На самом деле, это не совсем так. То есть, призраки и в правду могут завладеть телом человека, но ненадолго. Кроме того, это должен быть очень сильный призрак, чтобы оттеснить истинного хозяина тела. Именно оттеснить, а не вытеснить. Человеческая душа никуда не девается в период одержимости или помешательства, как еще называют это состояние. Она просто теряет руль управления и садится на пассажирское сидение, чтобы превратиться в не дееспособного наблюдателя. Помешательство может длиться день, неделю или месяц – все зависит от возможностей фантома. Но рано или поздно расстановка сил

меняется. Душа начинает вновь ощущать свою связь с телом, словно трепещущая и едва заметная тонкая ниточка, протянутая между ними, превращается в толстый канат, становится сильнее и крепче, компенсируя потери. А призрак наоборот, слабеет и, в конце концов, становится перед выбором – либо уйти и попытаться найти новое тело, либо остаться и скорее всего погибнуть. Ведь две души, а призрак есть не что иное, как не упокоенная душа, не способны ужиться в одном теле.

А вот когда на человека воздействует маг – тут уже все гораздо хуже. Магия Душ относится к запретной, черной, магии. Для вторжения в тело человека маг проводит особый ритуал, который позволяет ему не только подчинить тело нужного человека, но и взять под контроль его разум. То есть, человек будет ходить, разговаривать, есть, спать и при этом даже самые близкие не заметят, что с ним что-то не так. Ведь все его привычки, все его повадки сохранятся, что отсутствовует в случае одержимостью призраком. Порой человек сам может не догадываться, что он находится под воздействием магии. И вот это действительно страшно.

Илая встала, подошла к столу, двигаясь при этом явно через силу, словно механическая кукла. Выдвинула один из ящичков, достала небольшой белый конверт и положила у другого края столешницы. А после повернулась в мою сторону, уставившись в моё лицо бездумными глазами.

– Он знал, что ты придешь, – проговорила Илая. – Хасан.

Он знал.

Я встала, повторила путь хранительницы и заняла место напротив неё. Единственная преграда между нами – стол. И белый конверт к которому мне не хотелось прикасаться.

– Что в нем? – спросила я, как раз в тот момент, когда тело женщины начало содрогаться мелкой дрожью.

– Правда, – вновь как-то нездорово дернулась женщина. – Правда, которую тебе следует знать.

– Прости, – на мгновение её глаза подсветились зеленым, а после вновь подернулись дымкой, словно после минутного прозрения снова наступило забвенье.

Я не успела отреагировать. Возможно, потому что в этот момент как раз внимательно и со всех сторон рассматривала подсунутый мне белый конверт. В том, что он был от Хасана вызывало сомнения. В принципе все, что касалось Хасана теперь вызывало сомнения. Допускала ли я, что каким-то загадочным и невероятным способом он смог передать мне что-то важное через хранительницу Дома Света, к которому сам же и привел? Да. Но оставался вопрос, что в данной ситуации считать важным?

Как показали следующие события, опасаться следовало не того, что могло быть внутри конверта, а красотки, чье поведение уже было не просто подозрительным, а откровенно пугающим.

Потому что хранительница вдруг сорвалась с места и, не обращая внимания на свой элегантный наряд, ловко пере-

прыгнула через стол, что я увидела лишь краем глаза, попыталась отскочить, но не успела. Ледяная рука вцепилась в моё предплечье. В неярком свете факелов блеснуло лезвие длинного клинка, возведенного для удара и по моей ладони, которую Илая удерживала в раскрытом положении другой рукой, полоснуло лезвие.

Было не столько больно, сколько непонятно. Я-то ожидала удара в грудь, туда, где предательски неровно билось сердце. И надо сказать, не очень-то сопротивлялась. Вместо этого мне зачем-то вспороли ладонь, а после с силой сжали, от чего кровавая струя полилась вниз, наполняя услужливо подставленную емкость. Это была широкая и не очень глубокая емкость, явно сделанная из золота, по ободку которой вилась надпись на непонятном языке.

– Приди, – вдруг зашипела над моей рукой Илая явно не своим голосом. Хранительница разговаривала мягко с легким придыханием, а этот голос звучал жестко, скрипуче, с явным напором. – Адский, Земной и Небесный. Бог широких дорог и перекрестков, ты, который ездит туда и сюда с факелом в руке, враг дня. Друг и возлюбленный Тьмы, ты, который радуется, когда суки воют и льется теплая кровь, ты, который бродишь среди призраков и могил, ты, который удовлетворяешь жажду крови, ты, который вызываешь страх в смертных душах детей. Мормо, Горго и Эмпуза, ты, в тысяче видов, брось свой милостивый взор и откликнись на наше жертвоприношение!

Последние слова Илая буквально прокричала, запрокинув голову и словно обращаясь к темному каменному своду. Очевидно, что-то должно было произойти. И скорее всего, что-то крайне для меня неприятное. И произошло, но совершенно не то, что ожидалось, судя по удивленному лицу Илай, в котором от самой хранительницы осталось крайне мало, так как на него словно наслоились очертания лица другого человека.

А случилось вот что. Когда мир вокруг меня пошел рябью, теряя устойчивость и трансформируясь во что-то иное, рядом со мной буквально вырос из земли Магнус. Его оскаленное злобой лицо повернулось в сторону хранительницы, с давно мертвых губ сорвался утробный рык, а после слова:

– Прислуживая демонам сегодня, рискуешь завтра пойти на корм дьяволу.

Сказал и пропал, потянув меня за собой. Я подчинилась и шагнула в зыбучий черный песок, которым вдруг обернулся пол.

Глава 45

Вышагнули мы на пустоши перед заброшенной церковью на окраине города. На сам город уже опускалась ночь. Где-то далеко лаяли собаки. Срывался пронизывающими порывами ветер.

Я с трудом преодолела пару шагов и буквально рухнула на полуразвалившуюся каменную плиту, бывшую когда-то частью пола у входа в церковь. Строение это было мне знакомо. Года три или четыре тому назад, мы ловили одного слетевшего с катушек колдуна, имевшего трогательную привязанность к церквям, где он любил оставлять свои кровавые подарки. Помнится, тогда еще все решили, что в городе завелся новый маньяк. Люди начали массово запасаться средствами самообороны, в оружейных магазинах резко подскочил спрос на ножи и пневматическое оружие, женщины перестали выходить из дома после сумерек, а мне пришлось обложиться горой макулатуры и тщательно изучить все имеющиеся в городе религиозные здания.

– Это какой-то особый некромантский юмор, – я оперлась спиной о старую каменную кладку, сквозь куртку ощущая тот холод, которым тянуло от полуразрушенной церковной стены, – или реально больная тема? Ты в других местах выходить не умеешь?

Магнус неприязненно глянул на меня, а после с видом

всезнающего превосходства сложил длинные худые руки на впалой груди.

– Надело тебя спасать, – обиженно заявил он мне.

Меня не проняло, а потому я просто пожала плечами.

– Тебя никто не заставляет.

– Если ты умрешь – это все изменит.

– Что изменит? – у меня не было сил на отгадывание замысловатых загадок из прошлого века, но не спросить не могла. – Ты не мог бы сказать по-человечески? Ах, да. Я забыла. Ты же не человек.

– А ты не могла бы хотя бы иногда не вести себя как последняя сука? – лицо призрака исказилось в отвращении. Я уже думала, что хуже его облик стать не может. Ошибалась.

– Знаешь, попытки убийства сильно портят мне настроение, – заявила я, откидывая голову назад и устремляя взгляд в чернильное небо, на котором уже загорелись первые звезды.

– Она не пыталась тебя убить, – отмахнулся призрак, отворачиваясь. – Она провела обряд вызова.

– Вызова кого? – у меня и до слов Магнуса были определенные подозрения.

– Демона, – просто ответил призрак и его очертания начали расплываться. Прежде, чем окончательно пропасть, он обернулся ко мне и с нажимом сказал: – Но ты ведь и так уже все поняла, правда?

***

Пронзительная мелодия требовательно нарушила утреннюю тишину как раз в тот момент, когда я начала уже основательно замерзать. Поднявшись с холодного камня, на котором провела всю ночь, задремав только перед рассветом, я с удовольствием потянулась, подобрала с земли скомканные листы бумаги, сунула их в карман. И только после этого достала телефон и задорно проорала в трубку:

– Ты не представляешь, как я рада тебя слышать! – прозвучало фальшиво, ну и пусть.

– Поделишься радостью потом, – Сашка был зол и даже не пытался этого скрывать. – У нас новый взрыв.

– Тааак, – нехорошо протянула я. – Где?

– В университете на проспекте Вернадского, – ответили мне. – Приезжай, мы тебя ждем.

И отключился. Все еще плохо соображая, я потеряла глаза, прогоняя остатки сна и посмотрела на часы.

– Девять утра, – пробормотала я себе под нос. – Да какого черта вообще? Магнус? Магнус!

На разные лады выкрикивая имя призрака, я стала нервно расхаживать туда-сюда перед разрушенной церковью, которая при дневном свете казалась уже не такой гнетуще-мрачной.

Надрывалась я еще минут десять прежде, чем призрак соизволил объявиться.

– Ты меня бесишь, – заявил Магнус, едва его силуэт очертился в воздухе.

– И тебя не одного, – заверила его я и рухнула на колена.

– Что ты делаешь? – с напряжением в голосе спросил призрак и отступил от меня подальше.

– Молю, – с самым честным лицом ответила я и подползла на коленках поближе. – А ты что подумал?

– Что ты свихнулась, – скривился призрак.

– Это тоже может быть, – согласно закивала я, перестала валять дурака и встала, отряхнув колени. – Но не сегодня. Мне нужно, чтобы ты открыл для меня проход.

– Я похож на твоего персонального кучера? – рыкнул Магнус.

– Мне кажется, корректнее было бы сравнить тебя с лошадю, – задумчиво протянула я.

– Ты..., – еще страшнее зарычал призрак и поплыл на меня, в буквальном смысле паря над землей.

– Эй, эй, – отскочила я в сторону, избежав встречи с когтистыми пальцами, явно стремящимися вцепиться в мою шею. – Я же пошутила.

– У тебя отвратительное чувство юмора, – сообщил мне Магнус, едва не начав плевать в мою сторону. Но хотя бы больше не пытался придушить, а вновь встал в любимую позу со сложенными на груди руками и взглянул на меня, как на мерзкую букашку, забравшуюся к нему в носок. – У всех суккубов так?

– Давай не будет трогать моих пусть и очень дальних, но все же родственников, – предупредительно попросила я и

растянула губы в улыбке.

– Это что? – ткнул Магнус худым и отвратительно кривым пальцем в мою мордашку, едва не выколов мне глаз.

– Улыбка, – отмахнувшись от его пальца, сообщила я. – Разве не понятно?

– Больше похоже на то, что у тебя живот прихватило, – ну, просто обласкал, как мог. – А зачем ты собрала глаза в кучку?

– Пытаюсь быть милой! – всплеснула я руками.

– Это, – Магнус опять ткнул в меня пальцем, но уже не в глаз, а обведя в воздухе моё лицо, – ни в одной из реальностей не будет соответствовать слову «милая».

Я обреченно выдохнула. И перестала улыбаться.

– Помоги, а? Мне надо к Сашке.

– Соскучилась? – насмешливо склонил голову Магнус.

Я закатила глаза.

– Ты можешь хотя бы пять минут не быть сволочью и совершить благородный поступок?

– Что может быть благородного в помощи такой занозе, как ты?

– Я тут вообще-то пытаюсь людей спасти, – заявила я, вперив руки в боки. – Как ты думаешь, почему я болтаюсь по этому городу как известная субстанция в проруби?

Магнус рассматривал меня минут пять, о чем-то сосредоточенно размышляя. Я ему не мешала, а просто стояла тихим столбиком и даже почесаться боялась. А вдруг нарушу

усиленный мыслительный процесс?

– Ладно, – наконец, заговорил призрак и протянул мне свою далекую от человеческой руку. – Но теперь ты будешь мне должна.

– Само собой, – быстренько согласилась я, надеясь, что у Магнуса плохая память и он не вспомнит, что это уже второй раз, когда он оказывает мне помощь.

– Я все помню, – разубедили меня.

– Черт, – тихонько зашипела я в момент, когда мы начали перемещаться. – Надо научиться следить за лицом.

– В твоём возрасте уже поздно, – меланхолично заметил Магнус, но ответить я ничего не смогла, так как в этот момент мой внутренний мир вдруг решил, что он – самостоятельная единица и решительно начал рваться на свободу. Мне такое волеизъявление внутренних органов откровенно не понравилось, а потому я зажмурилась и постаралась дышать ровнее в то время, как нас затянуло в воронку.

Перемещаться из одной географической точки в другую по призрачным порталам удовольствие сомнительное. Порталы были предусмотрены для тех, кто уже умер. А не для тех, кто еще дышит и иногда, в моём случае так вообще крайне редко, наполняет свой желудок едой. Мой хоть и был пустым настолько, что уже слипся, но все равно возмутился против такого способа передвижения. А может, именно поэтому и возмутился, что кормить надо.

В общем, когда мы вышли из воронки, ступив на твер-

дую поверхность, я выдохнула с таким облегчением, что пришлось сложится вдвое, уперев руки в колени. Голова кружилась, и моя тушка неустойчиво шаталась, вопреки желанию хозяйки устоять на ногах, а не приземлиться на попу.

– Постарайся удержать все в себе, – со сдержанным презрением попросили меня.

Я приоткрыла один глаз и покосилась на Магнуса. Вернее, мне показалось, что я покосилась на призрака, потому что косилась я ориентируясь строго на звук. Ведь перед глазами все еще стоял серый туман. А может быть в сером тумане стояла я, там все непонятно было.

– Будешь так делать – заработаешь косоглазие, – а вот и мой дорогой напарник.

– Иди ты к демонам, – от души пожелала я.

– Я уже давно с ними, моя дорогая, – голос Сашки был серьезен как никогда.

Почувствовав себя немного лучше, я выпрямилась и аккуратно похлопала себя по щекам, прогоняя остатки липкой серости.

– А давай я, – тут же воодушевился Магнус.

– А тебе не пора в Ад? – спросила я, уходя с траектории движения призрака. – Или где ты там живешь?

– Мерзкая девчонка, – прошипел призрак и, кинув осторожный взгляд на Сашку, открыл портал и шагнул в воронку.

– И вам до свидания, – тихо проговорила я и оглянулась по сторонам. Оказалось, что мы находимся возле перекопан-

ной грядки с недавно высаженными на ней чахлыми саженцами. – А мы где?

Я склонилась, подозрительно рассматривая молодые растеньица.

– В университетском саду. Здесь всем занимаются студенты на добровольно-принудительных началах. Ну, вот чего ты к дереву прицепилась?

– Это дерево? – спросила я, задрав голову на друга.

– В будущем, – хмуро сообщил Сашка и жестом приказал следовать за ним. А так как ноги у него были длиннее и шагал он широко, мне за ним пришлось скакать едва ли не в припрыжку. Следовали мы прямо по направлению к высокому светло-бежевому зданию, возвышающемуся над верхушками деревьев.

– Взрыв произошел сегодня утром, – начал рассказывать Сашка, пока я пыталась отдышаться.

– И чем он так сильно выделяется на фоне предыдущих? – поинтересовалась я у Сашкиного затылка.

– Догадалась?

– Ага, ты зубами скрипишь, – поделилась я наблюдениями. – В чем дело?

– Взрыв устроила девчонка, – Сашка чуть замедлился, позволив мне идти рядом с ним. – Сегодня утром во время первой пары в главный корпус университета вошла студентка второго курса физико-математического факультета, поднялась на второй этаж, вошла в аудиторию, где шла пара у

потока первокурсников и... что произошло дальше – мы можем только догадываться.

– Камер в аудиториях нет?

– Нет, только на входе и в коридорах.

– Сколько на этот раз погибло?

– Сто восемь человек. Тридцать два пострадало. Еще одиннадцать числятся без вести пропавшими, – быстро перечислил Сашка.

– Как-то многовато для одной аудитории, – почесала я лоб.

– Взрыв спровоцировал обрушение стены в соседний учебный класс, – пояснил Сашка. – Там тоже занималось две группы.

Мы вышли из сада и оказались перед учебным корпусом, вход в который уже был перекрыт при помощи растянутой оградительной ленты. Все происходящее вокруг напоминало сумасшедший муравейник. Бегали туда-сюда люди, громко перекрикиваясь. Мигали стробоскопами экипажи скорой медицинской помощи, машины полицейских и спасателей. Однако стоило присмотреться повнимательнее, как тут же становилось очевидной определенная закономерность. Каждый занимался своим делом. Врачи собранно и быстро оказывали помощь пострадавшим – укладывали раненных на каталки, ставили капельницы и делали перевязки. Им помогали спасатели, эвакуируя тех, кто находился внутри здания и кого не задел взрыв. Здесь же работали полицейские,

осматривая местность. За ними по пятам следовали деловые мужчины в невзрачных костюмах и с такими же невзрачными лицами.

– Количество жертв могло быть и больше, – проинформировал меня Сашка, остановившись в сторонке, чтобы никому не мешать. – Но спасло то, что станция спасателей находится через две улицы отсюда. Быстро приехали.

– А где журналисты и обезумевшие родственники? – я начала скользить взглядом по лицам вокруг, бегло осматривая присутствующих и выискивая тружеников клавиатуры и микрофона.

– Для того, чтобы подойти к зданию необходимо пройти через парк, который имеет только два входа.

– И оба вы уже закрыли, – догадалась я.

– Да, руководство университета заботиться о своём имуществе, а потому парк огорожен высоким забором и закрывается на крепкие железные ворота.

– Медийщики везде проберутся, – отмахнулась я. – Уверена, парочка операторов уже повисла на ближайшей елке.

– Нет, – спокойно отреагировал Сашка, одергивая пиджак. В этот раз темно-синий. – Мои ребята контролируют ситуацию. Я в них верю.

– Да кто бы сомневался, – проворчала я себе под нос. – Когда мы сможем зайти внутрь?

– А что ты хочешь там увидеть?

– Не знаю, – растерялась я. – Хоть что-нибудь.

– Думаю, продуктивнее будет почитать это, – Сашка протянул мне свой телефон. Взглянув на экран, я увидела длинное полотно текста.

– Может, ты мне так расскажешь, а, – жалостливо протянула я, изобразив мольбу.

Сашка недовольно покачал головой и начал читать. И что-то в этом было не так. Он не спорил, не припирался, не отпускал едкие замечания. Даже не назвал меня ленивой наглой мордой.

– Агата Воронцова, девятнадцать лет. По предварительной информации, полученной от тех, кто знал её при жизни, девчонка было тихоней. Одевалась скромно, близких друзей не имела. Да и вообще друзей не имела. Не курила, не пила, парней сторонилась, – Сашка поднял на меня недовольный взгляд. – Она полная твоя противоположность.

– Да, я, в отличии от неё дымлю как старый прапорщик, бухаю как старый пират, и трахаюсь как озабоченная панда, – закатила я глаза. – Еще и шмалью закидываюсь!

– Вот сейчас вообще не понял, что ты сказала, – моргнул Сашка.

– Давай, дальше, а? – поторопила я, не желая устраивать на месте преступления ликбез. Другу, может быть, и все равно, а вот мне как-то было не по себе.

– С одноклассниками Агата общалась только на тему учебы и о себе почти ничего не рассказывала, – покорно продолжил Седой. – После пар сразу шла домой. В свободное

от университета время либо корпела над учебниками, либо рисовала. Говорят, хорошо получалось.

– Она была художницей? – удивилась я. – А почему тогда пошла на физмат?

– Кто знает, что у подростков в голове? – не особо заинтересовался Седой. – Может быть, родственники заставили, а может быть, решила, что картинками много денег не зарабатываешь?

– Смотря, что рисовать, – пробормотала я.

– Кстати, жила она вместе с бабушкой шестидесяти восьми лет. Есть младший брат. Ему тринадцать. Сейчас учится в средней школе. Они еще не в курсе случившегося, родственникам пока ничего не сообщали.

– Бедный ребенок, – с неподдельным сочувствием произнесла я.

– Почему? – скривился Сашка.

– Представь, каково это будет тринадцатилетнему пацану узнать, что его сестра не только убила себя, но и забрала жизни больше сотни людей.

– Ничего, справится, – безразлично бросил мой друг. – Мы же вот как-то со своим дерьмом справляемся.

– Да что с тобой сегодня такое? – не выдержала я и, схватив друга за рукав, оттащила его чуть в сторону.

Сашка ожесточенно потер лицо, а после испытывающим взглядом вперился в моё лицо.

– Тебе это не понравится.

Я пожалала плечами как можно беспечнее.

– Мне много чего не нравится в этом мире, ничего, живу же как-то.

В ответ на мои слова Сашка лишь протянул мне что-то, что при ближайшем рассмотрении оказалось студенческим билетом. Раскрыв его, я прочитала имя, написанное крупными буквами – Агата Степановна Воронцова – и взглянула на фото рядом. И словно в зеркало посмотрела.

– Она практически твоя копия, – произнес Сашка то, что я уже поняла и без него. – В первый момент, увидев её фотографию, я подумал, что это ты. Но приглядевшись, понял разницу. У неё глаза чуть шире расставлены, чуть крупнее губы.

– А еще волосы длиннее, – угрюмо прокомментировала я, не отрывая взгляда от фото. – Да к тому же темнее и она заплетает их в две косички. Ты видел когда-нибудь у меня косички?

Сашка скользнул взглядом по моим волосам чуть ниже плеч, которые чаще всего оставляла распущенными, и вновь начал допытываться:

– Ты уверена, что она не твоя родственница?

– Хочешь знать, нет ли у меня сестры? – я криво усмехнулась, вернув студенческий другу.

– Сестры, племянницы, кузины, – начал перечислять Сашка. – Дочери?

– Головой ударился? – задушевно поинтересовалась я. –

Как ты себе это представляешь? Я что, родила её в четыре года?

– Может быть, тебе на самом деле больше лет, – немного растерялся мой друг, но отступать не спешил. Он в целом сегодня вел себя крайне необычно.

– Заканчивай фантазировать, – посоветовала я. – И делом займись. Кстати, где сейчас Моль?

– Зачем она тебе? – и я прямо кожей ощутила, как он напрягся, хотя внешне попытался принять спокойный и даже безмятежный вид. И с учетом того, что мы буквально находились на месте гибели десятков людей, выглядело, ну, очень странно. А мне стало очень подозрительно.

– Столкнулась с ней сегодня случайно, – пояснила я, как бы, между делом. – Мы кое-что обсуждали и...не договорили.

– У нас куча новых трупов на руках, а тебе вдруг приспичило поболтать с какой-то малолеткой? – начал злиться Сашка.

– Ага, – легко подтвердила я. – Вот поболтаю и продолжу дальше заниматься нашими делами.

– Молли дома, – заявил мой друг и принялся с самым важным видом ковыряться в своем телефоне. – Или нет, не знаю. Но на базе её точно нет.

– Какая поразительная уверенность, – наигранно восхитилась я, приложив руку к груди. – Ладно, я поехала.

– Куда? – дернулся Сашка в попытке меня остановить.

Я выразительно посмотрела на его руку, схватившую меня, а после медленно перевела многозначительный взгляд на лицо.

– К бабушке, за пирожками, буду изображать из себя Красную Шапочку и заманивать врага в ловушку, – с улыбкой пропела я, вырвалась из его захвата, потому что он не особенно крепко-то и держал, и пошла искать выход, бросив через плечо: – Адрес бабули пришли смс-кой!

Глава 46

Характерный звук раздался едва я села в такси. Заглянув в телефон, сообщила водителю адрес и решила подремать. Как мне показалось, едва глаза прикрыла, а водитель уже сообщил о прибытии на место. Я выгребла из кармана мелочь и, сунув таксисту парочку скомканных купюр, выбралась из авто. И сразу поняла, что привезли меня в район частного сектора. Широкие улицы без какого-либо намека на тротуар, одноэтажные постройки, заборы всех мастей. И бляение козы где-то недалеко.

– Очаровательно, – со вздохом оценила я и направилась к зеленым воротам, на которых болталась белая табличка с номером сорок девять.

Звонка не было, а потому пришлось просто тарабанить в калитку кулаком. На моё вторжение тут же отреагировали – звонким задорным лаем. Заглянув в щелочку, я поняла, почему хозяева не потрудились установить звонок. Его функции тут выполняла мелкая черно-белая псинка с азартно задраным к небу пушистым хвостом.

– Эй, а где твоя хозяйка? – спросила я у собачки, не особо рассчитывая на ответ.

– Вы к Алевтине Егоровне? – вдруг спросил женский голос.

Я вздрогнула, с опаской заглянула еще раз в щелочку и

только потом заметила фигуру, стоящую у соседнего забора.

– Ой, здравствуйте, – я отступила от калитки подальше, а то еще решат, что намереваюсь пробраться в чужой огород.

– Здравствуйте, – светло улыбнулась женщина, чей возраст уже приближался к пенсионному. Одета она была по-домашнему просто – в цветастое платье чуть ниже колен и простую куртку, накинутую поверх него.

– Я... да, – на мгновение растерялась я. – Она дома?

– Была, – закивала женщина. – Наверное, не слышит. Погодите, я сейчас попробую её позвать. Окно спальни Алевтины выходят в мой двор.

И женщина быстро зашагала куда-то вглубь своего участка. Я осталась нетерпеливо перетаптываться с ноги на ноги под залиvistый собачий лай. Наверное, в этот дом редко заглядывают гости, а потому мохнатое животное решило обгавкать меня с ног до головы, выполнив весь свой месячный план.

– Вы знаете, – вновь появилась улыбчивая женщина, – кажется, её нет дома.

– Вы уверены? – не на шутку встревожилась я. – А где она может быть?

– Она пенсионерка, ей особо некуда пойти, – доверительно сообщила мне женщина. – Скорее всего, отправилась в магазин. А вы к ней по какому вопросу?

– По личному. Я хотела поговорить о её внучке. Меня прислали из университета, – я не подготовила хорошую ле-

генду заранее, а потому пришлось импровизировать на ходу.

– О, – воодушевилась женщина, не подозревая ни о чем плохом. – Тогда вы можете подождать у меня, пока Алевтина не вернется.

– Да, это было бы здорово, – быстро согласилась я. Женщине, очевидно, было очень скучно и хотелось поделиться сплетнями, которых в такой местности, где каждый друг у друга на виду и буквально заглядывает в окна к соседям, очень мало. Женщине хотелось поговорить, а мне хотелось послушать, что она может рассказать о девчонке, похожей на меня словно сестра. Да, мы были просто созданы друг для друга.

– Входите, – пригласила женщина и уже через пару минут я сидела за столом, покрытым скатертью в пестрый цветочек, на маленькой, но очень аккуратной и ухоженной кухне. На самом деле, всё в этом помещении было пестрым и в цветочек – обои, шторы на небольшом окне, чайный сервиз и даже прихватки. Видимо, это была любимая расцветка хозяйки. Лично я чувствовала себя так, словно сижу внутри цветочной клумбы.

– Меня зовут Марина, – представилась соседка, наливая заварку в поставленную передо мной чашку. – А вас?

– Серафима, – назвалась я, с благодарностью принимая предложенную тарелку с печеньем. – Я бы хотела узнать побольше об Агате.

Марина удивленно наморщила лоб, а я поспешила объяс-

нить:

– У нескольких наших студентов появилась возможность отправиться на учебу за границу по программе обмена. Агата в их числе, но прежде, мы хотели бы узнать о ней побольше.

Я понятие не имела, существует ли нечто подобное в реальности, но моя собеседница знала еще меньше меня. Тут же поверив сказанному, Марина начала воодушевленно повествовать:

– Девочка она неплохая. Воспитанная, всегда поздоровется, поможет донести тяжелые пакеты, если встретимся возле магазина. Но замкнутая, не разговорчивая, немного себе на уме. Если спросишь её о чем-то – ответит. Но сама разговор не заводит и не стремится его поддержать. Знаете, обычно девочки в её возрасте болтливые. Постоянно общаются с подружками, гуляют, развлекаются. А Агата – нет. Она если не в университете, то дома. Если бабушка попросит – купит продуктов или поможет дойти до поликлиники. Но не более.

Я кивала в такт словам женщины и едва она умолкла, чтобы сделать глоток чая, тут же вставила:

– Такая замкнутость кажется немного странной.

– Да, – тут же согласилась Марина. – И я о том же. Но это не вина девочки. Вы же, наверное, в курсе её семейной истории.

Я покачала головой:

– Как же? Её родители погибли. Они были альпинистами, работали проводниками в горах. Агате было семь, а Лёве

год, когда мама с папой отправились в поход с группой и не вернулись. Их долго искали, но так и не нашли. Все решили, что ребята попали под сход лавины, которая погребла их под несколькими метрами снега. Через пару лет двенадцать человек признали мертвыми и Агата с братом официально получили статус сирот. Опекунном назначили бабушку по матери, Алевтину. И она решила, что детям будет легче справиться с потерей на новом месте. Так они переехали в этот дом из родительской квартиры.

– Вы не замечали ничего странного в последнее время? – я стала осторожно подводить к основной теме разговора. – Может быть, у них начали появляться странные гости?

Судя по взгляду Марины, странной была я.

– Бывает так, что причина замкнутости и нелюдимости молодых людей кроется в употреблении запрещенных веществ, – попыталась я как-то оправдать свой интерес. – Ну, наркотиков, травки. Понимаете, нам не нужны проблемы.

– Я не замечала, чтобы Агата вела себя как-то подозрительно, – поджала губы Марина, превратив своё лицо в куриную жопку.

– А вы в курсе, как ведут себя наркоманы? – не удержалась я.

– Нет, что вы, я с такими никогда не общалась, – тут же замахала руками Марина.

– Тогда каким образом вы можете распознать наркомана? – задала я вопрос, который был скорее риторическим.

Женщина потянулась к коробке шоколадных конфет, бережно достала вынутые из недр кухонного шкафа. Но не дотянулась. Её рука застыла в сантиметре от конфеты, на которую нацелилась.

– Знаете, я кое-что вспомнила, – в задумчивости уставилась она куда-то поверх моей макушки. – В последний год начал появляться мужчина и каждый раз после его прихода Агата слевой уходила, а Алевтина плакала. Я слышала, как она всхлипывала.

Судя по всему, визитер настолько заинтересовал скучающую от безделья соседку, что последняя дежурила под окном бабушки Агаты.

– Как он выглядел? – спросила я, хотя уже знала ответ.

– Высокий, – с затаенным, исключительно женским восхищением, произнесла Марина. – Красивый и такой... статный, уверенный в себе. Рядом с таким непоколебимым мужчиной ничего не страшно. Вот, смотришь на него и понимаешь – он справится с любой трудностью, укротит любую бурю.

Женщина еще раз восторженно вздохнула и трогательно сложила ручки на груди.

– Вы знаете его имя? – спросила я, понимая, что кто-то определенно шпионил за семейством Воронцовых. – Может быть, слышали мельком?

– Как-то на «и», – мгновенно выдала Марина. – Необычное такое имя. Ильяс, Ильнур...

– Ильзар, – подсказала я.

– Точно! – радостно подскочила женщина. – Ой, а вы его знаете, да?

– Не лично, – сдержанно улыбнулась я. – А когда он приходил последний раз?

– Я не помню, может быть, месяца три тому назад.

Она хотела еще что-то добавить, но тут раздался телефонный звонок. Женщина быстро подхватила и, извинившись, поспешила ответить. Я, тем временем, решила осмотреться. И первым делом, пройтись по ящикам и шкафчикам. Не то, чтобы я любила копаться в чужих вещах, но требовалось кое-что сделать. И очень срочно.

***

Прислушиваясь к приглушенному голосу Марины, беседующей по телефону в соседней комнате, я стала быстро обследовать кухню. В принципе, ничего интересного, необычного или подозрительного на глаза не попадалось. Всё как у всех – кухонные принадлежности, посудные наборы, столовые приборы, емкости для сыпучих продуктов и, собственно, сами продукты. Лишь в самом дальнем крайнем ящичке обнаружилось требуемое – аптечка.

Все еще отслеживая происходящее за стеной, я приступила к действиям. Быстро сорвала с шеи возвращенный мне ведьмой амулет в виде ярко-изумрудного камня яшмы, заключенного в металлическую сферу. Поставила перед собой на стол небольшую ступку с пестиком, которая обнару-

жила в одном из шкафчиков и в которой хозяйка, если верить ярко-выраженному характерному запаху, смешивала специи. Достала клинок из ножен и полоснула по ладони. Тягучая темно-красная струя потекла по руке. Я сжала кулак и поднесла его к ступке, наполняя кровью керамическую ёмкость почти до половины. Порез оказался удачным, крови было много, а потому весь процесс занял минимум времени. Перетянув рану обнаруженным в аптечке бинтом, я бросила в наполненную кровью ступку амулет и быстро прошептала над ними заклинание. Многие ведьмы используют в своих ритуалах кровь. И именно это дало подсказку. Хранительница из Дома Света была одержима...

– Ну, здравствуй, – сразу отозвалась Дарина. Образ её искаженного лица отобразился в кровавой лужице.

– Привет, – облегченно выдохнула я, радуясь, что ведьма ответила на призыв.

– Зачем звала? – нахмурила Дарина брови.

– Можешь свести меня с Альфой? – косясь на дверь, быстро перешла я к сути вопроса.

– Свести в смысле?... – нехорошим голосом начала она.

– В смысле, мне нужно с ним поговорить, – решила я уничтожить на корню любое возможное недопонимание. – И не начинай ревновать, он мне нужен исключительно как источник информации. Если оборотень согласится поговорить со мной по телефону – я буду тебе крайне признательна.

– Почему это я должна ревновать? И вообще, почему ты

обращаешься с этим ко мне? – попыталась возмутиться ведьма.

– Потому что я в курсе, что у вас с ним любовь, – торопливо ответила я. – И не надо делать такие удивленные глаза, пытаюсь убедить меня в обратном. У меня очень мало времени, Дарина. И это очень важно.

Я попыталась вложить в свои слова максимум убедительности и искренности, надеясь, что ведьма проникнется.

Дарина подозрительно прищурилась, а после коротко приказала:

– Жди, – вот только чего ждать, совсем не понятно. С минуты на минуту должна была вернуться Марина, которая подозрительно долго болтала по телефону. Но на случай, если она войдет, застав меня беседующей с миской с кровью, у меня был заготовлен план «Б». И этот план лежал рядом со мной в виде сковородки. Да, радикально, но ничего другого мне в голову не пришло. Тяжелые времена, тяжелые...сковородки.

Глава 47

Прошла минута, две, три. Часы тикали и вот-вот в нервном тике должен был задергаться мой глаз.

– Простите, что-то я заболталась, – довольно прочирикала Марина, входя в кухню. – Дочка из Италии позвонила, пока все обсудили. Ой, а что это у вас?

Я взглянула на женщину, потом на лежащие передо мной предметы, потом снова на женщину и на сковороду.

– Что вы делаете? – испугалась хозяйка и начала отступать к выходу.

Выругавшись сквозь зубы, я метнулась к ней как раз в тот момент, когда она уже развернулась спиной и бросилась бежать. Но убежала недалеко, бесчувственным тельцем свалившись к моим ногам. Выругавшись еще раз, я на всякий случай закрыла входную дверь, чтобы еще кто-нибудь внезапно не нагрязнул. Какая-нибудь очередная соседка, у которой вдруг мёд закончился.

Вернувшись к столу, уселась на стул и, нервно отбивая ногой ритм, стала ждать, гипнотизируя взглядом ступку. Время шло, я стирала зубную эмаль в крошку и – ничего не происходило. Решив, что надо более продуктивно провести это время и заняться чем-нибудь полезным, я достала телефон и быстро набрала номер Крота. Компьютерный гений ответил на звонок спустя три гудка.

– Привет, Фима, – как-то чересчур радостно заявил Крот.

– Соскучился? – не поддержала я оптимизм компьютерщика.

– Ага, – без тени смущения подтвердил парень. – Ты когда на базу вернешься?

– А ты планируешь вечеринку? – я встала и подошла к окну, сквозь чуть запыленные стекла которого просматривался зеленый палисадник.

– Нет, – не очень уверенно протянул парнишка.

– В таком случае, что мне там делать?

– Ну, – неловко замялся парень. – Вообще-то, тебя кое-кто ищет.

– Дай угадаю, – деланно воскликнула я, пожалев, что под рукой нет сигареты. Никотиновой зависимостью никогда не страдала, но вот почему-то конкретно в этот момент остро захотелось покурить. Как после очень хорошего секса. Ну, или очень плохого. Тут всегда одно из двух. – Высокий, наглый, красивый блондин?

– Кхм, – откашлялся Крот. – Высокий, наглый, красивый брюнет. Зовут Русланом. Встречались, наверное?

– К сожалению, да, – тяжело вздохнула я так, что аж закололо поджелудочная. – И хотелось бы, чтобы следующая встреча случилась где-нибудь в другом месте. На кладбище, например.

– Ну, это вы уж сами разбирайтесь, – смутился Крот. – И вообще, я тоже хотел с тобой поговорить.

– Дерзай, – равнодушно бросила я, надеясь, что этот разговор станет более содержательным: – Но перед тем, как стартуешь, ответь на вопрос.

– Угу.

– Где сейчас твоя сестра? – и мои руки непроизвольно сжались в кулаки.

– Моль? – неподдельно удивился Крот. – Дома. Вернее, я надеюсь, что она дома. Мне бы хотелось в это верить, потому что она обещала...

– А дом где? – оборвала я этот бессмысленный набор слов.

– На Пролетарской, – не скрываясь, ответил Крот. – Мы живем в доме напротив бывшей гостиницы Астория.

– Это та, от которой только фасад остался? – припомнила я.

– Ага, – подтвердил парень. – Вот как раз наши окна на этот каменный остов и выходят. Квартира от бабушки досталась. В принципе, там неплохо, вот только шумно очень.

– Крот, а скажи, как давно вы живете вместе? – у меня появилась догадка, которую я решила тут же и проверить.

– Ну, – немного растерялся компьютерщик. – Всю жизнь, наверное.

– Ты вот как-то сейчас очень неуверенно это сказал!

– Понимаешь, – он грустно вздохнул. – Примерно год назад я очнулся в больнице с переломами и черепно-мозговой травмой. Мне сказали, что скорее всего я ехал на мотоцикле и попал в аварию, потому что нашли меня в мотоциклетной

одежде и со шлемом на голове у обочины дороги. Куда делся сам двухколесный транспорт – неизвестно. Пришедший ко мне на второй день следователь сказал, что начато расследование. Рассматривались разные версии. Но судя по найденным на одежде следам – я столкнулся с автомобилем. Его водитель, в отличии от меня, сильно не пострадал. А вот увидев бесчувственного меня на дороге, решил, что умер. И попытался замести следы. Подобрал моё тело, вывез за город и сбросил в овраг, из которого я сам не помню, как выбрался. Но это спасло мне жизнь. А потом в больницу пришла Моль. Сестра помогла мне восстановить память.

– А что по поводу аварии? Второго участника нашли?

– Нет, – ничего не подозревая, продолжил рассказывать Крот. – Но проблем у меня потом было немерено из-за этой истории. Оказалось, что примерно в то же время, когда нашли меня, случилась другая авария. И тоже мотоцикла с легковушкой. Вот только там все по-другому было. Мотоциклиста не нашли, а вот другой водитель погиб. Меня начали вызывать на допросы по этому делу, едва не сделали главным подозреваемым. Но потом Моль познакомила меня с Седым. Он предложил денежную работу и пообещал разобраться с полицией. Я согласился и всё, больше ко мне не приходили. Вот, как-то так.

– Любопытная история, – сказала я, потому что надо было что-то сказать.

Получалось, что Моль Хасан отмазал от участия в ограб-

лении, а Крота – от аварии со смертельным исходом. Хотя, интуиция подсказывала, что история Моли – ложь от первого до последнего слова. Как и то, что они с Кротом родственники. Вот только, как тонко намекнуть компьютерщику поискать самого себя в списках пропавших без вести людей? – А что ты мне хотел рассказать?

– А, да, – вспомнил Крот. – Помнишь тот сайт, которым я занимался? Там еще музыка такая жуткая звучала?

– Да такое захочешь – не забудешь, – меня невольно передернуло.

– Я разобрался с ним. Но новости не радужные.

– И?

– Они заходили на этот сайт, Фима, – уверенно заявил Крот. – Все, кто устраивал взрывы заходили туда по одному разу в течении последнего года.

– А девчонка?

– По поводу неё ничего не могу сказать, надо сначала узнать все доступные ей IP-адреса. Но вот, что еще интересно, в переписку парни ни с кем не вступали, но каждому в личку пришло по письму. И вот тут начинается самое странное. Во всех письмах какой-то бред.

– А точнее можно? – раздраженно потребовала я.

И Крот начал зачитывать:

– Приди, Адский, Земной и Небесный. Бог широких дорог и перекрестков, ты, который ездит туда и сюда с факелом в руке, враг дня. Друг и возлюбленный Тьмы, ты, который...

– ...радуется, когда суки воют и льется теплая кровь, ты, который бродишь среди призраков и могил, ты, который удовлетворяешь жажду крови, ты, который вызываешь страх в смертных душах детей, – без запинки продолжила я, потому что слова, произнесенные хранительницей, запомнила очень хорошо.

– Ты знаешь этот...я не знаю, что это? Заклинание?

– Скорее, воззвание, – пробормотала я, остановившись на месте. – Или в данном случае, намек на скорую смерть. Мне пора, пока.

– Эй, погоди, Седой просил передать, что...

Но я больше не стала слушать. Бросила трубку и подошла к столу, потому что по поверхности кровавой лужицы пошли круги и появилось лицо Дарины.

– Почему так долго? – едва не заорала я.

– Извини, Альфа оборотней не живет у меня в шкафу, – съязвила ведьма, что было ей позволительно. Профессия деформация, так сказать.

– А мне казалось, он живет у тебя в кровати, – в том же тоне ответила я и тут же добавила: – Прости, не утерпела, ты же меня знаешь.

– Знаю, – медленно протянула Дарина, – и только поэтому помогаю.

– Он поговорит со мной? – начала торопиться я, поглядывая на всё еще неподвижное тело Марины.

Дарина ничего не ответила, лишь молча отошла в сторо-

ну, пропав из моего поля зрения. А на её месте появился Альфа. Это был молодой мужчина с чисто выбритым лицом и такими же чистыми, ровными чертами лица. Также у него имелась мощная челюсть и шапка густых волос, небрежно спадающих на лоб и прикрывающих уши.

– Привет, Серафима, – поздоровался он. Голос у него был чуть низковатый, даже где-то немного рокочущий. Казалось, еще немного и он зарычит.

– Здравствуйте, – сдержанно ответила я. Мы уже были знакомы, даже встречались в довольно неформатной обстановке. Но я всегда держалась с ним настороже, потому что знала – с ним шутить не стоит.

Буквально воспитанный стаей, мужчина придерживался строгих законов, которые действовали среди оборотней, а также своих собственных принципов, которые зачастую ставил даже выше жизни других людей.

Насколько мне было известно, Альфа попал к оборотням в возрасте шестнадцати лет. Ликантропией заразился случайно, даже где-то банально – неудачно сходил к стоматологу, который небрежно относился к обработке своих инструментов. Первые десять лет своей жизни в состоянии оборотня парень посвятил самоуничтожению и попыткам не быть тем, в кого его превратила судьба. Не получилось. А потому пришлось смириться и попытаться жить дальше.

Когда будущий король оборотней преодолел ненависть к себе и злость на весь остальной мир, то понял, что быть

простым рядовым членом общества ликантропов ему как-то не хочется и начал бороться за лучшую жизнь. А у оборотней добиться успеха можно только так – через кровь, боль и смертельный бой один на один с тем, на чье место ты претендуешь. Прошло пять лет и вот сегодня – он главный, достигнув самой верхушки иерархической лестницы. Стоило ли оно того? Наверное, если искренне верить в то, к чему стремишься. В этом случае, даже поход по трупам может быть оправдан перед совестью.

– Ты выглядишь лучше, чем в нашу последнюю встречу, – с хитрой смешинкой заметил Альфа.

– Пить бросила, – без улыбки ответила я, не отводя взгляда.

– Надо же, – восхитился оборотень все с тем же блеском в чуть изменивших цвет глазах.

– Заставили, – свела я на нет его восхищение. – А еще заставили работать.

– Это я тоже заметил, – кивнул Альфа, так же поддерживая зрительный контакт. Мы были словно застывшие друг перед другом фехтовальщики, со шпагами наизготовку.

– Вопрос, – перешла я к делу, решив, что обмен любезностями благополучно окончен. – Все вервольфы – ликантропы, но не все ликантропы – вервольфы. Правильно?

– Да, – спокойно подтвердил Альфа. – Есть и другие формы, кроме волчьей. А почему ты интересуешься?

– Мне кажется, что я встретила оборотня, – попыталась

объяснить я, сама до конца не понимая, кого именно ищу. – Вот только этот оборотень способен долго сохранять молодость и превращаться не в животных, а в других людей. Вернее, я пока видела только два его облика. Ну, мне кажется, что их пока было два.

– А животная форма у него есть? – заинтересовался Альфа.

Я покачала головой.

– Я не знаю, возможно. Есть еще одна особенность – он умеет влиять на людей, на их сознание. Внушать им... разные вещи. Но не гипнотизировать, а словно... зачаровывать.

– Что-то не похоже на оборотня, – с сомнением поджал губы Альфа. – Если у него нет животной формы, то это не ликантроп, Фима. Но я готов с уверенностью на сто процентов заявить, что это точно не вервольф. Таких способностей у нас нет, а по поводу других форм – я не все знаю. У нас не принято делиться интимными подробностями своего вида.

– А если животная форма есть, – начала я выстраивать теорию, стараясь уцепиться хотя бы за что-то, – то, кто это может быть?

– Не знаю, – Альфа, казалось, растерялся. – Может быть, ты не там ищешь, Фима?

– Теперь я уже тоже начала сомневаться, – ответила я, хотя внутренний голос вопил, что от этого дела буквально разит оборотнями.

– погоди, – вдруг насторожился Альфа, – ты сказала «он»,

а это точно мужчина?

– Нууу, – замялась я. – Нет, хотя тут тоже есть сомнения.

– То, что я тебе сейчас расскажу граничит с мифологией и городскими легендами, – Альфа вдруг принял строгий вид. – А потому я не несу никакой ответственности за достоверность информации.

Я согласно кивнула, понимая, к чему ведет оборотень. Ликантропы очень ответственно относятся к словам. Для них все, что они говорят – имеет особое значение. А потому говорят они мало, а попусту болтают так и вовсе редко. Это их качество мне всегда импонировало. Больше, чем застрявшие между зубов куски человеческой плоти.

– Есть теория, – он выделил голосом последнее слово, – о существовании женщин-оборотней, которые имеют второй облик, но при этом не являются ликантропами.

– Это как так?

– А вот так! Их называют ламиями и в животной форме они выглядят, как нечто среднее между змеей и ящерицей. Они бесплодны, а потому не способны передавая ликантропию своему потомству, как это, например, происходит у тигров. Тигриная ликантропия не передается через укусы. Тигром-оборотнем можно только родиться. В отличие от ликантропии волчьей. У нас все наоборот – наши самки редко способны выносить ребенка, но укус вервольфа автоматически означает заражение.

– А укусы ламии? – спросила я, хотя не уверена, что у них

имеются зубы.

– Насколько мне известно, они не кусючие, – ухмыльнулся оборотень, продемонстрировав красивые крепкие зубы. Меня слегка передернуло. А как возле него Дарина засыпает – вообще не понятно.

– Но как, в таком случае, появились ламии?

– Фима, я вообще не уверен, что они существуют, – оборвал мои рассуждения Альфа, которому это тема была не так интересна, как мне. – Я с ними никогда не встречался. И вспомнил, только потому, что ламии, якобы, обладают способностью ментального воздействия. Какими-то своими фибрами они улавливают настроения и чувства людей, влияя на них. Кроме того, умеют менять облик, но процесс этот долгий, мучительный и жуткий.

– А вот с жуткого поподробнее, пожалуйста, – оживилась я, незнакомя с фольклором оборотней.

– Там все реально страшно, – предупредил меня Альфа. – Чтобы поменять облик им необходимо сначала принять животную форму, а после натянуть на себя кожу того человека, личину которого они хотят принять.

– Погоди, но разве для этого не нужно сначала эту самую кожу содрать?

– Мыслишь в правильном направлении. Да, сначала они снимают кожу, причем целиком и заживо.

– Ох, – содрогнулась я от отвращения, живо представив себе эту картину.

– Да, они вроде как-то усыпляют жертву, – добросовестно делился информацией Альфа.

– А что они потом делают с чужой личиной, когда она им больше не нужна?

– Не знаю, наверное, сбрасывают, как змеи, – предположил Альфа и на этой мрачной ноте мы распрощались.

Но едва исчезло изображение красивого мужественного лица, как красная лужица мигнула и появилась Дарина.

– Серафима, – внезапно позвала ведьма. – Я давно хотела тебе сказать... твоё безразличие к себе когда-нибудь тебя убьёт.

– Может быть, так будет лучше, – постаралась улыбнуться я и достала погруженную в кровь яшму, тем самым, обрывая связь.

Глава 48

Добираться до трехэтажного дома старой постройки, выходящего напротив бывшей гостиницы Астория пришлось на метро. Подземку я не любила. Подсвеченные мутными желтыми лампами лабиринты, сладковато пахнущие резиной и переполненные людьми, ожесточенно штурмующими вагоны, меня пугали. Таившаяся на глубине подсознания клаустрофобия, за годы лишь усилившаяся, выныривала наружу, едва только я проходила через турникет. «Ну так-то здрастье», – как бы заявляла она и мои ладошки начинали предательски потеть. Не обошлось и в этот раз. Быстро сбегав по эскалатору, я заскочила в удачно подошедший поезд и забилась в самый дальний угол, надеясь, что поездка быстро закончится. Людей было не настолько много, чтобы тыкаться носом в чужую подмышку, но и не настолько мало, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Страдать долго не пришлось, благо ехать оказалось недалеко. Да и сама Астория находилась поблизости от выхода из метро. Так что вскоре я уже настойчиво тыкала пальцем в дверной звонок. Номер квартиры Крот не назвал, а спрашивать в лоб было бы совсем уж подозрительно. Поэтому я полюбопытствовала у девушки с коляской, как раз выходящей из нужного мне подъезда, в какой квартире проживает девочка со странным именем и не менее странной внешне-

стью.

– Сорок четвертая, – без лишних вопросов ответила незнакомка, целиком поглощенная попыткой аккуратно протиснуть широкую двухместную коляску сквозь узкий дверной проём. – На третьем этаже.

Исполнил роль доброго самаритянина и подсобив девушке в её нелегком труде, который назывался «быть мамой близнецов», я поскакала наверх, перепрыгивая через ступеньки.

Цифра сорок четыре украшала самую простую дверь, обтянутую дешевым бордовым кожзамом. Звонok тоже оказался самым примитивным, но зато громким.

– Фима? – лицо Моли исказилось в изумлении, едва она распахнула дверь и узрела на пороге мою скромную персону.

– Привет, – лучезарно заулыбалась я и шагнула вперед раньше, чем девчонка успела захлопнуть эту самую дверь перед моим лицом, которому и так постоянно доставалось. – Угостишь чаем? А то у меня кончился.

– Чай? – оторопела девчонка, которая, как я сильно подозревала, девчонкой и не была.

– Если бы у меня кончился кофе, я бы пришла за ним, – продолжала я нести чушь, одновременно планомерно продвигаясь в глубь квартиры, коридор которой был настолько узкий, что даже морской свинке было бы тесно.

– Ладно, – все еще демонстрируя непонимание происходящего и стараясь не выходить из роли ответила Моль. А по-

сле развернулась и направилась в кухню.

Идти было недалеко, буквально шага четыре. Но и их паршивка не успела сделать, потому что была отброшена к стене моим пусть не самым лучшим, зато определенно яростным ударом. Едва девчонка со стоном повалилась на пол, как я прихватила её за волосы, намотав их на кулак и еще раз приложила головой об твердую поверхность.

– Ну, привет, Рита, – зашипела я в маленькое детское ухо, продолжая уменьшать количество волос на голове. – Или ты Рада?

Не пожелав принимать поражение, ламия начала отчаянно брыкаться. И пару раз ей даже почти удалось вырваться из моего захвата, но еще парочка дополнительных ударов лицом об пол, а также нож, приставленный к сонной артерии сильно охладили пыл. А вот я к этому моменту уже вспотела.

– Так, кто ты? – я надавила ножом сильнее и под заточенным острием выступили капельки крови. На удивление, она была красной и ничем не отличалась от человеческой. Лично я ожидала чего-то кислотно-зеленого. – Отвечай, чудище ты многоликое.

– Ритана, – прохрипела ламия. – Меня зовут Ритана.

– Угу, – кивнула я, приняв информацию к сведению. – Значит, под видом Хасана ко мне явилась твоя сестренка? Рада?

– Догадалась? – сверкнула глазами ламия, которые теперь казались чужими на все еще детском лице. Не бывает детей

с таким презрительно-ненавидящим взглядом.

– Не угадали, – цокнула я языком, вдавливая нож поглубже и наслаждаясь страхом, вспыхнувшим в глазах ламии. – С подробностями не угадали. Видишь ли, Хасан ненавидит пиво. От одного только запаха крЮчит морду так, словно лопату с дерьмом подсунули. Дьявол – в деталях, красotka. О деталях и стоило заботиться. А еще он передал мне записку, в которой была приписка не верить никому, кто будет похож на него как две капли воды.

Я рывком поднялась, поднимая за собой и Ритану, а после подтащила сопротивляющуюся и пытающуюся визжать мадам к батарее. Визг быстро оборвался вместе с кровью, хлынувшей из разбитого носа. И пока ламия пыталась не захлебнуться собственными выделениями, я сначала стянула её запястья и щиколотки пластиковыми хомутами, а после довершила дело капроновым шнуром, набросив его петлей на тонкую шею. Да, по пути в гости мне попался магазин хозтоваров.

– Начнешь врать – начнешь задыхаться, – предупредила я. – Попытаешься обратиться – сдохнешь. Закричишь – лишишься зубов, а возможно и еще чего-то важного. Поняла? Мне тебя убить – что траву на газоне скосить. Сильно горевать не стану. Да и никто, думаю, не станет.

И в подтверждение своих слов потянула на себя импровизированную удавку. От нехватки воздуха рот ламии широко распахнулся, и она тут же закивала.

– Итак, начнем, – я заняла более-менее устойчивую позицию напротив скрючившейся на полу девчонки. – Вопрос первый: какого хрена?!

– В смысле? – с трудом проговорила ламия и правда взглянув на меня с непониманием.

– Да, вопрос действительно недостаточно конкретный, – вынуждена была согласиться я. – Давай по-другому: за что ты меня ненавидишь?

По правде говоря, я не ждала, что ламия тут же устроит передо мной моральный стриптиз, но она вдруг сразу начала отвечать:

– За то, что ты забрала его у меня, – Ритана сплюнула кровь и мне пришлось отскочить в сторону, чтобы избежать отвратительных брызг.

– Его? Его – это кого? – поморщилась я с отвращением. – Неужели вот это все из-за какого-то мужика?

– Из-за какого? – зло переспросила ламия и рассмеялась. Мне вдруг показалось, что ей этот разговор тоже был нужен. Кажется, кто-то желал, наконец, высказать мне все, что накопилось. А накопилось много. – Не из-за какого-то, а из-за Седого.

– Из-за Сашки? – изумилась я, не поверив услышанному. – А он здесь при чем?

– Ты столько с ним работала, – начала ламия, оборвав свой смех так же неожиданно, как и начав. – Но так и не смогла понять, каков он на самом деле. Не смогла или не захотела,

пренебрегла им. А я знаю Сашу большую часть его жизни. Мы были, как одна семья. И если бы не ты, сейчас мы были бы вместе.

Я задумчиво почесала бровь. Туман в мозгах оставался неизменным и по-прежнему было ничего не понятно.

– Знаешь, я ненавижу глаголы сослагательного наклонения. Давай по фактам. Ты запала на Сашку, он тебя отшил. Я-то здесь с какого боку?

– Ты! – завопила ламия не своим голосом. Её кожа вдруг начала темнеть и странно скукоживаться, словно собираясь в складки. – Мерзкое создание, которое только и умеет, что вертеть задницей перед мужиками! Ты не видишь дальше своего носа и не хочешь знать, не хочешь понимать, что происходит вокруг.

– Претензии услышаны, но не поняты, – спокойно ответила я. – А еще мне не понятно, как ты стала такой юной? Набрела на сад с молодильными яблочками? Или они у нас теперь в овощном продаются? Я не в курсе, давно за покупками не ходила.

– Я хотела быть рядом с ним, – тихо прошептала Ритана, уронив голову на грудь. – Я просто хотела быть рядом.

– И для этого превратилась в школьницу, задурила голову Кроту, заставив его подстроить аварию с Хасаном и одновременно подставила меня. Его машину ведь Крот подрезал? Невысокому тощему парнишке не трудно было сойти за девочку. Вот только ты не рассчитывала, что Крот выживет. А

потому, когда он пришел в себя, изобразила его сестру. Хотела держать рядом на случай, если понадобится еще раз пользоваться. Тем более, что с Хасаном накладочка вышла, за рулём был не он. Но бывший босс дураком никогда не был. И сразу все понял.

– Тварь, – зашипела ламия, дернувшись ко мне, но была быстро остановлена ударом ботинка под челюсть.

– И мне с тобой приятно общаться, – кивнула я и поправила удавку. – А с твоей сестрой – так особенно. Знаешь, в истории, которую она мне поведала под личиной Хасана столько фантастического, что я удивлена, как она не приплела кролика Роджера и Баггса Банни. Удивительно, что ни на кого из героев не упала наковальня. Кстати, если роль Хасана исполнила твоя сестра, то кто тогда стрелял?

– Седой, – с трудом выдохнула ламия, держась за лицо. – Он начал что-то подозревать, поэтому и притащил тебя в столицу, усилив слежку. У телепата скоро из ушей дым повалит от перенапряжения.

– То, что рассказала твоя сестра обо мне – правда?

– Отчасти, – уклончиво ответила Рита.

– Зачем? Зачем она вообще решилась на разговор со мной?

– Рада... в последнее время она сильно изменилась. Стала заговаривать о том, что тебя не стоит трогать. Не знаю, может быть, пожалела? Или влюбилась, есть у неё такая слабость. Сестра рассчитывала, что после разговора с "Хасаном" ты

просто... убежишь. Ты ведь так всегда делаешь, правда? Просто убегаешь.

– Хасан мертв?

– А тебе какая разница? – презрительно процедила ламия. – Ты же его всю жизнь ненавидела.

– Моя ненависть не имеет к этому делу никакого отношения.

– Если хочешь сходить на могилку, положить цветочки – забудь. Его уже, наверное, какая-нибудь средиземноморская акула переварила и высрала.

– Кто стоит за убийствами людей? И зачем пытались убить меня? Я же правильно поняла, слова о том, что я дочь Главы – ложь?

– Мы до конца не уверены, кто ты, – оскалилась на меня ламия, продемонстрировав не совсем красивые зубы.

– Мы? – переспросила я. – Мы – это кто?

– Мы – те, кто хочет вернуть к жизни упокоенного вечным сном предводителя высших и открыть проходы между миром людей и миром ифритов, – неожиданно покорно пояснила Ритана.

– Так, ты тоже в этой секте искателей Ярости? Лучше бы вы поискали себе мозгов побольше! – и я от души приложила кулаком о столешницу. Было больно, делу это никак не помогло, но деструктивное поведение тем и привлекательно, что помогает выпустить пар. А у меня этого пара было – что аж крышечку срывало!

– Нам незачем искать Ярость Солнца, – взглянув мне прямо в лицо самодовольно заявила ламия. – Она уже у нас.

– Как? – опешила я, потому что такого поворота никак не ожидала.

– Очень просто, потомок сам нам её принес, – она заулыбалась еще шире, чем вызвала у меня настойчивое желание выбить эти мелкие зубки.

– Вы же вроде по разные стороны баррикад? Разве вы не играете в прятки – одни прячут и убегают, другие – ищут и догоняют?

– Когда-то было так, но больше нет. Все хотят получить власть, стремятся к ней и он. Настолько, что готов предать свой род. В том числе и потому, что род до этого предал его.

– А точнее можно? – скривилась я и демонстративно покрепче вцепилась в удавку.

– Слышала про принцессу Джалиту? – быстро заговорила ламия.

– Ага, – кивнула я. – Красотка-принцесса, сплавившая своего мужа в небытие, а сама занявшая его место. Но при чем тут она?

– Джалита действительно убрала своего мужа подальше от себя. Во-первых, она его никогда не любила, а замуж пошла потому что отец приказал. Настоящий отец. А во-вторых, Джалита хотела быть единоличной правительницей. Но к концу своей жизни, пережив много падений и взлетов, вдруг переосмыслила свою жизнь. И приняла решение ограничить

способности потомков. Своих потомков. Джалита наложила заклятие, которое работало очень своеобразно. Оно постепенно лишало способностей наследников магии Сильвира, и с каждым новым поколением дети рождались все слабее и слабее магически. До тех пор, пока не родился ребенок, полностью лишенный магии.

– То есть, Тамир – наследник магии Сильвира, но магией не владеет? – быстро сообразила я.

Ламия согласно моргнула.

– Бред какой-то. Зачем было так делать? Джалита передала своим наследникам книгу, которую требовалось защищать и при этом лишила их такой возможности. В чем тут смысл?

– В своих мемуарах, которые прилагаются к книге, она этого не объяснила. Может быть, просто тоже поняла, что ни одно общество не способно долго существовать без самоочищения?

– Какая тонкая, а главное – умная мысль, – иронично протянула я. – Где связь?

– Связь в том, что великие умы мыслят глобально и способны принимать непростые решения.

Я не стала развивать эту тему в связи с её очевидной бесперспективностью. Чужие философские измышления интересовали мало, а вот...

– Взрывы, убийства людей – это ваших рук дело?

– Смерти нужны для пробуждения высшего, – буднично

произнесла ламия и пожала плечами. – Сложнейший обряд базируется на жертвоприношении. При этом в жертве должна течь особая кровь, – и она начала перечислять, загибая пальцы: – Нужны три потомка Сильвира, три потомка ифрита и три потомка царя дракайнов.

– Всего девять, – задумчиво прикусила я губу. – Но к чему остальные смерти? Погибли простые люди.

– Это ведь ритуал поднятия демона, – сказала ламия так, словно объясняла, что три плюс три будет шесть. – Руки потомков должны быть обагрены кровью невинных.

– А при чем тут их родственники? Зачем вы убили мать Глушко и обоих родителей Крылова?

– Мы их не трогали, – насупилась ламия. – Я не знаю, кто убил и зачем. Но нам они были без надобности.

И почему-то я ей поверила, перейдя к следующему вопросу.

– Как ты заставила парней выпить это адское зелье?

Ламия сверкнула глазами и мерзко захихикала.

– Отравить человека не так трудно, как кажется на первый взгляд. Ты на собственной шкуре в этом убедилась, не правда ли? – меня едва не передернуло от воспоминания о том, что начало происходить с моим телом после волшебного кофея. Но отвечать не стала, а лишь мстительно потянула на себя удавку, насладившись страшным хрипом ламии.

– Если ты так меня ненавидишь, то почему не убила до сих пор? У тебя было столько возможностей.

– Сначала не было подходящего момента, а потом... Ты уберегла от смерти мою сестру. Отдала ей свою энергию. Мы такое не забываем. Несмотря ни на что, у нас тоже есть свои принципы.

– Не было подходящего момента? – не поверила я. – Твоя сестра под видом Хасана несколько часов меня откачивала от яда. Что это вообще такое было?

– Когда ты вошла в ту кофейню, тебя узнали.

– Парнишка-бармен... – припомнила я. – Он из ваших?

– Отравить тебя было его инициативой, – призналась Ритана. – Мы такого приказа не отдавали. Да и вообще, использовать тебя в ритуале пока не планировали.

– Вы – психи, – вынесла я вердикт. – И вам нужно коллективно прокапаться.

Ламия ничего не ответила, лишь ненавидяще взглянув исподлобья.

– Что за дракайнов ты упомянула?

– Здесь они известны под созвучным, но немного неправильным понятием – драконы, – устало, но все ещё с демонстрацией явного превосходства пояснила ламия.

– Драконы? – я едва не икнула. – Разве они не вымышленные?

Ламия скривилась.

– В основе любых легенд лежит переработанная правда. Дракайны прибыли в наш мир вместе с ифритами. Они вроде оборотней, имеют две ипостаси – животную и человеческую.

Только вот сильнее, злее и опаснее всех мохнатых. В другом мире дракайны – отдельный, самостоятельный народ, у которых имеется собственный правитель. Как правило, это место занимает глава правящего рода. Дракайны с давних времен выступали на стороне ифритов. В том числе потому, что последних банально больше по количеству.

И слышался мне в словах ламии какой-то подтекст. Слишком очевидный подтекст.

– А какое ты имеешь к ним отношение? – отвечать она сразу не захотела, а потому пришлось воздействовать физически. Дёргать за удавку уже надоело, и я решила прибегнуть к новым методам, а именно – сунуть под нос жменю огня.

– Стоп! Стоп! Все, хватит! – прокричала ламия, когда её кожа начала краснеть и пузыриться из-за высокой температуры.

– Я жду ответ, – хладнокровно напомнила я.

– Ламии не способны размножаться, – ответила она, всхлипнув от боли. – Мы являемся тупиковой ветвью, и рождаемся от союза человека и дракайна.

Я припомнила историю о девушке Эле, которую мне рассказывала хранительница. И её похитителе.

– То есть, твой отец...

– ...был дракайном, да. Дракайны остались в нашем мире после падения ифритов. Поговаривали, что некоторые из них сотрудничали с человеческими магами, чтобы свергнуть власть высших. Вот только дракайны не предполагали, что

после закрытия проходов сами застрянут здесь. В мире, где со временем раса дракайнов начала вырождаться. Они могут жить тысячелетиями, вот только полноценных наследников после себя оставить не способны. Как ты понимаешь, на войну отправлялись мужчины, и женщин-дракайнов в этом мире единицы.

– Знаешь, проблемы чужого размножения меня мало интересуют, – скривилась я. – Скажи лучше вот что, роза ветров – при чем тут она?

Ламия насупилась.

– Согласно имеющейся информации, когда высший проснется ото сна поднимется сильный ветер и укажет направление, где погребен правитель. Розу ветров использовали наши предшественники для определения направления ветра. Со временем, она превратилась в символ.

– Когда я была с хранительницей в Доме Света, кто взял её под контроль? – продолжала я задавать вопросы, на которые уже очень давно хотела получить ответ. – Ты?

– Нет, одна знакомая черная ведьма. Тебя направили туда сознательно. Все было рассчитано заранее, но хранительница оказалась слишком сильна. Она боролась, боролась до последнего. И смогла отдать тебе письмо Хасана. Да еще и этот чертов призрак явился тебя спасать. Сидит в этом мире уже не первый год, словно выжидает чего-то, словно чувствует.

– Зачем я вам была нужна?

Ламия повела плечам, словно пытаюсь освободиться от

невидимых пут.

– Нам нужна была не ты, а твоя кровь, чтобы найти еще одного потомка иффрита.

Злобное шипение не входило в число моих любимых мелодий, а потому я прекратила это еще одним ударом в челюсть.

– У Илаи на запястье Роза Ветров. Она что, с вами?

– Была, – поморщилась ламия.

– Точнее, – потребовала я.

Ламия облизнула разбитые губы, демонстративно сглотив собственную кровь глядя мне прямо в глаза, а потом растягивая гласные медленно заговорила:

– Говорят, что человека определяет не набор генетических характеристик, полученных от рождения, а только его выбор. Чушь! Всегда есть кто-то сильнее тебя самого. И порой, этот кто-то просто не оставляет тебе другого выбора. Так получилось и с хранительницами. Они заперты внутри дома и выхода нет. Единственный способ вырваться – нарушить привычный порядок, позволить воцариться хаосу. Но после того, как вскрылись некоторые... детали, Илая решила пойти другим путем.

– А при чем тут «спящая красавица», по которой вы коллективно с ума сходите?

– Высшие – равны богам, – гордо вздернув подбородок, произнесла ламия с каким-то ей одной понятным торжеством. – И конкретно этот бог – бог хаоса.

– То есть, ваша эта компания по интересам хочет пробудить предводителя высших демонов для того, чтобы он тут шороху навел? – мне трудно было уложить всё это в голове.

– Не только, – склонила ламия голову на бок, взглянув на меня одновременно оценивающе и снисходительно. – Он сможет вновь открыть проходы между мирами. А это значит, что дракайны, ифриты, их потомки, а также все, кто прикнул к ним смогут вернуться домой. Ты знаешь, что такое дом?

– Кажется, нечто подобное меня уже спрашивали, – скривилась я. – Вообще не понятный вопрос.

– Неужели ты не хочешь этого? – вдруг доверительным голосом начала ламия, подавшись ко мне. – Не хочешь обрести дом? Где не надо будет прятаться и бояться. Где ты будешь такой, как все. Где все будут такими, как ты. Где будет спокойно и надежно. Ты ведь тоже здесь чужая.

Я тоже подалась вперед, сделав вид, будто внимаю словам ламии, а когда она закончила свою трогательную речь, одновременно пытаюсь воздействовать на меня ментально, я прошептала, глядя змее прямо в глаза:

– Я уже очень давно ничего не хочу. К тому же, знаешь, как ощущается твоя сила? Как будто мне в ухо пытается заползти холодный склизкий щупалец. Не желаю провести остаток жизни в компании таких, как ты.

Лицо ламии перекосилось от безудержной злости и, страшно завопив, она попыталась вцепиться мне зубами в

шею. Но была остановлена еще одним ударом ботинка. Хорошие ботинки, надо будет новую пару прикупить.

– Почему Хасан всё это позволил? Он мог вмешаться, – спросила я, наблюдая за тем, как повалившаяся на пол ламия с трудом возвращается в прежнее положение.

– Не мог, – Ритана попыталась отереть кровь с лица, но со связанными руками сделать это непросто. – Из-за Элизы.

Имя показалось смутно знакомым.

– Ты про его пропавшую сестру, что ли?

– Она не пропала. Её забрали демоны.

– Зачем?

– Книга Ярости, она была у неё. Мать Тамира, Последняя из принцесс, очень любила дочь своей наперсницы. И почему-то решила, что у девчонки книга будет в большей безопасности, тем самым определив всю её дальнейшую судьбу. И надо сказать, судьба эта оказалась нерадостной.

Я присела на корточки, чтобы наши с Ританой лица оказались на одном уровне и с нескрываемым омерзением спросила:

– Эта тощая тушка – она твоя? Или позаимствовала у кого-то?

Ламия уничижительно сузила глаза.

– Нет, этот облик всегда принадлежал только мне.

– Тебе сейчас должно быть больше сорока лет, откуда юная мордашка?

– Когда у тебя всегда под рукой черная ведьма – вернуть

молодость не проблема.

– Кроме тебя и твоей сестры, есть еще такие, как ты?

Ламия широко и даже как-то радостно улыбнулась.

– Конечно, и с нашим старшим братом ты уже знакома. И очень близко.

Звонок от Сашки раздался в самый неподходящий момент, но ответить пришлось.

– Да.

– Ты где? – звук был отвратительным, связь постоянно прерывалась и что-то мерзко щелкало, а потому я скорее догадалась, чем услышала, что именно он спросил.

– В гостях, – мило пропела я, показав Ритане кулак. – Чай пью.

– Ты сбрендила? – рявкнул он так, что пришлось убрать телефон подальше от уха. – Какой чай? Какие гости! Ты что творишь?

– Скорее, вытворяю, – поправила я, но не была услышана. Сашке хотелось проораться.

– Почему мне звонят из полиции и говорят, что одна моя близкая знакомая очень похожа на фоторобот, составленный подвергшейся нападению пенсионеркой?

– Какая впечатлительная бабуля, – посетовала я. – Все-го-то уложила её поспать на пол, а она уже доносы строчит. И вообще, с чего такие нервные вопли? Вот, если бы я убила старушку, тогда да. Тогда еще было бы с чего горло драть. Но я же не Раскольников, бабули – не мой профиль.

– Ты там, вообще, чем занимаешься? – медленно и тихо проговорил Сашка, но от этого стало еще хуже, чем от ора. По опыту знала – если дошло до шепота, пора сматывать удочки.

– На табуретке сижу, – честно призналась я.

– О, господи, – простонал друг. – Почему ты сидишь на табуретке, вместо того, чтобы выяснять, откуда у девчонки бомба?

– Аааа? – совершенно по-идиотски отреагировала я. – Что-го?

– Тебе что, Крот не передал?

– Он пытался, – попыталась я выгородить парня. – Но не свезло.

– Я тебя убью, – пообещал друг.

– Не стоит тратить на меня пули, – любезно посоветовала я. – Могу сама тихонечно удавиться.

– В общем так, на Агате Воронцовой была бомба с большим количеством поражающих элементов. Детонатор подразумевал ручной запуск, а это значит, что девчонка знала, что делала, пришла в университет с четкой целью и активировала бомбу самостоятельно.

– Это уже что-то новенькое. В прошлые разы бомбы не было.

– Этот случай отличается от других, – произнес очевидное Сашка и приказал: – Разберись.

– И тебе до свидания, – себе под нос проворчала я, убирая

телефон в карман.

Я посмотрела на ламию. Она сидела неподвижно, словно изваяние и сверлила глазами мой телефон.

– Уймись, – велела я, разгадав направление её мыслей, а после потянулась к ножнам, куда успела убрать клинок. – Разговор ты, наверняка, слышала. Так что, поведай мне, почему на последней вашей жертве была бомба?

– Ты про девчонку? – презрительно оскалилась ламия. – С ней бы зелье не сработало, потому что в её крови не было огня. Но было кое-что другое – кровь высших демонов.

– И последнее, – мои пальцы бережно погладили рукоятку кинжала, а после переместились на острие. – Кто мой отец на самом деле?

– Ты что, собираешься меня убить? – фыркнула ламия, проследив за моим жестом. И тут же попыталась отстраниться подальше.

– А что мне мешает? – я развела руками. – Мы одни. Ты – связана, а у меня все права сильнейшего.

– Убьешь меня и приблизишь возвращение высшего, – решила пойти в ва-банк ламия.

– С чего это вдруг?

– Ты все-таки непроходимая дура, – рассмеялась Ритана. – Я – потомок дракайна.

– Следуя твоей логике, трёх ламий так и так убьют, – пожала я плечами.

– Да, но в своё время.

Я приблизилась, приставила кончик кинжала к горлу той, что уже давно не была похожа на Моль и спросила буквально по слогам:

– Кто мой отец?

– Я не знаю, кто твой отец, но есть предположение по поводу того, кто твой дед.

– И?

– Неужели не дошло? – ухмыльнулась и тихо прошептала: – Ты – внучка Азариля.

– Пошутить захотелось? – нахмурилась я. – Сколько мне тогда лет по-твоему? Две тысячи? Три? Я помню себя в одиннадцать лет. Я помню, как росла. В это время, в этом мире.

– Но что случилось с тобой в раннем детстве – никто не знает. Вообще никто, – ламия хитро ухмыльнулась. – Никому не известно, кто ты такая. Так что, это не такой уж и безумный ответ.

Глава 49

Через несколько минут я покинула квартиру, оставив ламию привязанной к батарее и с кляпом во рту.

Уходя, уже у самой двери я кое-что вспомнила и вернулась, чтобы спросить.

– Три архимага – что с ними случилось?

– Все смертны, – с вызовом ответила ламия, едва я выдержала кусок ткани из её рта. – Даже великие.

Вернув кляп на место, я ушла окончательно. Бегом спустилась по лестнице, выскочила на улицу, пересекла дорогу и направилась к припаркованному у обочины минивэну. Его я заприметила еще из квартиры. Подскочив к двери переднего пассажирского сидения, резко рванула её на себя и стремительно запрыгнула внутрь.

– Ну, привет, – поздоровалась я, изогнув губы в злобной насмешливой улыбке.

Руслан не ответил, лишь взглянул на меня поверх солнцезащитных очков.

– Очки тебе зачем? – ласково полюбопытствовала я, словно мы были старыми добрыми знакомыми. И он не угрожал мне, а я не мечтала напакостить ему. – Солнца нет, а я в панаме, да? – продолжила я подначивать парня. Возраста мы были примерно одинакового, хотя после всплывшей информации о его родственных связях я уже ни в чем не была уве-

рена.

Как я сразу не заметила сходства между ними? И хотя при Сашке Руслан старался быть попроще и понезаметнее, его манера держать себя, стиль общения, взгляд – все как у старшего родственника. Даже вкус в одежде у них был схож – Руслан также предпочитал дорогую классику, которую умел и явно любил носить. Камуфляжная форма ему тоже шла, хорошо сложенная фигура и рост позволяли. Но тонкий черный пуловер под горло в сочетании с белыми брюками смотрелись на нем еще лучше военной одежды. Если не знать, чем парень занимался, то можно было бы принять его за иностранного студента дорогого закрытого колледжа, которого в наши края занесло любопытство и страсть к экстремальным приключениям.

– У тебя паршивое чувство юмора, – лениво сообщил мне Руслан, но очки снял и бросил на приборную панель. – Тебе говорили?

– Да, все, кому не лень, – широко улыбнулась я.

– Значит, я не один, кто не оценил твои шутки, – подытожил парень. – Это радует, что помимо меня нашлись еще адекватные люди.

– Да таких людей хоть пруд пруди, – махнула я рукой. – Братец твой, например.

Руслан никак не отреагировал, лишь продолжил внимательно меня рассматривать с видом человека, вдруг узревшего перед собой нечто примитивное, что показало себя еще

примитивнее. Что-то, вроде полудохлой морской ракушки, которая вроде, как и бестолковая, но зачем-то же её природа создала?

– Который старший, – уточнила я, по-прежнему источая беспричинную, а потому глупую радость. – Который красивый еще, но сволочь первостатейная. Не знаю, сколько у тебя старших братьев, поэтому решила конкретизировать.

– Я понял, – холодно произнес Руслан.

– Который тебя сюда отрядил за мной следить, – не успокаивалась я.

– Он не отправлял, – процедил парень.

– Ух ты! – всплеснула я руками. – А что ты тогда здесь забыл? За беляшами приехал? – я кивнула головой в сторону палатки, где торговали уличной едой. И судя по запаху, обедать там стоило только в одном-единственном случае – при долговременном запоре.

– Проследить за тобой было моим решением, брат здесь ни при чем, – он не оправдывался, просто ставил в известность.

Я покивала с понимающим видом.

– Не доверяешь мне.

Парень безразлично отвернулся.

– Я никому не доверяю. А ты вызываешь особое..., – он помолчал, словно подбирая слова и наконец выдал: – Напряжение.

– Ну, ты как бы тоже не вступишь в число моих кумиров, –

не осталась я в долгу. – И твой братец с некоторых пор тоже. Но с ним у меня будет отдельный разговор.

– Думаешь, твоя смазливая мордаха и наличие кое-чего между ногами дают тебе какие-то права? – Руслан завел мотор, крутанул рулем и вклинился в поток машин, движущихся на северо-запад города. – То, что ты пару раз дала Сашке не означает, что он теперь будет держаться за твою юбку и выполнять все, что взбредет в твой бабский мозг.

Я зло и нарочито громко рассмеялась.

– Все, что я когда-либо давала твоему братцу – это мелочь на булочку. Ты ничего не знаешь ни обо мне, ни о моей жизни. Хочешь узколобо судить и вешать ярлыки – вперед, я не могу запретить тебе быть идиотом. Но выслушивать всё это не хочу, так что оставь свои мысли при себе. Пусть они тешат твое мужское самолюбие, раз больше тешиться нечем.

Выдавая столь острую тираду, я осознавала возможные последствия и была готова к тому, что меня попробуют заткнуть силовыми методами. Например, как и Сашка когда-то, Руслан попытается приложить меня лбом о что-нибудь твердое, чтоб неповадно было языком болтать. Или затормозит так, чтобы я пробила головой лобовое стекло и улетела куда-нибудь в космос. Но молодое дарование сдержалось. Лишь сильнее вжало в пол педаль газа и, вырулив на встречу, пошло на обгон впереди едущих машин. Мы к этому моменту уже вырулили на объездную трассу.

Участники дорожного движения такому обстоятельству

не обрадовались и выразили свой протест истошным визгом сигнальных гудков, неприличными жестами и отборной матерщиной. Но Руслан не обратил на чужое недовольство никакого внимания, продолжая нестись по встречной полосе. Впереди показался поворот.

– Ээээ, – начала я, в панике вцепляясь в ремень безопасности и пристегиваясь. – Ты бы убрался со встречки, а?

И тут из-за поворота показался грузовик, мчащийся нам ровнехонько в лоб. Мы в свою очередь летели на встречу большегрузу, который вот-вот должен был размазать нас по асфальту.

– Поворачивай! – закричала я. Но Руслан совершенно неменяемым немигающим взглядом смотрел вперед и даже не думал уходить в сторону. – Поворачивай!

Я уже схватилась за руль, но тут мою руку больно сжали и отбросили в сторону. А после... Визг тормозов. Скрежет металла. Руслан успел крутануть руль и уйти от столкновения в последнюю секунду, но при этом покорежил передний капот о боковину кузова грузовика. Бампер так и вовсе слетел, и остался валяться на дороге.

Я обернулась и увидела слетевшую в кювет легковушку, которая в попытке избежать столкновения с нашей, резко вильнувшей вправо машиной перелетела через отбойник у обочины, перевернулась и упала на крышу, оставшись лежать, словно сброшенная с шахматной доски фигура.

– Идиот! – заорала я и едва удержалась от желания заехать

ему в глаз. – Ты зачем на встречу выехал?

– Хотел проверить, такая ли ты крутая, какой себя показываешь, – пожал Руслан плечами и, начав сбавлять скорость, поехал уже спокойнее.

Я отцепилась от ручки двери, за которую схватилась в неосознанном порыве и попыталась вытереть выступивший на лбу пот. Не получилось, так как ладони тоже вспотели.

– Проверить, устроив аварию на дороге? – у меня тряслись руки, никак не получалось успокоиться, я оборачивалась вновь и вновь, пока сбитая машина не исчезла из поля зрения. – Из-за тебя могли пострадать люди. Нам нужно вернуться и проверить, все ли в порядке.

– Выживут, – безразлично проронил Руслан и потянулся к пачке сигарет. – Если не умеют управлять машиной, пусть сидят дома.

– Урод, – прорычала я. – Проверятьщик хренов! Если хотел узнать, у кого яйца крепче, надо было сделать это другим способом. При котором не пострадают те, кто не имеет отношения к нашим разборкам.

– Я делаю то, что считаю нужным, – Руслан выбил из пачки сигарету, сунул в рот и подкурил. – И что хотел – узнал.

– И что же ты узнал? – я откинулась на сидении и постаралась расслабиться. Мышцы во всем теле подрагивали от выброса адреналина, а сердце колотилось где-то в горле, и никак не хотело замедлять свой ход.

Зазвонил телефон. Кому-то вдруг понадобилось погово-

ритель с Русланом.

Парень неразборчиво ругнулся сквозь зубы. И озвучил неожиданную просьбу:

– Там, сзади, на сидении пиджак лежит. В кармане телефон. Достань, пожалуйста.

– Надо же, – притворно восхитилась я. – Ты знаешь слово «пожалуйста».

– Я много слов знаю, о каких ты даже не слышала.

– Не сомневаюсь, – буркнула я и, перегнувшись через сиденье кресла, полезла в сторону указанного места. Пиджак нашла быстро, телефон в его кармане – еще быстрее. Но к этому моменту, звонящему надоело ждать и звук оборвался.

– Слушай, – задумчиво протянула я, – а ты, оказывается, тот еще модник.

И подцепив двумя пальцами пиджак стала его рассматривать. Дорогая ткань, качественно простроченные швы, бешено популярный в последние годы фасон.

– Где ж такие деньги платят, что на столь дорогую одежду хватает? – и небрежно уронила пиджак на место, не особо заботясь о сохранности вещицы.

– Тебе не светит, – обернулся в мою сторону Руслан. – Хватит рыться в моих вещах, тебя не об этом просили.

– На дорогу смотри, – посоветовала я и глянула на вновь оживший аппарат. На экране высветилась надпись «Брат».

– Ух ты! – воскликнула я. – А вот и братец! Я надеюсь, у тебя только один брат.

И мазнув пальцем по сенсорному экрану бодро отрапортовала:

– Слушаю!

Судя по звуку, раздававшемуся в трубке, на той стороне поперхнулись. То ли от неожиданности, то ли от свалившегося на голову счастья слышать мой восхитительный голос.

– Фима? – растерянно спросил Седой.

– Я за неё, – ответила я, возвращаясь на переднее сидение. – Примерно последние лет десять.

– Какого черта! – заорал Сашка и нервно закашлялся. И радости в сдавленном кашле было маловато. Но голос у меня все равно восхитительный.

– Может тебе к врачу сходить? – заботливо посоветовала я. – Заодно нервишки проверишь, что-то они у тебя шалют в последнее время.

– Это потому что последнее время я общаюсь с тобой, – сдавленно отозвался Саня и снова начал кашлять. – Я чаем подавился.

– А мне запрещаешь! Раз мне нельзя, то и тебе. Так что, нечего чаи гонять на рабочем месте, пока твои сотрудники в полях последние ботинки до дыр стирают, – возмущенно ответила я.

– Что ты там стираешь? – мгновенно заинтересовался Сашка. А после вновь заорал: – И почему ты отвечаешь по телефону Руслана?

– О, вспомнил-таки про братца, – я глянула на парня, ли-

до которого напоминало засохший еще в прошлом столетии урюк – сморщенное и черное от злости. – Ему нельзя отвлекаться от дороги, потому что как показали недавние события, управлять транспортными средствами твоему родственнику строго противопоказано!

Из трубки вырвался тяжелый удрученный вздох.

– Что он сделал?

– Решил с судьбой в классики поиграть и заодно несколько человек на тот свет отправить.

– С тобой все нормально? – после некоторого замешательства спросил Сашка.

– Со мной отлично! Давно так не развлекалась! – иронично откликнулась я, ничуть не скрывая свои эмоции. – Потому что давно с психами в одной машине не каталась. А точнее никогда! Ты знаешь, незабываемые ощущения!

– Дай ему трубку, – мягко попросил Саня, но таким непрекращаемым тоном, что я быстренько сунула телефон Руслану.

Разговор длился недолго и суть его осталась для меня нераскрытой. Я хотела подслушать, но как только попробовала задействовать свои суккубьи навыки, как Руслан бросил на меня острый мимолетный взгляд и вокруг его головы образовалась едва заметка сфера. Она была словно живая, чуть подрагивала и переливалась перламутром. Но, что самое интересное, сфера поглощала все звуки. Я видела, как двигались губы Руслана, как он что-то весьма эмоционально вещал в трубку, но ни звука не слышала. Это было похоже на

то, как кто-то отключил звук у телевизора и осталась лишь картинка.

Заинтересовавшись происходящим, я протянула руку и ткнула пальцем в сферу. По ощущениям это была вода, подерживаемая в герметичном состоянии магией. Под воздействием моего пальца по поверхности сферы пошли круги от того места, где я ткнула. Но нарушить её целостность я все равно не смогла – пузырь лишь прогнулся, словно высокопрочный мыльный шар, а после вернулся в первоначальное состояние.

– Не может быть, – восхищенно прошептала я.

И тут сфера разлетелась на тысячи маленьких капелек, часть из которых осела на моей коже, волосах и одежде.

– Да что б тебя подняло и перевернуло, – зло прошептала я, вытирая обратной стороной рукава резко повлажневшее лицо.

В ответ Руслан лишь наградил меня покровительственной улыбкой и забросил телефон в бардачок.

– Он же просил дать трубку мне, – я проводила взглядом исчезнувшее мобильное устройство, которое Руслан зачем-то предварительно отключил.

– Откуда ты знаешь, ты ведь ничего не слышала, – усмехнувшись, заметил он.

– Не слышала, – согласилась я, – но хорошо знаю твоего брата.

– Не сомневаюсь, – я неожиданной злостью прохрипел

Руслан и машина вновь начала ускорять свой ход.

– Слушай, – мне опять пришлось искать, во что вцепиться, – я уже поняла, что ты у нас парень вспыльчивый. Но давай без бесполезного экстрима.

– Страшно? – презрительно скривился Руслан. – А я ничего не боюсь.

– Рада за тебя, – покивала я головой. – Но куда мы так мчимся, если исключить вариант, что на тот свет? И что сказал Сашка?

Парень помолчал, а после сдержанно ответил:

– Поддержал твою недавнюю инициативу.

Я поскребла ногтем лоб, старательно пытаюсь припомнить, с какими инициативами я давеча выступала и что мне теперь за это будет.

– Это какую?

– Найти мать третьего смертника, Белова, пока её на тот свет не отправили по примеру Крыловой и Глушко. Мы сейчас едем к ней.

– Что-то вы поздновато спохватились, – проворчала я.

– Не могли её найти, дамочка как сквозь землю провалилась. Но пока ты, задрав хвост бестолково носилась по городу, наш умный компьютерщик разузнал, куда делась женщина. Оказалось, что Белова уже две недели, как живет на даче своей знакомой. Там такие далекие связи, что если бы не наш сообразительный парень, то вряд ли бы мы успели познакомиться с женщиной при жизни. Если её, конечно,

еще не отправили к праотцам.

– Как ты элегантно определил возможную гибель важного свидетеля, – оценила я. – А по поводу, как ты выразился, бестолковой беготни, так я не в плену. Где хочу, там и бегаю. А за слезку можно и по ребрам огрести.

– Я не следил за тобой.

– Угу, – насупилась я, – не следил. Присматривал.

– Именно, – подтвердил Руслан. – И я согласен с тобой.

– В чем? – предполагая какой-то подвох, я с опаской отодвинулась от Руслана настолько далеко, насколько позволяло пространство передних сидений минивэна.

– В том, что тенденция ближайших родственников умирать наводит на мысли о том, что все сложнее, чем мы думали.

– Естественно, все сложнее, чем вы думали, – я закатила глаза. – Это стало очевидно в тот момент, когда я столкнулась с убийцей в квартире Крыловых. Буквально у свежего трупа.

– А потом сама же угробила единственного, кто мог внести хоть какую-то ясность в происходящее, человека, – передразнивая меня, произнес Руслан.

– Он был пойманным на месте преступления убийцей! И я пыталась вытрясти из него информацию, – у меня аж дух перехватило от возмущения. – Кто ж знал, что у него сердце слабое? В киллеры, знаешь ли, сердечников обычно не берут!

– Да ты его как кусок мяса едва не нашинковала! – весело воскликнул Руслан. – Мужик стал похожим на ситечко для заваривания чая – тоже одни только дырки!

– Окажись я на его месте, он бы тоже самое сделал со мной, – помрачнела я.

– Знаю, – мигом стал серьезным Руслан, перестав веселиться. – Но согласись, он был важным свидетелем.

– Он был обычным наемником, – отрезала я, – и не самым лучшим, раз попался. У него была возможность свалить из квартиры, пока я на кухне рассматривала труп. Но он по каким-то причинам этого не сделал.

– Возможно, твои прелести его заинтересовали, – Руслан скользнул острым взглядом по тем самым прелестям, которые в данный момент были надежно скрыты не самой презентабельной одеждой. – И он решил познакомиться с тобой поближе.

– Если только мужик был каким-нибудь начинающим ма-
ньяком или некрофилом, любящим сношать трупы, – меня передернуло от отвращения. – Но он не хотел меня в постельном плане, он хотел меня в плане кровавом. Да и все равно толку от него было хрен с гармошкой.

– Думаешь, он все равно не знал заказчика? – уловил ход моих мыслей Руслан.

Я неопределенно пожала плечами.

– Связь между наемником и заказчиком осуществляется через посредника, а то и через сеть посредников. Это обес-

печивает безопасность всем участникам – киллер не сможет сдать заказчика, если его поймают. А заказчик не сможет слить киллера, если все-таки его вычислят, как заинтересованное лицо. Первый не знает второго, второго не знает первого. Вся информация только у посредников, но, как ты понимаешь, они так же особо своими лицами не светят.

– Логично, – оценил Руслан.

– Почему ты сразу не сказал, что мы едем к Беловой? – решила я поинтересоваться, раз уж наше общение неожиданно обрело мирный оттенок.

– А почему ты сразу не спросила? – парировал парень.

– Как-то не до того было, – на меня вновь накатила жуткая усталость. Глаза начали закрываться, а рот – рвать зевота. – Пыталась не дать тебе угробить нас.

– Я бы не дал тебе погибнуть, – словно про себя проговорил Руслан. Но я услышала несмотря на то, что внезапно навалившаяся слабость уже захватила надо мной власть.

– Как трогательно, – пробормотала я, погружаясь в сон.

Ответа Руслана, если он вообще был, я не услышала. И только на последних секундах бодрствования промелькнула мысль – а почему меня так резко сморило? Конечно, усталость способа свалить и лошадь. Но в том-то и дело, что я – не лошадь, а магически одаренное существо нечеловеческого происхождения. И вот сейчас меня вдруг подкосила всего одна тяжелая неделя?

Возникло настойчивое желание проверить на месте ли

защитный кулон, сделанный ведьмой, и я даже попыталась поднять руку. Но что-то мягкое и теплое легко поверх моей ладони и настойчиво удержало. Сопrotивляться этой силе не я уже не смогла. И забылась в бархатных объятиях сна, окутавшего меня теплом и уютom.

Глава 50

Проснулась внезапно, как будто от толчка. Тело затекло от неудобной позы и болела шея. Я попыталась приподняться и что-то с шуршанием упало вниз, к моим ногам. Все еще плохо соображая я наклонилась вперед и нащупала рукой мягкую ткань. Плед. Руслан украл меня пледом. Мысленно удивившись такой заботе и отложив мягкое покрывало в сторону, я попыталась протереть глаза и включить мозг.

За время моего сна мир не подвергся кардинальным изменениям. Я по-прежнему находилась внутри минивэна, вот только он уже не ехал по трассе, а стоял припаркованным непонятно где. На водительском сидении было пусто, ключи в замке зажигания отсутствовали. Еле ворочая затекшими руками, я отстегнула ремень безопасности и буквально вывалилась наружу. Ноги с трудом удержали, предательски дрогнув.

Разогнув спину с таким стоном, как будто мне уже минуло две сотни лет я оглянулась по сторонам. Небо уже начало тускнеть, на мир опустились первые сумерки, окрашивая все вокруг в темно-серые тона, и лишь горизонт, подсвеченный остатками лучей покинувшего нас солнца, отливал оранжевым. Позади меня находились какие-то полудикие места – поля да луга, которые летом, наверное, радовали глаз своей природной красотой, но в это момент выглядели мрачно и

покинуто. Впереди раскинулась роща, усыпанная опавшей листвой. И как раз у начала узкой тропы, выющейся между деревьев и исчезающей где-то в глубине густых насаждений, мы и находились – я и безмолвный железный конь. И похоже это было на начало очень плохой истории.

Я передернула плечами. По открытой местности гулял холодный, пронизывающий до костей ветер. Да и в целом окружающий мир не казался гостеприимным. Наступление темноты предвещало сильное похолодание, да и ветер, судя по цвету заката, к ночи должен был только усилится.

– Замерзла? – совсем рядом раздался голос.

Я вздрогнула и обернулась.

Руслан стоял, небрежно облокотившись спиной о капот машины и попивал что-то из исходящей паром термокружки.

Хотелось ответить что-нибудь резкое. А еще хотелось отобрать у него емкость с напитком, который пах очень ароматно – цветочным чаем с нотками цитруса.

Вместо этого я обняла себя руками за плечи и спросила:

– Где мы?

Руслан сделал глоток, причмокнул губами, а после смерил меня взглядом.

– А я думал, огненные саганы не мерзнут. Разве ты не можешь сама себя согреть?

– И сжечь одежду? Нет, спасибо. Я не стану рисковать остаться голой ночью посреди поля в компании с таким со-

мнительным персонажем, как ты, – ответила я, надеясь, что Руслан не в курсе некоторых недавних событий, а также некоторых биологических особенностей огненных элементарей. Ну, не объяснять же ему, что я недавно потратила кучу сил на спасение полуженщины-полузмеи, натянувшей на себя снятую с бывшего босса шкуру.

– А я бы не отказался оценить твою фигурку, избавленную от всего этого отвратительного тряпья, – почти ласково мурлыкнул Руслан, отчего у меня глаза на лоб полезли. Он определенно пытался со мной флиртовать, но с чего бы? Еще вчера ненавистью исходил. – Хотя...нет. Не хотел бы. Смотреть все равно особо не на что.

А, нет, все нормально. Как был сволочью, так и остался.

– Знаешь, я с тобой тоже в баню не пошла бы, – парировала я, а после все-таки подошла и отобрала кружку, в которой еще оставался горячий, влекущий своим ароматом, чай. Руслан даже не шелохнулся, чтобы помешать мне покушаться на его собственность. Лишь уголок его губ дернулся в попытке сдержать рвущуюся улыбку.

– Еще раз, – напомнила я, – где мы и зачем мы здесь? Вернее, по каким закоулкам ты ползаешь мне не интересно. Поэтому перефразирую – зачем я здесь?

– По ту сторону этой рощи, – Руслан мотнул головой, указывая на сильно поредевший с приходом осени лиственный лес с немногочисленными вкраплениями вечнозеленых растений, – расположен дом, где безвылазно засела Антонина

Белова.

Мой мозг сразу же сгенерировал сотню вопросов.

– В таком случае, почему ты не подрулил непосредственно к этому дому, – решила я начать с самого очевидного, – а остановился здесь, на продуваемой всеми ветрами поляне, такой же унылой, как ты сам?

– Потому что к дому невозможно, как ты выразилась, подрулить, – спокойно пояснил Руслан в то время, как я с самым невозмутимым видом вернула ему уже пустую кружку. – Дом, где окопалась Белова стоит на краю густого леса. Идти через него до ближайшей автомобильной дороги больше суток. Справа и слева от дома – топкие земли. В трясину по горло уйти можно за пару секунд, они же окружают и эту рощу. Но по ней мы сможем выйти к убежищу Беловой меньше, чем за час.

Я оглянулась на эту самую рощу и по спине прокатилась волна холода, не имеющая никакого отношения к ледяному ветру.

– А откуда тебе известны такие подробности?

– Динку отправлял на разведку.

– Ааа, твоего духа, – я ощутила легкую зависть от того, что у меня не было такого же помощника. Огненным саганам подчинялись лишь саламандры, однако в настоящее время их днем с огнем не сыскать. Говорят, вымерли еще во времена последней войны, то есть, больше ста лет назад. – Кем она была при жизни? Русалкой?

– Не простой, – с гордостью произнес Руслан, – она принадлежала к королевскому роду.

– А у русалок есть король? – изумилась я.

Руслан прикрыл глаза рукой и застонал.

– Великая Богиня, какая же ты невежественная.

– Ну, извините коли чего не так, – начала кривляться я. – Мы люди простые, из народа. Особыми талантами, да знаниями не обремененные.

И пока Руслан продолжал изображать из себя опороченного моим присутствием великого гения, я задумалась. Что-то в словах парня меня напрягло, но вот что именно. Мысль металась, словно непослушный щенок, и мне никак не удавалось ухватить её за верткий хвост. Как вдруг...

– Руслан, а что ты знаешь о черных ведьмах? – ощущая, как нарастает внутреннее напряжение спросила я.

Однако парень не понял моего намека и продолжил стоять, расслабленно облокотившись о капот машины.

– Практически ничего, а что?

– А то, что у тебя есть все шансы узнать сегодня много нового для себя, – пробормотала я, пристально всматриваясь в промежутки между деревьями. И чем сильнее я всматривалась, тем меньше мне хотелось идти в эту рощу. – Почему ты не сказал, что Белова практикует черную магию?

– В смысле? – напрягся Руслан. Безмятежность из его облика быстро пропала, сменившись настороженностью. Он как-то весь подобрался, словно готовясь к отражению напа-

дения. Или к атаке. – Что значит черную магию? С чего ты взяла?

– С того, что именно черные ведьмы окружают свою территорию непроходимыми лесами и болотами, оставляя один-единственный путь к их убежищу, но и на нем неожиданных гостей ждут сюрпризы. Чаще всего, смертельно опасные. Так что, либо Белова – черная ведьма, либо она гостит у той, что практикует запретную магию. А это уже дает совершенно новую трактовку происходящим событиям.

Руслан выругался и, стукнув кулаком по кузову машины, полез внутрь.

– Как вы могли это пропустить? – поинтересовалась я у его спины.

Ответа не последовало, а потому я не поленилась и заглянула в салон.

Руслан сидел на заднем сидении ко мне затылком и копошился в чем-то шуршащем. В чем именно я за его широкой спиной разглядеть не смогла, несмотря на то, что старательно изгибала шею и косила глазами.

– С Беловой встретились и поговорили наши люди сразу же после гибели её сына, – заговорил Руслан, не глядя на меня. – Подозрений она не вызвала, вела себя, как и положено убитой горем матери. А потому не было никаких предпосылок устанавливать за ней слежку. У нас и так людей очень мало.

– Ну, да, – закатила я глаза, – целый батальон солдат – это,

конечно же, очень мало.

Руслан оглянулся и посмотрел так, словно сильно жалел об отсутствии кирпича под рукой.

– Не все ребята из части имеют к нам отношение.

– Ну да, ну да, – со всем возможным скепсисом в голосе покивала я. – И кто ж такой узколобый беседовал с Беловой?

– Я, – Руслан чем-то загремел, а после поднялся и развернулся ко мне. – И мои ребята, Артем и Гоша.

В руках парень держал что-то, очень сильно напоминающее гранатомет, только в более современной модификации. Я икнула и схватилась за спинку сидения.

– Что это? – постаралась я спросить предельно сдержанно, но голос предательски упал, так как в этот момент Руслан направил эту штуку на меня и с хищническим видом прицелился.

– Противодронная базука, – с гордостью произнес Руслан, ласково поглаживая оружие, – да ладно, расслабься, это не для тебя, а для ведьмы.

Я фальшиво улыбнулась.

– Ты правда думаешь, что против черной магии это работает?

– А что? Эта игрушка стреляет зарядами с сетью. Убить не убьет, а вот обезвредит точно, – и он снял базуку с плеча.

– Да нам и не нужно её убивать, – заметила я, – с трупами особо не поговоришь. А мне интуиция подсказывает, что Белова не спроста спряталась.

– Держи, – Руслан протянул мне два небольших клинка с обоюдоострыми лезвиями в ручных ножнах, – пригодятся.

Отказываться от дополнительного оружия я не стала, хоть и прекрасно понимала, что пригодится они мне могут исключительно в ближнем бою. Но вряд ли ведьма подпустит меня к себе близко, да еще и позволит воткнуть нож в сердце.

– Она же человек, я правильно понимаю? – увидев мое сомнение, переспросил Руслан с внезапным волнением. Я кивнула. – Ну вот, значит, и убить её можно, как человека. Эти кортики даже с вампиром справятся, а уж с какой-то дамочкой, так тем более.

– Это дамочка может нам с тобой голову так заморочить, что мы вместо нее друг друга поубиваем.

– Как?

Я пожала плечами и сняла куртку.

– Иллюзии. Или что-нибудь вроде ядовитых паров, – я начала крепить ножны к поясу. – Черные ведьмы практикуют магию, основанную на запрещенных знаниях. Подробности мне не известны, но ходят слухи, что они весьма кроваво-жадные. А магия на смерти – она очень сильная.

Я утомленно потерла ладонями лицо и оглянулась на Руслана.

– Ну что, идем?

Парень подняла гранатомет и двинулся к роще первым. Я следом, едва поспевая за его широкими шагами.

– Ты так и будешь идти с этой штукой? – спросила я, когда

мы ступили в рощу. Теперь приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не напороться на какую-то корягу или еще чего-похуже. От черной ведьмы любую пакость можно было ожидать.

– А куда мне её деть? – понизив голос, спросил Руслан. – В карман спрятать?

– Просто не надо было её с собой брать, – заворчала я.

– Поучи меня еще, – оборвал моё брюзжание парень, но у меня осталась еще куча незадаанных вопросов, так что, умолкать я не собиралась.

– А почему ты сказал про Артема и Гошу, что они твои ребята?

– Слушай, – вспыхнул Руслан, резко разворачиваясь ко мне. Я едва успела остановиться, чтобы не стукнуться макушкой о его подбородок. – Ты всегда такая любопытная?

– Нет, – кивнула я, – обычно я еще хуже.

– Как тебя только Саня терпит столько лет? – хмыкнул Руслан и пошел дальше.

Я пожалала плечами, а потом поняла, что парень этого жеста не видит и добавила:

– А у него просто выхода не было.

Руслан мягко ступал по тропинке, двигаясь размеренно, но быстро. Но из-за сгущающейся тьмы протоптанная дорожка становилась все менее видимой, что значительно замедляло наш темп. Я следовала за парнем буквально шаг за шагом, стараясь держать небольшую дистанцию, но при этом

не отставать. В этом заключалась моя тактическая стратегия – если на нас нападут спереди, то основной удар придется на Руслана, а если на его пути возникнет ловушка, то я успею затормозить прежде, чем меня утянет вместе с ним. При этом шагала я также очень осторожно, напряженно прислушиваясь и разговаривая практически полупшепотом.

– Так что там про твоих парней? – напомнила я, перепрыгивая через корягу.

После недолго заминки Руслан ответил:

– Брат рассказывал тебе о том, что бывшая команда Хасана подверглась реорганизации?

– Да, – припомнила я, – он что-то упоминал об этом. Но я не особенно слушала.

– Зря, – сообщил Руслан, – иногда полезно слушать взрослых умных дядей.

– Это ты только что на себя намекнул? – изумилась я настолько, что даже остановилась.

– И на себя тоже, – подтвердило это наглое существо с непомерно завышенным самомнением.

Я аж поперхнулась от возмущения.

– Слушай, ты, взрослый умный дядя, – быстро я догнала Руслана и вновь подстроилась под его шаг, – а что же ты тогда здесь такой умный и такой взрослый делаешь, а? А я тебе отвечу! Ты здесь потому, что вы всей толпой по-крупному облажались. И вообще, почему Сашка отправил к Беловой тебя? Почему не Игната-телепата?

Руслан резко дернул плечом, сбрасывая на землю гранатомет и одним смазанным движением развернулся ко мне. Я такой прыти от него не ожидала. И тем более, я не ожидала, что он, лихо схватив меня за грудки, приблизит ко мне свое искаженное злобой лицо и прошипит:

– Откуда ты знаешь про Игната?

Я подергала ногами, висящими в воздухе. Потом оценила силу рук парня, который не напрягаясь держал весь мой вес на согнутых локтях. А потом ответила:

– Так я же видела его в части.

– Что-то я не видел у Игната надписи на лбу «я читаю чужие мысли», так откуда ты узнала?

Я скривилась и постаралась отодвинуться от непонятно с чего взбесившегося сагана, но с тем же успехом можно было попытаться сдвинуть с места гору.

– Я почувствовала, как он пытался залезть мне в голову, – призналась я. – Все, теперь отпусти, ты мне куртку порвешь, а здесь ветер холодный.

Руслан дернул бровью, но руки отпустил. Я, ухнув, тяжело приземлилась на пятки.

– Как ты почувствовала? Телепатов никто не чувствует.

– Я чувствую, – я расстегнула курку и поправила задрывшуюся футболку. Руслан, с интересом проследил за моим движением. Мне его взгляд, вдруг ставший каким-то болезненным, не понравился, а потому я поторопилась дернуть застежку курки обратно и прикрыть все до самой шеи. – Я во-

обще многое чувствую. Может быть, поэтому я так остро отреагировала на тебя.

– Ну, у нас с тобой особый случай, – произнес Руслан с каким-то подтекстом.

– Да, твоя аура водного сагана вступает в конфликт с моей и начинается что-то вроде биоэнергетического противостояния.

– Судя по тому, что тебя едва откачали – я сильнее, – самодовольно усмехнулся Руслан.

– Может, еще линейку достанем и померяемся у кого длиннее? – предложила я с изрядной долей сарказма.

– Нет, – засмеялся Руслан, – нет смысла. И так очевидно, что мой агрегат покруче твоего будет.

– Да куда уж мне, убогой, – проворчала я.

Смеясь, Руслан поднял своё оружие, и мы продолжили путь. Молча. Однако вскоре кому-то молчать надоело.

– Организация, на которую мы сейчас работаем, делится на группы, которые чаще всего функционируют независимо друг от друга, но ради одной цели. Сейчас групп четыре, в каждой от трех до восьми человек. Одной из групп руковожу я. И именно перед моей группой была поставлена задача пообщаться с родственниками инициировавших взрывы парней. Игнат в мою группу не входит и мне не подчиняется, поэтому его с нами не было.

– И кто командует телепатом?

– Он подчиняется только Сане.

– Ясно. Значит, Сашка – идиот, – сделала я вывод.

Еще один не громкий смешок.

– Ты даже не представляешь насколько. Был бы умным, уже был бы здесь.

– Думаешь, сами не справимся? – я тревожно оглянулась вокруг. Уже полностью наступила ночь. Единственным источником света служила Луна, тонким серпом изогнувшаяся на небе в окружении россыпи звезд.

– Я справлюсь, ты – нет, – буднично заметил Руслан и отогнул особенно длинную ветку, придерживав её для меня, пока не пройду.

– Угрожаешь? – спокойно спросила я, благодарно кивнув за помощь. Странные у нас складывались отношения. Он меня откровенно ненавидел, а я – непроизвольно пыталась его понять.

– Нет, – Руслан обогнул меня и вновь зашагал впереди. Кажется, чем глубже мы уходили, тем гуще становилась роща. Тропки под ногами уже не было совсем. Мы просто шли вперед, петляя между деревьями. Вернее, шел Руслан. А я просто следовала за ним, словно бантик на веревочке. И кажется, именно такую декоративную функцию он мне и отвел в нашем предприятии. – Просто предупреждаю, чтобы ты держалась рядом со мной. И поменьше болтала.

Неожиданно даже для самой себя в душе колыхнулась обида, а за ней явилось желание утереть этому заносчивому любителю патриархата нос. «Ладно, красавчик, – сцепляя

зубы, подумала я, – еще посмотрим, кто из нас окажется бесплатным приложением».

И тут пришло оно.

Ощущение смерти.

Волоски на затылке мигом стали по стойке смирно, а сама я замерла, чувствуя, как невидимая глазу чужая магия прикоснулась к щеке и скользнула вниз, оставляя после себя липкий след, как если бы по мне проползли здоровенные откормленные слизняки.

– Стой, – негромко, но твердо приказала я, надеясь, что парень подчинится и не пойдет дальше. Ведь впереди затаилось что-то жуткое.

Руслан покорно остановился, развернувшись в мою сторону всем корпусом. И судя по его далекому от доброжелательного выражению лица, сделал он это только для того, что окатить меня ушатом холодного высокомерия.

– Ты что-то напутала, – оскалился он улыбкой голодного тигра, – приказы тут отдаю только я. А потому, если хочешь наладить коммуникацию со своим непосредственным командиром – сбавь тон!

– А ты, если хочешь жить, заткнись и стой на месте, – огрызнулась я, а после уже тише добавила: – Нас пытаются убить.

Передернув плечами от отвращения, я тяжело сглотнула возникшую во рту горечь, закрыла глаза и попыталась сосредоточиться, чтобы понять, где конкретно находится источник

ник воздействующего на меня колдовства.

Сделать это было очень трудно, ведь хотелось орать и топтать ногами в попытке стряхнуть с себя всю эту невидимую ползущую гадость. Но я понимала, что это будет мало того, что глупо, так еще и неэффективно. Ведь то, что в этот момент прикасалось к моему телу было не материальным и не имело собственной смертной оболочки. А потому просто так смахнуть эту дрянь было невозможно. Оно являлось порождением чужого разума, и чтобы избавиться от противных слизней необходимо было этот разум найти. И прикончить.

Громкий хруст в сопровождении мокрого чвакающего звука заставил меня непроизвольно вздрогнуть и распахнуть глаза. Я посмотрела на Руслана, который в этот момент смотрел себе под ноги, провалившиеся в какую-то яму.

– Что там? – стараясь не показать, насколько мне страшно спросила я.

– Кость, – глухо ответил парень. – Человеческая кость вместе с черепом. И кажется...

– Что? – мой голос упал до едва различимого шепота.

– Фима, это детская кость.

Глава 51

Он шагнул в сторону, поднял с земли изогнутую палку и стал раскапывать ею землю в том месте, где она провалилась под его немалым весом. Подходить к парню я не стала, а осталась стоять, наблюдая за его действиями со стороны.

Через пару минут интенсивного ковыряния в скупом свете молодой луны блеснула небольшая белая косточка, затем я увидела череп. Маленький детский череп. А после Руслан выбросил из ямы еще два. И еще...

Я физически ощутила, как мои глаза округляются до состояния блюдец, а дыхание становится поверхностным и учащенным.

– Руслан, – он остановился и взглянул на меня исподлобья. Мы поняли друг друга без слов.

– Да, – согласился он. – Это детское кладбище.

Не успел он договорить, как раздался вой. Неистовый пронзительный вой, от которого в ушах затрещало. Звук был похож на тот, с которым рвутся человеческие мышцы под когтями дикого животного. Желудок тут же подкатил к горлу, а во рту появилось что-то жидкое и теплое, с отчетливым привкусом металла.

Попытавшись зажать уши, я рухнула на колени. Внезапная слабость неподъемной железобетонной плитой придавила плечи. И, наверное, я бы отключилась, если бы что-то

острое не вонзилось мне в голень. Боль отрезвила и словно вырвала из того темного омута, который уже начал затягивать. Не раскрывая глаз, я встала на четвереньки и замотала головой, словно корова на лугу. Легче не стало, наоборот странный звон в ушах дезориентировал, а ощущение мокроты на шее наводило на мысли о ранении.

Рядом со мной кто-то негромко застонал. Узнав в этом стоне характерные для Руслана нотки, я поняла, что вой уже прекратился. Также внезапно, как и начался.

Сжавшись в позу зародыша, я подождала еще немного, а потом все же решила открыть глаза и осмотреться. Ничего не изменилось – та же обстановка средней паршивости, что и минуту назад.

Вот только...

– Руслан, – я рванула к лежащему на земле парню со всей резвостью, которую позволял бег на четвереньках. – Ты как?

Руслан не шевелился. И с трудом дышал. Рваные болезненные всхлипы сопровождались судорожными вздохами и вздрагиванием грудной клетки. Из носа текла тонкая струйка крови, которая на фоне землисто серого лица выделялась яркой черной полоской.

Времени на размышления не было, и я решила на еще одну процедуру передачи энергии. Вторую за последние сорок восемь часов, что было слишком опасно, ведь я давно не питалась, да и вообще делиться последними силами не хотелось. Но еще меньше хотелось остаться одной ночью посре-

ди угодий черной ведьмы.

А потому я начала действовать. Споро высвободила низ рубашки из брюк, зажала в кулаках её концы и рванула в разные стороны. Послышался треск разрываемой ткани, который сопровождали разлетающиеся в разные стороны оторванные пуговицы. И моим глазам предстала волосатая грудь Руслана.

– Ну, ты и медведь, – прошептала я, пораженная густотой его волосяного покрова. Не знай я, что он маг, заподозрила бы в нем наличие крови оборотня.

То ли Руслан пребывал в сознании и услышал мои слова, то ли ему просто было очень плохо, но он опять застонал. В этот раз его стон дополнился подозрительным бульканьем, а изо рта вырвался кровавый пузырь.

– Твою же мать, – а это уже я, склоняющаяся к лицу Руслана в попытке уловить наличие признаков жизни. А уловила признаки агонии.

Поняв, что больше медлить нельзя, я положила раскрытые ладони ему на грудь. Вдохнула, задержала дыхание, крепко зажмурилась и представила, как внутри меня, где-то на уровне солнечного сплетения формируется упругий ярко-желтый шар, наливаясь силой и энергией. Во второй раз за короткий промежуток времени делать это было очень сложно. От перенапряжения в голове запульсировала боль и лоб словно сдавило тугой повязкой.

Не имея больше сил терпеть эту боль, я силой мысли на-

правила сформированную энергию к своим ладоням. Шар, который ощущался маленьким теплым сгустком, тут же разделился на два и, подчиняясь мысленному приказу, рванул наружу. Приоткрыв веки, я лишь успела заметить золотое сияние, которое проникло в тело парня.

Едва последняя накопленная энергия покинула меня, как я тут же ощутила невосполнимую пустоту, которая темной дырой начала разрастаться в груди. Из меня словно вытянули стержень. И хотя умом понимала, что с физиологической точки зрения это невозможно, я как будто потеряла опору. Что-то очень важное, что поддерживало во мне целостность, пропало. И я начала разваливаться по кускам.

Захотелось лечь, свернуться в клубочек и заплакать. С трудом отогнав от себя это желание, я уже собралась выпрямиться. Но стоило мне пошевелиться, как рука Руслана ожила и с поразительной стремительностью оказалась на моем затылке, сжав так, что я вскрикнула. Мой крик был пойман губами Руслана, которыми он больно впился в мой рот, одновременно продолжая держать за затылок и не давая отстраниться.

Такое насилие с его стороны стало для меня неожиданно и резануло по сердцу – вопреки присутствующему между нами конфликту, я доверилась ему. Но секундная растерянность прошла, а ей на смену явилась злость.

Несмотря на оказавшуюся в железных тисках голову я смогла выгнуться и упереться парню коленом в грудь, соби-

раясь перекатиться на спину, а после перекинуть его через себя, сопроводив хорошим таким пинком под зад. Но Руслан разгадал мою стратегию быстрее, чем я успела приступить к её осуществлению. Перехватив мои руки в локтях, он легко и непринужденно сбросил мою тушку с себя, отправив на холодную землю.

– Ох! – падение вышибло из меня весь дух, но не успела я обрадоваться освобождению от домогательств, как тело Руслана оказалось поверх моего. Сильное, источающее ошущимый жар и настроенное на определенные действия тело.

– Свали с меня, ублюдок! – зашипела я и попыталась вырваться.

Руслан рассмеялся глубоким гортанным смехом, более подходящим для другого места. Места, где влажные простыни, приглушенный свет и запах свежего пота навевают самые пошлые мысли и вскрывают самые потаенные желания.

– Давно хотел это сделать, – плотоядно улыбнулся Руслан, и сжав запястья, завел мои руки за голову. – Ты ведь не помнишь меня, да?

– В каком смысле не помню? – я начала извиваться, пытаюсь высвободиться. Но он продолжал держать меня, причем с таким видом, как будто мои старания не доставляли ему никаких неудобств, а лишь веселили.

Мне показалось или в его глазах промелькнуло умиление?

– Если ты думаешь, что у меня с головой вдруг появились проблемы, – я пустила в ход ноги, попытавшись лягнуть сво-

его обидчика, – то из нас двоих провериться у психиатра надо тебе!

Руслан хмыкнул и переместился по моему телу ниже, усевшись всем своим немалым весом на мои бедра и тем самым уничтожив на корню мечты хорошенько брыкнуть его в крестец.

– Значит не помнишь, – утвердительно кивнул головой Руслан, словно в ответ на какие-то свои мысли.

– Слушай, – я прекратила возиться, тем более, что толку всё равно не было. Будь Руслан человеком, то уже давно отправился отдыхать в кусты, попой на ежевику, но он был таким же магом, как и я. И даже сильнее, потому как чистокровный, в связи с чем по уровню силы меня превосходящим. – Я понимаю, что на тебя в некоторой степени повлияла та энергия, которую я в тебя влила, но я сделала это не для того, чтобы ты потом меня в грязи извалял! К тому же, нет у нас времени на спонтанные игрища! Где-то тут черная ведьма колдунствует! И ты уже из-за неё пострадал, а на еще одну реанимацию у меня сил просто не хватит!

Последние слова я буквально прорычала ему в лицо, которое он склонял ко мне все ближе и ближе с каждым моим словом. По его глазам я видела – он пропустил мимо ушей все, чем я так старательно апеллировала к его разуму. И черная ведьма его не интересовала, а интересовали лишь мои губы.

– Что ты..., – начала я, но закончить не успела. Руслан

рванул вперед и лизнул мою губу.

– Ммммм, – он потерся щекой о мою щеку, словно большой игривый котенок. – Какая же ты вкусная. От тебя исходит тепло. Ты словно костер, разожжённый в темном холодном заснеженном лесу, а я – заблудший странник. Уставший, замерзший, потерявший надежду на спасение и вдруг наткнувшийся на драгоценный огонь, у которого можно согреться и спастись от диких зверей.

– Красивая... метафора, – в замешательстве пробормотала я, отворачиваясь в сторону, чтобы избежать прикосновений Руслана. И предоставила простор для других действий, чем он мгновенно и воспользовался, уткнувшись в изгиб шеи. Повозившись, он зарылся лицом в мои волосы, шумно дыша и втягивая в себя воздух с каким-то едва слышным блаженным постаныванием.

– Твой аромат сводит с ума, – горячие губы скользнули на мочку уха и обхватили её, слегка покусывая. – Он ничуть не изменился с того самого дня, как я увидел тебя впервые.

Жесткие пальцы обхватили мой подбородок и вынудили посмотреть ему в лицо. Увиденное не радовало – глаза болезненно блестели, вдоль линии волос выступила испарина, на щеках алел румянец. Он несколько раз судорожно облизнул губы, а взгляд его метнулся вдоль моего тела так красноречиво, что я невольно заерзала, ощущая, как под попой перекатываются мелкие камушки.

– Ты помнишь этот день?

Я тяжело сглотнула.

– Какой день? – свой осипший голос не узнала даже я сама.

Он перехватил оба моих запястья, сжав одной рукой, а другой нежно погладил мою щеку, пробежавшись костяшками пальцев по вдоль скулы. И начал рассказывать.

– В тот вечер мы пришли в паб «Дэззлер», – я произвольно вздрогнула, что не укрылось от Руслана, внимательно следящего за моим лицом и понимающего кивнувшего в ответ на мою реакцию.

Я знала это питейное заведение, очень хорошо знала. Под красочной вывеской, привлекающей всякий сброд на дешевую выпивку, скрывался зверинец – место, где оказывали услуги интимного характера. По сути бордель, куда приходили отдохнуть очень богатые и очень влиятельные люди. А вечера им скрашивали «лоты». В роли лотов чаще всего выступали люди с необычной внешностью и способностями. Их держали в неволе и продавали за деньги тем, кто готов был дорого оплачивать воплощение своих извращенных фантазий. Фантазии была разными и порой находящимися за гранью допустимого, вроде полового акта с оборотнем в полной звериной форме или групповухи с вампиршей. Организаторам подобных мероприятий удавалось каким-то образом подчинить тех, кто был намного сильнее и быстрее простого человека. Лоты превращались в рабов, обогащая владельца зверинца и медленно погибая в процессе жуткой эксплуатации.

Зверинцев в нашей стране имелся не один десяток. Сверхъестественные бордели были разбросаны по всей стране, соединяясь в единую сеть, которую, если верить витающим в определенных кругах слухам, контролировал один человек по прозвищу Тень. Никто не знал ни его настоящего имени, ни как он выглядел. И хотя всем причастным было бесконечно любопытно, кто же такой Тень, никто не стремиться узнать. Потому что Тень – хоть и призрак, но неугодные или неудобные для него люди с поразительной быстротой расставались не только со своими амбициями узнать запретное, но и с жизнью в целом. Никто не знал, кто такой Тень. Но после разговора с Радой в гостинице, я поняла – Тень всегда находился рядом со мной.

– Так вот, – продолжил Руслан. Он поелозил, устраиваясь на мне поудобнее с таким видом, как будто мы лежали не в ведьминской роще на холодной и противно мягкой земле, а находились на пикнике где-то на солнечной полянке. – Мы пришли в «Дэззлер». Я, Седой, Хасан и Рага. Накануне наша группа закончила одно сложное дело, на которое ушло много сил и времени. По правде говоря, никто не верил в успех, но судьба нам улыбнулась. Просто феерическое везение, которое мы с ребятами решили отметить. В «Дэззлер» нас пригласил Хасан. Я не знал, что это за место, да и ребята, судя оторопевшим лицам тоже. Один лишь босс загадочно улыбался и обещал нам «славный вечерок». Когда нас провели в VIP-комнату, где стояло два дивана перед задернутой

шторкой, я начал нервничать. Мне было всего восемнадцать лет, меня взяли поучаствовать в крутой операции, заплатив за работу просто космические по моим меркам деньги. Я хотел всего лишь напиться, потанцевать и снять какую-нибудь девчонку на одну ночь. Но оказавшись в той комнате я сразу понял – что-то не так.

Мы расселись на диваны. Кто-то из ребят шутил, кто-то заинтересованно осматривался, кто-то просто молчал. И лишь я чувствовал себя так, словно стоял на зыбучих песках. Меня начало слегка потряхивать. Я не мог понять, что со мной происходит и не мог оторвать взгляда от длинной тяжелой шторы. Я знал – то, зачем нас позвал в отдельную кабинку Хасан скрывалось именно за этим черным бархатным полотном. И вот, ткань волнующе зашуршала и тяжелыми складками осела на пол. За ней оказалось еще одно помещение, отгороженное от нас стеклянной стеной, а там... Там на постаментах стояли девушки. Красивые. Завораживающе привлекательные, разодетые словно куклы на праздник. И все разные. Высокая статная брюнетка с кожей такой бледной, что её можно было потерять на фоне белой стены. Худая угловатая, словно подросток, блондинка с короткой стрижкой, делавшей её похожей на мальчишку. Лишь высокие скулы, полные губы и раскосый, как у кошки разрез желтых глаз выдавали в ней представительницу слабого пола. И наконец, третья. Невысокая, с фигурой, состоящей из плавных изгибов и аппетитных выпуклостей. С гривой волос на-

столько ярко-рыжих, что казалось, будто у неё на голове полыхает костер. И с глазами, полными бессмыслия. Они смотрели, но не видели. И если в первой девушке чувствовалась покорность, а во второй – злость, то в третьей была пустота. Выражение безразличия застыло на её лице. Казалось, она даже не осознавала, где находится и не замечает цепей, сковавших её по рукам и ногам. Что было самым удивительным – она была единственной, кого заковали в кандалы.

Я тяжело сглотнула и отвернулась. Я не хотела смотреть на Руслана. Не хотеть слушать того, что он собирался мне рассказать. Не хотела... Я ничего не хотела. Даже дышать.

– И вот, когда мы вдоволь насладились увиденным зрелищем, – тонкие пальцы обхватили моё лицо, с силой сдавили щеки и развернули обратно, – вошел мужчина в деловом костюме и позвал Хасана. Вместе они вышли за дверь и о чем-то долго шептались. Оставшиеся ребята в это время начали откупоривать бутылки с коньяком, пробовать закуску, которую нам привезла молчаливая и прячущая свое лицо девушка. Едва она скрылась за дверью, мужики начали обсуждать её едва прикрытую униформой официантки фигуру. А я... я смотрел на равнодушную ко всему происходящему девушку, чей взор словно заледенел. И не мог оторваться. Чем дольше я на неё смотрел, тем хуже мне становилось. Я вдруг начал видеть мир её глазами. Эту окутанную тяжелым полумраком комнату, стены которой видели столько извращений и отвратительных сцен, что если бы могли кричать от ужаса, то во-

пили не останавливаясь. Этот чуть влажный воздух с примесью ароматных ноток, наполняющий помещение и вызывающий легкое головокружение вместе с эйфорией. Этот бархатный полог, напоминающий занавес в театре, поднятие которого каждый раз обозначало начало чего-то омерзительного, иссушающего душу, выпивающего последние остатки воли, покушающегося на самое ценное, что есть у человека – свободу. Эти мужчины, развалившиеся на диванах и креслах с видом хозяев жизни. Самодовольные ухмылочки, искривляющие губы, похотливые липкие взгляды, после которых хочется помыться, поглаживание и прикосновение к собственным интимным местам с многообещающим видом. Они не вызвали ничего, кроме рвотного позыва и предчувствия новых ночных кошмаров в добавок к уже существующим.

Порывисто вздохнув, Руслан рассеянно погладил мою щеку и продолжил:

– Когда открылась дверь и вошел Хасан, выражение его лица резко отличалось от того, с которым он сидел еще десять минут назад, рассматривая представших пред ним красоток. На место расслабленности и предвкушения пришли сосредоточенность и деловитость. Он быстро пересек комнату, подошел к стеклянной стене и уставился на рыжую девушку. Но не так, как смотрит мужчина на женщину – с желанием. А как исследователь, вдруг узревший поразившее его явление, о котором он слышал, знал, подозревал, но не надеялся когда-либо повстречать. Он пробормотал что-то вроде

«Ну надо же», а после радостно хлопнул себя по ногам. К нему подошел все тот же парень в костюме и спросил: «Так вы согласны?». «Конечно! Безусловно! Это просто невероятно!», – ответил Хасан практически с едва сдерживаемым ликованием. «Тогда пройдемте в мой кабинет и уладим все формальности», – предложил «костюм». Едва за ними закрылась дверь, как распахнулась другая – створка за стеклом, едва заметная, скрытая в углу. Вошли двое парней экзотической наружности одетые только в кожаные, обтягивающие словно вторая кожа, штаны и черные маски в половину лица. Руки до локтей были забиты татуировками со странными символами и у обоих на груди красовалось по выбитой красными чернилами волчьей морде. Они быстро подошли к рыжеволосой девушке и буквально стащили её с пьедестала. Лязгнули цепи. Девушка не сопротивлялась, казалось, она вообще пребывает не в этом мире. Когда её спустили на пол, она даже стоять не могла. И едва не рухнула на пол, но тут же один из парней подхватил её на руки. И вся троица покинула помещение. Вскоро Хасан вернулся. В настолько приподнятом настроении, что заказал еще выпивки и сообщил, что сегодня он всех угощает. Вскоре к нам присоединились танцовщицы, а с одной из оставшихся двух за стеклом девушек через время уединился Хасан. Празднование затянулось до утра и когда мы покинули «Дэззлер» уже начал светлеть горизонт. Я пришел домой, уставший и пьяный повалился на кровать с мечтами о глубоком и долгом сне, но так

и не смог заснуть. Ворочался с одного бока на другой и никак не мог выкинуть из головы образ рыжей девчонки. Едва я только прикрывал веки, как она вставала передо мной – поразительно хрупкая и беззащитная. Вызывающая такую тоску в сердце, что хотелось выть как брошенная собака. Все мое естество кричало о том, что ей не место в том притоне, что её надо спасти, защитить, украсть, спрятать. И никогда никому не показывать. Запереть это сокровище, чтобы ни с кем не делиться и подарить ей всю свою любовь, всю свою нежность. Вся эта гамма чувств, клокочущая в моём сердце была настолько неожиданной и несвойственной мне, что я растерялся. Мне хотелось действовать и в то же время, казалось, что я схожу с ума. Что все это мне приснилось или было порождено пьяным мозгом уставшего, несколько суток не спавшего человека. Наконец, измученный и вымотанный собственными мысленными метаниями, я уснул. А проснулся от требовательного звонка в дверь. Едва отодрав голову от подушки, я направился в прихожую. Отворил дверь и увидел своего брата, злобно тыкающего в кнопку звонка. После недолгой ссоры, в процессе которой мне сообщили, что я проспал больше суток и что Хасан срочно хочет нас видеть, я быстро натянул штаны и футболку, пригладил волосы и прыгнул в машину. Пока ехал в офис к боссу, который на самом деле был большим частным домом, терялся в догадках – зачем Хасан объявил общий сбор? То, что он позвал меня тоже было странным и наводило на определенные

размышления, ведь я не входил в основной состав его группы и изначально сотрудничал на условиях разовой подработки. Но что-то мне подсказывало, какой-то тихий интуитивный голосок, что сегодняшняя встреча связана с событиями в «Деззлере». Наконец, я добрался, заехал на территорию дома. Следом за мной зарулил Саня. Я дождался брата, вместе мы вошли в дом и направились в кабинет к Хасану. Старый волосатый хрыч сидел в своем роскошном кожаном кресле и, попивая виски, смотрел что-то на компьютере. Как только мы вошли, он радостно поприветствовал нас и это было настолько не в его характере, что даже испугало. Он позвал нас к себе и, обойдя огромное, похожее на трон, кресло, я встал за его спиной так, чтобы видеть монитор компьютера. «Полюбуйтесь», – сказал Хасан и указал на экран, где велась трансляция с камеры наблюдения, установленной под потолком в одной из комнат дома. В поле зрения камеры находилась двуспальная кровать, тумбочка и окно. И все. «На что смотреть?», – спокойно спросил Сашка. Он всегда был непробиваемо спокойным, даже, когда ему приставляли к голове пистолет. «На неё», – восторженно прошептал Хасан и подался вперед. В этот момент в комнате что-то загорелось. Слепяющим бело-желтым столбом пламя взметнулось к потолку и на краткий миг перекрыло обзор камеры. Когда огонь развеялся, я увидел девушку. Скрючившись в жалкий комочек, она сидела на полу и раскачивалась из стороны в сторону. Казалось, она находилась в каком-то трансе

и все бы ничего, но вот её волосы... Они горели, полыхали как самый яркий в мире костер, языки которого шевелились словно живые. Создавалось впечатление, будто огонь живой, он зол и плюется искрами. «Мой маленький огонек, – причмокнул Хасан губами. – Вот, кто поможет мне. Уж эта за всех отомстит». В его словах было столько восторга, предвкушения и упоения, что у меня внутри образовался слизкий ком, которому тут же захотелось вырваться наружу. Я вновь перевел взгляд на экран монитора и едва обомлел. Девушка больше не горела. Она стояла не шевелясь, и не моргая смотрела в камеру. Рыжие волосы больше не горели, они рассыпались по тонким, чуть подрагивающим плечам. Это была она. Вчерашняя девушка. «Зачем тебе эта шлюха?», – безразлично спросил Сашка. «Она не шлюха, – покачал головой Хасан. – Булат сказал, что она недавно к ним попала. Подробности раскрывать не захотел, но сообщил, что на продажу её выставили впервые». «И что? – поморщился Сашка. – Тебе надоело менять девиц, и ты решил обзавестись постоянной игрушкой?». «Седой, ты не такой глупец, каким хочешь казаться, – спокойно заметил Хасан, все еще неотрывно следя за девушкой. – Ты же понял, кто она». «Понял, – кивнул Саня. – Но еще я увидел, что она не обучена. Не умеет контролировать свои эмоции и, следовательно, свою силу. В «Дэзлере» её держали на транквилизаторах, но такая терапия через пару месяцев превратит её в овощ». «Я не буду колоть ей химию», – самодовольно заявил Хасан. «Хочешь

её обучить? – округлил глаза Сашка. – Она уже взрослая! Сколько ей? Семнадцать? Восемнадцать?». «Шестнадцать, – ответил Хасан. – Если верить документам». «Все равно, – не успокаивался Саня. – Для таких, как она – это очень поздно. Ты знаешь, во сколько их начинают обучать контролю? С трех лет!». «Она не просто огненный элементаль, Седой, – Хасан развернулся к нам лицом, не вставая с кресла. – Она полукровка. Мать – суккуб, отец – саган. И что самое увлекательное – она владеет способностями обоих родителей. Она одновременно и суккуб, и саган». Мы ошарашенно уставились на босса, не веря услышанному. Ведь это величайшая редкость, когда полукровки в полной мере наследуют способности как отца, так и матери, принадлежащих к разным видам. Удостоверившись в нашем полном изумлении, Хасан крутанулся обратно к монитору. «Суккубы, надо же, – выдохнул Саня, прищуривая глаза. – Не думал, что когда-либо встречу с одной из них». «Да, скрытные девушки, – согласился Хасан. – Но захочешь жить свободно и по своим правилам, не только прятаться научишься». «Она несовершеннолетняя, – резонно заметил брат. – Её будут искать – родители или другие родственники. А мы не можем удерживать её здесь. Придется либо круглосуточно дежурить возле неё с огнетушителем, либо она нам весь дом спалит». «Нет, – Хасан удовлетворенно вздохнул. – Я же сказал, она – идеальный вариант. Родителей у неё нет, как нет и прошлого. Её никто не ищет и что самое главное, девчонка сама не знает,

кто она такая. Помнит только последние несколько лет своей жизни. Булат сказал, что её держали в какой-то полулегальной лаборатории в качестве подопытного кролика. Но ключом прощелкали, и она сбежала. Ребята Булата вышли на неё случайно. Пришел какой-то пацан и сказал, что за небольшую сумму может рассказать, где найти юную красотку со странностями. Они прихватили её прямо на улице, лишь потом выяснив, что она – суккуб. К тому моменту девчонка уже находилась на грани истощения, но не из-за отсутствия обычной еды, а потому что давно не питалась. Причем, она осознавала, что погибает, но есть отказывалась. Они уже и не знали, что с ней делать, а потому даже обрадовались, когда я предложил выкупить её». «Ей нужен мужик», – подвел итог Седой. «Да, но вот, что поразительно, – Хасан задумчиво потер подбородок, – она ни разу не имела сексуально контакта». «Как она выжила?», – нахмурился Саня. «Загадка, – пожал плечами Хасан. – У Булата есть теория. Говорит, что его медик нашел в её организме следы какого-то неизвестного синтетического гормона. Ей что-то кололи, возможно, испытывали на ней какие-то препараты». «Отлично, – не скрывая своего неодобрения подвел итог Саня, – В нашем распоряжении подобного препарата нет, а это значит, что нам понадобится не только огнетушитель, но и один-два десятка мужиков, из которых она сможет тянуть энергию». Хасан молчал. Но Саня продолжал настаивать: «Ты понимаешь, что обзаводишься хронической головной болью?». «Я смогу держать

её в узде», – уверенно заявил Хасан. «Суккуба, чья и так от природы нестабильная натура разбавлена не менее нестабильной магией огня? – с насмешкой переспросил брат. – Ты не хуже меня знаешь, что огненные элементарии неуправляемые, непредсказуемые и себе на уме. Одна неконтролируемая вспышка ярости – и весь дом летит ко всем чертям, прямо на встречу к загробной жизни». «Она сможет разнести больше, чем этот дом, я в этом уверен», – с восхищением произнес Хасан. «Ты уже все решил», – понял Седой. «Да», – подтвердил босс. «Но учти, с девчонкой возиться будешь сам. Не знаю, как ты с ней справишься, но я тебе в этом не помощник», – заявил Сашка категорично и твердо. «А вот теперь смотри внимательно», – приказал Хасан, и мы все трое устремили свои взгляды на экран. Даже брат заинтересовался, хотя продолжал старательно делать вид, насколько ему безразлично происходящее с рыжеволосой. А происходили там впечатляющие события. Девушка больше не стояла перед камерой, она вновь сидела посередине комнаты, прижав к груди колени. Глаза её были закрыты, а руки крепко стиснуты в кулаки. В этот момент она была похожа не на то опасное и непонятное существо, которое так живописно описал Седой, а на маленького зверька. Зверька, который отчаянно пытался забиться в свою маленькую уютную норку, но не успел – охотники схватили его за шкурку и сунули в клетку. И теперь дальнейшая судьба зверька была неизвестна. Что с ним сделают? Сдерут заживо шкурку, чтобы пу-

стить на шубу? Начнут ставить опыты? Или просто замучают для получения удовольствия от боли беззащитного существа? Судьба тех, кто слабее, тех, кто не может себя защитить – незавидна в мире человеческой ненависти, злобы и жажды наживы. И вот сидит зверек на полу, в ожидании своей судьбы. Судьбы, которую ему придется принять вне зависимости от тех ужасов, что ждут впереди, замерев от сковавшего тело страха. А может просто смирился?

Тут дверь в комнату медленно открылась. Стоящего на пороге было не видно, камера не захватывала этот угол целиком. Но вот мгновение – и посетитель сделал шаг вперед. Сразу стало понятно, что это мужчина - широкие плечи, мощное туловище, огромные руки. Парень больше походил на эволюционировавшего медведя, чем на человека – слишком впечатляли его физические данные. Он двигался медленно, вразвалочку и напоказ лениво. Хотя стоило присмотреться, как становилось очевидным его притворство. «Ты приволок сюда оборотня?», – изумленно спросил Саня. «Не просто оборотня, – уточнил Хасан, с громким смешком. – Парень из клана медведей. Знаешь, почему их даже волки опасаются?». Брат ответил удрученным кивком головы. «Потому что в животной форме их практически невозможно убить. И ты решил натравить медведя-оборотня на девчонку, которую только пару часов назад вытащили из притона, где продавали, как товар? Ты в своем уме?». «Это всего лишь провокация, – пожал плечами Хасан. – Хочу проверить, на

что она способна». «Не боишься, что твоя игрушка сломается еще до того, как ты начнешь ею играть?» – брат был недоволен и не скрывал этого. «Как ты думаешь, зачем я вас позвал? – иронично поинтересовался Хасан. – Уж точно не для того, чтобы устроить вам бесплатный сеанс домашнего порно». Сашка хотел что-то ответить, но Хасан прервал его движением руки. В это время события на экране начали развиваться стремительно. Громадина подошел к девушке, одной рукой схватил за шею и вздернул на ноги. Не успела она распахнуть глаза, как её тут же грубо швырнули на постель, ударив спиной об один из декоративных столбиков, которыми был украшен каркас кровати. Красивое, но бледное лицо исказилось гримасой боли. Но дав ей времени, чтобы опомниться, парень вцепился в тонкую лодыжку и дернул на себя, оказавшись между её бёдер. Навалившись на хрупкое тело сверху, он начал жадно шарить руками по телу отчаянно сопротивляющейся жертвы. Девушка изо всех сил попыталась его оттолкнуть, но силы были не равны. В какой-то момент она закричала, но звук в видео отсутствовал, а потому мы лишь догадывались о крике, глядя на испуганное лицо, с перекосенным ртом и широко распахнутыми глазами. Видимо, чтобы заглушить звук, оборотень схватил её за горло и начал душить. Большие зеленые глаза стали еще больше, а руки начали судорожно шарить в воздухе, словно пытаясь за что-то ухватиться.

«Хватит! Останови это!», – не выдержав, заорал Седой,

хватая Хасана за отворот пиджака. «Сейчас, – шептал босс с совершенно безумным лицом, – сейчас все будет. Смотри! Она изменилась!». В девушке действительно произошли быстрые и отчетливые изменения. Она больше не напоминала подцепленную и вырванную из естественной среды обитания рыбу. Её лицо застыло, а взгляд остановился. Она смотрела в глаза своему противнику и больше не боялась. С легкостью убрал его руку от своей шеи, теперь уже она вцепилась пальцами в его челюсть. Парню это явно не понравилось, и он попытался применить силу. Сила была внушительной – в виде пудового кулака, летящего в голову девушки. Но она легко и грациозно уклонилась, улыбнулась и ... загорелась. Вспыхнула так легко, словно была не человеком из плоти и крови, а деревом, облитым бензином. Её волосы ожили и стали напоминать змей, что шевелились на голове медузы Горгоны. Единственная разница между ними заключалась лишь в том, что эти «змеи» представляли собой языки пламени ярко-желтого цвета. Радужку глаз девушки залило оранжевой лавой, которая казалась настолько ослепительной, словно кипела и бурлила. А кожа засветилась изнутри, как если бы она проглотила солнце.

Зрелище мгновенного преобразования завораживало и пугало одновременно. И оно стало катализатором бури смешанных чувств – с одной стороны страх подталкивал уничтожить угрозу, которая в этот момент с видом естествоиспытателя ломала кости мужчине крупнее и сильнее себя в

десяток раз. А с другой – хотелось любоваться ею, как любишь стихией. Ощущаешь её мощь, превосходство, несокрушимую власть и при этом восхищаешься чистотой и яростью силы природы, на фоне которой ты – щепка в штормящем океане.

«Она его убьет, – будничным тоном заметил Седой. – Будешь смотреть? Или сделаешь что-то?». «Я уже делаю, – подался вперед Хасан с выжидающим видом. – Я даю ей новую жизнь». А дальше...

– А дальше она убила его и сожгла тело, – оборвала я это занимательное повествование, которое потоком лилось из Руслана, решившего примерить на себя роль Оле Лукойе. Для полного сходства лишь зонтика не хватало. – Я в курсе. Я была там.

– Конечно, была, – начал Руслан, – ведь ты...

– Заткнись, – грубо оборвала я его на полуслове. Но не потому что не хотела слушать его рассказ, развязка которого мне была известна лучше других. А потому, что услышала то, что заставило задержать дыхание.

– Что?

– Заткнись, – повторила я. – Слышишь?

Руслан насторожился и оглянулся назад.

– Звук, – произнес он наконец. – Похоже на стук копыт.

– На приближающийся стук копыт, – уточнила я, понизив голос до шепота. – И кажется, лошадь не одна.

– Намекаешь, что где-то здесь, в окруженной болотами ро-

ще, водится стадо диких лошадей? – скептически вздернул бровь Руслан.

– Диких..., – эхом повторила я. Что-то в этом слове зацепило меня. Что-то не хорошее. Опасное. Темное. – Диких.

– У тебя помутнение рассудка или просто слово так понравилось? Если хочешь, могу подарить тебе большой энциклопедический словарь – там ты найдешь много новых для себя слов, – с очаровательной улыбкой пропел Руслан.

И тут что-то щелкнуло у меня в голове. Паззл сложился.

– Собака.

– Какая собака? – не понял Руслан.

– Собака, которая выла, – я медленно повернула голову и внимательно посмотрела на парня. – Что ты знаешь о Дикой охоте?

Глава 52

– Дикая охота? – недоуменно переспросил Руслан. – Призраки из скандинавской мифологии?

– Кто считает их призраками, кто-то – гостями из параллельных миров. Но главное здесь другое – кем бы они ни были, раз в год группа всадников на вороных конях выходит на охотничий гон. Дикая охота длится три дня и три ночи, в течение которых всадники носятся по нашему миру и убивают всех, кто попадает на пути, собирая человеческие души. Они называют это Жатвой – ритуальное действие, несущее для них какой-то сакральный смысл. Некоторых людей они не убивают, а забирают в плен, как трофейную добычу.

– Бред какой-то, – пренебрежительно поморщился Руслан.

– Не бред, – я была предельно серьезна.

– Хорошо, не бред, – со вздохом согласился парень, явно делая мне одолжение. – Просто детская сказка, которой ты решила меня отвлечь, чтобы уйти от основной темы разговора.

– Основная тема разговора была так себе, – быстро заговорила я. – Да, я убила человека. Да, я была не в себе. Да, Хасан специально подстроил все это, чтобы держать меня потом на коротком поводке.

– Он шантажировал тебя этим?

– Молодец, догадливый, – не удержалась я от сарказма. – Но сейчас главное не это, а то, что сюда мчится кавалькада потусторонних охотников, которые нам с тобой головы снесут!

Мой голос повышался с каждой фразой и последние слова я едва ли не проорала, с трудом сдерживаясь, чтобы не перейти на панический вопль.

Но Руслан лишь загадочно улыбнулся, а после обнял мое лицо ладонями, склонился к губам и прошептал:

– Я никому не позволю снести твою прекрасную головку, хотя бы по той простой причине, что у меня на тебя большие планы, – он плотоядно ухмыльнулся. – Я знаю, что ты пытаешься изображать из себя бесстрашного наемника, у которого яйца стальные и каждое размером с кулак. Но на самом деле, ты как была маленькой испуганной девчонкой, так ею и осталась. И я это вижу. Вижу этот не проходящий страх в твоих глазах. Тебе страшно. Постоянно. Двадцать четыре часа в сутки. Ты живешь с этим страхом всю жизнь. Ты научилась с ним жить. Обманывать себя и даже иногда обманывать других. Но меня ты обмануть не смогла.

– Чудно, – сдержанно выдохнула я ему в лицо одновременно просчитывая, в какую сторону удирать, когда места нашего спонтанного «пикника» достигнут охотники. Судя по цокоту, группа охотников двигалась с востока и двигалась очень быстро. – У нас от пяти до десяти минут для того, чтобы найти нору поглубже и забиться в неё.

Руслан отстранился, смахнул со лба волосы и взглянул покровительственно:

– Я смогу защитить тебя. Особенно после того, как ты влила в меня столько, – он закатил глаза и с наслаждением шумно втянул в себя воздух, – энергии. Меня переполняет сила. Сила, эмоции, мысли – все обострено и накалено до предела. Я чувствую себя лучше, чем когда-либо. Такая... эйфория. Будь здесь море – я бы вскипятил его! Думаю, это влияние твоей силы. Так что, мне сейчас даже сам черт не страшен!

– Не сможешь ты меня защитить, – я была уверена в этом. – Ты даже себя не сможешь защитить. Знаешь, почему? Потому что они сильнее. Вот так, всё просто.

– С чего ты вообще взяла, что это правда? Дикая охота – просто миф, а даже если и не миф, то этот звук может быть вовсе с охотой не связан.

– Угу, местные селяне решили покататься ночью под Луной на телегах, – процедила я, имея огромное желание треснуть парня по макушке, чтобы сместившиеся извилины на место встали. Но он продолжал удерживать мои руки и давить всем своим немалым весом.

– Как вариант, – пожал плечами Руслан.

– Собака, – напомнила я. – То, с чем мы столкнулись. Это была собака. А тот вой, который едва не взорвал мои барабанные перепонки, означал начало Охоты. Если верить поверьям, охотничью кавалькаду, сопровождаемую дикими пса-

ми, возглавляет король или королева сидхов. Думаю, животное принадлежит тому, кто ведет охоту сейчас. И еще.

– Что?

– В свиту Дикой Охоты входят ведьмы. А мы сейчас на территории одной из них.

Руслан замер и уставился на меня так, словно увидел впервые.

Топот копыт был уже совсем близко.

– Бежим! – гаркнула я.

Руслан подхватился одним смазанным движением. Моему сильно ослабшему и затекшему телу потребовалось гораздо больше времени, чтобы подняться с сырой земли. На самом деле, шевелилась я со скоростью, над которой посмеялась бы даже улитка. Меня шатало, коленки подгибались, а сделав шаг, я едва не свалилась обратно. Но не успела осознать неизбежное, как меня подхватили на руки и прижали к груди. Я протестующе пискнула, но быстро уткнулась в грудь Руслана, прекрасно понимая, что без его помощи мне не обойтись. А потому обняла его руками и ногами, словно маленькая дикая обезьянка, и задышала глубже.

Откуда-то сверху раздался понимающий смешок, и парень сорвался на бег.

Бежал он легко несмотря на отягощение в лице той, которая цеплялась за его одежду словно за спасательный круг. И все равно Руслан был недостаточно быстрым, хотя я чувствовала по напряжению его мышц, что движется он с мак-

симальной скоростью. Это дало нам небольшую фору, и все же, кавалькада продолжала приближаться. И проблема была не только в том, что мы оказались на пути следования Всадников. А в том, что они нас заметили и теперь преследовали именно нас. Мы стали добычей. И по всем законам охоты нас теперь загоняли словно зайцев.

– Мы не сможем оторваться, – проговорила я ему в ухо, следя за мелькающими желтыми огоньками между деревьев за спиной Руслана.

– Сможем, – на выдохе бросил упрямый парень и попытался бежать быстрее.

И это стало его главной ошибкой, так как земля вдруг резко пошла под уклон.

Не споткнись он тогда, все могло бы быть иначе.

Полетев вниз по склону, Руслан, конечно же, прихватил меня с собой. Упали мы вместе, я – спиной вперед, Руслан сверху. Я невольно вскрикнула, приземлившись поясницей как раз на камень, а вот моему носильщику повезло больше – он улегся ровнехонько на меня, что значительно смягчило падение. Но разлеживаться было некогда. Оттолкнув от себя незадачливого бегуна, бормочущего себе под нос заковыристые ругательства, я заковыляла вперед.

– Эй! Ты куда? – полетел мне в спину громкий шепот. – Стой, твою мать!

Ждать было некогда, тем более, что в беспросветной тьме вдруг забрезжил свет. Не только свет надежды выбраться жи-

выми и по возможности целыми из этой передраги, но и самый настоящий электрический свет, пробивающийся сквозь плотно задернутые шторы в окнах обозначившегося впереди дома.

– Это что, дом ведьмы? – зашипел мне на ухо Руслан, хватая за локоть и отталкивая себе за спину.

Я прикусила губу, чтобы не застонать от боли. За прошедшие сутки я столько раз падала и поднималась, что все мое тело было похоже на один большой синяк.

– Ты мог бы меня не таскать с места на место, словно старое кресло? – яростно зашептала я, пытаюсь отцепить от своей руки пальцы Руслана, но он держал крепко, а мои на мои попытки освободиться отреагировал взглядом, в котором читалась раздражительность пополам с осуждением.

– Не надо на меня так смотреть, – не выдержала я, непонятно отчего чувствуя себя виноватой. – Я не твой домашний питомец.

– Я никогда и не считал тебя таковой, – с полной серьезностью в глазах ответил Руслан. А после повернулся к старому дому, который стоял в центре перелесья, окруженный ровным рядом деревьев. Таким ровным, словно деревья специально высадили таким образом.

В темноте ночи очертания дома были едва различимыми. Даже мне, с моим зрением суккуба, приходилось сильно напрягать глаза. Дом словно расплывался в воздухе и становился более видимым только если смотреть на него боковым

зрением. То ли это была черная ведьминская магия, то ли какая-то оптическая иллюзия – непонятно. А может быть и то, и другое вместе. Но если бы не горящий в окне свет, мы бы никогда его не заметили. И просто прошли мимо. Или пробежали. Однако сейчас, в крошечной тьме, не заметить мерцающие очертания подсвеченного окна было просто невозможно.

– Нас ждут, – наши с Русланом мысли двигались в одном направлении. – Идем?

– Обитель черной ведьмы или встреча с дикими всадниками? Кажется, выбор очевиден, – решила я и мы вышли из-за деревьев, ступив на перелесье.

И тут сильный порыв ветра, ударивший в спину, едва не сбил меня с ног, отбросив растрепавшиеся волосы на лицо. Интуиция завопила – это они, всадники.

Пошатнувшись, я смахнула с глаз свои лохматые, а также благодаря стараниям Руслана, грязные пряди и оглянулась назад. Внезапно поднявшийся сильный ветер выл, трепал одежду и кружил вокруг нас пыль и частички грязи. Но несмотря на необходимость прищуриваться и закрывать лицо руками, не изумиться от увиденного было невозможно.

Первым прямо в нашу сторону мчался предводитель. За ним выстроившись клином, подгоняли щелчками хлыстов своих лошадей его спутники. В том, что все они были мужчинами сомнений не имелось – высокие, что было очевидно даже в положении сидя, широкоплечие, крупные. А вот лиц

было не различить – вместо них скопление тьмы под капюшонами. Лошади под всадниками были все как одна иссиня-черные и также, как и всадники, не отличались скромностью габаритов. Привычные нам одомашненные лошади рядом с ними показались бы миниатюрной копией, чем-то вроде носорога рядом с бронтозавром. Глаза оседланных животных наводили не меньший ужас, чем скрытые под черными плащами лица их хозяев. Они были кроваво-красными и бешено вращались в глазницах. Из огромных пастей животных хлопьями срывалась белая пена, которая опадала наземь и тут же начинала шипеть и пузыриться, словно кислота.

Между нами и всадниками оставалась всего какая-то пара метров, когда Руслан схватил меня за руку и дернул на себя.

– Держись за меня! Крепко! Очень-очень крепко! – проорал он мне на ухо, перекрикивая ветер и прижимая к себе одной рукой, а другую выставляя вперед.

Я не успела ничего ответить, потому что всадники уже были прямо перед нами. Их лидер резко притормозил неистовый бег дикой кавалькады, подняв своего вороного коня на дыбы. Оглушающе страшно заржав, животное забило копытами в воздухе. А я ощутила на своем лице чужой пристальный взгляд. От него хотелось отмахнуться, как от назойливой мухи, кружащей над головой и раздражающе жужжащей. Но все та же неутомимая и везде сующая свой нос интуиция подсказывала – отмахиваться не стоит. Всадники не те, с кем можно справиться мухобойкой.

А Руслан, тем временем, пришел к выводу, что настало его звездное время. Парень застыл и как-то резко похолодел, отчего мне на мгновение показалось, будто он превратился в статую, и теперь я прижимаюсь к бездушному гладкому камню. Вытянутая вперед рука дрогнула, пальцы сжались в кулак и его тело начала бить крупная дрожь.

– Что ты?... – начала я, и мгновенно заткнулась, так как в лицо мне полетели комья земли и камешки размером с половину моей бестолковой головушки. А все потому, что земля начала расползаться в сторону, образуя пролом, отделивший нас с Русланом от всадников.

Последних произошедшее не удивило – охотники продолжали безмолвно и неподвижно сидеть, крепко удерживая в затянутых черными перчатками руках поводья. В отличии от лошадей, которые нервно переступали с ноги на ногу и били копытами по земле с оглушающим ржанием, вклинивающимся в рёв ветра. Все вместе это напоминало кошмарную оперу.

Создав обрыв Руслан не успокоился, а продолжил использовать магию, с каждой секундой увеличивая пропасть, расширяя её, удлиняя и углубляя. От образовавшихся краев отделялись куски земли и соскальзывали вниз. Руслан при этом дрожал не меньше, чем земля под нашими ногами. Забеспокоившись, я поднялась на цыпочки и заглянуло ему в лицо, которое поразило меня своей бледностью и выражением упрямого отчаяния. С его висков стекали струйки пота, а

из носа – кровь. Я стерла её рукавом и взглянула на всадников, которые начали отступать назад от пропасти. В первое мгновение мне показалось, что они решили оставить нас в покое. Но тут же пришло понимание очевидного – они собирались перепрыгнуть через созданную магом пропасть.

– Руслан, – задергала я парня за рукав. – Они сейчас перепрыгнут! Ты слышишь?

– Слышу, – ответили мне сквозь стиснутые зубы, – я знаю.

Всадники уже отошли на приличное расстояние, остановились и вновь рванули вперед, начиная разгоняться.

– Твою же мать, – я невольно попятилась назад, но стальная рука Руслана удержала меня на месте.

– Не шевелись, – прошептал он с по-прежнему крепко зажмуренными глазами, и его вытянутая вперед дрожащая рука взметнулась вверх. А вслед за этим движением из разверзнутой пасти земли ударила в небо стена воды. Как раз в тот момент, когда предводитель стеганул хлыстом своего громадного коня и направил к нам.

Увидев водяную преграду, которая отрезала нас от созерцания компании потусторонних гостей, стремящихся пополнить наш с Русланом скромный дуэт, я с облегчением выдохнула. И испытала острое желание растянуться на земле и просто полежать. Но пришлось встать в очередь, ведь полежать захотелось Руслану. Вернее, он просто глухо простонал и безвольно опустил на колени, где у самой земли я успела подхватить отключившегося парня. Уложив его голову себе

на колени, я помогла Руслану расслабленно вытянуться во весь рост и вытерла своим рукавом его мокрый лоб.

Казалось, самое страшное осталось позади. А оказалось – впереди. В буквально смысле.

Плеск воды привлек мое внимание. Я подняла взгляд как раз в тот момент, когда магическая стена разошлась в стороны так, словно шторку отодвинули. И этим образовавшимся проемом с легкостью воспользовались всадники для того, чтобы в один нарушающий все законы физики прыжок перепрыгнуть созданную Русланом преграду.

И вот они уже обступили меня со всех сторон и начали синхронное движение по кругу, с каждой минутой уменьшая, сужая круг. словно акулы, окружившие жертву и готовые к нападению они создали ловушку, из которой у нас не было ни малейших шансов выбраться.

– Руслан, – затормошила я парня, – тебе стоит проснуться. Слышишь?

Ответом мне был лишь стон и неразборчивое бормотание. – Он не проснется, – послышался жесткий властный женский голос. И из-за моей спины выступила вперед женщина.

Высокая. Очень высокая. С неестественно прямой спиной и такой гордой посадкой головы, что произвольно создавалось впечатление, будто перед тобой если не королева, то как минимум герцогиня. Одета в длинную черную юбку, скрадывающую звуки ходьбы, и длинный черный плащ, ниспадающий широкими складками. На лицо ее падала тень от

накинутого на голову капюшона, а потому рассмотреть его было невозможно. Но вот что было заметно даже без напряжения – так это горящие во тьме глаза.

Я встряхнула головой, прогоняя наваждение, и вцепилась в Руслана покрепче.

– Что значит, он не проснется?

Женщина подняла руку и мягко махнула в сторону дома. В первое мгновение я не поняла, что мне хотят сказать, а потом я увидела дым из трубы, тонкой струйкой поднимающийся к ночному небу.

– Очередные ведьминские примочки? – скривилась я и тут же непроизвольно закашлялась. Во рту образовалось сухость, которая усиливалась с каждым вздохом. Горло начало раздражать болезненным кашлем, сотрясающим легкие. Собразив, что все дело в дыму, который явно был не просто последствием растопки печи, я стала лихорадочно срывать с себя куртку, чтобы замотать ею лицо.

– Вы были правы, мой господин, – напевно произнесла женщина и поклонилась всаднику на самом крупном и пугающем коне, который как раз нервно гарцевал напротив меня. – Дочь Миры сильна, очень сильна.

Я не стала уточнять, что несет эта дамочка. А вот тот, кому была адресована эта фраза удостоил её ответом:

– Ты выполнила свою часть сделки, Тельхина, – раздалось словно из подземелья. – И в награду получишь то, чего так желаешь. Но больше не смей нас тревожить.

– Да, мой господин, – женщина поклонилась вновь, на этот раз, едва не коснувшись макушкой земли. – А что вы намерены сделать с водным элементом?

Женщина и всадник синхронно повернулись в нашу с Русланом сторону.

Я, оставившая на время их диалога попытку смастерить из подручных средств что-то вроде огромной защитной повязки на лицо, посмотрела на одного, потом на другую, а после уставилась на лежащего практически в моих объятия Руслана. Парень словно почувствовал всеобщее внимание, обращенное на него, и беспокойно заворочался.

– Заберем с собой, – последовал угрожающе медленный ответ.

– А с девчонкой?

– Тоже.

И не успела я задохнуться от ужаса, как в моей голове прозвучал незнакомый голос.

«Серафима? – позвал голос. – Ты меня слышишь?».

Я едва не икнула от неожиданности и крепче вцепилась в плечо Руслана. Почему-то в этот момент было важным держаться хоть за что-нибудь.

«Ага, – ответила я, и если бы говорила вслух, то звучало бы это придушенным писком. – Слышу. А ты кто?».

«Игнат», – спокойно ответили мне.

И только я хотела выдать понимающее «Ааааа», как меня перебили:

«Молчи, ничего не говори. Даже про себя. Нас могут услышать, тем более, что мне было очень трудно установить с тобой контакт».

Очень хотелось поинтересоваться, кто именно услышит, как мне вновь не дали и слова подумать.

«Вам надо сваливать. Срочно. Мы готовы открыть для тебя и Руслана проход. Но вы находитесь внутри защитного круга, созданного ведьмой. Мы не можем сквозь него пробиться. А потому вам придется пробежаться. Ты поняла?».

Я хотела мысленно ответить «да», но в этот момент меня кольнуло чужим неприятным взглядом, и я поняла, что на полянке вот уже несколько минут, как повисло гробовое молчание. Ведьма, согнувшись в полупоклоне перед всадниками, вдруг начала пятиться в сторону дома, а лидер потустороннего воинства, чье лицо по-прежнему надежно скрывала тьма под капюшоном медленно двинулся прямо ко мне.

«Серафима, ты меня слышишь!», – заорали в моей голове так, что я невольно поморщилась. А после выругались: «Твою мать, Седой, они не успеют!».

Хотелось ответить не менее крепким словом и попросить не выражаться в моей голове, ей и так досталось, но тут же я поняла, что вопли Игната не самая большая моя проблема. Кто-то пытался прервать наш телепатический диалог. Кто-то вмешался. И пошли помехи. Это ощущалось так, словно внутри моей черепушки началась настройка радио. Я застонала и попыталась заткнуть уши.

Не помогло. Шум и треск начали нарастать.

«Фима? Фима! – надрывался Игнат. – Слушай! Как только вы переступите за грань круга – мы откроем портал! Слышишь? Вам нужно только пробежать пять метров!».

«Руслан..., – подумала я, пытаясь прорваться сквозь помехи. – Руслан без сознания. Он не сможет бежать».

«...Оставь...беги...я буду...считать...», – голос Игната становился все тише и как будто удалялся от меня.

– Ты никуда не уйдешь, – с угрозой прозвучало сверху.

Я распахнула ресницы и оказалось, что всадник был уже возле меня. Передо мной. Надо мной.

– Твой путь здесь окончен, ис-рейна, – проговорили мне из-под капюшона.

И всадник легким взмахом руки скинул тяжелую ткань с головы.

«Я начинаю..., – голос Игната вновь вынырнул из водоворота шума в моей голове. – Пять!...».

Мне никогда не доводилось встречать настолько притягательных мужчин.

«Четыре!...».

Он был не только очень красив внешне, словно главный герой скандинавской саги. В нем чувствовалась сталь, какая-то могущественная и негибкая сила, незримо бурлящая внутри.

«Три!...».

Его признали бы идеально красивым даже те, кому не по

вкусу длинноволосые бородатые блондины. Но это было не главное. Как не являлось главным и то невероятное сексуальное очарование, буквально источаемое им.

«Два!...».

Главным было то, что всадник смотрел на меня поразительно знакомыми фиолетовыми, словно два подсвеченных изнутри драгоценных камня, глазами. Глазами, которые являлись мне во снах, в ночных кошмарах. Подул легкий ветерок, и его сила, которую он ни чуточки не скрывал, прикоснулась ко мне, как бы позволяя, разрешая попробовать её на вкус. Вначале я ощутила насыщенный горьковато-пряный запах, через мгновение он дополнился нотками кедра, последним примешался сладковатый аромат корицы.

– Нам пора домой, – произнес всадник и запах вдруг стал резче. Тяжелее. Гуще. Как бывает перед грозой, когда сам мир готовится к тому, что небеса заплачут.

«Один!...», – провопили в моей голове.

Далее все случилось так быстро, что мой мозг едва успевал осознавать происходящее.

Подскочив на ноги и игнорируя дикую слабость, я схватила Руслана за плечи и что есть силы швырнула в направлении, указанном Игнатом. Парень пролетел тройку-другую метров и грохнулся ровнехонько за магическим кругом, призрачно-красное свечение которого я теперь видела на земле. Не без удовольствия я пронаблюдала за тем, как парень проехался мордой по грунту, одновременно рванув в ту же сто-

рону. Но пересечь круг все же не успела.

Потому что волшебная лошадь бегала быстрее, чем я. В момент, когда до пересечения круга оставалось меньше шага, за спиной щелкнул кнут, со свистом рассекая воздух, а после мою спину обожгла боль.

Вскрикнув, я рухнула на колени. Еще один удар, который вновь пришелся на спину и заодно выдрал клочок волос. Сцепив зубы от боли, я тяжело повалилась на землю боком. Перед глазами поднялась легкая сизоватая дымка, словно я в наркотическом угаре. Но без позволяющего словить удовольствие прихода. Отвратительно. На зубах закрипела земля, а запах мускатного ореха стал практически невыносимым.

– В детстве ты бегала лучше, – щеку обдало дыханием, которое показалось невыносимо горячим.

Рукой в перчатке всадник перехватил меня поперек талии и легко вздернул вверх. Я вдруг ощутила себя воспарившей к небу птицей. С сильно помятым клювом и слегка пообдранными перьями, но все-таки птицей. Правда полет оказался недолгим и окончился отчетливым запахом лошади.

С трудом разлепив веки я увидела перед собой круп коня. И только успела поморщиться от весьма специфического аромата, ударившего в нос, как животное начало двигаться. Моя задница, находившаяся в этот момент выше головы, стала подпрыгивать в такт каждому шагу скакуна. И было бы, наверное, даже забавно, если не было так больно. Я по-

пробовала было соскользнуть вниз, чтобы перестать биться тазобедренными косточками о лошадиную задницу и заодно свалиться куда-нибудь вниз да по-тихому сбежать, но крепкая рука тут же схватила меня за шиворот, удерживая на месте.

– Если ты упадешь в момент перехода, – прозвучал чуть насмешливый голос, – то переломаешь половину костей. А я не хочу слушать оглашающие весь мой замок вопли, когда лекари вновь будут сращивать твои переломы.

Ободрав щеку о жесткую лошадиную шерсть, по ощущениям напоминавшую наждачную бумагу, я повернула голову с намерением поинтересоваться у спины всадника, что все это значит, как впереди что-то загудело. Спина скандинавского красавца тут же перестала меня интересовать. Вытянув шею, я выглянула из-за его статной фигуры и увидела источник странного гудящего звука. Им оказался большой ослепительно светящийся белый диск, зависший в воздухе, вращающийся и стремительно разрастающийся на глазах.

Всадник грубо дернул поводья, одновременно прищпорив бока животного, задавая ему нужное направление. Лошадь заржала, пристав на задние ноги и рванула вперед, к диску, который уже вращался так быстро, что походил на гигантскую сверху. Быстро разогнавшись, лошадь оттолкнулась от земли и прыгнула в это сосредоточение света как раз в тот момент, когда сфера вдруг ослепительно вспыхнула.

Приземление я ощутила буквально всем телом, жест-

ко ударившись о круп лошади челюстью. Зубы угрожающе щелкнули, отчего показалось, что их у меня больше нет и не будет. Но не успела я осознать возможные размеры потери, как меня стащили с лошади и поставили на что-то твердое. Я тут же распахнула глаза, мгновенно заслезившиеся от яркого солнечного света. Оказалось, что мы стоим посредине зеленого холма, буквально усеянного разнообразными цветами всех возможных оттенков.

– Где мы? – спросила я, подняв голову и обнаружив не только сиреневый небосвод над головой, но и два солнца на нем.

– Это Атталария, – ответил мне глубокий мужской голос. – Страна сидхов. И место, где ты провела первые десять лет своей жизни. Твой дом.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ